
Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 3

Выходит 4 раза в год

2011

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik.mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik.mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 3

Issued 4 times a year

2011

Series «History and Political Sciences»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.фил.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.фил.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коницев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловской региональной академии государственной службы
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГТУ им. М.Л. Шолохова
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Ph. D. in Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozеров – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Regional Academy of Public Service
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhán University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences»

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.;
Фукус А.Н. – к.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к.полит. н., доц.;
Дж. Гонзалес, доктор наук, университет Воллонгонг (Австралия); **Могильницкий Б.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск); **Протасов Л.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов);
Наталици М. – доктор наук (университет Сиена, Италия)

Editor-in-chief:
N.I. Smolensky, Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev, Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova**, Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev**, Doctor of History, Professor; **V.N. Zakharov**, Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks**, Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov**, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González**, Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky**, Doctor of History, Professor (Tomsk State University; Tomsk); **L.G. Protasov**, Doctor of History, Professor (Tambov State University; Tambov); **M. Natalici**, Doctor of Science (University of Siena, Italy)

ISSN 2072-8360

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2011. – № 3. – М.: Изд-во МГОУ. – 258 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № **ФС77-26139**

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» **36765**

ISSN 2072-8360

Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences». – 2011. – № 3. – М.: MSRU Publishing house. – 258 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № **ФС77-26139**

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog **36765**

СОДЕРЖАНИЕ

МГОУ – 80 лет: поздравления с юбилеем	7
---	---

ФАКУЛЬТЕТУ ИСТОРИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВА – 80 ЛЕТ

«Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии»: Круглый стол в Московском государственном областном университете	18
Юдин М.В. «Все это из нашей истории строки»: становление и основные этапы развития факультета истории, политологии и права МГОУ	58
Тихонов В.В. Н.Л. Рубинштейн – преподаватель Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской	69

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Безобразова О.С. Владимирская ветвь рода Безобразовых	74
Горюшкина Н.Е. «Где кабачок, там и мужичок»: последствия винной реформы 1863 г. сквозь призму народных пословиц и поговорок	77
Шавлаева Т.М. Кавказ и Прометей (к вопросу этимологии)	82
Котов Б.С. «Что можно германскому Зевсу...» образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года	87
Шевцова А.А. Особенности семейного уклада в грузинской диаспоре Мордовии: традиция и повседневность	98
Кадырова Л.А. Сотрудничество стран-участников Организации Варшавского договора в оценках отечественных историков постсоветского периода	103
Майборода Д.В. Нагрудные знаки в системе образования России: опыт изучения	107

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Осипов Д.О., Петров М.И. Коллекция кожаной обуви Ильменского раскопа Великого Новгорода	111
Ткалич А.И. Опыт историко-статистического описания деревни Великий Двор Тверской губернии в период 1719-1913 гг.	116
Белов А.В. Особенности организации сети городов и городских поселений России на рубеже XVIII – XIX вв.	121
Малютин Г.А. Польский вопрос в статьях М.П. Погодина 1850-х – начала 1860-х годов	126
Колесникова М.А. Осмысление событий революции 1905–1907 гг. русскими софиологами конца XIX – начала XX вв.	131

РАЗДЕЛ III. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Ренёв Е.Г. В.И. Ленину: «... г. Ижевск взят штурмом». К истории одной телеграммы	135
Пинаев С.М. Поиск оптимальных вариантов проведения внутренних государственных займов СССР в 1920-е гг.	140
Лиджеева К.Ф. Социально-экономическая и культурная интеграция народов Северного Кавказа в Советское государство (1920-е – 1930-е гг.)	145
Мельникова К.Г. Политика СССР в странах Балтии в первые годы Второй мировой войны	148
Горлов В.Н. Хрущевская «оттепель» и отторжение сталинской архитектуры	151
Лазарева Л.Н. К вопросу о принципах экономической реформы 1965 г. в СССР	157

Печурин О.А. Основные тенденции развития сети средних специальных учебных заведений финансово-экономического профиля в РСФСР (1960–1991 гг.)	162
Чеботарев А.Н. Многонациональная Россия: «тюрьма народов» или «модель мира»?	166

РАЗДЕЛ IV. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

Никитина А.Д. Обычаи и нормативные источники в древневосточном праве (конца III – конца II тыс. до н.э.)	171
Чан Тхи Ким Оань. Особенности архитектуры буддистских пагод во Вьетнаме	176

Новая и Новейшая история

Сидорова В.П. Товарооборот между Ираном и Великобританией в 30-40-е гг. XVIII в.	183
Крысов А.Г. Верховная Священная конгрегация Святой службы под руководством кардинала р. Мерри-дель-Валя в 1922-1930 гг.	189
Горшков Ю.Е. Философия Ницше в идеологии германского фашизма	200
Леонтьева Л.Ю. Советско-британские отношения и «новое политическое мышление» М.С. Горбачева в дискурсе советской прессы 1985-1991 гг.	205
Кожевникова Л.М. Исторический опыт внедрения рыночных отношений в сельское хозяйство Китая	211
Качан Г.Г. К вопросу о мотивах принятия руководством КНР решения о создании собственного ядерного оружия	217

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Шапошникова Е.А. Система выборов по партийным спискам: к теоретической основе понятия ...	221
Базаркина Д.Ю. Коммуникационный менеджмент в системе международной безопасности: на примере противодействия мировому терроризму	227
Степанищенко О.В. Политические ценности в общей системе ценностных ориентаций	234
Никонова Н.А. История развития гражданского общества в Чили и роль общественных организаций в становлении чилийской демократии	241
Растимешина Т.В. Государственная охрана культурного наследия как условие сохранения национальной идентичности российского общества	245
Связова А.В. Политическое и правовое регулирование процесса социальной адаптации “новых мигрантов” на региональном уровне	250
НАШИ АВТОРЫ	256

CONTENTS

Congratulations to Moscow State Regional University (MSRU) on the 80th Jubilee	7
--	---

DEPARTMENT OF HISTORY, POLITICAL SCIENCE AND LAW - 80 YEARS

“A multivariate approach to the study of history as a problem of methodology”: a Round table in Moscow State Regional University	18
M. Yudin. «All these lines are from our history»: formation and main stages of development of the faculty of history, political science and law, MGOU	58
V. Tikhonov. N.L. Rubinstein as lecturer of the Moscow Regional Pedagogical Institution after N.K. Krupskaya	69

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

O. Bezobrazova. The Vladimir branch of the Bezobrazov family	74
N. Goryushkina. “Where tavern is, there bumpkin is”: aftermath of wine reform of 1863 in the light of popular proverbs and sayings	77
T. Shavlaeva. Caucasus and Prometheus (on the question of etymology)	82
B. Kotov. «What is permitted to German Zeus...» the image of Germany in Russian press during the “newspaper war” in the spring of 1914	87
A. Shevtsova. Features of family life in the Georgian diaspora of Mordovia: tradition and daily life	98
L. Kadyrova. Cooperation of member countries of the Warsaw Treaty Organization estimates of domestic historians of the post-Soviet period	103
D. Maiboroda. Brastplates in educational system in the Russia empire: studying experience	107

SECTION II. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

D. Osipov, M. Petrov. Collection of leather shoes from Il'mensky excavation in Veliky Novgorod	111
A. Tkalic. Experience of the historical statistical description villages the Welikiy Dvor of the Tver province in 1719-1913	116
A. Belov. Features of the organization of the network of cities and city settlements of Russia on the boundary XVIII – XIX centuries	121
G. Malyutin. Polish question in articles of M. P. Pogodin 1850-th — beginning of the 1860-th years	126
M. Kolesnicova. The understanding of the events of the revolution in 1905-1907 in the ideas of the Russian sophiologists at the end of the 19 th beginning of the 20 th century	131

SECTION III. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

E. Renev. To V. I. Lenin: “...Izhevsk city is taken by storm”. To the history of one telegram	135
S. Pinaev. Searching optimum ways of carrying out home state loaning in the USSR in the 1920s	140
K. Lidzheeva. Socio-economic and cultural integration Peoples of the North Caucasus and the Soviet State (1920 - 1930)	145
K. Melnikova. The Kremlin policy regarding the Baltic states at the beginning of the Second World War ..	148
V. Gorlov. Khrushchev’s “thaw” and the rejection of Stalin architecture	151
L. Lazareva. On the principles of economic reforms in the USSR in 1965	157
O. Pechurin. The main trends of development in the system of secondary special educational establishments of the finance-economic profile in RSFSR (1960-1991)	162
A. Chebotarev. Multinational Russia: “prison of the peoples” or “model of the world”?	166

SECTION II. GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

A. Nikitina. Customs and regulations in the Ancient oriental law (C.2000-1000 B.C.)	171
Chan Thi Kim Oan. Buddhist architecture features pagoda in Vietnam	176

Contemporary history

V. Sidorova. Trade between Iran and Great Britain in 30-4ties of the XVIIIth century	183
A. Krysov. Supreme Sacred congregation of the Holy office under the leadership of cardinal R. Merry-del-Val in 1922-1930	189
Y. Gorschkov. «Philosophy of Nietzsche in the German fascism»	200
L. Leontyeva. Soviet-British relations and the Gorbachev's "new political thinking" in the discourse of the Soviet press of 1985-1991 years	205
L. Kozhevnikova. The historical experience of exchange relation introduction into the agriculture of China	211
G. Kachan. On the motives behind the Chinese leadership's decision to pursue a nuclear programme	217

SECTION V. POLITOLOGY

E. Shaposhnikova. Party list election system: regarding theoretical basis of definition	221
D. Bazarkina. Communication management in the system of international security: on example of World War on terror	227
O. Stepanishenko. Political values in common system values	234
N. Nikonova. The history of civil society formation and the role of public organizations in democracy implementation in Chile	241
T. Rastimeshina. Public conversation of cultural heritage as a condition of maintenance of Russian national identity	245
A. Sviyazova. Political and legal regulation of process of social adaptation of "new migrants" at regional level	250
OUR AUTHORS	256

МГОУ – 80 ЛЕТ: ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЕМ

**Уважаемые преподаватели, студенты, выпускники
областного университета! Дорогие друзья!**

Сердечно поздравляю Московский государственный областной университет с замечательным юбилеем – 80-летием!

Путь от МОПИ им. Н.К. Крупской до МГОУ – это 80 лет упорной работы, творческого поиска, заслуженного признания. Созданный в 1931 году институт, а теперь университет, был и остаётся флагманом системы подготовки высококвалифицированных специалистов в Московской области.

Сегодня в университете обучается более 12 тысяч студентов, и в вашем ВУЗе к каждому находят индивидуальный подход.

Показателен тот факт, что известные ученые, руководители, общественные деятели и, конечно же, педагоги получили образование именно в МОПИ – МПУ – МГОУ. Вклад выпускников ВУЗа трудно переоценить – он поистине колоссальный!

Сегодня университет является крупнейшим ВУЗом Московского региона, дающим современное качественное, востребованное обществом образование. Синтез учебного процесса с научными исследованиями, интенсивное использование инновационных технологий, широкий спектр реализуемых образовательных программ, а также активное участие в общественной жизни страны позволяют вашим выпускникам достигать больших высот в различных сферах и областях де-

ятельности и плодотворно работать на благо национального процветания.

Коллектив университета по праву гордится своей славной биографией, уникальными научными школами, именами преподавателей и выпускников, среди которых – заслуженные деятели науки Российской Федерации, лауреаты Госпремии СССР, России и премии Президента РФ, академики и члены-корреспонденты российских и международных академий, профессора, доктора и кандидаты наук, известные ученые, общественные деятели, руководители, известные педагоги, члены профессиональных союзов, олимпийские чемпионы.

Правительство Московской области высоко ценит вклад Московского государственного областного университета в развитие инновационного, интеллектуального, трудового и экономического потенциала нашего региона.

Деятельность преподавателей и сотрудников университета является ярким примером преданного служения благородному делу образования, высокой компетентности и профессионализма.

Желаю университету долгой истории и крепких традиций, коллективу преподавателей, сотрудников, студентов и аспирантов – доброго здоровья, новых творческих свершений на благо высшей школы и российского образования, удачи и успехов!

Губернатор Московской области

A handwritten signature in blue ink, likely belonging to B.V. Gromov, the Governor of the Moscow Region. The signature is stylized and fluid.

Б.В. Громов

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Сердечно поздравляю весь коллектив Московского государственного областного университета со знаменательной датой – 80-летним юбилеем! Примите мои поздравления и глубокую благодарность за неоценимый вклад, внесенный вами в дело просвещения и науки! Позвольте пожелать исполнения самых заветных желаний, успехов в реализации самых смелых замыслов, счастья и радости, пытливых, талантливых студентов, аспирантов, докторантов.

Особенно приятно это сделать еще и потому, что старейший ВУЗ Московской области мне очень близок. Я сама окончила МОПИ им. Н.К. Крупской, и некоторое время преподавала здесь, всегда помню прекрасных людей, с которыми мне посчастливилось встретиться в стенах ВУЗа и у которых я удостоилась чести учиться. Их отличал и отличает высокий профессионализм и лучшие человеческие качества. Уверена, что своими научными и практическими успехами я в значительной степени обязана тому прочному профессиональному фундаменту, который был заложен моими Учителями – учеными и педагогами МГОУ (МОПИ).

Сегодня Московский государственный областной университет – крупнейший университет региона. Пройденный его коллективом славный путь от МОПИ – МПУ до МГОУ является собой поистине яркий пример верности и преданности избранному делу и долгу.

В учительском корпусе Подмоскovie большинство составляют выпускники университета. Это элита работников народного образования. Среди выпускников ВУЗа – заслуженные учителя России, отличники образования, победители профессиональных конкурсов различного уровня.

МГОУ по праву является научно-педагогическим центром Московского региона. Университет обрел и удерживает это право благодаря высокому профессионализму и творческому потенциалу преподавателей, эффективной работе советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, активной научно-исследовательской работе по приоритетным направлениям науки, в том числе по нанотехнологиям, широким международным связям в области образования и науки.

Мы гордимся лидерами научных школ МГОУ, продолжающими научный поиск и демонстрирующими новые достижения в области подготовки высококвалифицированных кадров для Подмоскovie, а также высокими результатами нашей совместной деятельности, связанной с реализацией различных проектов, направленных на развитие и углубление образовательных процессов в регионе.

Традиционно много внимания в университете уделяется воспитанию студентов, культурно-массовой, спортивно-оздоровительной работе с молодежью, что, бесспорно, является очень важным, с учетом современных тенденций, наблюдающихся в общественной жизни. В настоящее время ВУЗы страны должны вести постоянный поиск новых форм и методов работы, современных образовательных технологий, базирующихся на новейших открытиях, нестандартных подходах к воспитанию студенческой молодежи. МГОУ – одно из тех образовательных учреждений, на которое следует равняться в процессе поиска путей достижения целей, связанных с молодежной политикой.

Как отметил Президент Д.А. Медведев, «Модернизация и инновационное развитие – единственный путь, который позволит России стать конкурентным обществом в мире 21-го века, обеспечить достойную жизнь всем нашим гражданам. В условиях решения этих стратегических задач важнейшими качествами личности становятся инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни...». Именно эти качества вы, дорогие коллеги, преподаватели и сотрудники университета, формируете и развиваете у ваших студентов.

Уверена, что решение этих и других важных задач по плечу вашему дружному, работоспособному коллективу.

Сегодняшний юбилей – это праздник всех, кто в разные годы получил путевку в жизнь из МОПИ – МПУ – МГОУ. Сердечно поздравляю преподавателей, сотрудников, аспирантов, студентов, выпускников разных поколений с 80-летием Московского государственного областного университета! Высокая оценка профессиональных, деловых и личностных качеств, ваш богатый опыт, обширные знания снискали вам заслуженный авторитет и уважение у представителей всего образовательного сообщества. Большого вам человеческого счастья, крепкого здоровья, успехов в труде и процветания!

Желаю любимому ВУЗу сохранения и приумножения традиций отечественного образования, новых свершений на общее благо Московского региона и нашей страны!

Министр образования Правительства Московской области,
член-корреспондент РАО, д.п.н., профессор

Л.Н. Антонова

Дорогие друзья!

Примите самые искренние и сердечные поздравления по случаю 80-летия со дня основания Московского государственного областного университета.

Эта юбилейная дата служит ярким примером успешного и уверенного движения отечественной системы образования по пути прогресса. Результаты социально-экономического развития страны в полной мере зависят от деятельности высшей, общеобразовательной и профессиональной школы, формирующей высококвалифицированный кадровый состав для всех сфер обеспечения жизнедеятельности государства и общества.

Московский государственный областной университет по праву можно отнести к числу лидеров российского образования и науки. Вуз внес значительный вклад в становление среднего и высшего образования. Это замечательная кузница педагогических кадров, обеспечивающая надёжными специалистами общеобразовательные школы, профессиональные училища и среднетехнические учебные заведения не только Московской области, но и других регионов страны. На протяжении восьми десятилетий плодотворной работы университета в его стенах сформировалась целая плеяда крупных ученых, признанных в стране и за рубежом.

Многие из них удостоены высоких государственных наград.

Ваш коллектив всегда откликался на сложные вызовы времени и добивался успехов в решении поставленных задач. Сегодня университет сделал серьёзную заявку на современную реорганизацию своей структуры и широкое внедрение информационных технологий в обучение и научную деятельность. Залогом успеха в столь важном деле служит устойчивое стремление студентов и преподавателей вуза добиваться высоких результатов в своем труде.

Желаю преподавательскому составу, аспирантам, студентам, всему коллективу Московского государственного областного университета благополучия и личного процветания, новых успехов в повседневной работе и ярких научных свершений.

С уважением

Президент Российской академии наук, академик

Ю.С. Осипов

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Уважаемый Павел Николаевич!

Поздравляю Вас, в Вашем лице – ветеранов профессорско-преподавательский состав, студентов, аспирантов и всех сотрудников со знаменательной датой – 80-летием со дня образования Московского государственного областного университета!

Все эти годы вуз пользуется заслуженным авторитетом как крупный образовательный центр, подготовивший тысячи высококвалифицированных педагогических кадров, славится своими богатыми традициями, сильным профессорско-преподавательским коллективом.

Выпускники МГОУ, обладающие глубокими знаниями и практическими навыками, внесли значимый вклад в развитие российской науки и образования.

Среди них также есть известные телеведущие, спортсмены, поэты и писатели, государственные и общественные деятели.

Уверен, что плодотворная научная, образовательная, культурно-воспитательная работа и впредь будет служить визитной карточкой университета.

Желаю всем крепкого здоровья, успехов во всех начинаниях, благодарных студентов, силы духа и веры в Россию!

Депутат Государственной думы
Федерального собрания РФ

В.А. Малашенко

Уважаемый Павел Николаевич!

От имени издательства «Просвещение» искренне поздравляю коллектив Московского государственного областного университета.

Юбилей – это радостный праздник, время подведения итогов, строительства планов на будущее. Вы по праву можете гордиться достигнутыми результатами. Со дня основания Университет – это проводник в мире образования и воспитания для всех педагогов нашей большой страны.

Велика значимость колоссальной работы, которую ведут преподаватели Вашего университета по подготовке молодых учителей, по внедрению в жизнь новых эффективных научных и образовательных концепций и технологий, по повышению престижа профессии педагога.

Примите искренние слова благодарности за преданность, честное и благородное служение делу образования и просвещения.

Желаю Вам дальнейшего процветания и развития!

С уважением,
Управляющий директор
ОАО Издательство «Просвещение»

А.М. Кондаков

Дорогие друзья!

Руководство и профессорско-преподавательский состав Академии Федеральной службы безопасности Российской Федерации сердечно поздравляют Вас со знаменательным событием в жизни вашего учебного заведения — 80-летием!

За время своего существования вы воспитали и подготовили тысячи высококвалифицированных педагогов, преданных делу воспитания и обучения подрастающего поколения, способного к прогрессивному развитию и созиданию.

Среди ваших выпускников — педагоги-практики и педагоги-ученые, известные научно-педагогической общественности России и зарубежных стран, внесшие значительный вклад в развитие методической мысли России. Уже много лет подряд Московский государственный областной университет (первоначально – МОПИ имени Н.К. Крупской) отвечает вызовам времени.

Ваш университет — это более, чем просто вуз подготовки преподавателей школы и вуза, а ныне — и специалистов других профессий, соответствующих требованиям времени, — это институт формирования крепкого нравственного стержня профессионала.

Вы воспитываете у студентов лучшие качества российской интеллигенции: любовь к Родине, высочайший профессионализм, преданность делу, трудолюбие, справедливость и честность.

Труд коллектива университета и вклад в науку его ученых снискали глубочайшее уважение и почтительное отношение к вашему учебному заведению в обществе.

Желаем коллективу университета дальнейших творческих успехов, здоровья, благополучия и процветания!

Руководство Академии ФСБ России

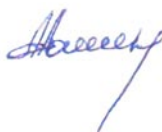
Дорогие друзья!

Коллектив Института микробиологии Национальной академии наук Азербайджана шлёт руководству и всему профессорско-преподавательскому составу Московского государственного областного университета свои самые искренние поздравления с 80-летием образования университета.

Авторитет университета неизменно высок и в России, и далеко за ее пределами, а его диплом – свидетельство фундаментальных и прикладных знаний, широкого кругозора, основательной профессиональной подготовки. Важно, что вы стремитесь следовать лучшим традициям, заложенным несколькими поколениями выдающихся ученых и наставников, и развиваетесь как высшее учебное заведение современного, инновационного типа.

Желаем вашему университету дальнейшего процветания и стабильности, а всем вашим коллегам – доброго здоровья, сил и упорства в работе на благо университета. Пусть реализация ваших планов приносит стабильный доход и новые перспективы!

Директор Института микробиологии
НАН Азербайджана, д.б.н., проф.,
действительный член НАНА

М.А. Салманов

Дорогие друзья!

Ректорат, профессорско-преподавательский состав и студенты Хмельницкого национального университета поздравляют коллектив Московского государственного областного университета со славным 80-летним юбилеем!

Желаем успешно развиваться, уверенно идти по избранному вами пути, крепкого здоровья, благополучия, счастья и новых творческих побед!

Надеемся на плодотворное сотрудничество в сфере образования и науки!

Проректор по международным связям
Хмельницкого национального университета,
к.т.н., профессор

Н.А. Иохна

Уважаемый Павел Николаевич!

Коллектив Пятигорского государственного лингвистического университета рад присоединиться к многочисленным поздравлениям, звучащим в адрес Московского государственного областного университета в связи со знаменательной датой – 80-летием со дня основания!

За долгие годы своего славного существования университет подготовил сотни тысяч выпускников, которые успешно трудятся во всех без исключения регионах России и за рубежом. Университет заслуженно пользуется авторитетом не только на Родине, но и далеко за ее пределами благодаря высокому профессионализму профессорско-преподавательского состава, его опыту и огромному творческому потенциалу, верности богатейшим традициям, заложенным десятилетиями, и умению идти в ногу со временем.

Поздравляя Вас и ваш коллектив с юбилеем, мы от всей души желаем всем, чья жизнь связана с МГОУ, сохранять и приумножать высокий научный потенциал своей Alma Mater, поддерживать славные традиции, заложенные многими поколениями преподавателей и студентов. Крепкого всем здоровья, счастья, мира и благополучия!

Ректор Пятигорского государственного
лингвистического университета, профессор,
академик АПСН, председатель
Общественного Совета г. Пятигорска

А.П. Горбунов

Уважаемые коллеги!

Сердечно поздравляем Вас с замечательным юбилеем!!!

Ваш творческий путь – путь могучей кузницы кадров – широко известен не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами!!!

Вы являетесь флагманом для сотен высших учебных заведений и путеводной звездой для тысяч молодых сердец!!!

От души желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, новых достижений и успехов в труде на благо нашей Родины!!!

Коллектив Калужского государственного университета

Первый проректор

В.Б. Королев

Уважаемые коллеги!

Коллектив Курского государственного университета сердечно поздравляет преподавателей и студентов Московского государственного областного университета с юбилеем зрелости и мудрости – 80-летием со дня основания!

Научно-педагогические традиции и достижения Московского государственного областного университета, заложенные в далекие тридцатые годы XX века и творчески развиваемые современным поколением сотрудников, позволяют говорить об университете как о современном научном, научно-методическом и научно-организационном центре подготовки кадров специалистов-профессионалов высшей квалификации.

Желаем коллективу Московского государственного областного университета творческих успехов и достижения новых высот в научной деятельности и в деле подготовки новых поколений специалистов на благо России.

Проректор по научной работе
Курского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор

В.А. Кудинов

Уважаемые коллеги!

Ректорат и профессорско-преподавательский состав Поволжской государственной социально-гуманитарной академии шлют руководству и всему коллективу Московского государственного областного университета сердечные поздравления со славным 80-летним юбилеем вуза, глубоко ценя его огромные заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров для разных областей народного хозяйства, образования, науки и культуры; среди выпускников факультетов и аспирантуры МГОУ есть и сотрудники нашего вуза.

Неоценимый вклад, внесенный коллективом МГОУ в дело просвещения и науки, делает ваш вуз весомой частью драгоценного культурного достояния страны.

В этот знаменательный день примите самые теплые пожелания дальнейших успехов в вашем благородном труде на ниве возрождения величия нашего Отечества.

Ректор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, доктор филол. наук, проф.

И.В. Вершинин

Дорогие коллеги!

80-летний юбилей вашего учебного заведения – значимое и радостное событие для всего российского образования! Позвольте присоединить к блестящему каскаду поздравлений наши теплые и искренние слова.

От Московского областного педагогического института образца 1931 года до современного университета XXI века пролегли долгие 80 лет. Этот путь – целая эпоха, вместившая в себя массу разномасштабных событий, находок, достижений, а иногда – трудностей и потрясений. Многое преодолено, многое достигнуто. И главное достижение – это целое созвездие блистательных выпускников, среди которых известные поэты, писатели, драматурги, редакторы известных изданий, народные артисты, политики, заслуженные учителя Российской Федерации, работники министерств, лауреаты различных премий. 80 лет вашими выпускниками формируется и укрепляется интеллектуальная элита России!

Ваш коллектив – дружное сообщество мастеров своего дела самой высокой пробы, которые всю свою профессиональную жизнь ищут, совершают, стремятся, открывают, познают, и все это – с самым высоким градусом напряжения интеллектуальных, душевных, физических сил, невзирая на уже приобретенный солидный возраст и авторитет.

В истории нашего молодого сибирского вуза и в благодарной памяти его сотрудников навсегда останутся имена заведующего кафедрой педагогики Василия Ивановича Журавлева, декана факультета повышения квалификации Валентина Петровича Симонова, начальника отдела аспирантуры Галины Александровны Белинской. Их помощь в формировании высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава нашего учебного заведения неоценима.

За свою насыщенную событиями 80-летнюю историю ваше учебное заведение трижды меняло свое название. Но неизменной оставалась его уникальная академическая атмосфера, сформированная подвижнической деятельностью многих талантливых ученых и педагогов, сумевших объединить лучшее из педагогического и классического университетского образования – Заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор филологических наук Наталья Михайловна Васильева, профессор, доктор филологических наук Людмила Петровна Пицкова, воспитавшие и продолжающие воспитывать вот уже несколько поколений романистов, преподавателей, учителей, исследователей, в духе высокопрофессиональной научной лингвистической школы, созданной в вашем вузе много лет назад под руководством профессора, доктора филологических наук Нины Алексеевны Катагощиной, память о которой останется в наших сердцах, а научных дух её исследований – в трудах всех последователей.

Ваш коллектив всегда достойно преодолевал соблазн искушения «новомодными инновациями». Вы мудро определили для себя курс: модернизация, но с опорой на традицию. Ваш вуз внес неизмеримо значительный вклад в подготовку педагогических кадров нашей большой страны. Вспоминая слова из-

вестной песни, можно с полным правом сказать, что ваш адрес – «не дом и не улица», ваш адрес – Советский Союз!

Меняется облик российской высшей школы, все более успешно решаются задачи модернизации отечественной системы образования, и в этом есть огромный вклад коллектива Московского государственного областного университета.

Уверены – мудрость, талант, творческая энергия и повседневный кропотливый труд вашего коллектива всегда позволят вам достигать тех высоких целей, которые вы ставите перед собой.

Примите от нашего молодого Сургутского государственного педагогического университета самые сердечные поздравления с юбилеем! Пусть и впредь авторские находки и профессиональные поиски, преданность делу и вдохновенное творчество будут главными в деятельности вашего учебного заведения. Пусть легко покоряются самые высокие вершины, а любые замыслы находят успешное воплощение. Пусть каждый ваш день будет светлым, каждое начинание – успешным! Крепкого вам здоровья, стабильности, удачи, профессионального и творческого долголетия всему вашему творческому коллективу преподавателей и сотрудников!

Коллектив Сургутского государственного
педагогического университета

Дорогие коллеги!

Сердечно поздравляем Московский государственный областной университет с 80-летием! Вы по праву можете гордиться богатой историей вуза и тем, что в настоящее время он по-прежнему остается одним из ведущих образовательных учреждений страны.

В этом большая заслуга администрации и коллектива Университета, всех его подразделений, журнала «Вестник МГОУ», который издается в стенах Московского государственного областного университета уже более 10 лет!

В эти праздничные дни, пожалуйста, примите пожелания дальнейшего процветания Университета! Желаем Вам новых научных достижений, успехов в образовательной деятельности, а также надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

От имени коллектива Института
Экологических проблем Севера УрО РАН
директор, д.х.н., проф.

К.Г. Боголицын

Уважаемый Павел Николаевич!

Поздравляем Вас и возглавляемый Вами коллектив Московского государственного областного университета, как одного из членов Ассоциации Московских вузов, со знаменательной датой – 80-летием со дня основания.

За прошедшие годы Вашему коллективу удалось достичь заметных успехов в подготовке высококвалифицированных научно-педагогических кадров для российского образования. На сегодняшний день в этой области вы являетесь одним из ведущих вузов.

Желаем Вам успехов в сложной и ответственной работе, реализации всех намеченных планов.

Желаем коллективу здоровья, счастья и новых творческих свершений.

Ректор Московского физико-технического института

Н.Н. Кудрявцев

Дорогие коллеги!

Ректорат Московского государственного областного социально-гуманитарного института, коллектив преподавателей, сотрудников и студентов факультета истории, управления и сервиса сердечно поздравляют Вас со знаменательной датой – славным юбилеем Московского государственного областного университета!

Сегодня Ваш вуз является признанным центром науки и образования России благодаря достижениям, которые обеспечил труд нескольких поколений незаурядных высококвалифицированных учёных и педагогов, заложивших традиции высокой требовательности к себе, самоотверженного научного поиска и профессионального новаторства.

Юбилей государственного университета – это значимое событие в жизни не только тех, кто продолжает в нём работать и учиться, но и для тысяч выпускников, которым университет открыл новую дорогу в жизни.

Поздравляя с юбилеем, от всей души желаем Вам крепкого здоровья, жизненной энергии, которая всегда была залогом столь плодотворного созидания на многотрудной, но благодарной ниве народного образования.

Ректор ГОУ ВПО «МГОСГИ»; д.и.н., профессор

А.Б. Мазуров

Декан факультета истор. управления и сервиса, к.и.н.

Т.М. Жиркова

Заведующий кафедрой ист. д.и.н., профессор

Д.В. Ковалёв

Дорогие друзья!

Примите наши искренние поздравления с 80-летием Московского государственного областного университета! На протяжении этого длительного времени МГОУ (МОПИ-МПУ-МГОУ) зарекомендовал себя не только как крупнейший региональный центр подготовки педагогических кадров, славный своими традициями. Ваш университет является и известной научной школой, к развитию которой причастны выдающиеся деятели разных отраслей отечественной науки.

Отдельные поздравления коллектив Института Российской истории РАН адресует факультету истории, политологии и права, многие сотрудники которого хорошо известны в научном мире. В стенах факультета трудились Б.Ф. Поршнев, Н.Ф. Колесницкий, академик Б.А. Рыбаков и другие выдающиеся ученые. Факультет окончили немало специалистов, внесших значительный вклад в развитие отечественной исторической науки. Современный состав преподавателей факультета также представлен учеными, широко известными в нашей стране и за ее пределами – О.В. Волобуев, В.В. Журавлев, Н.И. Смоленский, В.Н. Захаров, В.Э. Багдасарян.

Желаем Вам дальнейших успехов в педагогической и научной деятельности и выражаем надежду на то, что Ваш университет и факультет станет *alma mater* для многих поколений отечественных педагогов и историков.

С уважением,

директор Института российской истории
Российской академии наук, д.и.н.

Ю.А. Петров

Уважаемые коллеги!

Поздравляю ректорат, профессорско-преподавательский состав, студенчество и коллектив журнала «Вестник МГОУ: История и политические науки» с 80-летним юбилеем Московского государственного областного университета.

За прошедшие годы журнал «История и политические науки» стал узнаваемым и востребованным. Его высокий рейтинг среди научных изданий подтвержден решением ВАК Минобрнауки РФ о включении в список, рекомендованный для публикации основных результатов диссертационных работ.

Особое внимание журнал уделяет новизне и практической значимости публикуемого материала, что в значительной степени повышает его авторитет. Хотя журнал и академический, но публикуемые в нем материалы имеют важное значение для формирования гуманитарно-гуманистического мировоззрения молодежи, что очень важно в XXI веке.

Желаю коллективу журнала «История и политические науки», всем преподавателям и сотрудникам МГОУ творческих успехов, добрых начинаний и новых побед! С юбилеем!

Президент редакции
Газеты «Известия»

В.К. Мамонтов

Уважаемые друзья и коллеги!

От всего сердца хочется поздравить руководство и профессорско-преподавательский состав МГОУ с 80-летним юбилеем вуза.

Для меня история МГОУ – это часть моей семейной истории, ведь в Московском государственном областном университете (тогда МОПИ им. Н.К. Крупской), на историческом факультете, долгие годы преподавал мой отец – профессор кафедры Новейшей истории, доктор исторических наук, Ервант Амаякович Кургинян. Мне очень приятно, что и сегодня память о моем отце жива в сердцах преподавателей и студентов МГОУ.

Сегодня исторический факультет называется иначе – факультет Истории политологии и права, – и, как ясно из названия, он обращен не только к прошлому нашей страны, но и к настоящему и будущему. Так пусть же вашими трудами связь времен не оборвется и свеча не угаснет!

От всей души желаю студентам, профессорско-преподавательскому составу и руководству МГОУ процветания, творческого долголетия и успехов.

Кандидат физико-математических наук,
политолог, президент международного
общественного фонда «Экспериментальный
творческий центр», телеведущий

С.Е. Кургинян

Уважаемые друзья!

Сердечно поздравляем коллектив «Вестника Московского государственного областного университета» и всех сотрудников МГОУ с 80-летним юбилеем вуза!

Университетский журнал – это зеркало всего вуза, показатель его научной, методической зрелости. Ваш журнал завоевал большой авторитет среди научных изданий России, что свидетельствует о высоком профессионализме публикуемых в нем материалов. Журнал вносит весомый вклад в отечественные

социальные и гуманитарные науки, способствует интеграции научной общественности, установлению деловых и дружественных отношений между высшими учебными заведениями нашей страны, ближнего и дальнего Зарубежья. Он по праву стал достойным преемником «Ученых записок», которыми славился МОПИ им. Н.К. Крупской.

Поздравляем руководство, профессорско-преподавательский состав и коллектив журнала «Вестник МГОУ» с 80-летним юбилеем вуза; желаем вам, дорогие друзья, творческого долголетия, успеха и удачи в вашей благородной деятельности!

Директор Института стран СНГ, Депутат Государственной думы ФС РФ,
Член комиссии по противодействию попыткам
фальсификации истории в ущерб интересам России

К.Ф. Затулин

Дорогие друзья!

В лице журнала «Вестника МГОУ» серия «История и политические науки» поздравляем весь профессорско-преподавательский состав вуза с 80-летием со дня основания университета.

Выход каждого номера «История и политические науки» вызывает у ученых большой интерес, поскольку научные публикации, размещаемые в журнале, отражают широкий диапазон проводимых исследований. Большая роль в подготовке качественных материалов принадлежит редакторам и рецензентам. Благодаря им научные статьи становятся более понятными, приобретают заверченный вид.

Научная достоверность, четкость, логичность изложения, высокое требование к подаче материала со стороны редакционного коллектива – все это отличает «Вестник МГОУ». Он публикует новые и актуальные исследования, отличающиеся высокой теоретической и практической значимостью.

Желаем, чтобы ваш журнал оставался и впредь востребованным и полезным для научных работников, аспирантов и всех тех, кто интересуется историческими и политическими науками. С юбилеем МГОУ!

Журналист, политолог, телеведущий, главный редактор
журнала «Политический класс»,
декан Высшей школы телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова

В.Т. Третьяков

Уважаемые коллеги!

От имени Совета молодых ученых и специалистов Московской области поздравляю вас с юбилеем!

В «Вестнике МГОУ. Исторические и политические науки» всегда публикуются актуальные научные статьи, отличающиеся высоким профессионализмом. Это всегда вызывает интерес как к конкретным публикациям, так и к «Вестнику» в целом. Издание способствует привлечению в научный мир талантливой молодежи и ее поддержке.

Только истинные ученые и специалисты высокого уровня знают, как сложно «держать планку» качественного отбора научных материалов, но все, кто занимается подготовкой журнала, достойно справляются с этим. Желаю эту планку никогда не снижать.

Пусть будущее «Вестника МГОУ» будет надежно, стабильно и насыщено новыми творческими успехами и научными открытиями! Талантливых авторов и активных читателей вам!

С уважением,
председатель Совета молодых ученых
и специалистов Московской области

М.В.Юдин

ФАКУЛЬТЕТУ ИСТОРИИ, ПОЛИТОЛОГИИ И ПРАВА – 80 ЛЕТ

«МНОГОФАКТОРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КАК ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ»: КРУГЛЫЙ СТОЛ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЛАСТНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

ROUND TABLE CONFERENCE “MULTIFACTOR APPROACH
TO STUDYING HISTORY AS A METHODOLOGICAL PROBLEM”:
ROUND TABLE DISCUSSION IN MOSCOW STATE REGIONAL UNIVERSITY

Аннотация. Прошедший в МГОУ Круглый стол посвящен многофакторному подходу как теоретической проблеме исторического познания. В ходе выступлений участников круглого стола и дискуссии были затронуты проблемы единства и многообразия в историческом процессе и в историческом познании; соотношения формационного и цивилизационного подходов к изучению истории; азиатского способа производства в работах К. Маркса и отечественных историков и др. Участниками Круглого стола стали доктора исторических наук Л.Б. Алаев (Институт Востоковедения РАН), С.А. Воронин (Российский университет дружбы народов), В.И. Кузищин (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова), Б.Г. Могильницкий (Томский государственный университет), В.И. Овсянников (Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова), А.М. Родригес (Московский государственный педагогический университет), Н.И. Смоленский (Московский государственный областной университет).

Ключевые слова: многофакторный подход, формационный подход, цивилизационный подход, азиатский способ производства.

Abstract. The Round table conference in MGOU was dedicated to a multifactor approach as a theoretical problem of history studies. The speakers of the round table conference and discussion touched upon a wide range of problems including the question of unity and variety in the historical process and historical knowledge; the correlation between 'state formation' and 'civilization' approaches to studying history, Asia's production methods mentioned in the works of K. Marks and Russian historians, etc. The participants of the Round table conference were Dr of History L.B. Alaev (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences), S.A. Voronin (People's Friendship University of Russia), V.I. Kuzishin (Lomonosov Moscow State University), B.G. Mogilnitsky (Tomsk State University), V.I. Ovsyannikov (Sholokhov Moscow State University for Humanities), A.M. Rodrigues (Moscow State Pedagogical University), N.I. Smolensky (Moscow State Regional University).

Key words: multifactor approach, 'state formation' approach, 'civilization' approach, Asian production methods.

Н.И. Смоленский

Вступительное слово

Уважаемый коллеги! Темой нашей встречи является проблема многофакторного изучения истории. Она имеет два аспекта: конкретно-исторический и теоретический. В первом случае независимо от пространственно-временных рамок изучаемых явлений речь идет о поиске их причин (движущих сил, факторов). В зависимости от самих явлений это могут быть: географическая среда, экономические отношения, социально-политические условия, духовная атмосфера, психология, демография и т. д.;

роль этих факторов в различных исторических условиях в каждом случае неизбежно различна; степень влияния каждого из них определяется в ходе конкретно-исторического исследования.

Однако это не только проблема конкретно-исторического анализа. Сам этот анализ в любом случае не может обойтись без постановки вопроса о том, что в движущих силах событий является важным (главным), что – менее важным или второстепенным, а что может быть отнесено к категории случайностей: конкретные исторические условия места и времени исключают возможность равнозначности различных причин различных явлений. Философская постановка вопроса об основах первичности всего сущего, сформулированная впервые в эпоху античности, как и все последующее развитие философской мысли, не уничтожают и не могут перечеркнуть неисчерпаемое многообразие исторических событий в восприятии реальности. Живая ткань истории во все времена является продуктом взаимодействия совокупности факторов, неравнозначных в каждом случае по своей сути и роли. Следовательно, с этим не может не считаться и теоретическая постановка вопроса в форме и самого крайнего, последовательного монизма мышления: он не в состоянии сделать многообразие факторов несуществующим или несущественным в структуре познания. Это многообразие не выводится теоретически и не требует теоретического обоснования: оно является адекватной констатацией исторической реальности.

Опора на неисчерпаемое, по существу, многообразие исторической реальности является начальной фазой ее познания, но вместе с тем это и препятствие на пути постижения ее сущности, скрытой за внешней, всегда конкретной формой ее проявления. Итог познания предполагает постижение исторических событий, процессов истории в целом, как единства и целостности. Конечной фазой мышления не может быть выявление многообразия факторов, но требуется анализ их соотношения по признакам их значимости не только по отношению к данной конкретной ситуации, но и в связи с тем или иным периодом истории или применительно к ней в целом. Чтобы понять сущность реформации в Европе, надо отойти от констатации многообразия картины исторической действительности и выявить фактор решающего значения, которым стало формирование капиталистических отношений, о чем весьма прозрачно свидетельствует содер-

жание догмата кальвинизма о светском призвании. Впрочем, здесь же следует признать, что для понимания формирования англиканской церкви, сохранявшей черты сходства с католицизмом, недостаточно опоры только на материальный фактор. Далее, проблема периодизации, независимо от масштабов пространственно-временных рамок изучаемого, требует отхода от многообразия и определения фактора определяющего значения. Постановка вопроса о наиболее значимом факторе как движущей силе событий подготовлена и выдвинута в развитии философско-исторической мысли.

На ступени перехода от Средних веков к Новому времени в странах Западной Европы это развитие связано с постановкой вопроса и выявлении отдельных факторов и их роли в качестве движущих сил развития событий. Одним из первых стало выдвижение географической среды (Ж. Боден, Ф. Бэкон, хотя в зачаточной форме это было уже у Гиппократов). Философско-историческая мысль Просвещения характеризуется выделением некоторой множественности факторов с опорой в ряде случаев на один из них как главный; преимущественно такая роль отводилась умственному развитию в форме общего просветительского взгляда: мнения правят миром. Однако тут были и другие факторы: географическая среда (Монтескье), демография (Гельвеций), в некоторой степени проявилось понимание роли материального фактора: собственность – признак полноправного гражданина, только собственники имеют право голоса в общественных делах (Вольтер). У представителей следующего поколения мыслителей материальный фактор еще более значим: собственность – основа общественного здания, нет изменений общественного порядка без изменения формы собственности (Сен-Симон). Однако решающую роль в истории этот мыслитель отводил господствующей в данное время философской системе, т. е. идее мыслящего рассудка. В этом – своеобразие данной формы монизма. Монизм Гегеля и Маркса в этой связи не нуждается в комментариях. Родоначальник позитивистской теории факторов Г. Спенсер, при всем его стремлении отстаивать значимость множества факторов, в конечном счете склонялся к преобладанию в истории в качестве ее движущей силы умственного фактора, т. е. сферы интеллектуального развития. Гораздо более определено в пользу этого фактора выражена позиция Г. Бокля. Наконец, современное историчес-

кое познание, опираясь на предшествующее его развитие и в дополнение к нему характеризуется наличием следующих видов детерминизма монистического характера и типа: экономический детерминизм (кроме марксистского варианта), географический детерминизм, демографический детерминизм, психологический детерминизм, концепции идеальных движущих сил истории, экологический детерминизм, технологический детерминизм, биологический детерминизм и др. Это – значительно более внятная ситуация в современном историческом познании, чем это было в прошлом; более определенно, чем когда-либо до сих пор, здесь выражена тенденция к поиску и формулировке ведущего (главного, основного, фундаментального – общепринятого понятия в данном отношении нет) фактора как движущей силы исторических событий и процессов и истории в целом. В этом правомерно усматривать реакцию на потребность исторического познания в области конкретно-исторического анализа и теоретического мышления; поиск основополагающего фактора научно оправдан и выражает логику развития исторического познания. Конечной основой этого является неравнозначность факторов (причин) во всем многообразии конкретных исторических событий и процессов.

Этот вывод нуждается в следующих ограничениях: 1) каждый из видов упомянутого (и не названного) монизма не выглядит на равных с другими в смысле шансов на истину, на адекватно-научное отображение и объяснение событий; мера научности результатов познания будет в каждом случае разной; 2) ни один из видов детерминизма не может быть достаточным для исчерпывающего объяснения изучаемого, для такого объяснения требуется опора мышления на иные, в зависимости от изучаемых явлений, их места и времени, факторы; 3) ни один из видов детерминизма не обладает монополией на истину.

Проблему многофакторного подхода участники круглого стола рассматривают по-разному: в одних случаях – в связи с дискуссией о соотношении формационного и цивилизационного подходов (Родригес А.М., Могильницкий Б.Г., Овсянников В.И.), в других – в качестве самостоятельных аспектов многофакторного подхода (Алаев Л.Б., Кузищин В.И., Воронин С.А.). Начнем со второго подхода.

Вам слово, Леонид Борисович.

А.Б. Алаев

Мировой исторический процесс: единство в многообразии

Недостатком всех выдвигавшихся теорий исторического процесса является, во-первых, приписываемая истории однолинейность и директивность предлагаемых этапов развития. Как правило, не делалось различия между глобальными закономерностями и локальными путями развития. Во-вторых, все теории истории возникали в Западной Европе и брали за образец европейские исторические этапы. Европоцентрический подход существенно искажает взгляд на всемирную историю. В-третьих, осознание того, что история подчиняется каким-то законам, вызывало стремление найти «философский камень» – выделить единый все объясняющий фактор. Таким фактором в разных построениях служит либо развитие нравственности, духовности, либо эволюция институтов государственности, либо развитие хозяйства и экономических отношений. Не буду перечислять все выдвигавшиеся схемы исторического процесса. Специалисты хорошо с ними знакомы.

Но одна из теорий – а именно марксистская – должна быть упомянута хотя бы в качестве примера, но, конечно, также и потому, что она глубоко укоренена в нашем сознании.

Марксизм воспринимается как всеохватывающая теория исторического процесса – и, вместе с тем, она соотносится только с западноевропейской историей. Упомянутые Марксом формации – это этапы западноевропейского процесса, как он его понимал. Даже Восточная Европа была населена, по его мнению, «неисторическими народами» [27, 181-183, 293, 294], тем более не имели истории народы Востока. Даже «азиатский способ производства» в его понимании меньше всего относится к Азии: он существовал в Европе до античности¹. Эти взгляды возникли потому, что представления о первобытном обществе в то время были крайне смутными. Маркс, как и Энгельс, считали, что сельские соседские общины, существовавшие в Германии в Средние века и в России в XIX в., являются пережитками первобытности. Маркс отождествлял «азиатскую общину» с «первобытным коммунизмом» [33, 439]. Энгельс и в

¹ Подобное мнение выражено Марксом весьма недвусмысленно [29, 20; 30, 88, 346; 35, 36].

1888 г., т. е. когда он уже познакомился с трудами Л. Моргана и принял его концепцию родового строя, продолжал утверждать, что «сельская община с общим владением земель является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества от Индии до Ирландии» [26, 424]¹. Подобные взгляды представляются сейчас абсурдными. Но Маркс и Энгельс имеют право на собственную точку зрения.

Из этого ясно, какие трудности испытывали советские востоковеды, работавшие в рамках марксизма. Они были вынуждены употреблять глубоко европоцентрическую теорию, анализируя истории стран, для которых она не была предназначена. Отсюда поиски на Востоке рабовладельческой формации в древности и феодализма в Средние века, настойчивые поиски аналогий между западными и восточными институтами.

Для ясности укажу, что я не против сравнения западных и восточных обществ и нахождения в них общих черт. Но сложилось так, что в последние десятилетия потерялись «точки отчета», модели для сравнения. Античное общество в новых учебниках уже не называют «рабовладельческим» [48]. Соответственно, и востоковеды перестали характеризовать древневосточное общество как «рабовладельческое». Оно теперь носит изящное и «информативное» название «древнее общество» [16, 22; 9]. В последнее время ставится под сомнение применимость термина «феодализм» к обществу средневековой Западной Европы [42; 49]. В этих условиях выражение «восточный феодализм», пока еще наиболее употребительное в работах востоковедомедиевистов [17, 600-626; 18, 9-27; 1, 208-220], «провисает», теряет смысл.

Решение проблем периодизации истории достаточно простое и лежит на поверхности. Надо четко разделить периодизацию всемирную и локальную. Фокусирование на одной делает размытой другую. Это проблема масштабов места и времени. Если мы смотрим на всемирную историю в целом, мы видим постоянный и неуклонный прогресс. Нельзя возразить против того, что человечество в целом прошло или проходит следующие этапы: первобытность, аграрное общество, индустриальное общество, постиндустриальный или информационный мир.

¹ О том, что германская и русская общины возникли уже в Средние века, когда ни о каком первобытном строе не могло быть речи, написано много. Я разбираю этот вопрос в ряде работ, включенных в [2]

Но это не значит, что все социумы прошли или обязаны пройти все этапы. «Человечество» прошло эти этапы «в лице» своих отдельных представителей. Хорошо известно, что многие племена и народы по этой всемирной шкале не поднялись выше первобытности, другие – выше аграрного общества. Кстати, это вовсе не значит, что они «топтались» на месте. Они шли «в сторону». Т. е. их история демонстрирует иные закономерности, чем истории иных обществ. Когда же они начинают испытывать влияние более развитых обществ, они не повторяют их путь, а создают «многоукладные» (как мы раньше говорили), синкретические, гетерогенные общества, всякий раз уникальные. Подталкиваемые более развитыми соседями, они, тем не менее, каждый идут своим путем. Развитые общества не могут «свернуть» отстающие общества на путь, который они сами прошли: он остался в прошлом.

«Свой путь» вовсе не означает свободу в его выборе. Те руководители современных развивающихся стран, которые провозглашают «третий путь» и отвергают вестернизацию, вынуждены реагировать на импульсы, идущие с Запада, и их политика, таким образом, в значительной степени предопределена этими импульсами.

Переход к аграрному обществу был вызван «неолитической революцией». Но она произошла в одном месте (или, по мнению некоторых, в двух местах), и оттуда распространилась на другие (не все!) народы. Т. е. общества шли к земледелию разными путями: самостоятельно или же под влиянием (под давлением!) других обществ. Соответственно, хронология и закономерности этих процессов были разными.

Политогенез, образование государств, шел по такому же сценарию. Самопроизвольно государство образовалось лишь в 6 точках земного шара. Все теории возникновения государства относятся только к этим 6 точкам. Ко всем остальным народам «раскрытые» антропологами закономерности становления государственности под влиянием внутренних процессов просто не имеют отношения! Они стали государствами под влиянием внешних факторов. (И, опять-таки, не все. Некоторые племена развивали племенной строй до уровня социальной стратификации, сопоставимого с государствами.)

Стоит ли делить этап аграрного общества на «древность» и «средневековье», – это вопрос, решаемый на локальном уровне. В Европе это деление бросается в глаза: античность и средне-

вековые явно образуют два периода, два этапа, две цивилизации, если хотите. Правда, вопрос о времени перехода требует нового рассмотрения. Дата падения Западной Римской империи совершенно не отвечает «требованиям», которые можно предъявить к «переломному рубежу». Мне кажется, что создание империи Александра, а затем Римской империи уже были «первыми звоночками» угасания античной цивилизации. А переломным можно считать время распространения христианства в Римской империи, т. е. IV в. Но это конкретные вопросы, которыми должны заниматься специалисты. Желательно – без оглядки на устоявшиеся каноны.

Достоин отдельного рассмотрения этап «очаговых цивилизаций» (III-II тыс. до н. э.). Этот этап был только на Востоке. Европа такого этапа не знала. И его нельзя рассматривать как «древность», объединяя с античностью. Дело здесь не только и не столько в разнице способов производства (хотя эта разница присутствовала), сколько в специфической общемировой ситуации: очаги цивилизации, почти не имеющие связи между собой, окруженные морем варварства. Это создавало специфическое «очаговое» мышление: представление о «людях» и варварах, о том, что некоторые особи предназначены для рабства и т. д. Конечно, «очаговое» мышление видно и в античности. Но еще в древнегреческий период произошло расширение «цивилизованного очага» на всю акваторию Средиземного и Черного морей. А в римский период распространение «римского гражданства» на всех жителей Империи означало преодоление «комплекса цивилизованного очага».

Значение рабства для характеристики древних обществ заключается не в том, что оно играло важную роль в производстве. Даже самые «рабовладельческие» общества базировались не на рабском труде, а на труде свободных общинников – как в Греции, так и на Востоке (после периода царско-храмовых хозяйств в очаговых цивилизациях). Институт рабства служит показателем нравственного состояния общества и поэтому может быть использован для суждения об уровне его развития в целом. Нравственный уровень – это, может быть, главный показатель прогресса. Может быть, мы научимся его когда-нибудь измерять. Пока нет критериев для измерения нравственного уровня. Но кто сказал, что история – легкая наука?

На Ближнем и Среднем Востоке эпохальным событием явилось распространение ислама. Оно

отделило восточное средневековье от древности. Может быть, это не изменило способа производства, но изменило всю духовную жизнь, а вместе с нею – экономику.

В Индии тоже явственно прослеживается древность и средневековье, разделяемые варварским завоеванием Северной Индии эфталитами (так называемыми «белыми гуннами») и Южной Индии – племенами каллабхров. Не буду подробно перечислять возникшие при этом новшества. Укажу лишь на создание лестницы вассалов – раджпутских военачальников разного ранга – на Севере, и общинно-политического строя – на Юге.

Китаисты традиционно начинают свое средневековье с падения державы Хань (III в. н.э.). Подозреваю, что это продиктовано европейскими моделями – стремлением найти рубеж, максимально приближенный к «правильной» дате наступления Средневековья, – к дате падения Западной Римской империи. Мне кажется, что следовало бы внимательнее отнестись к дате, находящейся не на сломе «династийного цикла», а «внутри» цикла династии Тан. В 780 г. была отменена надельная система. Государство отказалось впредь от вмешательства в землепользование крестьян и других землевладельцев. Система землевладения-землепользования в Китае стала похожей на ближневосточную и индийскую. Я бы начинал средние века Китая с этой даты.

Вопрос о правомерности выделения в истории стран Востока периода Средневековья вызывает дискуссию. Л.С. Васильев продолжает утверждать, что ничего принципиально нового на Востоке в средние века не произошло, и он рассматривает древность и средневековье отдельно только для удобства изложения [7, 72-73]. Однако одновременно утверждается, что средневековый Восток имел «мало общего с древневосточными цивилизациями» [6, 17], эпоха средневековья отличалась от древности «во многих отношениях» не только на Западе, но и на Востоке. Однажды он упоминает духовные изменения, произошедшие в средние века [6, 438], имея в виду мировые религии и укрепление конфуцианства в Китае. Отмечаются «открытие и широкое применение новых технологий», «достижения культуры» и то, что «Восток видоизменился и в плане преобладающего типа государства» [7, 19]. Имеются в виду крупные империи. Признается, что в средние века произошло «расширение зоны, освоенной урбанистической цивилизацией» [7, 22], а также

значительное развитие торговли, в том числе караванной [7, 25]. Но всему этому, по мнению автора, не следует придавать серьезного значения: «речь не идет о каких-либо принципиальных структурных различиях» [6, 427; 7, 18].

Что автор понимает под «структурными различиями»? Мы ведь теперь не обязаны искать «способ производства». Изменение характера государственности и распространение новых, именно мировых, религий – это незначительные изменения? Видны изменения и в экономике. Утверждается хозяйственно самостоятельное крестьянское хозяйство как основной тип хозяйства. Государство отказывается (как в Китае, о чем уже говорилось) от вмешательства в землевладение и землепользование общинников. Видимо, надо учитывать всю группу факторов, приведших к изменению характера общества.

В период Средневековья Западная Европа и страны Востока обнаруживают как значительное сходство социального строя, так и существенные различия, определившие их разную судьбу. Но и там и там был некий этап, который можно назвать «некапитализмом», «аграрным обществом», «традиционным обществом». Он характеризуется сочетанием:

- железных (не бронзовых) орудий для ручного труда и соответствующего оружия;
- преобладания сельского хозяйства над другими сферами экономики (аграрная экономика);
- преобладания мелкого (крестьянского и ремесленного) хозяйства, т. е. хозяйства, где один человек и принимает хозяйственные решения, и выполняет их (при помощи других членов семьи и – в ряде случаев – зависимых лиц);
- наследственности занятий, сращенности человека с определенным видом труда;
- преобладания натурального хозяйства (никогда не абсолютной натуральности);
- «всеобщей связанности», корпоративности и общинности социальной жизни;
- отношений «дара–отдара» как системообразующего принципа;
- иерархической структуры управления и землевладения;
- господства одной из мировых религий или заменяющей ее идеологической системы (представлений о равенстве всех людей перед Богом);
- империй как основной формы государства.

Эти характерные черты возникали не одновременно. Например, более чем тысячелетие, потребовавшееся для образования системы ми-

ровых религий (буддизма, христианства, ислама), не совпадает по времени с тем тысячелетием, которое было отведено историей на формирование системы империй (от Ассирийской державы до четырех империй I века н.э.). Свою хронологию имеет также история орудий из металлов. Но крупномасштабный (глобальный) подход к пространству требует такого же укрупненного подхода ко времени. На крупных временных отрезках довольно тесная корреляция между показателями, возникающими даже и в разное время, как мне кажется, может быть установлена. В конечном счете все они синхронизируются или сливаются.

Все эти общие черты получали различные конкретные проявления. Сейчас, наверное, не место все это обосновывать и углубляться в восточный материал. Достаточно сказать, что общества Востока представляются более системными с точки зрения той модели «некапитализма», которая описана выше, и потому более устойчивыми и застойными. Их вариант аграрного общества оказался неблагоприятным для дальнейшего развития. В общества же Западной Европы были «встроены» несистемные для «феодализма» (или как там его называть) элементы (римское право, хотя оно в раннее средневековье еще дремало); христианство с его постулатом о свободе воли; самоуправляющиеся города), которые подрывали вязкую средневековую систему. Европа сумела эту систему преодолеть и вырваться в лидеры исторического процесса. Это ярко показывает, что периодизация истории отдельных цивилизаций, стран или регионов имеет собственный вектор и не выстраивается в единую линию.

Если признавать многофакторный подход к истории, то возникает еще один принципиальный вопрос. Принято считать, что любая классификация (а периодизация – частный случай классификации) должна проводиться по единому критерию. Например, по способу производства. Или по этапам развития техники, и только по ним. Или по сменам религий. Или по формам государственности. Я думаю, что исторический процесс настолько сложен, что единого критерия разбиения его на этапы требовать не нужно. Не нужно, чтобы логика побивала живой процесс, идущий под влиянием массы факторов. Я согласен, что все сферы социальной жизни взаимосвязаны, но вижу, что эта связь довольно мягкая. Некая популяция может обгонять другие по степени развития культуры, или по развитию

государственности, или по развитию техники, уступая им в других отношениях. В разные периоды роль «системообразующего фактора» может взять на себя политика (государственность), экономика или религия. И мы не должны, находясь в плену наших субъективных представлений о том, какому фактору придавать решающее значение, этого не замечать.

Что касается перехода к индустриальному обществу, а затем также и к постиндустриальному, то этот процесс мы, можно сказать, наблюдали и наблюдаем воочию. Совершенно неоспоримо, что он произошел на ограниченной территории нескольких стран Западной Европы (Англия, Северная Франция, Нидерланды, Западная Германия, Северная Италия), и затем стал распространяться по миру. Понятно, что генезис капитализма в «первичных» странах происходит по иным законам, чем перенимание его результатов другими странами.

Как бы ни была верно и научно обоснована концепция генезиса капитализма, которую разработал К. Маркс на материале Англии, этот генезис не мог повторяться в других странах. Они жили уже в других условиях...

Итак, при взгляде на человечество с высоты спутника и рассматривая его историю в масштабе тысячелетий, мы можем зафиксировать поступательное движение по вполне определенным этапам. Спускаясь ниже, мы видим разнообразные движения отдельных культур или цивилизаций, вписывающиеся в общемировой процесс, или же направляющиеся в обратном направлении.

Спускаясь еще ниже, мы видим траектории движения отдельных обществ, социумов – совершенно уникальные. Никто не может повторить траекторию другого. Каждый социум, чтобы не исчезнуть, должен избрать некий свой путь приспособления к мировой ситуации: сочетать свою идентичность с вызовами других социумов и цивилизаций.

Общая периодизация исторического процесса нужна. Она должна определяться этапами эволюции передовых социумов. Для глубокой древности – это, безусловно, Месопотамия и Египет. Для первого тысячелетия до н. э. – это античная Греция. Для раннего средневековья (употребляю европейский термин, потому что не могу подобрать восточный) – это мусульманский мир. Начиная с позднего средневековья и до сего дня (хотим мы этого или не хотим) – это Западная Европа, плавно перетекающая в Северную Америку.

Очевидно то, что есть общемировые этапы эволюции. Но они складываются не из односторонних движений отдельных частей человечества. Они «пробивают себе дорогу» или «получаются» из разнонаправленных движений. Как именно происходит это складывание – это главная загадка истории как объекта исследования и истории как науки. Мы только знаем, что это складывание происходит. И что периодизация каждого социума – это отдельная, специфическая, уникальная проблема.

Но при этом история всемирна по существу. Все индивидуальные пути осуществляются в условиях преобладания некоей общности, которая нащупала «генеральную линию» прогресса. И ее влияние на все остальные социумы объективно и непреодолимо. Таким образом, всемирная периодизация истории определяется этапами, переживаемыми ведущими социумами. Другие социумы двигаются по путям истории под влиянием передовых и имеют собственные закономерности развития и не повторяют этапы передовых стран.

А.М. Родригес

Реплика

Сообщение Л.Б. Алаева представляет огромный интерес и является результатом длительной предшествующей работы – накопления материала, его анализа, сопоставления и обобщения. Вполне доказательными (хотя в отдельных случаях возможна иная интерпретация) являются основные положения автора. Прежде всего «...осознание того, что история подчиняется каким-то законам...» уже создает общее поле взаимопонимания и возможность сопоставления терминологий для обсуждения и дискуссий, ведь на разных уровнях возникают теоретики, совершенно отрицающие возможность каких-либо системных явлений в истории, воспринимающие ее как исключительно хаотичный процесс. Нельзя не согласиться также с тем, что в очень общем фазовом (формационном) подходе работает большая часть схемы (этапы всемирной истории – род), хотя до конца не понятно, что включает в себя первобытность (собственно первобытность, первобытно-общинное общество и т. п.) и является ли оседание на землю или развитие примитивного землевладения водоразделом между этими «этапами». Понятны и обоснованы, как я уже отмечал выше,

все основные положения, эти и последующие. В частности всегда есть и возникают сомнения или возможности иного осмысления.

Например, в схеме вслед за индустриальным помещено «постиндустриальное» или «информативное» общество (у автора – «мир»), которое уже, очевидно, полностью себя проявило в ряде стран и регионов. Во-первых, «постиндустриальный» и «информативный» – это не синонимы. Во-вторых, о терминологии и о том, что под ней подразумевается: автоматизация экономики, пусть даже будущее преобладание в производстве роботов, снижение удельного веса пролетариата – все это не делает общество индустриальным. «Вымывание» пролетариата – это ведь один из главных аргументов, но это ничего не меняет. На его месте возникает огромная контрактированная масса, сидящая, например, весь рабочий день за столами и уставившаяся в дисплеи, мониторы и т. п., но в целом таких же зависимых наемников, отлученных, как и старый пролетариат, от средств производства и капитала, получивших в западной науке термин «информлиат» (по сути пролетариата общества высоких технологий). Все же материальные блага общества по-прежнему «производятся» (вот когда можно будет носить одежду, сшитую при помощи нанотехнологий, а передвигаться при помощи телекинеза, вот тогда можно поговорить о постиндустриальном обществе). Совершенно иначе (и в терминологии, и в здравом смысле) выглядит определение «посткапиталистическое общество», когда строго определяется, что закончилась (в наиболее развитых странах, видимо, в 1950-х – 1960-х этот процесс уже обозначился) эпоха прежнего капитализма, описанного Марксом и особенно – на примере России Лениным («Развитие капитализма в России»), что изменились во многом производственные отношения, роль государства, общественных организаций и т.п. (хотя мне кажется, что этот процесс слишком зыбкий и неустойчивый, – что подтверждают провалы и издержки глобализации и мультикультурного паритета обществ). В частности это демонстрируют последние события в Европе (хиджаб, платок, фетва и т. п.). Очевидно, само определение «постиндустриальное» возникло лишь потому, что «посткапиталистическое» по-прежнему, наводя на ассоциации с марксизмом и неомарксизмом (Грамши, Маркузе и др.), вызывает, мягко говоря, неприятные ассоциации на Западе. Есть ряд других положений, которые

могут быть истолкованы по-разному, но это уже вопрос субъективного видения, методологий, точек отсчета. Это можно обсудить в ходе работы Круглого стола. Это все не меняет того, что статья (доклад) представляет научную ценность, логична, стилистически восприимчива и очень важна для разработки этой важной темы.

В.И. Кузицин

Понятие «основной производитель» как теоретическая проблема

Понятие «основной производитель» – одно из наиболее употребительных в социологии, историософии, политологии понятий, настолько употребительных, что оно потеряло свой теоретический характер, оно зачастую теперь воспринимается как неопределенное обозначение «работник» – не больше и не меньше.

По моему мнению, понятие «основной производитель» – это важное теоретическое понятие, наполненное глубоким смыслом, который выводит исследователя на крупные методологические и исторические аспекты анализа исторического процесса.

Хотелось бы поставить несколько вопросов, связанных с анализом этого теоретического понятия.

1. Определение самого содержания этого понятия, т. е. определение того, «кто такой «основной производитель» в разных исторических условиях.
2. Выявление разных типов «основного производителя» в разных исторических условиях, классификация этих типов.
3. Характеристика каждого типа, т. е. анализ его внутренней структуры, его производственная и социальная квалификация, его роль в обществе и производстве.
4. Определение трансформации одного типа в другой и выяснение причин этого и последствий для эволюции самого производства и общества, его культуры.
5. Поставка вопроса об обоснованности понятий «основной производитель» и «неосновной производитель».

Позвольте ознакомить с краткими ответами на поставленные вопросы.

1. Кто такой «основной производитель» в современных исследованиях».

Это представитель низшего класса, будь это раб, мелкий землевладелец или ремесленник в древности, крепостной крестьянин (ремесленник) в феодальное время, это бедный земледelec, наемный рабочий в капиталистическом обществе. Это работник, живущий трудом своих рук, с трудом сводящий концы с концами, как правило, лишенный многих прав, всецело зависимый от власти или своего землевладельца, как правило, неграмотный, опутанный многочисленными долгами. Как правило, «основной производитель» представляет подавляющее большинство населения, жестоко эксплуатируемый человек, который, так сказать, заражен классовой ненавистью, прорывающейся время от времени в крупных рабских, или крестьянских, или пролетарских восстаниях, иногда принимающих форму жестоких революций.

В сущности говоря, эта характеристика фигуры «основного производителя» во все периоды мировой истории, от глубокой древности до нашего времени в принципе одинакова, хотя и указываются отдельные различия, не имеющие, впрочем, принципиального характера.

Восстания рабов и бедняков в Древнем Египте в конце среднего царства, движение «краснобровых» или «желтых повязок» в I – III в. в Древнем Китае, мессенские войны илотов в Спарте, массовое бегство афинских рабов во время Пелопоннесской войны, грандиозные восстания сицилийских рабов II в. до н.э. или настоящая невольничья война под руководством Спартака описываются, как правило, с одинаковых позиций (голод, бесправие, социальная ненависть), т. е. подчеркиваются одни и те же принципиальные причины восстаний, их одинаковую направленность, развитие и завершение восстаний.

Более того, по той же схеме излагаются ситуации и с крестьянскими восстаниями в феодальную эпоху, и даже рабочее движение и пролетарские революции в новое время. Все эти более или менее однотипные характеристики различных восстаний «основных производителей», по моему мнению, исходят из более общего взгляда на положение, психологию и устремления, саму внутреннюю структуру этого слоя как однотипного в целом во все исторические эпохи, что, на мой взгляд, теоретически и методологически неправомерно и сильно упрощает, а порой искажает реальный исторический процесс.

2. По моему мнению, социальное положение, структура, психология и даже сама культурная

составляющая того класса, которое обычно обозначается понятием «основные производители», является значительно более сложным, противоречивым и глубоко дифференцированным. Оно далеко от той внутренней гомогенности, которой их наделяют некоторые исследователи и интересы слоев, которые в целом составляют этот класс, далеко не совпадают друг с другом.

Позвольте это проиллюстрировать на материалах древней истории. Возьмем близкую мне ситуацию в Древнем Риме и Древней Греции и, в частности, сельское хозяйство – ключевую отрасль экономики, основу социально-классовой организации общества и где трудилось подавляющее большинство населения. Скажем, речь пойдет о II в. до н.э. – II в. н.э.

В этой сфере «основные производители» сельскохозяйственной продукции и сырья – кто они? Кто сюда входил? Конечно, рабы, занятые в сельском хозяйстве мелких, средних, крупных поместий. Но только ли рабы? Существовал внушительный сектор свободного независимого крестьянства (собственники небольших участков), уже стремительно распространяются арендные отношения, где заняты и разорившиеся свободные крестьяне-собственники, и вольноотпущенники.

В целом существовал многочисленный слой свободного (собственники), полусвободного (арендаторы), вольноотпущенные, которые бесспорно входили в состав «непосредственных производителей».

Таким образом, класс «непосредственных производителей» в сельском хозяйстве делился на три, по меньшей мере (очень разных по своей структуре, имущественному и правовому положению, менталитету и психологии, своим социальным интересам), прослойки: 1. рабы; 2. свободные земельные собственники – граждане; 3. полусвободные работники (вольноотпущенники, перегрины, безземельные граждане – арендаторы, колонны).

Ранее мы исходили из предположения, не больше (точных данных не было), что основной (даже подавляющей частью, ведь II в. до н.э. – II в. н.э. признавался временем высшего расцвета римского рабства) состав (по численности и по значению) состоял из рабов, что позволяло нам говорить о рабовладельческом обществе Древнего Рима.

Сейчас этого сказать нельзя. Можно лишь утверждать, что понятие «основной производи-

тель» в теоретическом значении не составляло одного гомогенного класса, а состояло из нескольких слоев, имеющих свой специфический социальный интерес.

Так было в Риме. Если мы рассмотрим социальную структуру древнегреческого общества эпохи, его зрелости в V–IV вв. до н.э. и сравним с древним Римом, то здесь опять-таки структура понятия «основной производитель» будет существенно отлична от вышесказанной римской. При всем разнообразии греческих полисов, можно выделить две разновидности, два типа понятий «основной производитель»: афинский тип крестьянина, описанный Аристофаном, и спартанский тип землевладельца-илота. Между ними лежала пропасть, отделявшая один тип от другого, хотя и тот и другой бесспорно принадлежали к пониманию «основной производитель».

Афинский тип более напоминает то, что мы называем сейчас мелким фермерством. Согласно Аристофану, дикеополь – это небогатый земледелец, владеющий небольшим земельным участком на правах частной собственности. Он его обрабатывает своими руками, ему помогают (именно помогают) 1-2 раба (не больше). Он не платит прямых налогов, он возделывает хлебное поле, виноградник, масличный сад, овощи и фрукты, знает рыночную конъюнктуру и достаточно тесно связан с городским рынком, где реализует свою продукцию. Он полноправный гражданин и активный участник Народного собрания, т. е. высшего органа власти полиса. Он грамотен, обладает чувством собственного достоинства и активно защищает свои интересы не столько в бунте, сколько в легальных государственных структурах.

И такие мелкие землевладельцы составляли большую часть афинского гражданства. Другой частью «основных производителей» были рабы, которые занимались обработкой поместий афинских землевладельцев, описанных Ксенофонтом, где трудились 15-20 рабов под непосредственным управлением своего хозяина. Они не имели прав, рассматривались Аристотелем и Ксенофонтом как сугубо рабочая сила, аналогичная скоту, беспрекословно выполняющая указания господина. Как уже было сказано, по 1-2 раба было и у афинских мелких землевладельцев-граждан.

Трудно сказать, как велико было численное соотношение между собственно свободными землевладельцами, занятыми в сельскохозяйственном производстве рабами, работавшими в

крупных поместьях и в хозяйстве афинских крестьян (данных просто нет), но, по моему предположению, их численность была приблизительно одинаковой, но с некоторыми преобладанием крестьян. Однако с полной уверенностью можно предположить, что никакой внутренней социальной гомогенности между гражданами, собственными руками обрабатывающими свой земельный участок, и рабами, занятыми в сельском хозяйстве, не было. Это были очень разные по своей внутренней структуре, социальному положению, психологии, менталитету, культурному потенциалу социальные слои. Их социальные интересы и предпочтения не пересекались.

Спартанский пример. Здесь положение было проще. Непосредственными производителями были в подавляющем большинстве илоты, которые были наследственными владельцами небольших земельных участков, обрабатывали их своими руками, а полученную продукцию они делили на две части: половину оставляли себе на непосредственное потребление, а половину передавали своему господину-спартанцу. Эта передача производилась непосредственно, не прибегая к услугам рынка. Нет никаких известий о том, что илотовладелец участка использовал рабов как дополнительную рабочую силу вне своего земельного участка. Илот был прикреплен к своему хозяину-спартанцу пожизненно, сменить его по своей воле не мог. Иначе говоря, это было традиционное натуральное хозяйство крепостного типа. Вместе с тем были некоторые институты спартанского полиса, которые трактовали юридическое состояние илотов как рабское (институт криптий, происхождение илотии из военного пленения, завоевание Мессении, особое положение государства как господина, собственника илотов).

В другом греческом обществе понятие «основной производитель», если брать и афинский и спартанский опыт, включало три различных по всем своим параметрам национальных отношения, между которыми не прослеживается какое-то пересечение социальных интересов.

Однако экономическое значение, происхождение, менталитет каждого социального слоя в составе общего класса непосредственных производителей, будучи глубоко различными, оказывали разное влияние на общество в целом. Проще было в спартанском полисе. Здесь в составе класса непосредственных производителей явно доминировали крепостнические отношения над собствен-

но рабскими и придавали спартанскому обществу тот непонятный характер, который сбивает с толку современных исследователей. В Афинах рабов было очень много, но не больше, чем собственно крестьян-граждан. Но экономический эффект от рабских хозяйств, поместий типа Ксенофонта был в афинской экономике значительно большим, чем крестьянским сектором, и это окрашивало социальные отношения в рабовладельческие тона. Наряду с большим количеством рабов в ремесле, торговле это усиливало рабовладельческий характер афинского общества, придав ему классические формы рабовладения.

Большие отличия существовали между греческим и римским классами непосредственных производителей эпохи расцвета этих обществ.

В Греции V–IV вв. до н.э. рабский класс комплектовался в большей степени из варваров и главным образом через рабский рынок. По греческим представлениям, эллин не мог быть рабом в принципе (отдельные случаи не в счет, они были проявлением чрезвычайных обстоятельств). По этим соображениям греческое общество в самой минимальной степени практиковало отпуск рабов на свободу.

В Риме, напротив, во II в. до н.э. – II в. н.э. комплектование рабской массы происходило в рамках римской государственно-правовой системы в провинциях. Римляне отказывались (и это стало принципиальным отличием концепции римского рабства от греческой теории) от аристотелевского понимания рабства как сугубо варварского природного явления умственной неполноценности рабов по сравнению с эллинами. В отличие от Аристотеля римляне рассматривали своих рабов лишь с юридической точки зрения, т. е. как лишенного всех прав, но с точки зрения человеческих качеств и способностей ничем не уступающих самим римлянам. Этим самым был снят барьер, препятствующий широкому развитию вольноотпущенничества в Риме, который привел к более широкому его распространению. Оно фактически стало постоянным источником пополнения корпуса римских граждан вплоть до того, что к I в. н.э. римское гражданство состояло из бывших рабов, освобожденных от рабства и воспитанных в римском духе. И они наполняли ряды римских крестьян, ремесленников и торговцев, т. е. другую часть класса непосредственных производителей. Это в Греции было невозможным. С одной стороны, массовый приток рабов со всего Средиземноморья в Италию, а с другой,

довольно частый отпуск рабов на волю накладывал особый отпечаток на общий характер социальных отношений, повышал удельный вес рабства в обществе, которое постоянно обновлялось в своей массе. Требуя новых масс невольников вместо отпускаемых на свободу, римляне, с одной стороны, активизировали процесс рабовладения как таковой, с другой, пополняли слой свободных непосредственных производителей. Как можно видеть, сама структура класса непосредственных производителей в Греции V–IV вв. до н.э. и Рима II в. до н.э. – II в. н.э. была совершенно различной и имела различные последствия в развитии как греческого, так и римского общества.

Таким образом, концепция греческого рабства возводила трудно преодолимую правовую стену между состояниями рабства и свободы и практически исключала динамическую циркуляцию между свободными (или зависимыми) рабскими слоями единого класса «непосредственных производителей».

Напротив, римское понимание рабства позволило наладить постоянную циркуляцию между свободной частью непосредственных производителей (в частности свободным крестьянством и рабской массой) стирая в общественном сознании принципиальные (естественные) различия между свободой и бесправием. Это имело большие исторические последствия, делая естественным переход от массового рабства к широкому развитию крепостничества, а затем и полной свободе, что и происходило в варварских государствах, возникших на обломках Римской империи в средневековой и новой Европе.

С другой стороны, римская концепция, римская концепция рабства делала реальной (во всяком случае – более реальной) появление известных совпадений интересов основной массы рабов и основной массы свободных бедняков и некоторых социальных контактов в процессе стихийных выступлений класса непосредственных производителей как некоего социального единства. В некоторой степени это проявилось, например, в народных движениях поздней Римской империи IV–V вв. и даже в восстании Спартака (т. е. «свободные с полей»).

В аристотелевской концепции это практически исключалось.

Предшествующее изложение стремилось показать разнородность и различные социальные устремления двух различных слоев класса «основных производителей».

Возникает следующий вопрос – проблема. А как определяется, так сказать, лицо эпохи, если подавляющее большинство населения, класс «основных производителей» столь разнороден. Почему мы определяем, например, Римское общество рабовладельческим, средневековое общество в Европе – феодальным, а Новую Европу – капиталистическим обществом.

По моему мнению, общий характер эпохи определяется не столько количественным составом класса основных производителей, в данном случае (лучше назвать непосредственных производителей), а преобладанием структурно образующей социально-экономической, политической и культурно-религиозной ячейкой, которая определяет «лицо» данной эпохи. Такой ячейкой в Древнем Риме была товарная рабовладельческая вилла, в средние века – феодальная крепостническая вотчина, в капиталистическом обществе Европы – фабрика (или в сельской местности – товарная ферма, работающая на рынок). И каждая из этих структурных ячеек обслуживалась определенной частью класса непосредственных производителей, а именно работами в Риме, крепостными (вернее, феодально зависимыми) работниками, наемными рабочими на заводе или ферме.

В то время как другая часть большого класса непосредственных производителей вела иной тип хозяйства и который представлял собой резерв для ведущего типа и в тоже время немалую нишу общества. И конечно, этот дуализм осложнял и сильно деформировал (иногда) общественное развитие, идеологию и культуру.

Следующий важный теоретический вопрос, тесно связанный с предшествующим рассуждением. Опять-таки я позволю себе опираться на древнегреческие и римские материалы.

В Древней Греции товарная рабовладельческая вилла как наиболее передовой тип социально экономических отношений оформилась после греко-персидских войн и определяла «лицо» классической Греции в IV в. до н.э. В период эллинизма, т.е. в III–I вв. до н.э. она внедрялась в восточных странах, во вновь основанных эллинистических правителями греческих колониях-городах полисного типа. Однако несмотря на их относительную многочисленность (а было, видимо, основано около 200-300 полисных структур), они не могли заполнить и преобразовать всю огромную эллинистическую ойкумену. За пределами полисных ячеек на громадных просторах эллинистических государств продол-

жалось существование чисто восточных социально-экономических структур, «лицо» которых не определялось исходной ячейкой – товарной рабовладельческой villой, как это было в классической Греции V–IV вв. до н.э.

Поэтому эллинистическое общество в широком смысле нельзя определить как классическое рабовладельческое общество вроде Греции V–IV вв. до н.э. Природа эллинистического общества отличалась двойственным характером, т. е. сочетанием рабовладельческого типа социальных отношений в городах греческого типа и восточной системы социальных отношений в хоре. Эллинистическое общество было своего рода кентавром, сочетающим особенности классического греческого рабовладения со своеобразным древневосточным полукрепостническим, вернее, тем своеобразным азиатским способом производства, до сих пор так и не объясненным толково современной наукой.

В Древнем Риме товарная рабовладельческая вилла приобрела значение ведущего социально-экономического типа производства и распределения во II в. до н.э. – II в. н.э. Именно в этот период времени римское рабство приобрело наиболее развитые формы, которые стали определять «лицо» всей эпохи, его социально-экономическую структуру как структуру классического рабовладельческого общества. В то время как предшествующий продолжительный период, т. е. VI–III вв. до н.э. не могут определяться как рабовладельческое общество даже с такими неясными определениями, как раннее или позднее рабство. С моей точки зрения, Рим, в широком смысле этого термина, VI–IV вв. был обществом совершенно другого склада, со своей социально-экономической структурой, политико-государственным устройством, специфической культурой и религией к рабовладельческим отношениям имеющим минимальное отношение. То же самое можно сказать и о позднем Риме IV–V вв. н.э. Позднее римское общество было особенным обществом, так сказать, протофеодальным.

Иначе говоря, по моему мнению, следует пересмотреть принятую (по-своему логичную) периодизацию, по которой Рим VI–III вв. до н.э. был раннерабовладельческим обществом, эпоха II в. до н.э. – II в. н.э. времени классическим рабовладельческим обществом, в III в. переживающий общий кризис рабовладельческих структур, а поздняя империя IV–V вв. – как трансформирующая рабовладельческие отношения в структуры

раннего средневековья. Я бы предложил назвать их протофеодальные.

И еще одна сугубо теоретическая проблема понятия «основной производитель» или «непосредственный производитель». Как правило, под этим понятием подразумевается, как само собой разумеется, низший класс, – бедный, бесправный, подвергаемый жестокой эксплуатации со стороны класса богатых собственников, будь это рабовладелец, землевладелец, финансист или член бюрократического сословия.

Самый главный признак понятия «основной производитель» – это тяжелая работа самих производителей на полях, в ремесленных мастерских. Считается, что за вычетом скудного прожиточного минимума весь его прибавочный продукт присваивается богатым собственником непосредственно или опосредовано государством (через налоги), и распределяется кроме государственных нужд, среди членов правящего сословия и всей элиты того или иного общества.

Так сказать, одни работают, получая минимальный прожиточный минимум, другие в принципе потребляют большую часть произведенной основными производителями продукции.

По моему мнению, это ранее широко распространенное теоретическое положение нуждается в пересмотре. На самом деле, прибавочный продукт, производимый и потребляемый в обществе, создается не только рабочим (будь то рабы, крепостные, наемные рабочие), но и другими контингентами. Сошлюсь опять-таки на римский пример эпохи рабовладельческой экономики. Как показывает несложный анализ экономического функционирования, например товарной виллы до 500 югеров с рабским контингентом в 20-40 работников, в Древнем Риме в процессе производства огромную роль играет сам рабовладелец. Он должен купить поместье, определить нужное количество работников и нужной квалификации, изучить особенности почвенного покрова, климата и ландшафта, организовать работу своего рабского коллектива, обработать урожай и реализовать его на рынке. Производство – это не односторонний процесс, это процесс сложного взаимодействия рабочей силы с ее разнообразной организацией, завершающийся получением прибыли. Поэтому в процессе производства взаимодействуют непосредственно и нерасторжимо две стороны: носитель рабочей силы и ее организатор и потребитель. Без этого взаимодействия никакое производство не может

существовать. Вот почему, по моему мнению, под понятием «основной производитель» следует понимать не только носителей рабочей силы, но и ее организатора и управляющего ею собственника. Если говорить об античном обществе, то такие организаторы и руководители товарных рабовладельческих хозяйств были, например Ксенофонт, Перикл, Кактон и др. Изучение их произведений показывает, сколько сложного управленческого труда, рискованных экспериментов, направленной предпринимательской деятельности приходилось предпринимать, чтобы хозяйство в целом работало более или менее стабильно на протяжении продолжительного времени.

Конечно, не весь высший класс проводил такую насыщенную организаторскую работу. Другой частью привилегированного класса были люди консервативные, малоинициативные, не связанные с производством. Они жили по старинке, перекладывали бремя руководства и организации производством на тех же рабов или крепостных и по существу были исключены из процесса производства.

Таким образом, можно предполагать, что и в структуре господствующего класса проходило деление на предпринимательский слой, который можно рассматривать как слой основных производителей, и консервативную часть, которая в силу тех или иных причин была отстранена от процесса производства и становилась тормозящей силой общественного развития.

Подводя некоторый итог своих рассуждений о структуре «класс основных производителей», можно констатировать, что он состоял из двух частей как в составе низшего класса, так и высшего класса, например античного общества: одна часть была связана с рождающимся типом наиболее динамичного производства, который в целом определял «лицо» эпохи (в античном обществе тип товарной рабовладельческой виллы). Причем с ним оказались связанными и стали его главными субъектами как в низшем классе, так и в высшем классе предпринимательский, активно-деловой слой правящей элиты.

Напротив, в составе как низшего класса (т. е. общинники, илоты, колонны, бедняки и даже свободные бедняки-крестьяне и др.), так и высшего (латифундисты, колоновладельцы, владельцы общинных структур и др.), которые оказались мало заинтересованы в передовых методах ведения своих хозяйств и ориентировались на традиционный опыт.

Этот сектор производства и общества выступал в качестве консервативной силы общественного развития. А процесс исторического развития каждого конкретного общества определялся результатами исторического противоборства – какая из этих структур и как надолго получит превосходство и лидирующую роль.

Итак, какие новые теоретические нюансы предлагаются в предложенном докладе по сравнению с существующим в литературе.

1. Ранее во многих теоретических построениях в отечественной литературе понятие «основной производитель» понималось как более или менее гомогенное, более или менее однородное классовое состояние. Оно представлялось как основа основ исторического развития любого социального общества. Мой главный вывод: структура класса «основных производителей» делилась на две большие части. Одна часть представляла прогрессивную линию исторического развития, другая часть консервирующую группу, которая тормозила историческое движение и была источником, так сказать, реакционных идей и тенденций. И эти группы класса основных производителей существенно различались, и их цели не пересекались.

2. В структуру понятия «основного производителя» как основного движения исторического прогресса необходимо включить часть господствующего класса, без длительного и постоянного труда которого была невозможна организация общественного производства и исторического прогресса. Ведь ранее, как правило, господствующий класс воспринимался как паразитирующий класс, который лишь присваивал прибавочный продукт, производимый «основным производителем», играя сугубо тормозящую роль в развитии общества, которая преодолевалась через восстания и революции угнетаемого основного производителя.

В.И. Овсянников

Реплика

Размышления В.И. Кузищина над понятием «основной производитель» как теоретической проблемой представляются достаточно перспективными. Не отрицая формационной теории К. Маркса, он фактически показывает возможность ее ревизии и совершенствования.

По его мнению, «эллинистическое общество в широком смысле слова нельзя определить как классическое рабовладельческое общество вроде Греции V–IV вв. до н.э.». Оно сочетало в себе рабовладение в городах греческого типа и восточную систему социальных отношений в хоре. «Эллинистическое общество, – пишет он, – сочетало особенности классического греческого рабовладения со своеобразным древневосточным полукрепостническим, вернее, тем своеобразным азиатским способом производства, до сих пор так не объясненным толково современной наукой».

Профессор В.И. Кузищин критически относится и к месту рабовладения в римском обществе, как оно виделось советской охранительной наукой. По его мнению, «VI–III вв. до н.э. не могут определяться как рабовладельческое общество даже с такими неясными определениями, как раннее или позднее рабство... То же самое можно сказать и о позднем Риме IV–V вв. н.э. Позднее римское общество было особенным обществом, так сказать, протофеодальным».

Действительно, автор поднимает проблему, которая давно назрела, но которую в «старые времена» обсуждать было запрещено, т. к. посягать на устои марксизма считалось делом не допустимым. В нынешней ситуации, наоборот, представляется полезным прояснить проблему и независимо от возможных результатов дискуссий, т. к. такая дискуссия способна дать конструктивные результаты вместо аморфных рассуждений о необходимости отвергнуть марксизм.

Еще одна проблема, поднятая В.И. Кузищиным она касается понятия «основной производитель» или «непосредственный производитель». Он пишет: «Прибавочный продукт, производимый и потребляемый в обществе, создается не только рабочим (будь то рабы, крепостные, наемные рабочие), но и другими контингентами... В Древнем Риме в процессе производства огромную роль играет сам рабовладелец. Он должен купить поместье, определить нужное количество работников и нужной квалификации, изучить особенности почвенного покрова, климата и ландшафта, организовать работу своего рабского коллектива, обработать урожай и реализовать его на рынке... Производство – это не односторонний процесс... под понятием «основной производитель» следует понимать не только носителей рабочей силы, но и ее организатора и управляющего ею собственника».

На мой взгляд, такая постановка проблемы влечет за собой необходимость уточнения понятия эксплуатации. Особенно это актуально для промышленного общества и современности. Проблема вряд ли может быть решена только историками. Здесь требуется экономический и правовой анализ создания и распределения прибавочной стоимости. Для К. Маркса было очевидным, что предприниматель грабит рабочего, изымая прибавочную стоимость и выплачивая ему нищенскую зарплату. Если даже согласиться с К. Марксом, то все же встает вопрос: в чем здесь эксплуатация? Ведь труд рабочего на производстве регламентируется договором между рабочим и работодателем. Пусть зарплата не удовлетворяет рабочего, но он соглашается с ее размером при найме работу. То же положение фактически сохранялось и в годы правления коммунистов в условиях провозглашенного ими социализма. Только тогда прибавочная стоимость изымалась не предпринимателем, а государством фактическим собственником средств производства. Оно же осуществляло распределение прибавочной стоимости. Попутно отметим, что советские наемные рабочие, в отличие от рабочих капиталистических стран, не могли влиять на пересмотр договора о размерах зарплаты и прочего посредством забастовок.

Таким образом, с правовой точки зрения, может, правильнее ставить вопрос, что эксплуатация начинается там и тогда, где и когда нарушаются условия договора, что относится и к наемному рабочему, и к работодателю. Рассуждения о бедственном положении рабочего класса с человеческой точки зрения вполне понятны, но они ни экономически, ни юридически не объясняют основ эксплуатации.

Н.И. Смоленский

Реплика

Между вычетом из произведенного продукта в форме зарплаты при капитализме и при социализме нельзя не видеть принципиальной разницы, для понимания которой не требуется ни Смит, ни Маркс, ни современные экономисты-нобелевские лауреаты. Конечно, при любом экономическом строе непосредственный производитель не может получить все (в смысле вознаграждения за труд) – в противном случае производство

невозможно, не говоря уже о непроизводительных сферах (государство и т. д.). Железо и хлеб погубили род людской, говорил Руссо. Он имел ввиду то, что с переходом к земледелию и металлическим орудиям труда увеличилась его производительная сила, появились бедные и богатые, возникла частная собственность. Независимо от этой логики мышления следует признать, что вычеты из результатов труда с ростом его производительной силы стали возможными и неизбежными в разных формах в разное время. Что же касается разницы вычетов между капитализмом (прибавочная стоимость) и социализмом, то она огромна, как и очевидна: в первом случае вычеты идут в карман собственника, хотя он может пользоваться ими по-разному (Билл Гейтс), во втором случае вычеты идут государству, т. е. фактически на общую пользу.

В.И. Овсянников

Сложился ли цивилизационный подход в отечественной историографии?

Цивилизационный подход в исторических исследованиях не нов. Однако он представляется на сегодняшний день как феномен историографии, т. к. многолетние исследования и интересные концептуальные построения отдельных ученых не снимают вопроса, каково же его место в отечественной историографии и как он повлиял на исторические методы исследований?

Возьмем вузовские учебные программы по истории. Практически все их авторы высказываются за важность изучения истории с точки зрения цивилизационного подхода, однако учебники, написанные на основе этих программ, имеют тот же традиционный вид, что и раньше. Их периодизация основана не на цивилизационных постулатах. К примеру: А. Тойнби делал свои построения на трех ступенях развития общества. Он рассматривал движение внутри цивилизации, которое, по его мнению проходит через три ступени: «возникновение – развитие – угасание».

К. Маркс тоже рассматривал общество в движении и обнаруживал историческое движение человечества в изменении форм собственности и способа производства («социально-экономических формациях»), а развитие обнаруживал

не только внутри отдельных обществ (цивилизаций), но и как поступательный процесс от низших форм общества к высшим. Так и нынешние учебники делят историю по формациям.

Хронология программ повлияла и на их содержание: в основе оно осталось прежним, но с добавлением ряда тем, связанных с духовной жизнью и культурой, что на деле означает лишь расширение круга изучаемых вопросов, но ни в коем случае не переосмысление советской охранительной историографии. Складывается впечатление, что у авторов современных учебников не получается написать их на основе цивилизационного подхода. Видимо потому, что равнозначной замены Марксовой теории цивилизационщикам выбрать не удалось. Стремление отвергнуть К. Маркса не увенчалось выработкой каких-либо иных основ исторических исследований, которые были бы признаны научной общественностью.

Сравнительный анализ определений понятия «цивилизация» дает основания заключить, что оно прямо связывается с понятием культура – «синоним культуры», и с этой точки зрения относится, прежде всего, к культурологии. При этом оно имеет «размытые и эклектичные границы», у разных авторов – «разницу критериев», в зависимости от контекста и целей применения, к тому же признаки цивилизации, называемые отдельными исследователями, представляются также часто «туманными, неопределенными».

Если историческую науку рассматривать не как простую сумму и последовательность событий и явлений прошлого (что, где и когда произошло), то исследователю важно выявить системообразующие или системоразрушающие общество факторы. К. Маркс назвал такие факторы. Но его теория основана на материале XIX в. и в значительной мере обращена к реалиям промышленного общества Европы. Не случайно эта теория уже на пороге XX в. была подвергнута ревизии в условиях перехода начального капитализма на новую ступень зрелости. Сегодня тем более учение К. Маркса не может применяться, как оно понималось в XIX в., но выбрасывать Маркса из истории было бы тоже неоправданно. Ведь никто не посягает на заслуги других мыслителей XIX в., с которыми сегодня нельзя согласиться во всем. Для научной мысли свойственна связь поколений, критический анализ достижений прошлого.

Роковой урон марксизму был нанесен сталинским редукационизмом, ограничившим рамки изучения исторического процесса производительными

силами и производственными отношениями. Таким образом, критический анализ исторических взглядов К. Маркса невозможен без разбора последующих наслоений на них, без детального изучения их трактовки апологетами марксизма и догматизации отдельных положений в угоду политической конъюнктуре. В результате такого разбора станет ясно, насколько учение Маркса объективно отражает реалии исторического процесса и насколько оно актуально сегодня, наконец, доказательно будет видно, есть ли будущее у марксизма в целом как единого учения, или сегодня приемлемы лишь отдельные его положения.

Принципиальное отличие цивилизационного подхода к историческим исследованиям от методологии К. Маркса в том, что он не выработал системообразующих факторов исторического развития.

Действительно, ведь понимание «цивилизации» как «синонима материальной и духовной культуры следующей за варварством» [БЭС, 2004] мало что дает в гносеологическом плане. То же можно сказать и о заключении Философской энциклопедии – «цивилизация – одна из основных единиц исторического времени, обозначающая длительно существующее, самодостаточное сообщество стран и народов».

Жизнь человека и общества состоит из материальной и духовной сфер деятельности, в совокупности они обеспечивают их естественные потребности. Анализ их взаимосвязи, думается, может дать значительные положительные результаты для современного понимания исторического процесса. Если прочитать К. Маркса внимательно и не предубежденно, то можно заметить, что, изучая общество как стадиональное и развивающееся по спирали образование, он видел в каждой стадии результат материальной и духовной деятельности человека, т. е. оба понятия органически соединяются. При этом формационный подход касается роли экономических основ развития общества в «конечном итоге», а категория «цивилизация», включающая в себя более широкий спектр общественной жизни, в свою очередь, влияет на развитие производственных отношений, является фактическим свидетельством (индикатором) степени зрелости общества в целом. Таким образом, исследование способа производства является составной частью более всеобъемлющего анализа, как и сам способ производства есть одна из сфер жизнедеятельности человечества.

Вполне очевидно, что различные общества по своим цивилизационным характеристикам

по-разному реагировали (отвечали) на вызовы (человеческие потребности) и поэтому имели различные результаты, в том числе в своей производственной деятельности. Характер «ответов» в своей совокупности определял особенности их движения в историческом пространстве.

Богатое наследие К. Маркса привлекало внимание в XIX в., оно привлекает внимание во всем мире и поныне. Поэтому можно согласиться с теми учеными, кто не считает нужным выбрасывать К.Маркса из научного оборота.

«Современная критика марксизма, – пишет Ю.К. Плетников, – если она претендует на научность, должна в первую очередь стать очищением марксизма от всех ситуационных выводов и оценок, послемарксовых упрощений и попыток превратить марксистскую теорию в своеобразное вероучение, догматическую схему, под которую подгонялось все многообразие человеческой истории. Но нельзя оставлять без внимания и другое. Развитие марксистской теории требует не только осмысления реалий современного мира, но и критического усвоения объективных результатов немарксистских исследований, их диалектического «снятия» и включения в таком преобразованном и подчиненном виде в теоретическую систему марксизма, ее обогащения новыми идеями и новой проблематикой».

Что касается дискуссии о цивилизационном подходе, то следует заметить, что ее начало приходится на годы антикоммунистической революции в России. И складывается впечатление, что она пришлась кстати тем, кто громил старое государство. Требовался не только политический переворот, но и переворот в общественном сознании, а значит, – в социально-гуманитарных науках и их марксистско-ленинских основах. Участники дискуссии вольно или невольно способствовали этому погрому.

Б.Г. Могильницкий

**Формационный и цивилизационный подходы в изучении истории: антагонисты или союзники?
Историографический аспект**

В отечественной историографии минувшего столетия означенная проблема претерпела ряд радикальных метаморфоз, отразивших

перемены, происходившие в самом обществе. Смысловой фокус этих метаморфоз составлял отношение к К. Марксу и марксизму. В русской академической культуре это отношение имеет давнюю традицию. С последней четверти XIX в. марксизм становится одним из факторов формирования теоретико-методологических воззрений целого поколения начавших тогда научную деятельность историков.

Важное свидетельство тому содержат воспоминания М.М. Ковалевского. Относя Маркса к числу «умственных и нравственных вождей человечества», «самых крупных выразителей прогрессивных течений», Ковалевский писал о нем как о «дорогом учителе», общение с кем до некоторой степени определило направление его научной деятельности. Влияние Маркса шло в том же направлении, что и требования жизни. Вспоминая, что каждый раз он выносил из встреч с Марксом «новый стимул к научным работам в области истории, экономического и общественного развития Европейского Запада», Ковалевский признавал: «Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений, тем более, что такие темы прямо отвечали преподаваемому мной предмету».

Это признание легко поддается обобщению применительно ко всему социально-экономическому направлению в отечественной историографии, снискавшему широкую известность в европейском научном сообществе как «русская историческая школа» (Ф. Энгельс). Заметное влияние марксистских идей обнаруживается в творчестве едва ли не всех крупных исследователей истории Средних веков и раннего Нового времени. Даже П.Г. Виноградов, в трудах которого не встречаются развернутые выражения отношения к Марксу, тем не менее, характеризуя методологические взгляды Ковалевского, писал как о плодотворной, об «общей тенденции исторического материализма, пошедшего от Маркса, заключавшегося в первоочередном изучении «столкновения и взаимодействия экономических сил и интересов».

Знаменательной вехой в усвоении русской наукой отдельных элементов материалистической теории являлась книга Н.И. Кареева [20]. В ней автор обосновывает свою концепцию аграрного развития предреволюционной Франции в значи-

тельной степени на Марксовом учении о первоначальном накоплении. Вся суть крестьянского вопроса, писал он, заключалась в «отношениях аграрно-социальных и как постановка его, так и способ решения, обуславливались, с одной стороны, принципом, лежавшим в основе тогдашнего поземельного устройства, а с другой – потребностями, интересами и стремлениями отдельных общественных классов». С этих позиций Кареев критикует своих предшественников во французской историографии за их юридический подход к освещению положения предреволюционного крестьянства. Он прямо противопоставляет юридический и социально-экономический подходы: «История, которая с формально-юридической точки зрения является прогрессом свободы и приобретения крестьянами собственности, с точки зрения социально-экономической получает несколько иной смысл», разъясняя который Кареев указывает на прогрессирующую утрату крестьянской земли, продолжавшуюся вплоть до революции».

Дальнейший рост интереса к учению Маркса, сопряженного с его более глубоким пониманием, продемонстрировало младшее поколение всеобщих историков, вступившее на арену научной деятельности на рубеже XIX-XX вв. Новым было его отличие от других экономических учений. Если И.В. Лучицкий видел в известном тогда английском историке-экономисте Т. Роджерсе родоначальника экономического направления в исторической науке, а М.М. Ковалевский ставил его в один ряд с Марксом, то А.Н. Савин за одной 24-й главой I тома «Капитала» полагал значение гораздо большее, вследствие его философской и общественной значимости, чем могут дать «десять томов Роджерса».

Понимание марксизма как крупнейшего переворота в науке в наибольшей мере оказалось присуще молодому Д.М. Петрушевскому в опубликованных в последнее десятилетие XIX в. и в начале следующего столетия теоретических работах, пронизанных осознанием кризиса исторической науки. В стремлении преодолеть его Д.М. Петрушевский обращается к материалистической теории исторического процесса, обильно цитируя произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, правда, не называя их имен. Так, вслед за книгой Энгельса «Анти-Дюринг» он пишет: «...Коренных причин социальных перемен и политических переворотов нужно искать не в головах людей, не в более или менее ясном понимании ими

вечной истины и справедливости, а в изменении способов производства и обмена, другими словами, не в философии, а в экономике данной эпохи». В этой же статье Петрушевский пишет, что исторический материализм считает экономическую структуру общества его «реальным базисом», над которым надстроено все остальное содержание общественной жизни». Терминология ученого наводит на мысль, что ему было хорошо известно знаменитое предисловие Маркса к «Критике политической экономии».

Наиболее зрелое понимание марксистской теории исторического процесса Петрушевский демонстрирует в методологическом введении к «Очеркам из истории средневекового общества и государства». В противоположность идеализму, пишет он, «исторический материализм отправляется от изучения вполне реальных фактов хозяйственной и социальной жизни данного общества и этим выдвигает на первый план такие стороны исторического процесса, которые до этого времени не привлекали к себе надлежащего внимания историков, а между тем чрезвычайно важны для уразумения самого существа исторического процесса. В этом крупнейшая заслуга материалистического направления в общественной науке». Особое достижение марксизма Петрушевский видел в его учении об идеях. Он подчеркивал, что исторический материализм поставил изучение идей на подлинно научную основу: «Только выяснив предварительно материальную, так сказать, физиономию общества, его экономическую форму, социальные группы, из которых оно состоит и их взаимные отношения, а также ту политическую форму, которая соединяет все общественные силы в одно государственное целое, только при этих условиях можно приступить к реальному изучению и пониманию идей и настроев данного общества».

Ближних взглядов придерживался другой выдающийся представитель социально-экономического направления, казанский историк В.К. Писковский. «...Ни одна теория, – писал он, – не оказала таких огромных услуг исторической науке, как учение о том, что не сознание людей определяет их бытие, а, напротив, их общественное бытие определяет их сознание, что во всякую эпоху господствующая форма производства и обмена служит основанием для социального, политического и умственного развития». И заключает: «Именно учение Маркса заставило историков обратиться к изучению общественного развития».

Высокая оценка русскими всеобщими историками марксистской теории исторического процесса не делала их марксистами. Они по своим убеждениям являлись либералами, находившимися на левом фланге разношерстного российского либерализма. Ратуя за совершенствование современного общественно-политического устройства, они полагали, что оно должно быть постепенным, эволюционным, но отнюдь не революционным. Они не принимали главного в марксизме – учения о революции. Маркс-ученый и Маркс-революционер находились для них словно в разных измерениях. Но, признавая это, признаем и другое. В русской историографии всеобщей истории получил широкое распространение формационный подход, с чем были связаны ее выдающиеся достижения.

Он-то и подвергся ожесточенным нападкам в лихие перестроечные и постперестроечные годы, когда советский период с присущей ему системой ценностей часто представлялся грандиозным выбросом инфернальных сил и фактически исключался из «нормального хода» отечественной истории. Столь же категорично из российской автохтонной духовной традиции извергался марксизм. «Прощание с Марксом» (М. Вильчек) означало радикальный отказ от формационного подхода как якобы ненаучного. Ибо, как утверждали в одночасье прозревшие вчерашние «верные ленинцы», марксизм закрыл себе путь в современность. Более того, безапелляционно заявлялось, что «марксизм по существу вывел историю за пределы науки, превратил ее в составную часть партийной пропаганды», а сам кризис отечественной историографии «в главном и основном» объявлялся следствием кризиса марксизма. Соответственно этому провозглашался вне закона формационный подход, а придерживавшие его историки третировались как консерваторы и ретрограды. Ученым, сохранявшим научный взгляд на историю, было необходимо отстоять значение этого подхода, но с учетом современных социальных и научных реалий.

С этой задачей блестяще справился выдающийся советский историк и организатор науки Иван Дмитриевич Ковальченко. В фокусе его исполненных глубокого внутреннего драматизма поисков новой парадигмы истории являлось обоснование современных требований к ней. В развернутом виде эти поиски отразились в своеобразном научном завещании ученого, его опубликованной незадолго до кончины большой ста-

тье, посвященной теоретико-методологическим проблемам исторической науки. Ее интенция – обоснование синтеза формационного и цивилизационного подходов в историческом исследовании. «Нужен, – писал он, – синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется по отношению к марксизму) и замена их другими».

Размышления И.Д. Ковальченко характеризует актуализация значения духовной стороны жизни общества. Никак не отрицая роль экономической детерминанты, он дополняет ее доминантой социально-психологической, требующей, по его словам, самого пристального внимания историков. Соответственно этому рассматривается дихотомия формационного и цивилизационного подходов как одинаково необходимых в историческом познании. Последний провозглашается ведущим, так как интегрирует в себе другие подходы и методы исторического исследования. Он считает, что на цивилизационном подходе должна основываться обновленная парадигма отечественной истории, предполагающая также использование формационного подхода. В этом отношении И.Д. Ковальченко оставался приверженцем исторического метода К. Маркса, что вызвало раздраженную отповедь его осмелевших в эпоху «освобождения от Маркса» недобросовестных критиков (А.А. Искендеров).

Нет и не может быть единственно верной историко-социологической теории, не существует единого всеобъемлющего подхода к прошлому. Генеральный вектор движения современной истории – теоретический, и в этом урок Ковальченко, образует ее движение от одностороннего монизма к плюрализму. Но методологический плюрализм не должен быть безбрежным. И в этом тоже урок Ковальченко.

Бликие взгляды на соотношение формационного и цивилизационного подходов прослеживаются в современной зарубежной историографии. Продемонстрирую это на хорошо знакомом мне опыте третьего поколения школы «Анналов», в частности, на примере творчества одного из крупнейших его представителей, Жака Ле Гоффа. Как и другие французские историки-анналисты, он испытал стойкое влияние марксизма, указывая на «небезоосновательность концепции, соединившей способ производства с экономическим укладом и социальными структурами». Он сохранил убеждение в эвристическом потенциале марксизма даже после крушения мировой со-

циалистической системы. Признавая, что «марксистская методология истории, извращенная догматизмом эпохи «реального социализма», рушится на наших глазах», Ж. Ле Гофф вместе с тем считал желательным, «чтобы Маркс, очищенный от компрометирующих его учение измышлений наследников оставался в числе тех, кто вдохновляет современные исследования в области истории и других наук».

Соотношение формационного и цивилизационного подходов получило развернутое освещение в самой известной книге Ж. Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада», обозначившей возможности цивилизационного подхода в изучении истории западноевропейского средневековья в его сочетании с формационным. Приоритетным, как следует уже из названия книги, является цивилизационный. Средневековая западная цивилизация, и в этом новизна книги, ее пионерный характер, досконально рассматривается «изнутри», в ее основных ментальных характеристиках. Но в изображении автора она имела не только духовное, ментальное, но и материальное, социально-экономическое измерение. Она являлась не только христианской, но и феодальной. Поэтому в изображении средневекового общества Ле Гофф обращается к языку Маркса, рассматривая его экономическую основу и социальную организацию. В его освещении – это антагонистическое общество, «жесточкой реальностью которого была борьба классов».

Тема классовой борьбы пронизывает всю книгу. В авторской концепции она выступает закономерным следствием социального протеста угнетенных масс в антагонистическом обществе, где даже религиозные движения являлись его формой. Ле Гофф указывает на разные формы ее проявления в средневековом городе. Но, подчеркивает он, основанием социальных антагонизмов в средневековом обществе «была социальная напряженность в деревне. Между сеньорами и крестьянами борьба была эндемической, обостряясь порой в виде приступов крайней жестокости». Она принимала разнообразные формы. В их числе была такая экзотическая, как борьба из-за женщин. Подробно рассматривая ее, Ле Гофф заключал: «Женщины находились в центре еще одного конфликта, внешне не столь драматичного. Они были объектом соперничества различных социальных классов. Эти любезные игры полов были осязаемым выражением борьбы классов». При этом, прибегая к своему излюбленному ме-

тоду, он рассматривает эту борьбу «изнутри». Обращаясь к разнообразным средневековым текстам, от песенки вагантов до различных нарративных произведений, типа «Склонение крестьянское», Ле Гофф подчеркивает, что крестьяне не только эксплуатировались феодальным обществом, но еще и высмеивались с невероятной злобой, уподобляя их диким зверям: крестьянин подобен дикому зверю, он безобразно уродлив, его единственное предназначение – ад. Но особенно болезненно крестьяне воспринимали презрение к ним женщин – как самый болезненный из выпавших на их долю ударов. Вот один из многих приводимых Ле Гоффом выражений такого презрения: «Доченька, хочешь ли крестьянина, черного и гадкого? / Не хочу крестьянина, дорогая матушка».

Здесь мы подходим к вопросу, обсуждение которого позволяет наглядно увидеть преимущества цивилизационной методологии Жака Ле Гоффа, являющейся сплавом формационного и цивилизационного подходов. Такова его трактовка классовой борьбы в средневековом обществе. Он уделяет определенное внимание социально-экономическим реалиям этой борьбы, в частности, достигнутым крестьянами в ходе ее успехами. Но в отличие от традиционного подхода, главный его исследовательский интерес направлен на изучение отражения этой борьбы в средневековом менталитете. Ле Гофф обращается, по собственному выражению, к глубинным пластам народной психологии, раскрывая тем самым глубину социальных антагонизмов в феодальном обществе, переворачивающих души и сердца людей, и вытекающий отсюда размах протестного движения.

Такой сплав двух подходов помогает понять напряженную духовную жизнь средневековых европейцев и их ментальность и, вместе с тем, материальную оснастку западной цивилизации. Это историографическая методология, ориентированная на исследование становления, функционирования и кризиса определенного, в данном случае, феодального общества. Не приводя другие примеры [24], подчеркну главное. В современной исторической науке формационный и цивилизационный подходы выступают не антагонистами, а союзниками, решая общую задачу. Наши дальнейшие усилия должны сосредоточиваться на детальном изучении самого механизма взаимодействия этих подходов.

А.Б. Алаев

Реплика

Полезно обозреть формулировки, употреблявшиеся различными учеными. Но формулировки скрывают, затушевывают собственно взгляды, их содержание. Что, собственно говоря, противопоставляется в различных формулировках:

– экономоцентризм (экономический детерминизм) – и культуросцентризм?

– или же стадийность мирового исторического процесса (динамичность общества) – и отрицание стадийности (статичность общества)?

Что такое «формационный подход»? Это подразделение всего хода истории на пять формаций, определяемых способом производства? Тогда это марксизм, и тогда такой подход несовместим с цивилизационным.

Или это разновидность стадийного подхода к истории, признание этапов древности, средних веков и капитализма? Тогда это не марксизм, а Сен-Симон (и многие другие). Признание классовой борьбы – это тоже еще не марксизм. Сам Маркс так оценивал новаторство своей теории: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [34, 427].

Зачем нужен стадийный подход, мне ясно. Он организует исторический материал, позволяет увидеть закономерности (позволяет – это не значит гарантирует). А зачем нужен цивилизационный подход, мне не ясно. До сих пор нет внятного ответа – в чем он заключается? Какова его методика? Критерии выделения цивилизаций? И что он даст на выходе? Как он поможет понять исторический процесс?

С.А. Воронин

К вопросу об азиатском способе производства: социоисторические аспекты

Сегодня спор о том, какой подход в исторических исследованиях – формационный или цивилизационный – является более перспективным и

эффективным, решен самой жизнью. Очевидно, что попытка полностью отказаться от использования стадийно-формационного подхода, заменив его цивилизационным, оказалась несостоятельной. Наиболее продуктивным является использование комбинированного подхода, учитывающего позитивные стороны двух методов.

Возникновение теории общественно-экономических формаций предоставило инструмент для изучения исторического процесса качественных изменений, происходящих в обществе в едином поле исторического развития, с точки зрения возникновения и смены основного способа производства. Однако при этом за границами исследования оставались такие существенные аспекты жизнедеятельности социума, как специфика материальной и духовной культуры; вне поля зрения оказывались роль и значение традиции, моральные и нравственные ценности, влияние на развитие этнических процессов. Следует отметить, что заслуги К. Маркса чрезвычайно велики. Многие положения из социологии К. Маркса вошли в мировую классическую социологию. Это вынуждены признавать даже его непримиримые оппоненты. Известный экономист Дж. Гелбрейт (1908-2006), проживший 97 лет и ставший свидетелем эволюции капитализма в XX в., отмечал: «Мы сильно недооценим его историческое влияние, если не увидим, что по многим вопросам сегодняшнего мышления и способу их выражения Маркс обладал наибольшим авторитетом и самой большой силой воздействия» [12, 131]. Его анализ капитализма сохранил свое значение и поныне. Эволюция и изменения в развитии капитализма произошли во многом благодаря критике Маркса. Однако капиталистическая система не потерпела фиаско, в том числе ввиду недооценивавшихся Марксом факторов – развития институтов права и политической демократии (неэкономических факторов, выпадающих из концепции экономического детерминизма, позволивших смягчить классовый антагонизм). К. Маркс недооценивал роль традиций, характеризуя их как мертвящий груз. Особенно значительна их роль на Востоке, где они придают многим социально-экономическим и политическим институтам устойчивость и стабильность. Роль этно-конфессионального фактора также оказывается значительно выше, чем предупреждал Маркс. При этом современное востоковедение должно быть признательно Марксу за то, что он

был последовательным противником европоцентристских схем и обращал внимание на их неприемлемость в деле изучения стран Востока.

Взаимодействие формационного и цивилизационного подходов особенно ярко проявляется при изучении Востока. Прошедшее десятилетие продемонстрировало регресс ориенталистской социологии. Многие современные востоковеды проходят через теоретический откат от концепции многоукладности, социального синтеза, разработанных в 70-80-е годы прошлого столетия, к взглядам и оценкам Востока в трудах европейских мыслителей нового времени. В оборот активно возвращаются понятия «восточного деспотизма» и общества, основанного на отсутствии частной собственности (азиатского способа производства), в востоковедение, как это ни парадоксально звучит, активно внедряется самодовольный европоцентризм, переносящий западную систему координат на Восток. А коли так, восточным обществам отказано в самобытности. Основой однолинейной схемы прогресса становится развитие, направленное на либеральную демократию капиталистического общества.

В рамках такого подхода восточные общества выглядят как ущербные и отсталые, в которых не построено гражданское общество. Но его не было, нет и не будет на Востоке. Доминантой является локальный солидаризм и коллективное начало. Индивид от рождения до смерти встроен в корпоративные отношения. В политической культуре существуют стереотипные представления о сильной, авторитарной власти харизматической личности. Веками власть представлялась наделённой сакральными чертами. В массовом сознании не было и мыслей о замене правителя выборными путём. Уважение заслуживала сильная власть. Отсутствие частной собственности на Востоке ведёт к тотальной эксплуатации, подавлению личности. Таковы хрестоматийные подходы. Однако при детальном рассмотрении вопросов оказывается значительно больше, нежели ответов.

Создателями теории «азиатского способа производства» являются К. Маркс и Ф. Энгельс. Однако констатация этого несомненного факта не только не достаточна, но и ведёт к искажению реальной картины.

Первые попытки обобщения и осмысления накопленных в ходе установившихся связей Запада с Индией и Китаем фактов, касающихся специфики социально-экономического строя стран

Востока, относятся к XVII в. Томас Роу – английский посол при дворе Великих Моголов прозорливо подметил, что в Индии нет иной земельной собственности кроме собственности правления, а император – наследник всех подданных [53, 91]. В связи с этим наблюдением индийский историк С. Мухерджи, не без основания, считает Т. Роу основоположником всей теории восточного деспотизма [56, 9]. Высказывания английского дипломата долгое время незаслуженно оставались без должного внимания.

Обстоятельная и всесторонняя разработка этой проблематики была осуществлена в книге Ф. Бернье «История последних политических потрясений в государстве Великого Могола», увидевшей свет в 1670 г. В теоретическом плане на Бернье оказал значительное влияние труд Гоббса «Левиафан». Образ государства-чудовища, в котором нет законов, регулирующих общественную жизнь, отражал и впечатления Бернье от путешествия на Восток, в Индию ко двору падишаха Аурангзеба.

Спецификой стран Востока, по мнению Ф. Бернье, отличающей общественный строй азиатских государств, является то, что там вся земля является собственностью государства, точнее, монарха [4, 297]. Бернье понял эту особенность как отсутствие частной собственности на землю. В этом он увидел ключ к объяснению политического строя в Индии.

В дальнейшем к подобной оценке социально-экономического строя Востока пришли английские исследователи. В 1772 г. появилась работа лейтенант-полковника, служившего в Ост-Индской компании, Александра Доу «История Индостана», а в 1790 г. – Джеймса Гранта «Исследование природы заминдарского землевладения в земельной собственности Бенгалии». Оба автора пришли к выводу: Индия до прихода британцев не знала частной собственности [39, 96]. В конце XVIII – начале XIX вв. возникла концепция земельной собственности братьев Чарлза и Роберта Паттонов. Особенно интересны взгляды Р. Паттона, который отмечает, что собственность на землю принадлежит правителю на всем пространстве Азии. Как исследователь Р. Паттон продвинулся дальше Ф. Бернье. Он отметил двойное существование земельной собственности в Индостане: «абсолютной, существующей у государя и владельческой, которая будучи по существу подлинной собственностью является при этом всегда подчиненной и зависящей от человека, ко-

торый является абсолютным собственником того же самого объекта» [57, 135].

Эти взгляды были восприняты А. Смитом, Дж. Миллем и другими политэкономами. Открытие индийской общины Томасом Монро ещё более продвинуло западных исследователей к пониманию проблем стран Востока. В работе Т. Раффлза «История Явы» на яванское общество распространялись выработанные на индийском примере тезисы: отсутствие частной собственности и наличие замкнутой общины. Согласно наблюдениям Раффлза, верховная земельная собственность яванского правителя более очевидна, чем в Индии Великих Моголов. Весьма примечательно утверждение Дж. Милля, который, отрицая наличие частной собственности на землю в Индии, Египте, Ираке, Турции и Китае, распространял тот же вывод на Древнюю Британию и Уэльс, где король тоже имел исключительное право земельной собственности. Подобное утверждение ставило под сомнение концепцию восточной исключительности.

Г. Гегель видел специфику восточного мира в наличии там государственной собственности на землю. В этом основная причина царящего там деспотизма. Люди на Востоке, согласно Гегелю, «рабы, исключая верховного правителя-деспота. Но его свобода есть произвол» [11, 124, 131]. Разработанная Гегелем глобально-стадиальная концепция исторического развития стала важнейшим этапом в домарксовом познании закономерностей социально-экономического развития.

Р. Джонс впервые осуществил экономический анализ способа производства, впоследствии названного азиатским, в работах 30-60-х гг. XIX в. Он установил, что в различные эпохи общественный продукт формировался и распределялся по-разному. Джонс ввел понятие особых форм общественного производства, используя дефиниции «способ производства и распределения», «способ производства», «способ распределения», понимаемые как система экономических отношений, которая определяет все социальные связи и духовную жизнь общества. Отсюда и объяснение существования различных форм общества. Р. Джонс впервые обозначил проблему экономического детерминизма.

Изучая формы ренты, он обратился к ренте райятов. «В Азии монархи всегда обладали исключительным правом собственности на землю... Народ там повсеместно являлся арендатором земли и правителя, единственного землевладель-

ца... Именно эта всеобщая зависимость от трона в средствах существования и являлась действительной основой несломленного деспотизма на Востоке» [13, 29]. В таких условиях отсутствует социальная сила, ограничивающая власть монарха. Подобным обществом свойственно стремление к перманентному росту земельной ренты. Производительная способность райятов разрушается в условиях роста ренты при неизменном характере производства. В конечном счете, это приводит государство к упадку и гибели. По мнению Джонса, подобные отношения ранее существовали и в Западной Европе.

Таким образом, Р. Джонс сумел значительно продвинуться в понимании законов развития общества. Социально-экономические отношения являются источником и основой развития общества. Но ответов на вопросы, чем определяются социально-экономические отношения и почему одна социально-экономическая система сменяется другой, он дать не сумел. Это произошло на следующем этапе развития унитарно-стадиального понимания истории, осуществлённого К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Экономический детерминизм Маркса лежит в основе материалистического понимания истории. Способ производства (совокупность производительных сил и производственных отношений) материальной жизни обуславливает социальные, политические и духовные процессы. Не сознание людей определяет их общественное бытие, а, напротив, бытие определяет сознание. Способ производства лежит в основе общественно-экономической формации, которая является определённым этапом исторического развития. К. Маркс выделял четыре способа производства или экономического строя: азиатский, античный, феодальный, буржуазный [29, 7]. Финалом исторического развития является коммунистический, завершающий предысторию и открывающий начало подлинной истории. Предыстория начиналась с «первичной» архаичной формации, т. е. первобытности, основанной на коллективной собственности общины и кровнородственных связях. Здесь Марксу неоценимую услугу оказал Л.Г. Морган и его концепция родового строя.

Затем следовали общества, основанные на частной собственности, т. е. «вторичной» формации: античность, феодализм и буржуазное общество. Из всей логично построенной схемы выпадал азиатский способ производства, поскольку он характеризовался сочетанием наличия общины,

государственной собственности, полной зависимости индивида от верховной власти. Впоследствии это было признано основой формирования «восточного деспотизма». По этой причине АСП¹ вызывал многочисленные дискуссии и споры. Однако все дискуссии 20 - 30-х гг., 50 - 60-х гг. XX в. ничего не дали, так как не представлялось возможным представить аргументы в пользу того, что АСП – это переходный период от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, либо от рабовладельческого к феодальному, либо смешанной формацией.

Обращаясь к первоисточнику, мы видим, что в работах 50-70-х гг. XIX в. К. Маркс базируется на сформировавшихся в европейском знании представлениях о социально-экономическом строе Востока, принципиально отличных от Запада. В азиатских обществах Маркс искал признаки, сходные с другими древними обществами. Особенно пристальное внимание он уделял поиску и исследованию остаточных форм первобытнообщинных отношений, что служило подтверждением гипотезы о преходящем характере частной собственности. К. Маркс скрупулёзно изучил фундаментальный труд Ф. Бернье. Им было сделано двадцать подробных выписок, составляющих подробный конспект.

К. Маркс разыскал в работе Бернье «настоящий ключ к восточному небу» [37, 482]. Это отсутствие частной собственности на землю. Ф. Энгельс поддержал это замечание Маркса. Объяснение причин, почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, он находит в характере почвы и засушливом климате, повторяя положения, высказанные задолго до этого Ш. Монтескье. Отсюда и особая роль общественных работ, прежде всего ирригационных, имеющих в условиях засушливого климата пустынных территорий основное значение. Насильственное объединение и сплочение в общины для осуществления работ и приводит к гиперцентрализации власти деспота. Помимо трудов Бернье К.Маркс детально проштудировал работы Т.С. Раффлза, Дж. Кемпбелла, М.М. Ковалевского, М. Уилкса. Взгляды последнего выпадали из общей канвы умозаключений. В книге М. Уилкса отмечалось, что в большинстве случаев земельные наделы в Индии являются частным владением отдельных семей. Уилкс сумел увидеть специфику индийского общества в том, что автономная

сельская община являлась основой социально-экономической системы. Он, ссылаясь на доклад Манро, писал: «Жители... нисколько не беспокоились по поводу гибели и раздела целых монархий; пока их село оставалось целым, их мало интересовало, в чьи руки попадёт власть» [59, 127]. По поводу социальной структуры индийского общества известный современный востоковед Л.С. Васильев справедливо отмечает, что если бы в какой-то момент государство в Индии исчезло, то этого просто никто бы не заметил [8, 4-13].

В 40-70-е гг. XIX в. состоялась трансформация представлений о докапиталистических обществах в связи с накоплением и обработкой новых данных. Произошло открытие общинного строя в России, Пруссии и др. европейских странах. Мысли об общинном устройстве в России были высказаны славянофилами И.В. Киреевым, А.С. Хомяковым и Ю.Ф. Самариным. Детальное описание российской сельской общины было осуществлено вестфальским агрономом А. Гакстгаузеном в капитальном труде, написанным увлекательным и доступным языком [10, 19].

За работой Гакстгаузена последовала книга Г.Л. Маурера, который произвёл настоящую революцию в науке, проследив историю общины от древних германцев до сохранения общинных пережитков в Германии XIX в. [38]. Английский историк и юрист Г.С. Мэн, выступая последователем Маурера, проанализировав значительный объём данных, пришёл к выводу о наличии общины у всех народов индоевропейской языковой семьи [55].

Таким образом, открытие следом за Индией сельской замкнутой общины в России и Германии нарушало концепцию специфического азиатского способа производства, ведущего к политическому феномену «восточного деспотизма». Община, в свете новых данных, становилась универсальным и повсеместным явлением.

В своих работах Маркс четко не сформулировал гипотезу АСП. Возможно, он полагал, что в литературе вопрос недостаточно ясен. Выдвигая в 1853 г. гипотезу АСП, Маркс опирался в качестве теоретического фундамента на концепцию Г. Гегеля, представления английской политэкономии, труды Ф. Бернье, Т. Раффлза, М. Уилкса и Р. Патона.

Базовыми положениями, на которые опиралась его гипотеза, стали: исключительность и примитивность Востока, азиатское общество – предтеча античности, восточный деспотизм,

¹ Здесь и далее: АСП – азиатский способ производства.

сельская замкнутая община, роль ирригационных систем как фактора мобилизации масс на общественные работы, отсутствие частной собственности на землю. На 1853 год гипотеза АСП не было детально разработана и оформлена. В работе «Британское владычество в Индии» Маркс отмечал, что индийские «идиллические, сельские общины..., всегда были прочной основой восточного деспотизма» [34, 135]. В 1857-1859 гг. Маркс в предисловии к «К критике политической экономии» впервые осуществил формулировку «АСП». Маркс прямо утверждает, что «...азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [34, 215, 221]. Однако содержание дефиниции и здесь не было раскрыто. Маркса интересовал не азиатский строй как таковой, а общие закономерности смены общественно-экономических формаций. В трактовке термина АСП исследователи опираются на труд Маркса «Формы, предшествующего капиталистическому производству» [37, 485]. До 1929 года эта рукопись Маркса не была известна. В ходе дискуссии, разгоревшейся после выхода работы, ученые раскололись на два лагеря. Одни считают статью Маркса обоснованием теории АСП, другие – решающим опровержением. Каким образом из одной работы делаются столь взаимоисключающие выводы?

Вплоть до сегодняшнего дня не приведено веских доказательств против того, что Маркс выделял АСП как особую общественно-экономическую формацию. В «Формах» не упоминаются ирригационные работы как неперенный атрибут АСП. С 1858 г. этот важный элемент гипотезы перестаёт упоминаться, поскольку АСП классифицируется теперь как общая, закономерная стадия перехода человечества от первобытнообщинного строя к классовому обществу. К 1859 г. Маркс и Энгельс выдвигает тезисы, сближающие Восток и Запад. Рабство и общинная собственность наблюдаются и на Востоке, и на Западе. Спецификой Востока остаётся отсутствие частной собственности на землю.

В итоге гипотеза АСП сменяется на концепцию первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального строя на Востоке, хотя характеристика отдельных аспектов АСП встречается и в последующих работах – в «Капитале», «Анти-Дюринге». По прошествии времени взгляды Маркса трансформировались, и в более поздний период в

1870-1880 гг. он перестал упоминать АСП в своих работах. Отказался ли Маркс от понятия особой азиатской формации? Если да, то почему?

Карл Виттфогель выдвигает свою версию резкого отказа Маркса от упомянутого термина. Во всех работах Маркс и Энгельс исходили из основного постулата о том, что основой эксплуатации человека является частная собственность на средства производства в целом, а в странах с господством аграрных отношений – частная собственность на землю. Отсюда логически вытекало, что в социумах, где не существовало частной собственности на средства производства, не могло быть и эксплуатации человека человеком, классов. Это – модель коммунистического общества. Однако Восток демонстрировал вопиющее противоречие в стройной концепции Маркса, разрывая логику рассуждений. При отсутствии частной собственности на Востоке наличествовали и классовая структура, и эксплуатация. Более того, АСП служил на Востоке цементирующим началом, фундаментом властного деспотизма. Это неизбежно и открыто свидетельствовало о неизбежности политического деспотизма и при социализме. По мнению Виттфогеля, Маркса и Энгельса обуял страх перед конечными выводами их гипотезы [60, 137]. В «Набросках ответа на письмо В.И. Засулич» Маркс, казалось бы, закрепил отказ от гипотезы АСП. Он выдвинул тезис о первобытнообщинном строе, называя его «архаической формацией, которая предшествует античной» [32, 354]. Может быть, Маркс стал рассматривать АСП как параллельный античному. Поскольку государство при первобытнообщинном строе существовать не может, то исчезает сама основа представлений об азиатском строе. Весьма примечательно замечание Энгельса о специфике древнего общинного коммунизма на территории Индонезии. В нем переплетаются элементы серьезных противоречий в теории. Он пишет: «...голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах... Это доказательство того, что первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма» [52, 43]. Общественный строй доколониального периода в Азии Энгельс называет «древний общинный коммунизм». Эта дефиниция должна была исключить понятие азиатской деспотии. Весьма странно, что Энгельс забывает о развитых феодальных отношениях государств

средневековой Индонезии – Матарам и Маджапахит, наличии мощного бюрократического аппарата, а стало быть, и государства в Индонезии в доколониальный период. Пытаясь отстраниться от представлений об азиатском способе производства, Энгельс приходит к ещё более парадоксальной констатации факта того, что первобытный коммунизм – база для построения деспотического общества. Финалом теоретических построений Маркса и Энгельса стал выход работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Было создано учение об общественно-экономических формациях, приводящее к выводу о неизменном характере частной собственности на средства производства и о господстве в прошлом и будущем общественной собственности на средства производства. В этих теоретических построениях азиатскому способу производства не было места.

В конце 20-х гг. XX в. актуализировалось обсуждение проблемы общественного строя стран Востока на фоне развивающихся событий в Китае. В 1925 г. Д.Б. Рязанов напомнил научной общественности о марксовской концепции АСП. В 1927-78 гг. к нему присоединились Л.И. Мадьяр и ряд других ученых-историков. К 1929 г. дискуссия о социальном строе современного Китая вылилась в методологическую дискуссию по проблемам всеобщей истории.

Вторая волна обсуждения проблемы азиатского способа производства приходится на конец 50-х–60-х гг. XX в. Не вдаваясь в детали, следует отметить, что обе дискуссии ничего в методологическом плане не дали и не прояснили. Буферным и связующим звеном между двумя дискуссиями стали работы К. Виттфогеля, наделавшие немало шума.

К.А. Виттфогель в начале 20-х гг. был начинающим и подающим надежды китаеведом, приверженцем марксизма, несколько позже увлёкся трудами М. Вебера, основные выводы которого он попытался соединить с марксизмом. Идеи Вебера стали для Виттфогеля интеллектуальными ориентирами и подсказали ему наличие и существование на Востоке в доколониальное время «специфического общества» – по своему характеру не рабовладельческого, не феодального и не буржуазного. Отличительной чертой такого социума было наличие государства – деспотии, опирающегося на класс бюрократии.

В первой половине 20-х гг. Виттфогель широко использует определение Маркса азиатского

способа производства, давая ему свою трактовку. Всемирно-историческое развитие, согласно концепции К. Виттфогеля, выглядит следующим образом. Человечество прошло сначала через первобытнообщинный, а потом – через феодальный строй. Далее Запад двинулся по пути рабовладения и античности, а Восток пришёл к власти бюрократии, базирующейся на азиатском способе производства, доминантой которого является отсутствие частной собственности на средства производства. Восточный вариант развития является тупиковым, поскольку не может самостоятельным, эволюционным путём перейти к капитализму при отсутствии свободной рабочей силы. К собственно азиатским Виттфогель присоединяет доколумбову Америку и царскую Россию, азиатский деспотичный характер которых обусловлен внешним фактором, к примеру, столетиями монгольского завоевания на Руси. Виттфогель четко указывал на наличие в России генеральных признаков «восточной деспотии» – сельской крестьянской общины и власти бюрократии. Географический детерминизм Виттфогеля выразился в его концепции гидравлического общества, ставшей развитием его теоретических построений.

В 1957 г. в свет вышел фундаментальный труд К. Виттфогеля «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти», посвященный генезису и эволюции социумов и государств с усложненной социальной структурой. К восточным деспотиям в этой работе, помимо уже названных, были причислены и страны социалистического лагеря, и государственный сектор в странах Азии, Африки и Латинской Америки [60, 160]. При всем редуционизме концепции (попытки объяснить всю мозаику и палитру социальной действительности посредством одного фактора – географического детерминизма), идеи Виттфогеля – исследователя, обладавшего феноменальной эрудицией, фундаментальными познаниями в области социологии, привлекавшего для своих умозаключений колоссальный объём фактического материала, несмотря на то, что основные положения его концепции не нашли практического подтверждения, — всколыхнули научную дискуссию по вопросу азиатского способа производства и поставили научную общественность перед необходимостью создания фундаментальных теоретических трудов в сфере востоковедения.

Безусловно, Маркс не был профессиональным востоковедом. Его знания о Востоке базирова-

лись на умозаключениях, изложенных в трудах европейских ученых – Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Д. Милла, Ф. Бернье, Г. Гегеля, – свойственных научному знанию Запада с XIV в. Однако «вторичность» полученных им фактов и выводов не помешала ему прийти к абсолютно верному пониманию природы государства на Востоке, где альтернативой частнособственнических отношений выступало деспотическое государство, распределяющее социальные и экономические преференции. Искажение марксистских взглядов произошло позднее в рамках вульгаризированной схемы исторического материализма, который примитивизировал, а порой и исказил до неузнаваемости подходы Маркса.

Вторым ключом к пониманию природы и специфики восточных обществ является, по нашему мнению, концепция восточного феодализма, выдвинутая известным ученым востоковедом, крупным индологом Л.Б. Алаевым. Он полагает, что восточный феодализм был более системным, чем западный. Поэтому генезис капитализма на Востоке был затруднен, а практически, в отпущенное историческое время, невозможен. Восточные общества были более системны, с точки зрения феодальной модели. Натуральность хозяйства, кастово организованное ремесло, более органичная встроенность города в феодальные отношения, поддержание существования на определенном уровне, общность интересов, всеобщая связанность, проявляющаяся во всеобщей службе государству, личная взаимозависимость – все эти черты цементировали восточный феодализм, делая его устойчивой моделью, не нуждающейся в трансформации [1, 218].

К. Маркс, основываясь на прогрессивном историческом развитии, заложенном в движении от одной, менее развитой, к другой, более прогрессивной и передовой формации, естественным образом объявлял капитализм, при всей критике его недостатков, более прогрессивным строем по отношению к феодализму, поскольку тот способствовал уменьшению деспотизма и давления на личность. В соответствии с подобными оценками капитализм (Запад, центр) и порождённая им система западных демократических ценностей, становятся политическим идеалом. Возникает своеобразная оценочная шкала соответствия и несоответствия заданному стандарту, лишаящая цивилизации их социокультурной идентичности и специфики. Таким образом, мировой политический процесс становится движением к дости-

жению политического идеала, то есть модернизацией восточных обществ в соответствии с американским и западноевропейским стандартами. Такое мировидение представлено известным социологом Самуэлем Хантингтоном в его монографии «Третья волна. Демократизация в конце XX века» [54]. Если демократическая модель Запада – стандарт, то тогда все политические системы мира примитивно делятся на соответствующие ему и ущербные, отсталые, нуждающиеся в модернизации. Значит, необходимо «обучить отстающие в развитии общества демократии». Особенно активизировался экспорт демократических ценностей, демократический транзит после событий 11 сентября 2001г. в США.

Впервые понятие «деспотизм» (деспотическая монархия) или тирания было вычленено Аристотелем. Идея о деспотической форме власти отождествлялась, прежде всего, с Востоком. Ренессанс аристотелевских трудов, возвращённых с Востока в период крестовых походов, привёл к распространению понятия «деспотия» как формы правления, заслуживающей порицания. Хотя сама западноевропейская история средневековья изобиловала примерами деспотического правления. В новое время Монтескье, Гегель, Смит сформировали образ Востока, противопоставленного Западу, и в таком прочтении включили его в телеологическое видение исторического процесса. В результате полиэтнические восточные государства были противопоставлены монархическим суверенным европейским государствам, восточный деспотизм – европейским политическим и правовым системам, восточные методы кочевого и сельскохозяйственного производства – городской и торговой жизни европейцев. В рамках вестернизированного подхода Восток находился в начальной точке развития мировой истории. Гегель полагал, что история движется с Востока на Запад. Следовательно, Европа являет собой финал, конец истории, а Восток – её начало. «Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны», – отмечал он. По его утверждению, первой формой политического устройства в истории был деспотизм, второй – демократия и аристократия, третьей – монархия [11, 156-163].

Базируясь на этих теоретических построениях, а также на определении Марксом азиатского способа производства, интерпретированного в довольно упрощённом виде, сформировалось

мировидение, которое объявляло либеральный капитализм и европейское государство-нацию передовым этапом всемирной истории, центром. Восток объявлялся периферийным, отсталым. Возникла дихотомия Востока и Запада, при которой и политическое устройство, и экономическая система восточных обществ противопоставлялись западным. Востоку отводилась роль буфера, переходной стадии между доисторическим и историческим уровнем, между доиндустриальным и индустриальным обществом.

Итак, К. Маркс оперировал термины АСП, поскольку в то время существование такого специфического строя было выявлено только в Индии и Китае. Как показали дальнейшие исследования учёных, придерживающихся унитарно-стадиального подхода исторического развития, через эту особую формацию прошли многие социумы не только в Азии. В связи с анализом новых данных современные исследователи осуществили развитие концепции Маркса об АСП. Л.С. Васильев придерживается концепции «власть – собственность, опирающийся на государственный способ производства» [8, 158]. А.Т. Дробан выступает за термин «государственно-общинный строй»¹.

Наиболее перспективной и теоретически обоснованной является концепция Ю.И. Семёнова об азиатском (политарном) способе производства, базирующаяся на разделении в политарных обществах верховной и персональной частной собственности. По его мнению, в основе АСП лежала частная собственность, но в особой, непривычной для европейских исследователей форме. Группой, владеющей средствами производства, может являться класс эксплуататоров в целом. В этом случае средствами производства (и работниками-общинниками) «владеют все члены господствующего класса вместе взятые. Но ни один из них, взятый в отдельности. Это общеклассовая частная собственность», приобретающая форму государственной собственности. По мнению Ю.И. Семёнова, «именно такая форма частной собственности и лежала в основе» азиатского способа производства» [45, 49-60].

Однако ни одна из этих концепций не стала в современной науке общепринятой.

Нельзя не согласиться с Б.Г. Могильницким в том, что методологическая проблема формационного и цивилизационного подхода в истории является прямым отражением социально-эко-

номических изменений, происходивших в обществе. Объективная роль марксизма как учения, осуществившего переворот не только в научной, но и в мировоззренческой сферах, о котором пишет Могильницкий, также не подлежит сомнению. При этом следует разделять Маркса-ученого, работавшего в тиши лондонских библиотек, и непримиримого к оппонентам Маркса-революционера. Б.Г. Могильницкий, справедливо критикуя оголтелое неприятие марксизма в обстановке критических настроений 90-х г. XX в. в российской исторической науке, выдвигает на методологическую авансцену взвешенный подход И.Д. Ковальченко, опирающийся на синтез идей и методов. Экономический детерминизм К. Маркса должен сочетаться с социально-ментальным подходом, присущим цивилизационным исследованиям. Иллюстрацией соотношения формационного и цивилизационного подходов является монография известного французского историка Ж. Ле Гоффа «Цивилизации средневекового Запада», которая является по существу методологическим сплавом двух подходов. Будущее исторической науки – в соединении и развитии двух методологических подходов с приоритетным использованием одного из них, в зависимости от конкретно исследуемой проблемы и поставленной научной задачи.

А.Б. Алаев

К вопросу об азиатском способе производства

Во-первых, нам пора излечиться от марксистской интоксикации. Это трудно, потому что бывшие советские обществоведы, в том числе и я, пропитаны марксизмом до мозга костей. Скажем, даже Л.С. Васильев, ярый и откровенный антимарксист, отрицающий все постулаты марксизма, сам не замечает, насколько он продолжает находиться в его тенетах [3]. Но до каких пор мы будем руководствоваться теорией XIX в., научным образом не сформулированной, предсказания которой оказались неверными!?

Начать с того, что не определены базовые категории теории. Нет четкого понимания того, что такое производительные силы, потому что в работах Маркса можно встретить разные их определения. В советской историко-философской науке шла бесперспективная, ничем не закончив-

¹ [ru.enc.tfode.com/Азиатский_способ_производства]

шаяся дискуссия по поводу того, каков основной элемент производительных сил [21; 41; 44]. Наиболее «философичные» ее участники (М.Я. Ковальзон, В.Г. Маравхов) предлагали иезуитскую формулу: орудия труда являются «ведущим элементом» производительных сил, а человек – «главным элементом. Нет ясности и в определении «производственных отношений». Как известно, Маркс иногда включал в это понятие и отношения обмена и потребления, что размывает данное словосочетание до потери им функции аналитической категории. Постсоветские ученые фактически пользуются определениями производственных отношений, производительных сил и способа производства, предложенных И.В. Сталиным, которые, несмотря на всю свою железобетонность, оставляют массу вопросов.

Нельзя также сейчас утверждать, что «его (т. е. Маркса) анализ капитализма сохранил своё значение и поныне». Его знания капитализма были основаны на материале начальных этапов этой системы и сводились к экстраполированию процессов, шедших в его время. Так, он исходил из презумпции, что процесс концентрации производства приведет к исчезновению мелкого бизнеса, что происходит относительно обнищание рабочего класса, что классовые отношения будут обостряться, что необходима пролетарская революция. Однако капитализм пошел по иному пути. Мелкий бизнес процветает и продолжает служить широким базисом всей экономики; положение рабочего класса улучшилось настолько, что он в развитых странах является по существу одним из господствующих классов; социализм, как оказалось, можно построить только мирным путем. Маркс в своей теории капитализма не учел маленького фактора, а именно, что в погоне за прибылью капиталистам нужен рынок сбыта своих товаров, а для этого нужен платежеспособный спрос, а для этого необходимо улучшать материальное положение широких народных масс, включая рабочий класс, который сейчас уже никак нельзя назвать «пролетариатом», «не имеющим ничего кроме своих цепей».

Все основные выводы марксизма оказались неверными. От марксизма осталось то, что марксизмом в точном смысле слова не является: концепция единства человечества и единства всемирно-исторического процесса; представление о том, что этот процесс подчиняется неким закономерностям; что человечество на своем пути проходит несколько этапов, стадий. Кстати, не

следует объединять стадийный и формационный подход. Формационный подход – лишь один из вариантов выделения стадий.

Сам Маркс очень четко осознавал свой вклад в науку: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [34, 427]. Так что В.И. Ленин был прав, когда утверждал, что только «тот марксист, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата» [23, 34]. А отсюда вытекает, что те ученые, которые в какой-то мере сохранили марксистский подход к истории, а именно приверженность экономическому детерминизму и понятию формации, на этом основании еще не могут считаться марксистами.

Те, кто испытывает тоску по прежнему марксистскому беспределу, нередко ссылаются на то, что марксизм моден на Западе, что там его высоко ценят и т. п. Надо сказать, что меня такие аргументы оскорбляют. Что может знать о марксизме какой-нибудь Гэлбрейт? Он что, учил марксизм пять лет в университете, а потом еще три года в аспирантуре, а потом еще работал в этой парадигме всю сознательную жизнь? Кстати, в приведенной в тексте С.А. Воронина цитате из Гэлбрейта нет никакого признания ценности марксизма для сегодняшнего дня. Там говорится только о том, что в свое время идеи Маркса были очень влиятельны. Зарубежные ученые нам, бывшим советским людям, не указ. Да они не нюхали, что такое марксизм, а мы его наелись.

Во-вторых, мне кажется, что неправильно было бы выдвигать тяжелые обвинения в адрес неких востоковедов, которые будто бы проявляют «самодовольный европоцентризм», будто бы происходит «регресс ориенталистской социологии» – и все это без конкретных примеров и ссылок. Я таких современных востоковедов не знаю.

В-третьих, следует, наконец, после всех дискуссий об АСП, прочесть, что Маркс написал об этом способе и уяснить его взгляды на сельскую общину. У Маркса никогда не упоминаются четыре способа производства или четыре формации до капитализма. Их всегда три. Называться они могут в его трудах по-разному: племенная собственность; античная общинная и государс-

твенная собственность; феодальная или сословная собственность [25, 20-22]; азиатский, античный и феодальный способы производства [29, 7]; патриархальный, античный и феодальный строй [37, 101]; рабство, крепостничество, отношения политической зависимости [33, 415]; «первобытное состояние» и «позднейшие общественные отношения, основанные на рабстве и крепостничестве» [31, 194]; «рабовладельческие отношения», «крепостные отношения», «отношения дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй)» [31, 358].

То, что в устах Маркса рабство = античность и феодализм = крепостничество звучали как пары синонимов, не вызывает сомнений. Следовательно, различные характеристики, которые Маркс давал третьему (обычно первому по порядку) элементу триады, тоже представлялись ему синонимами. Множественность характеристик первой формации объясняется тем, что представления о первобытном строе в то время были крайне неопределенными. Маркс воспринял гегелевское членение исторического процесса, которое начиналось с «примитивного» «восточного общества». Он несколько переосмыслил эту идею, уделив внимание, в соответствии своими материалистическими взглядами, общине и деспотической власти. При этом предыдущие состояния человеческого общества он просто не считал историей: «Народы, занимающиеся исключительно охотой или рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие» [28, 733]. История начинается, считал он, со стадии сельской общины, однако общество остается племенным. «В условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности фактически в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно» [37, 463-464]. В рукописях он прямо отождествляет «азиатскую общину» с «первобытным коммунизмом» [33, 439].

Их этих цитат ясно, что Маркс представлял себе первобытную общину в виде индийской, в которой существовала система содержания ремесленников, названная впоследствии системой джаджмани. Маркс не вставлял «азиатский способ» между первобытностью и античностью. Он

также не мог понимать его как альтернативный античному или феодальному. Маркс был строгим однолинейщиком, у него нельзя найти и намек на возможность разных путей развития. Кроме того, в его время считалось непреложным, что сельская община, если она встречается в классовых обществах, – это пережиток первобытности. Кроме того, он был убежден, что эксплуататорский строй может возникнуть только на основе частной собственности на средства производства, а на Востоке, как утверждали европейские путешественники XVI–XVIII вв., частной собственности не было.

С.А. Воронин совершенно правильно обращает внимание на то, что «азиатский способ производства» для Маркса был вовсе не азиатский, он понимал его как универсальный этап развития человечества, просто страны Средиземноморья пошли дальше – к античному способу производства, а страны Востока задержались на этом первом этапе. Но если это так, то выходит, что Маркс ввел в свою схему азиатский способ не для того, чтобы подчеркнуть особенности Востока, а, напротив, для того, чтобы вписать его в единый исторический процесс, предоставив ему первую его стадию. Поэтому неправильно утверждать, что «из всей логично построенной схемы выпадал азиатский способ производства», или что Маркс «был последовательным противником европоцентристских схем и обращал внимание на их неприменимость в деле изучения Востока». Как раз наоборот, – Маркс прекрасно вставил АСП в свою схему формаций, отведя ему место в европейской истории¹. Для него не было истории за пределами Западной Европы, даже народы Восточной Европы он считал «неисторическими» [27, 181-183, 293, 294].

Каким образом в умах основоположников марксизма (Энгельс полностью разделял этот взгляд) совмещались в одном обществе первобытная община и государство (кстати, – все же о классах на Востоке Маркс никогда не упоминает) – это вопрос без ответа. Но совмещались. Это был нонсенс, наши советские «азиатчики» всячески старались этот факт обойти, потому что Маркс заведомо не мог говорить глупости. Но теперь он лишен ореола святости, имеет право говорить все, что ему вздумается, и в том числе право на собственную точку зрения.

¹ Укажу только на те четыре места, где Маркс недвусмысленно говорит, что «азиатский способ производства» существовал некогда в Европе [29, 20; 30, 88; 346; 35. 36]

Советским ученым трудно было с Марксом в то время, когда он обязан был во всем быть правым. Отсюда замалчивание его точки зрения на АСП как на первобытный строй. Отсюда оригинальная точка зрения Ю.И. Семенова на государственную собственность на землю на Востоке. Так как эксплуатация, по Марксу, может быть только на основе частной собственности на средства производства, а на Востоке, по Марксу же, существовало государство и рента-налог, т. е. эксплуатация, то, следовательно, выражение «частная собственность» следует понимать не так, как его понимают все, а как собственность «части общества». Это просто Оруэлл – «мир – это война». Или вспоминается Мухаммад Абдо: «Если мы видим, что Коран противоречит реальности, значит, мы неправильно поняли Коран».

Как уже говорилось, Маркса подвело господствовавшее тогда мнение, что община может быть только первобытной или пережитком первобытности. Это мнение, возникшее априори, до какого-либо научного изучения вопроса, казалось, получало подкрепление с открытием общины не только в Индии, но и в Германии и в России. Однако последующие исследования показали, что этот институт к первобытности отношения не имеет. Германская община-марка возникла в средние века, примерно около XII в. Маурер «реконструировал» германскую общину на основании неверных представлений и данных. Русская передельная община явилась институтом, созданным помещиками, ведет свое начало с XVII в., распространилась по Центральной России, а затем в северных губерниях и в Сибири в XVIII в.¹

Что касается индийской общины, то ее наиболее известная в историографии форма могла возникнуть только в обществе, разделенном на касты, в том числе профессиональные, т. е. лишь после того, как произошло детальное разделение труда в обществе и возникли товарные отношения. Т. е. она тоже никак не может быть первобытным институтом.

Не привожу в этом разделе ссылок, так как их слишком много. Все они есть в моих работах, ко-

¹ Однажды, когда я докладывал эти сведения на одной из дискуссий, мне возразили, что я излагаю точку зрения лишь одной школы российских историков, так называемой «государственной школы». Да, я базируюсь на выводах этой школы. Но ведь с тех пор, как были опубликованы исследования Б.Н. Чичерина, К.В. Кавелина, а потом еще и не «государственников» Н.П. Павлова-Сильванского, им никто по существу не возразил!

торые объединены в сборник. К нему я читателей и отсылаю [2].

Итак, мы с С.В. Ворониным одинаково считаем, что Маркс в конце жизни отказался от формулировки «азиатский способ производства». Чтоб объяснить это, вовсе не нужно обращаться к Витфогелю: Маркс будто бы понял, что отмена частной собственности при социализме приведет к деспотизму. Все гораздо проще. Стало известно, что в Германии в России тоже существовали сельские общины; Г.Л. Морган открыл родовой строй. Представления о первобытном обществе стали четче, чем были в начале XIX в. «Азиатский строй» как модель первобытности стал не нужен для формирования схемы формаций.

Наконец, что же все-таки предлагают С.А. Воронин и Б.Г. Могильницкий? Они предлагают объединить стадийный и цивилизационный подходы, создать некую синтезированную теорию. Благое дело. Создавайте. Но как? В чем заключается цивилизационный подход? Если его сторонники просто призывают обращать больше внимание на духовную жизнь общества (по-старомарксистски – на «надстроечные явления»), то возражений быть не может, но к теории истории это не имеет отношения. Даже если кто-то придаст идеологическим процессам решающую роль – и тут возразить можно, только если с фактами в руках доказать обратное. Остается главный вопрос: имеет ли человечество единую историю, которая идет по общезначимым для всех этапам, или же оно распадается на отдельные сегменты (цивилизации), каждая из которых эволюционирует примерно тысячу лет, переживает становление, расцвет и упадок и исчезает, сменяемая другой цивилизацией? Совместить эти две теории невозможно.

С.А. Воронин

Реплика на комментарий А.Б. Алаева

Мне довелось учиться на истфаке университета в конце 80-х – нач. 90-х гг. Помню, что на меня произвело сильнейшее впечатление заявление декана о том, что мы – первые студенты, у которых не будет лекций по научному коммунизму. Однако истмат и диамат нам всё же читали. На третьем курсе у нас появился и вовсе экзотический по тем временам предмет – политология.

Лирическое отступление поясняет, что время и обстоятельства формирования мировоззрения вашего покорного слуги никак не могли способствовать интоксикации его сознания марксизмом. Напротив, начало 90-х гг. прошлого столетия характеризовалась абсолютной вседозволенностью в суждениях, огульным охаиванием марксистской теории, абсолютизацией цивилизационного подхода в исторической методологии, при полной беспомощности его апологетов в формулировке базовых компонентов теории. Подобная атмосфера порождала естественный вопрос: при всех огрехах и ошибках, неужели К. Маркс был настолько неправ во всем? Неужели вся марксистская теория должна оказаться на свалке истории? Не являясь ни двадцать лет назад, ни сейчас марксистом, я все же не мог согласиться с такой оценкой учения Маркса, пытаюсь увидеть сквозь пелену, заставлявшую глаза гонителей-неофитов (а ещё вчера яростных ревнителей) марксизма, сухой рациональный остаток, пытаюсь рассмотреть полутона, отказаться от черно-белого подхода в оценках.

Изучая, в силу профессиональных интересов, специфику политического лидерства на Востоке, мне вскоре стало очевидно, что это явление не поддается объективному анализу без детального рассмотрения понятия «восточный деспотизм». А от понимания этого был один шаг до проблемы азиатского способа производства. Отталкиваясь от Маркса, можно понять ту теоретическую базу, на которой он выстраивал свою концепцию. Целью моей статьи являлся историографический обзор взглядов европейских мыслителей, изучение которых привели Маркса к формулировке «азиатского способа производства», а отнюдь не абсолютизация взглядов Маркса, которые, действительно, во многом оказались ошибочными, но во многом и верными.

Яростно и непримиримо борясь с оппонентами, оппортунистами, отстаивая принцип классовой борьбы и социального антагонизма, Маркс, сам того не ведая, объяснил в каком направлении должен двигаться капитализм. По пути сглаживания социальных антагонизмов, по пути развития социальных предпочтений рабочего класса. Именно благодаря Марксу капитализм пошел по другому пути. Концепция глобализации во многом базируется на экономическом детерминизме, что признают даже такие ее апологеты и ярые антимарксисты, как З. Бжезинский.

Марксизм, действительно, моден на Западе. Его популярность резко возросла, особенно в

2008-2010 гг., в пик мирового экономического кризиса, который, кстати, также был предсказан Марксом. Работы Маркса издаются в Германии и Великобритании огромными тиражами. Труды Маркса детально изучил и крупнейший экономист, институционалист Дж. Гэлбрейт, которого ну никак нельзя назвать «какой-нибудь». Уважаемый профессор Л.Б. Алаев отмечает, что в использованной мною цитате из Гэлбрейта «нет никакого признания ценности марксизма для сегодняшнего дня». Не могу понять, почему сложилось такое впечатление. Вынужден повторить слова Гэлбрейта: «По многим вопросам сегодняшнего мышления и способу их выражения Маркс обладал наибольшим авторитетом».

Думается, нам следует избавиться от интоксикаций любого рода, в том числе от интоксикации излишней эмоциональностью в оценке научных явлений.

Размышляя о путях эволюции восточных обществ, Л.Б. Алаев отмечает: «Свой путь» вовсе не означает свободу в его выборе. Те руководители современных развивающихся стран, которые провозглашают «третий путь» и отвергают вестернизацию, вынуждены реагировать на импульсы, идущие с Запада, и их политика, таким образом, в значительной степени предопределена этими импульсами». С этим утверждением трудно согласиться.

Абсолютной свободы выбора не существует, свобода всегда есть осознанная необходимость. Любой выбор определяется историческими условиями. Поиск путей развития по «третьему пути» отражает искания, свойственные мыслителям и Запада, и Востока. Однако феномен идеологии «третьего пути» как политико-правовой доктрины имеет качественные отличия по генезису формирования и методам функционирования на Западе и на Востоке. Для европейской социал-демократической мысли конца XIX в. – нач. XX в. «третий путь» – это, прежде всего, попытка смягчить противоречия между капитализмом и социализмом. Поиск «среднего», «третьего пути» осуществлялся в рамках концепций синдикализма во Франции, ревизионизма в Германии и др. Во 2-ой половине XX в. европейская социал-демократия апеллировала к идеалу, представляющему собой конвергенцию социалистической и капиталистической моделей развития. «Третий путь», таким образом, выступает как результат синтеза позитивных черт двух социально-экономических систем, не противопоставляя одну другой. Одним из

вариантов развития по «третьему пути» является доктрина корпоративного государства, в основе которой лежит понятие «солидарность».

На Востоке концепции «третьего пути» стали вызовом существующему биполярному миру. Выбор «третьего пути», отвергающего либеральную демократию, капитализм А. Смита и коммунистические идеалы К. Маркса, был основан на поиске аутентичного пути развития, базирующегося на сохранении самоидентичности, модернизации экономики и социальных отношений. «Третий путь» на Востоке во 2-ой половине XX в. – это попытка постколониальных обществ найти своё место в сложившейся системе международных отношений. В этом смысле концепция «третьего пути», прежде всего, обозначала обоснование независимости и начало нацистроительства. 2-ая половина XX в. стала в афро-азиатском мире парадом суверенитетов. Колониальные режимы рушились один за другим. Независимость и начало нацистроительства в постколониальный период настойчиво требовали ответа на вопрос, по какому пути пойдёт развитие молодого государства, какая социально-экономическая модель будет взята за основу. Одной из таких моделей стал «третий путь», как социальный идеал, зиждющийся на синтезе неотрадиционализма и осознания необходимости модернизации, базирующейся на ценностях солидаризма и эгалитаризма.

Однако в целом основные подходы у нас с Л.Б. Алаевым совпадают. Это оценка АСП как универсального, характерного для всего человечества этапа развития. Это и констатация факта об отказе Маркса от формулировки АСП. По мнению Л.Б. Алаева, для объяснения причин этого отказа «вовсе не нужно обращаться к Витфогелю». Однако проблема социогуманитарных наук всегда заключалась в отсутствии четких и однозначных трактовок. Грубо говоря, 2 x 2 в исторических исследованиях не всегда 4. По моему, никто, кроме Витфогеля, не докопался до сути резкого отказа Маркса от АСП. Глубоко убежден, что будущее методологии в учете всех факторов исторического развития, в создании синтезированной теории. А это, действительно, благое дело. Может быть, действительно, в этом направлении дальше всех продвинулся Ю.И. Семенов.

Одним из путей налаживания реального цивилизационного диалога, как мне видится, является отказ Запада от доминирования в рамках глобализации, от политики гуманитарной

интервенции, от навязывания традиционным обществам ненужных им и ментально неприемлемых моделей либерального капитализма и сопутствующего ему демократического транзита. Уважение национальной идентичности в рамках глобализирующегося мира является действенным рецептом для перехода от конфронтации к реальному диалогу, толерантности Востока и Запада в мультикультурном мире. Действительно, следует помнить слова великого индонезийского поэта Мпу Тантулара о том, что «единство мира в его многообразии», а не в унификации полиэтнического и многоконфессионального социума. Ищущий – да обрящет.

А.М. Родригес

К вопросу о «формации» и «цивилизации» на Востоке

По меньшей мере с середины XIX в. начался научный поиск и выявление общих закономерностей (включая их причины и фазы) развития общемирового исторического процесса. Уже тогда одной из важнейших проблем в поиске возможных закономерностей стало осознание неравномерностей самого процесса общечеловеческого развития, в том числе кажущееся несоответствие самих закономерностей и уж в любом случае – наличие ярко выраженных особенностей в развитии Запада и Востока. В раннее и развитое средневековье казалось, что Восток опережал Запад по всем характеристикам общественного развития, а вот позже темпы исторического развития этих регионов резко изменились.

Социальная эволюция стран Востока в XVI – XIX вв. носила драматический, в некоторые периоды даже трагический, характер перехода от безусловного доминирования над Западом к столь же несомненному отставанию от него. Об истоках, темпах и даже сущностной стороне этого отставания споры идут с незапамятных времен. Многие, особенно – представители национальных историографий Востока, считают главной, а иногда – чуть ли не единственной, причиной отставания Востока колониальную экспансию западных держав с последующей жестокой эксплуатацией ими народов Востока и последствиями этой эксплуатации – разрушением производительных сил, обнищанием, социокультурной и экономико-технической деградацией.

Несомненно, большая доля правды в этом есть. Но вряд ли все беды Востока можно объяснить колониальным порабощением и вообще «внешним» фактором. Страны Востока очень часто и в доколониальную эпоху вели между собой кровопролитные и разорительные войны, в ходе которых население, народное хозяйство и культура оказывались на грани уничтожения (а в некоторых случаях действительно погибали). Но это не вело к тем последствиям, которыми характеризуется социальное состояние Востока к исходу XIX в. Иными словами, «внешнее» воздействие, в том числе фактор колониализма, в судьбах Востока сыграли роль значительную, но не решающую.

Большинство исследователей Востока, прежде всего – в Европе и Америке, склонны объяснять отставание Востока особенностями самого восточного общества и иными путями его развития, нежели общества западного. Однако и здесь единого мнения нет. Более того, существует многообразие и даже непримиримость разных позиций. Если обратиться только к отечественной историографии, то здесь стоит отметить еще недавно кипевшие споры между «формационщиками» и «цивилизационщиками».

Первые, исходя из теории исторической смены социально-экономических формаций, объясняли отставание Востока тем, что он попал в «тупик феодальности», не смог преодолеть барьеры феодализма на пути своего развития в исторически реальные сроки и был обречен на насильственную ломку своего традиционного строя в ходе модернизации, навязываемой извне колонизаторами. Отсюда берут начало различные концепции эволюции восточного общества в колониальную и последующие эпохи.

Иначе все объясняют сторонники цивилизационного подхода. Для них важны и основополагающие прежде всего духовные факторы и складывающиеся на их основе отношения, которые функционируют не по формационным критериям и организуют, цементируют общество как в известной мере неизменный социокультурный организм, который следует определенному духовному образцу, своего рода стержню духовной жизни. Роль такого стержня обычно выполняет религия, в связи с чем для любой цивилизации важную роль играет «сфера сакрального» и нередко – сведение культурного наследия к религии.

Преувеличение роли религии «цивилизационщиками» подкрепляется еще и тем, что религия

на Востоке – не только вера, философия и культуротворящий фактор, как на Западе. Она здесь также – образ жизни, свод законов и обычаев, социальный регулятор повседневного бытия. Особенно это относится к исламу. Кроме того, в силу этнической пестроты жителей Востока и различия условий их жизни (кочевников и оседлых, горцев и жителей равнин, обитателей пустынь и оазисов) огромную роль приобретали функции их объединения и сплочения. Выполнявшее эти функции государство обычно нуждалось в их освящении религией. Фактически государство в реализации военной и экономической власти опиралось на духовную, социокультурную и идейную поддержку религии.

Допуская правомерность цивилизационного подхода как такового (А. Тойнби вообще считал историю чередой сменяющих друг друга цивилизаций), хотелось бы все же не противопоставлять его подходу формационному, каковой, со многими вариациями, также утвердился в мировой науке. Они на самом деле не так уж противоречат друг другу. Более того, необходимо взаимодействие и взаимодополнение обоих этих подходов, так как экономика немыслима без технологии, а последняя – без развития культуры, т. е. культуры и технология, определяющие облик и уровень цивилизации, не могут быть отделены от экономики, определяющей, в свою очередь, социальную структуру, т. е. от факторов формационных. Иными словами, нет формации вне цивилизации, а цивилизации – вне формации.

Сторонники цивилизационного подхода обычно абсолютизируют способность цивилизации жить своей жизнью, не совпадающей с жизнью породившей ее формации. Особенно их восхищает способность цивилизации не идти вперед, а сохраняя накопленное, останавливаться или даже двигаться вспять. Но это – самообман. Во-первых, в развитии формаций также бывают уклоны, отступления, застой и постоянные движения. А во-вторых, несовпадение эволюции цивилизации и формаций – норма, а не исключение. Духовное развитие всегда идет по своим законам, нуждаясь в передышке и усвоении достигнутого, в постижении нового качества. Развитие материальное, в частности экономическое, в большей степени измеряется количественным ростом и механическим продвижением вперед.

Помимо весьма сложных отношений цивилизации (меры развития общества), формации (меняющейся в зависимости от экономики

структуры общества) и культуры (меры развития человеческой личности, но также системы ценностей и способа деятельности), для развития Востока всегда характерны были замедленные темпы социальных перемен и более длительные, чем на Западе, периоды переходного межформационного состояния. Любая формация на Востоке почти нигде не достигала законченной, как в Европе, формы, сохраняя свою гетерогенность, многоукладность.

Не менее важен был и фактор «сопротивления культур», сформулированный известным французским историком Фернаном Броделем. Согласно его концепции, эти культуры и «получивилизации» в ответ на все попытки их уничтожить «появляются снова, упорно стремясь выжить». На Востоке все эти культуры, цивилизации и «получивилизации» возникли раньше, чем на Западе, укоренились прочнее, и потому восточное общество не только в социально-экономическом, но и в цивилизационно-культурном плане было пестрым, многоукладным, плюралистичным. Каждая предшествовавшая эпоха оставляла свой след в последующих более весомо и заметно, чем это было (в тех случаях, когда было) на Западе.

Таким образом, для социального развития Востока характерны были следующие особенности: 1) более длительный, чем на Западе, характер переходных межформационных эпох; 2) отсюда – стойкая многоукладность, социально-экономическая пестрота восточного общества; 3) особая роль фактора «сопротивления культур», увеличивавшая неоднородность, многопластовость любого социума на Востоке; 4) гипертрофированное значение государства и религии, порождавшее, в свою очередь, столь же гипертрофированные привилегии и влияние бюрократии и духовенства. К этим особенностям внутреннего свойства следует добавить игравшие подчас решающую роль факторы воздействия извне, какими преимущественно до XVI в. (в Евразии до XVIII в.) были завоевания и нашествия кочевников, а после XVI в. – колониализм стран Европы.

В настоящее время в востоковедной исторической науке сложились четыре концепции развития Востока, учитывающие социально-экономическое и прочее сходство Востока с Западом: 1) «теория зависимого развития», отводящая Востоку роль зависимой и отсталой периферии центров мирового капитализма на севере Америки, на западе Европы и в Японии; 2) теория «дуальности», делящая восточное общество на «совре-

менное» (преимущественно насажденное извне и сориентированное на Запад) и «традиционное» — лишь частично подвергающееся медленной и мучительной трансформации и модернизации; 3) теория «многоукладности», представляющая восточное общество в качестве своеобразного конгломерата разнородных социально-экономических укладов (от натурально-патриархального до государственно-капиталистического), само соотношение, количество и удельный вес каждого из которых необычны для Запада, несвойственны ему; 4) теория «общественного синтеза», исходящая из наличия на Востоке как укладов с однородной внутренней структурой, так и укладов «синтезированного» типа, когда в процессе воспроизводства участвуют неоднородные в социально-экономическом отношении элементы (например, рабочие и феодалы, буржуазия и патриархально-общинное крестьянство).

Последняя концепция как бы претендует на обобщение всех предыдущих, сформировавшись окончательно в 1980-х гг. и делая упор на то, что само развитие «общества на Востоке идет через процесс взаимопроникновения модифицированных элементов разных укладов с последующей их трансформацией» [51; 46, 207].

Во всех этих концепциях – немало общего. Все они исходят из социально-формационной и иной неоднородности восточного общества, наличия в нем различных укладов, что является главной и принципиальной его особенностью в отличие от Запада, где многоукладность – или реликт, или второстепенная особенность, или отсутствует вовсе. Очень важно определение восточного общества как переходного, в котором прошлое и настоящее, традиции и современность находятся в более сложной диалектической связи, чем на Западе, более «равноправны», равнозначимы. Для понимания Востока также важно понятие «исторической эпохи», введенное в конце 1970-х гг. в отечественную историческую науку и сводимое к длительному периоду, характерному устойчивым взаимодействием двух или более одновременно сосуществующих ... формаций» [40, 5].

Понятие «формация» применимо к истории Востока, но с учетом того обстоятельства, что длительные переходные межформационные эпохи занимают в этой истории, в отличие от истории Запада, гораздо большее, если не доминирующее, время. Нередко их ошибочно называют «восточный феодализм», «восточный капитализм» и т. п., подразумевая под этим формации

«нечистые», смешанные, как бы «загрязненные» инородными компонентами и отношениями. На самом деле это особенность не формаций на Востоке, а самого восточного общества, испытавшего сильное влияние географических условий, климата и экологии Востока. В свою очередь, это предопределило особый тип хозяйства и варианты его эволюции. Благоприятные природные условия способствовали здесь раннему развитию своеобразных культурно-исторических типов социального бытия, но наличие громадных просторов пустынь и степей породили кочевничество с его устойчивым на тысячелетия образом жизни и с постоянно им рождаемой (и осуществляемой периодически) угрозой более цивилизованным районам и целым странам. Разрушительные нашествия кочевников – постоянный фактор истории Востока. В то же время именно здесь больше всего проявился фактор «сопротивления культур», которые, в ответ на попытки их уничтожения, «появляются снова, упорно стремясь выжить» [5, 119].

Это обстоятельство, как представляется, послужило причиной для возникновения в 1990-е гг. дискуссии о «формационном» и «цивилизационном» подходах к анализу социально-экономического и социокультурного развития Востока. Сторонники первого подхода продолжают отстаивать применимость понятия «формация» к истории Востока с теми или иными поправками (в соответствии с взглядами все того же Арнольда Тойнби). По мнению сторонников такого подхода, именно цивилизация является критерием развитости и самобытности любого общества. Но истина, очевидно, в совмещении формационного и цивилизационного подходов. Формация и цивилизация иногда совпадают, ибо вне формации еще не рождена ни одна цивилизация. Но нередко они не совпадают (подобно, скажем, этносу и языку). Диалектика их взаимоотношений характеризуется одновременно взаимозависимостью и относительной независимостью друг от друга. Не вдаваясь в сложные отношения цивилизации (меры развития общества) и культуры (меры развития личности, но в то же время системы ценностей и способа деятельности), следует указать, что цивилизация, помимо духовной и материальной культуры общества, включает также всю совокупность институтов политической надстройки, каковые являются мостиком между духовной культурой и экономическим базисом, результатом взаимодействия социальных

связей и социальных ценностей данного общества. Именно этот компонент многих сбивает с толку, вызывая желание подменить формацию цивилизацией. Но в целом цивилизация, нередко складывающаяся на протяжении ряда формационных эпох, обладает большей устойчивостью, преемственностью, непрерывностью накопления информации, в то время как для формационного начала характерны переменчивость и конфликтность. Моменты несовпадения формации и цивилизации – норма, а не исключение. Иногда цивилизации переживают формации, иногда – гибнут вместе с ними, но более замедленно, оставляя более заметный, чем формации, след в исторической памяти человечества. Это ярко проявляется в различные переломные или переходные эпохи, особенно свойственные Востоку и связанные с ломкой старых и образованием новых структур исторического пространства.

А.Б. Алаев

Реплика

Начну с того, что отмечал в реплике на текст Б.Г. Могильницкого: давайте определимся, о чем мы говорим. Что мы понимаем под цивилизационным подходом? Выдвижение культуры (религии) как основного критерия различения обществ и отодвигание на второй план фактора развития экономики, или же отрицание всемирно-исторического процесса и понимание истории как смены не связанных друг с другом цивилизаций, которые возникают, расцветают и умирают?

Классический цивилизационный подход (Н. Данилевский, А. Тойнби и др.) базируется на идее, что нет человечества, нет и его истории. Надо расстаться с общемировой стадильностью и поисками закономерностей. Трудность принятия такого взгляда заключается в том, что надо доказывать, что месопотамская и древнеегипетская цивилизации не повлияли на античную, что последняя не повлияла на Западную Европу, что Античная цивилизация не повлияла на арабомусульманскую, а та, в свою очередь, на Западноевропейскую. И т. д. Эта теория цивилизаций глубоко чужда стадильному подходу, и соединить эти два подхода невозможно.

А.М. Родригес рассуждает в рамках другого понимания проблемы. Он остается на позициях стадильного подхода, только «чуть-чуть»

перевернув формационную теорию. Ведь и она утверждает, что некоему базису соответствует определенная надстройка. «Просто» мы начинаем утверждать, что бывшая «надстройка» – на самом деле базис. Фактически «цивилизацией» он называет некое состояние культуры, то, что мы называли «надстройкой», а «формацией», видимо, – способ производства. (Дважды автор пытается «развести» «цивилизацию» и «культуру», но ясности в этом вопросе не добивается.) В этих рамках можно «поженить» «перевернутый» формационный подход с так называемым «цивилизационным», правда, возникают новые трудности. С экономикой все же яснее. Хотя до сих пор марксисты так и не выработали единицу измерения «уровня развития производительных сил», все же кое-какие данные можно использовать, скажем, ВВП на душу населения или производительность труда. Но как измерять культуру? А измерять ее, коль скоро исследователь не отказывается от стадильности, придется. Но нет инструментов, чтобы определить, какая культура (религия) выше или ниже. Но те, кто убежден, что культура двигает человечество вперед, пусть доказывают это на конкретном материале.

Н.И. Смоленский

Заключительное слово

Обмен мнениями участников Круглого стола в некоторой степени отражает общую ситуацию состояния теоретических основ современной российской историографии. Это ситуация теоретических происков и противоречий, часто – несовместимости взглядов по одному и тому же вопросу. Подвергаются пересмотру не только основные принципы теоретического мышления советской историографии, но порой те конкретно-исторические и теоретические наработки, которые выходят за рамки исследований советской историографии. Предметом споров становятся представления о том, что такое рабство, феодализм и т. д. Утрата (или отсутствие) устойчивых теоретических представлений об истории – один из характерных признаков этой ситуации споров и разногласий. Правда, устойчивыми или тем более окончательными они не могут быть навсегда, что делается невозможным развитием истории и развитием познания, и тем не менее, безбрежный плюрализм – не самая лучшая тео-

ретическая основа познания, особенно, если выдержан в духе постмодернизма с его основополагающим тезисом: «Историю, как совокупность свидетельств прошлого, можно изложить весьма изрядным числом равно состоятельных способов» [58, 283].

Ситуация безбрежного плюрализма объясняется, во-первых, развитием самого исторического познания, в ходе которого накапливается новый фактический материал, связанный с познанием прошлого или с новой фазой развития действительности, что с неизбежностью ставит вопрос о соответствии этому материалу существующих теоретических представлений. Другой и, по существу, главной причиной является изменение общественного строя в стране, что еще с большей очевидностью делает неизбежным пересмотр содержания и структуры теоретических позиций историка.

Окружающая современного историка действительность становится не только ключом к познанию прошлого, но и – в зависимости от того, в каких руках это находится – отмычкой, инструментом его искажения в угоду тем или иным исходящим от окружающего историка времени импульсам, веяниям или даже требованиям. Впрочем, есть еще одна предпосылка плюрализма исторического мышления на всех его уровнях, делающая плюрализм в разной мере – в зависимости от общественных условий – неизбежным; это – неисчерпаемость исторической действительности, недоступная во всей полноте ее восприятия никому.

Участники Круглого стола выразили различия в понимании и оценке роли формационного подхода сегодня, в соотношении формационного и цивилизационного подходов, в понимании азиатского способа производства на материале взглядов Маркса. Эти различия имеют отношение – прямое или косвенное – к проблеме многофакторного подхода к изучению истории. Неисчерпаемость действительности – это продукт ее многообразия, складывающегося из действия множества причин (пружин, факторов), сочетающихся в разных условиях места и времени по-разному, что предполагает наличие различных путей, вариантов, следовательно, и этапов, фаз их развития. Во всем этом заключено бесконечное многообразие; следовательно, понять историю – значит понять ее как многообразие. Однако понять ее таким образом невозможно не только потому, что многообразие неисчерпаемо

и никакой эмпирический уровень исследования охватить его не в состоянии. Многообразие – само по себе препятствие на пути познания сущности явлений, скрытое за конкретно-исторической формой их проявления и недоступное простому описанию (наблюдению, как сказал бы физик). Но дело не только в этом. Как складывается та цепь событий, именуемых историей, на разных уровнях и временных этапах ее развития? История – не хаос, не броуновское движение, в ней есть определенная логика развития. Является ли эта логика простой арифметической суммой, продуктом многообразия? Ответ на этот вопрос однозначен: нет, очевидным, не требующим особого доказательства свойством исторического развития является его неравномерность во всем – уровне, зрелости форм, этапах; с точки зрения многообразия остается необъяснимым, почему оно в одних условиях приводит к одному, в других – к другому и т. д., в сущности, до бесконечности. Следовательно, необходим – в мышлении – уход от многообразия и поиск того фактора, варианта, этапа развития, который первенствует, преобладает; следовательно, необходим переход от плюрализма к монизму, хотя последний же может быть монизмом одностороннего характера, т. е. признанием некоторого фактора в качестве единственной движущей силы событий или истории в целом.

Подобный подход выражен в дискуссии участников Круглого стола. «Общая периодизация исторического процесса нужна. Она должна определяться этапами эволюции передовых социумов.» «... всемирная периодизация истории определяется этапами, переживаемыми ведущими социумами. Другие социумы двигаются по путям истории под влиянием передовых и имеют собственные закономерности развития и не повторяют этапы передовых стран» (Л.Б. Алаев). И еще: «По моему мнению, общий характер эпохи определяется не столько количественным составом класса основных производителей..., а преобладанием структуры социально-экономической, политической и культурно-религиозной ячейки...такой ячейкой в древнем Риме была товарная рабовладельческая вилла, в средние века – феодальная крепостная вотчина, в капиталистическом обществе – фабрика...» (В.И. Кузищин). В обоих случаях к решению разных проблем применена одна и та же логика мышления – уход от многообразия и выбор определяющего фактора. Правда, следует признать: определяющий фактор

мог быть выявлен только в ходе многофакторного анализа, предшествующего этому. Элементы подобной логики мышления высказывались и раньше. «Человечество развивается не так, что все народы сами, своими силами и независимо друг от друга проходят общие стадии, но так, что в определенных обществах возникают условия, при которых совершаются открытия, которые затем обязательно распространяются на все другие общества» [50, 47]. Здесь нужна поправка: другие общества не повторяют буквально открытия, чему мешает непреодолимость многообразия. Наконец, автор этих строк использовал подобную логику мышления в изучении вопроса о природе исторических понятий; в полемике с теорией идеальных типов М. Вебера с ее тезисом об отсутствии прообраза понятия в действительности доказывалась опора научного исторического понятия на самый развитый, зрелый вариант порядковых явлений», как на свой прообраз [47]. В этом смысле содержание понятия – не простая арифметическая сумма многообразия признаков исторической реальности, а, так сказать, слепок с наиболее развитого, зрелого варианта исторических явлений, служащего ключом к пониманию всех других их разновидностей. Рассмотренная логика мышления – ключ к пониманию действительности, истории в целом в ее единстве, многообразии и неравномерности.

Участники Круглого стола в общей форме и, так сказать, попутно выразили свое отношение к марксистскому варианту исторической теории, в особенности – к формационному подходу. Различия в подходах и оценках есть и здесь, хотя оно несопоставимо с теми крайностями плюрализма по данному вопросу, которые имеют место в более широком спектре участников дискуссии с начала 90-х гг. Вот одна из них: «Поиск новых подходов к изучению истории диктуется необходимостью преодолеть пережитки марксизма в сознании историков, преодолеть марксизм как метод исследования, как инструмент научного анализа. Несоостоятельность этой теории слишком очевидна, и я не буду останавливаться в этом» [15, 5].

Правильно, не надо тратить слов впустую, независимо от количества сторонников этой точки зрения она уже не решает судьбу теории в общественном сознании и в научной сфере. В конце XX в. в Англии был произведен опрос населения (BBC) на тему: кто из ученых оказал наибольшее влияние во втором тысячелетии? Ответы: 1) Маркс; 2) Эйнштейн; 3) Ньютон. Далее, опрос в Германии 2003

г.: кто из немцев оказал наибольшее влияние на жизнь страны? Ответы: Аденауэр, Лютер, Маркс. Что же касается области исторического познания, то, в частности, экономический детерминизм Маркса в той или иной форме стал составной частью мышления историков, которые себя в последователях Маркса не числят. Один пример: «Логика исторического процесса неумолима: способ производства определяет историю, поскольку порождает фундаментальный механизм удовлетворения основных человеческих потребностей и желаний. Образ, каким люди удовлетворяют свои потребности, порождает соответствующие формы управления и общественные идентичности» [19, 535]. Это – Чарльз Капхен, профессор Школы международных отношений при Джорджтаунском университете. Под сноской 13 названы следующие авторы: Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Э. Геллнер. Даже от этого, несколько странного перечня имен веет большим здравомыслием, чем от откровений антимарксиста. Здравый и проблемный подход к теории Маркса заключается совсем в другом – в признании, которое является условием научного ее понимания сегодня, именно, понимания того, что в ней есть: 1) нечто изначально ошибочное, 2) есть положения, обладающие достоинством истины для своего времени и переставшие быть таковыми сегодня и 3) есть нечто непреходящее [22, 4]. К последнему относится, прежде всего, экономический детерминизм Маркса с обязательным однако условием соблюдения его точного смысла – не выступать в качестве единственной перво-причины всего сущего, что порой приписывается этой теории. Монокауальность – ошибочное (или намеренно искаженное) представление о ее сути, понимание чего имеет место и у ее противников: «О Марксовом материализме было сказано много совершенно несостоятельного. Особенно нелепо звучит часто повторяемое утверждение о том, что Маркс не признал ничего выходящего за пределы «низших», или «материальных» аспектов человеческой жизни» [43, 121]. Уходя от обвинений в монокауальности, Энгельс писал, что экономический фактор является в историческом процессе определяющим «в конечном счете» (выделено Энгельсом – Н.С.) [36, 394-395]. Впрочем, фраза «в конечном счете» сама по себе требует расшифровки, чего у ее автора нет. Способом этой расшифровки может быть только детальный анализ соотношения экономических отношений и структур с тем, что именуется надстройкой применительно к разным периодам исторического развития. Только

такой анализ может показать, в частности, степень обоснованности такого, например, утверждения: «Ошибка последователей К. Маркса состояла в том, что зависимость надстройки от базиса, вполне реальную в условиях современного ему капитализма, они приняли за неизменно присущую всем стадиям общественного развития» [14, 25].

Обмен мнениями участников круглого стола (Л.Б. Алаев, С.А. Воронин) делает в современных теоретических поисках, надо полагать, одной проблемой меньше. Речь идет об азиатском способе производства из наследия Маркса; представления об этом Маркса, согласно выводам участников дискуссии, могут быть отнесены, по приведенной схеме академика И.Д. Ковальченко, к изначально ошибочным, а сама проблема – несуществующей. Примерно так же обстоит дело с выводом по отношению к весьма длительной и острой дискуссии 90-х гг. XX в. о соотношении формационного и цивилизационного подходов. Участники круглого стола в этом случае высказали разные точки зрения относительно упомянутого соотношения (Л.Б. Алаев, Б.Г. Могильницкий, В.И. Овсянников, А.М. Родригес). Вполне обоснованным, в некоторой степени очевидным, следует признать вывод об отсутствии какого-либо теоретического результата в форме синтеза двух подходов по одной простой причине: невозможно сочетать то, что есть (формационный подход), с тем, чего нет (цивилизационный подход). В том, что такое цивилизация, цивилизационный подход, нет даже приблизительной ясности и определенности.

Может быть, этот итог дискуссий говорит о том, что российская историография пока не стоит у порога новых теоретических выводов и открытий масштабного характера, т. е. новой общей теоретической основы исторического исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алаев Л.Б. История Востока. М.: РОСМЭН, 2007.
2. Алаев Л.Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М.: Вост. лит., 2000.
3. Алаев Л.Б. Рецензия на книгу Л.С. Васильева «Всеобщая история. Т. 1-2» // Восток. 2009. № 1.
4. Бернье Ф. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. М., 2008.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 2. М., 1988.
6. Васильев Л.С. Всеобщая история. Т. I. М.: Высш. школа, 2007.
7. Васильев Л.С. Всеобщая история. Т. II. М.: Высш.

- школа, 2008.
8. Васильев Л.С. История Востока. Т.1. М.: Высш. школа, 1998.
 9. Вигасин А.А. История Древнего Востока: учебное пособие. М.: Дрофа, 2006.
 10. Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870.
 11. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения. Т. 8. М.-Л., 1935.
 12. Гэлбрейт Дж. К. Экономическая теория и цели общества. М., 1976.
 13. Джонс Р. Экономические сочинения. Л., 1937
 14. Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Формация или цивилизация? Сб. статей и материалов / Под ред. проф. В.И. Овсянникова. М., 1993.
 15. Иванов Н.А. Восток: новые подходы к изучению истории // Восток. 1993. № 4.
 16. История Востока. I. Восток в древности. М.: Вост. лит., 1997.
 17. История Востока. II. Восток в средние века. М.: Вост. лит., 1995.
 18. История Востока. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. М.: Вост. лит., 1999.
 19. Капхен Чарльз. Закат Америки / Перев. с англ. Б. Сыркова. М.: АСТ, 2004.
 20. Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879.
 21. Ковальзон М.Я. Социально-философский смысл понятия «производительные силы» // Вопросы философии. 1981. № 4.
 22. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1.
 23. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33.
 24. Ле Руа Ладюри Эмманюэль. Монтайю, окситанская деревня (1294 - 1324). Екатеринбург, 2001.
 25. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955-1973.
 26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955-1973.
 27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. М., 1955-1973.
 28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. М., 1955-1973.
 29. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1955-1973.
 30. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1955-1973.
 31. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. М., 1955-1973.
 32. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. М., 1955-1973.
 33. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 26. Ч. 3. М., 1955-1973.
 34. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 28. М., 1955-1973.
 35. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 32. М., 1955-1973.
 36. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 37. М., 1955-1973.
 37. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М., 1955-1973.
 38. Маурер Г.Л. Введение в историю общинного, подворного и городского устройства и общественной власти. М., 1880.
 39. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977.
 40. Новая и новейшая история. 1979. № 1.
 41. Обмен мнениями: актуальные проблемы анализа производительных сил докапиталистических классовых обществ // Философские науки. 1983. № 6. С. 12-34.
 42. Одиссей. Человек в истории. Феодализм перед судом историков. М.: Наука, 2006.
 43. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.
 44. Производительные силы как философская категория // Вопросы философии. 1981. № 4. С. 87-95.
 45. Семенов Ю.И. Загадка и разгадка проблемы «азиатского» (политарного) способа производства // Ф. Бернье и проблема «азиатского» способа производства. М., 2008.
 46. Симония И.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
 47. Смоленский Н.И. Историческая действительность и историческое понятие // Вопросы истории. 1979. № 2.
 48. Уколова В.И., Ревякин А.В. Всеобщая история: с древнейших времен до конца XIX века. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2006.
 49. Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола. Москва, 25 апреля 2005 г. М.: ИВИ РАЕН, 2008.
 50. Фурман Д.Е. Наши тревоги и всемирная история // Вопросы философии. 1990. № 11.
 51. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
 52. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Избранные произведения в 3 т., М., 1986.
 53. Forester W. The embassy of sir Thomas Roe 1615-1619, Oxford, 1926.
 54. Huntington S.P. The third wave: Democratization in the late 20-th century, Norman, 1991

55. Maine H.S. Village Communities in the East & West. L., 1871.
56. Mukherjee S.N. Sir William Jones. A Study in eighteenth century British attitudes to India. Cambridge, 1968.
57. Patton R. The principles of Asiatic monarchies, politically & historically investigated & contrasted with those of the monarchies of Europe showing the dangerous tendency of confounding them in the administration of the affairs of India; with an attempt to trace this difference the affairs of India; with an attempt to trace this difference to its source. L., 1801.
58. White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth – Century. Europe. Baltimore, 1973.
59. Wilks M. Historical sketches of the south of India in an attempt to trace the history of Mysoor. L., 1810.
60. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative study of total Power, New Haven. London, 1957.

УДК 378.096

Юдин М.В.

Московский государственный областной университет

**«ВСЕ ЭТО ИЗ НАШЕЙ ИСТОРИИ СТРОКИ»:
становление и основные этапы развития факультета
истории, политологии и права МГОУ**

M. Yudin

Moscow State Regional University

**«ALL THESE LINES ARE FROM OUR HISTORY»:
formation and main stages of development of the faculty of history,
political science and law, MGOU**

Аннотация. Статья посвящена факультету истории, политологии и права МОПИ-МПУ-МГОУ, отмечающему вместе с вузом своё 80-летие. В статье рассматриваются основные этапы развития факультета, его кадровый состав, роль и значение в подготовке педагогических и научных кадров страны. На основе впервые введенных в научный оборот документов показана история факультета, в которой как в капле воды отразились успехи, проблемы и противоречия развития страны.

Ключевые слова: высшая школа, педагогический вуз, МОПИ, МГОУ, факультет истории, политологии и права, исторический факультет.

Abstract. The article is about Department of History, Political Science and Law in MRPI-MPU-MGOU, which is celebrating its 80th anniversary as well as the university. The article considers the main stages of the faculty development, its staff composition, its role and importance in preparing teaching and research staff of the country. On the basis of the first scientific documents the history of the faculty is revealed, and like a drop of water it reflects the progress, challenges and contradictions of the country.

Key words: high school, pedagogical university, MRPI, MGOU, Faculty of History, Political Science and Law, Faculty of History.

Факультет истории, политологии и права принял первых студентов в 1931 г. – в год основания Московского областного педагогического института. Базой для создания МОПИ стал реорганизованный Московский областной педагогический техникум им. Профинтерна. Реорганизация произошла на основании решения Президиума Московского областного исполнительного комитета Советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов от 29 мая 1931 г. и Коллегии Наркомпроса РСФСР от 14 июля 1931 г. Этот шаг был вызван тем, что Московская область в 1932 г. переходила на всеобщее обязательное семилетнее обучение и школы нуждались в учительских кадрах [9, 13]. Всеобщее образование должно было полностью ликвидировать неграмотность, что требовалось для индустриализации страны. Создавая МОПИ, государственная власть преследовала и еще одну чрезвычайно

© Юдин М.В., 2011.

важную цель: на примере Московской области дать образец, который могли бы копировать все регионы страны.

Преобразование техникума в институт намечало создание трех отделений: общественно-литературного, физико-технического и химико-технологического. Общественно-литературное отделение напоминало традиционные историко-филологические факультеты. В его составе было историческое отделение, которым руководил декан. Впрочем, уже с 1933 г. очное обучение в МОПИ проходило уже на литературном, географическом, физическом, химическом, экономическом и, конечно, на историческом факультетах.

Историческое образование в стране в этот период оставляло желать лучшего. Первая мировая война, революция и Гражданская война стали сильными социальными потрясениями. История изучалась урывками, а вернее сказать, отрывками, через призму революционной борьбы эксплуатируемых классов за свою свободу. Понимание ущербности такого подхода в деле патриотического воспитания и идеологической работе заставило ЦК ВКП(б) выпустить в 1932 г. постановление «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», где констатировались недочеты «исторического подхода к программам по общественным предметам», выражающиеся в том, «что в них крайне слабо дается представление об историческом прошлом народов и стран, развитии человеческого общества и т. д.» [6]. Двумя годами спустя состоялось решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о преподавании гражданской истории в школах СССР и восстановлении исторических факультетов в МГУ и ЛГУ. Так начался процесс ликвидации «недостаточности» в изучении истории. Все это и определило значимость и специфику исторических факультетов в вузах страны вообще и в МОПИ в частности [7].

Исторический факультет стал факультетом, главенствующим в вузе. Преподавание там проходило на солидном уровне. В 1930-е гг. на факультете трудился Н.Л. Рубинштейн, автор известного учебника по историографии. Он заведовал кафедрой истории СССР и вел одноименный предмет. Историю Древнего мира преподавал Ф.Ф. Турук, историю Средних веков – профессор В.А. Преображенский. Кафедрой Новой истории заведовал В.М. Хвостов, ставший впоследствии академиком и автором фундаментальных трудов в области науки. «Блестящим историком был

Орест Владимирович Трахтенберг, – вспоминала выпускница истфака 1938 г. Т.В. Маляровская. – Его отличала удивительная продуманность всего, что он излагал по своим предметам: истории философии и диалектическому материализму. Всегда приходил вовремя и заканчивал, «ставил точку» и звенел звонок»¹.

На факультете также работали Б.Ф. Поршнев (заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков), М.В. Осипов, Б.Б. Граве, С.С. Дмитриев и А.В. Шестаков (автор школьного учебника по истории СССР). Особо следует сказать о Б.А. Рыбакове. Будущий академик АН СССР работал в МОПИ с 1934 по 1952 г., преподавал историческую географию, вел археологическую практику. Позже Рыбаков скажет: «Это был весьма плодотворный научный период моей жизни. В то время были созданы такие исследования, как «Деление новгородской земли на сотни в XIII в.» (1936), «Ремесло древней Руси» (1948), «Древности Чернигова» (1949), «Улицы (историко-географические заметки)» (1950), «Русь и Хазария», «Проблемы образования древнерусской народности» (1952)... Студенты МОПИ были скромными, очень работоспособными. Они тянулись к знаниям,... с ними было приятно работать. Психологическая атмосфера всегда была нормальной, этому способствовала сплоченность студенческого коллектива, дружеские контакты между студентами и преподавателями» [1].

Не обходилось и без трудностей. «Учебная база была очень плохая... – вспоминала Т.В. Маляровская. – В общеполитической библиотеке не было учебников, [помещение было] с малым количеством посадочных мест... Историческая библиотека находилась в Историческом музее, на седьмом этаже и мы туда гнались, чтобы схватить учебник или книгу»².

Студенческая жизнь была насыщена различными событиями. Перед студентами выступали известный публицист и революционер К. Радек, нарком просвещения РСФСР А. Бубнов, создатель образа Максима в знаменитой кинотрилогии – Б. Чирков, блистательная А. Тарасова, один из первых исполнителей роли В.И. Ленина в театре и кино Б. Щукин и др. Несколько раз на комсомольских собраниях вуза присутствовала Н.К. Крупская. Первый руководитель комсомольской

¹ Беседа с Т.В. Маляровской 25 февраля 1997 года. Из личного архива автора.

² Беседа с Т.В. Маляровской 25 февраля 1997 года. Из личного архива автора.

организации МОПИ М.И. Светлолов вспоминал, что в его памяти на всю жизнь запечатлелся страстный призыв Надежды Константиновны: «Нужно учиться, засучив рукава!» [3]. Добрые воспоминания остались у мопийцев и о партийном и государственном деятеле Ем. Ярославском, который помог получить институту общежитие.

Таким образом, несмотря на трудности, студенты истфака МОПИ 1930-х гг., стремились быть активными и в учебе, и в общественной жизни. Запись многих комсомольцев добровольцами в Испанию, участие в воскресниках по строительству станции метро «Комсомольская», организация художественной самодеятельности и выезды в колхозы и деревни с просветительскими целями – все это страницы жизни студенчества тех времен.

В 1934/35 учебном году на факультете состоялся первый выпуск молодых специалистов. Их насчитывалось всего 22 человека. Отличники или, как их тогда называли, «ударники учебы» поощрялись повышенными стипендиями, билетами в кино и театр, путевками в санатории.

Но были и совершенно противоположные явления. В январе 1935 г. ввиду уменьшения студентов 1 курса была ликвидирована 3-я группа «как самостоятельная учебная единица»¹. Как вспоминала Т.В. Маляровская, это произошло потому, что «у всей группы было «неудовлетворительно» по всем предметам (суммарно) и рассчитывать в будущем ни на что не приходилось»². В феврале 1935 г. был исключен из института студент истфака Николай Маркин «за использование фальшивых документов в целях поступления в пединститут»³. Как выяснилось, он поступил в МОПИ как сын бедняка, являясь в действительности сыном кулака. Маркина исключили из комсомола и института. «Мы все были потрясены, – вспоминала Т.В. Маляровская. – Как он мог нас обмануть?»⁴. Таковой оказалась реализация на практике сталинского тезиса об обострении классовой борьбы.

Пристальное внимание, которое власть имущие уделяли идеологической работе сделало

исторический факультет главным факультетом МОПИ. Изучение и преподавание истории Коммунистической партии требовало проверенных специалистов, которыми и располагал истфак. Даже руководство институтом доверялось историкам. Первым директором МОПИ был А. Шульгин, заведующий кафедрой истории, объединившей изучение таких дисциплин, как история народов СССР, история народов Запада и Востока, история ВКП (б) и история Коминтерна. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. МОПИ возглавляли бывшие деканы исторического факультета Д.А. Аллахвердян и А.Г. Калягин, ряд лет заместителем директора являлся бывший деканом факультета и заведующим кафедрой истории СССР А.И. Козаченко.

Проблему партийности достаточно четко отразила в Отчете в МК ВКП (б) директор МОПИ с 1935 по 1936 гг. А.А. Саврасова: «Есть факультеты, – писала она, – например, физмат, где не только ни одного партийца среди преподавателей, но и во главе стоит беспартийный – декан факультета. Во главе кафедр исторического факультета, который должен являться ведущим, стоят беспартийные профессора ... двое из преподавателей-членов партии имеют выговоры за ошибки троцкистского порядка, допущенные ими при преподавании»⁵.

Сейчас трудно установить, кто в первое время руководил факультетом. Архивные документы МОПИ-МГОУ высвечивают фамилию некоего Альтшулера, который являлся деканом в 1935-1936 гг. С 1 октября 1936 г. исполняющим обязанности декана исторического факультета стал Д.А. Аллахвердян, преподававший политэкономии и защитивший в 1939 г. диссертацию кандидата экономических наук. С 1938 по 1941 гг. Д.А. Аллахвердян был директором МОПИ.

В 1937 г. Деканом истфака стал преподаватель кафедры Новой истории Л.Е. Якобсон, проработавший в этой должности до 20 ноября 1938 г. В течение двух лет факультет возглавлял А.Г. Калягин – преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма и секретарь парторганизации МОПИ. В сложные осенние месяцы 1941 г. именно А.Г. Калягин обеспечил эвакуацию МОПИ в г. Малмыж.

В период с 1940 г. по весну 1941 г. деканом исторического факультета была назначена преподаватель кафедры истории Р.Г. Лепешова (1901-1976)

¹ Архив МГОУ. Фонд управления делами. Оп. 1л/с. Д.3. Л. 26.

² Беседа с Т.В. Маляровской 25.02.1997г. Из личного архива автора

³ Архив МГОУ. Фонд Управления делами. Оп. 1 л/с. Д. 6. Л. 35 об.

⁴ Беседа с Т.В. Маляровской 25.02.1997 г. Из личного архива автора.

⁵ Центральный государственный архив Московской области (далее: ЦГАМО). Ф. 7689. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

– уроженка Тамбовской губернии, в середине 1920-х гг. приехавшая в Москву и прошедшая путь от учителя истории до директора школы и заведующей РОНО Люберецкого района.

В 1939 г. заведующие кафедрами истории СССР и Новой истории Н.Л. Рубинштейн и В.М. Хвостов по личному желанию были освобождены от своих руководящих постов. Новыми заведующими стали А.А. Козаченко и С.В. Захаров.

Профессор А.И. Козаченко, ученик академика Д.И. Багалая, являлся деканом факультета (1941г.) и заместителем директора МОПИ в 1943-1946 гг. Очень тепло вспоминал о нем академик Б.А. Рыбаков: «Это был мягкий, терпеливый человек, стремившийся найти индивидуальный подход к каждому коллеге или студенту. Ученики его очень любили, большинство преподавателей тоже» [1]. В 1920-е гг. А.И. Козаченко работал учителем, архивистом, потом стал преподавать и заниматься наукой в Институте Красной профессуры в Харькове. С 1934 г. он становится старшим научным сотрудником Музея народов СССР в Москве. К этому времени уже был опубликован целый ряд его трудов, посвященных проблемам культуры и социальной истории. 15 ноября 1935 г. по совокупности работ без защиты диссертации решением Квалификационной комиссии Ученого Комитета ЦИК СССР А.И. Козаченко была присуждена ученая степень кандидата исторических наук и присвоено звание профессора. Широкую известность А.И. Козаченко получил как автор учебников по истории СССР, за работу над которыми он был удостоен премии Правительства СССР. В послевоенное время профессор Козаченко совмещал работу в МОПИ им. Н.К. Крупской с участием в Ученой комиссии по истории Министерства просвещения РСФСР и с работой в Институте этнографии АН СССР.

В архивах имеется стенограмма Ученого совета МОПИ от 12 ноября 1940 г., где А.И. Козаченко произносит очень точные слова о методическом и педагогическом мастерстве преподавателя: «Нельзя допускать, чтобы студенты теряли время. У нас на факультете сегодня по одному из курсов зарегистрировано 8 присутствующих товарищей, причем были студенты, которые просто гуляли по коридору... заявляли, что по существу они теряют время потому, что содержание лекции не удовлетворяет их не только по форме, но и по материалу... в данном случае вина за такой результат ложится на самого преподавателя... У нас была лекция академика [Б.Д.] Грекова... так в

этой аудитории не хватило места, у нас студенты стояли, и часть пришлось отправить домой. Оказалось, что были... даже студенты с других факультетов... В значительной мере нам нужно бороться за аудиторию... Может быть, на первом курсе, на первом семестре необходимо несколько ближе держаться ученика, учитывая, что здесь студенты только сели на студенческую скамью, и вполне понятно, что уже меньше нужно считаться с этим на втором семестре и еще меньше на следующих курсах»¹.

В стенограмму Ученого совета вошли и курьезные случаи. Так, профессор истории Редер обнаружил после экзамена записку: «Танечка, напиши про халдейский Вавилон. Погибаю!» Посмотрев в свои экзаменационные записи, профессор обнаружил, что студентка у доски «погибла». А вот профессор Н.А. Глаголев удивился, что студентка Конова неверно расшифровала РКП(б), как рабоче-крестьянскую партию. Так что вузовская жизнь того времени характеризовалась теми же проблемами, что и в наши дни: с одной стороны, необходимостью роста педагогического мастерства, а с другой – незнанием студентами положенного материала.

В 1930-е гг. Московский областной педагогический институт наращивает потенциал в сфере подготовки педагогических кадров. В конце 1935 г. при МОПИ организуются курсы для поступления в институт: две группы общей численностью 60 человек, а при Тульском, Загорском, Калужском, Егорьевском, Орехово-Зуевском педагогических техникумах Московской области – по одной группе в 30 человек (всего 150 человек)². Также в 1930-е гг. в заочном секторе работает Калужский, Московский и Тульский консультационные пункты. В структуре МОПИ работал и Учительский институт, который совершенствовал профессионализм уже работающих педагогов. Во всех формах обучения было представлено историческое образование. Вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что МОПИ действовал в разных направлениях, возглавляя процесс подготовки кадров для средней и высшей школы.

За первое десятилетие работы (1931-1941 гг.) исторический факультет выпустил 945 учителей. Но начавшаяся в 1941 г. война внесла значительные коррективы в работу МОПИ.

¹ ЦГАМО. Ф 7689. Оп. 1. Д. 7. Л. 55-56 об.

² Архив МГОУ. Фонд Управления делами. Д. 6. Л. 68 об.

К началу 1941/42 уч. г. количество студентов на дневном отделении института сократилось до 264 человек. 15 октября занятия были прерваны. Началась эвакуация в город Малмыж Кировской области. Студенты института под руководством профессора И.И. Никшич и доцента М.В. Потоцкого были отправлены походом до Муром, где формировались эшелоны для дальнейшего следования. Профессорско-преподавательский коллектив был вывезен двумя группами 5 и 11 декабря 1941 г. 11 декабря 1941 г. МОПИ был временно объединен с Московским пединститутом им. В.И. Ленина на правах филиала, но 2 февраля 1942 г. был вновь выделен в самостоятельное учреждение с заочным отделением в Москве и филиалом в Малмыже. Временно исполняющим обязанности директора МОПИ в г. Малмыже стал Н.И. Молодых, а секретарем парткома – А.Г. Калягин [9, 20].

После разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой вузу было разрешено продолжить работу заочного отделения в Москве. Так для МОПИ началась двойная жизнь: в эвакуации и в столице. В Малмыже вуз разместился в здании педагогического училища, расположенного на окраине города. Также для нужд института было предоставлено общежитие татарской школы.

В связи с эвакуацией произошло сокращение количества кафедр путем их объединения. Объединенной кафедрой Истории заведовали доцент С.С. Дмитриев (с января 1943 г.), а позже профессор Б.Ф. Поршнев (с марта 1943 г.). Последний являлся до 5 августа 1943 г. также заместителем директора МОПИ по научной и учебной части. Сменил его в этой должности профессор А.И. Козаченко.

«Студенты-историки сразу же включились в работу, принимали активное участие в общественной жизни института, – вспоминал бывший в эвакуации в Малмыже студент Ю.П. Муравьев. – Так, секретарем комсомольской организации института была студентка истфака Н.С. Баева, а председателем профкома института – студент-историк Д.А. Славин (3 курс в 1942-43 уч. году). Здесь же можно назвать сталинских стипендиатов исторического факультета... Т.Н. Шведову и А.С. Криволапову (обе с 3 курса истфака). Студенческий коллектив факультета довольно заметно пополнился и местными уроженцами» [3].

Деятельность заочного отделения, находящегося в Москве, была насыщена рядом событий, яв-

лявшихся отголоском военного времени. На заочном отделении очень резко сократился контингент учащихся: если в июне 1941 г. их число равнялось 2582 студентам, то в октябре-ноябре снизилось до 250-300 человек. Несмотря на то, что в январе 1942 г. на факультете насчитывалось уже около 600 учителей-заочников, организовать удалось только летнюю сессию – «это была первая сессия военного времени». На нее прибыл 251 представитель студенчества. Впрочем, в 1943 г. уже было проведено две сессии. На заочное отделение состоялся прием, и на первый курс поступили 900 человек. Всего же контингент учителей-заочников составил на 15 ноября 1943 г. 1873 человека.

Несмотря на сложные условия существования, заочное отделение смогло решить определенные задачи в учебном процессе и поддержать авторитет вуза. Для учителей было организовано 4 консультативных пункта: в Коломне, Михайлове, Малоярославце, Серпухове. С дирекцией Исторической библиотеки заключили договоренность о продлении работы заочникам до 10 часов вечера. Лицам с загородной пропиской, как правило, посещение не разрешалось, но заочники проходили по персональным спискам.

Условия войны вызвали необходимость обучать тех людей, которые в данный момент не находились на фронте. В Подольске в одной из летних частей лучшим командирам разрешили совместить службу с учебой. 18 человек во главе с майором Ховановым успешно учились и сдавали экзамены.

Круг студентов был достаточно широк. На историческом факультете обучалась группа работников Управления Кремля. В 1943 г. двое студентов окончили институт, один еще обучался. В это же время на заочное отделение была принята большая группа офицеров войск НКВД и других военных частей, командование которых разрешало им обучение.

Летом 1942 г., когда большая часть преподавателей и студентов ушла на фронт, состоялся выпуск 116-ти студентов МОПИ, 16 из которых были историками. В 1943 г. выпуска не производилось, а летом 1944 г. новый выпуск состоялся уже в Москве, куда дневное отделение МОПИ возвратилось в конце 1943 г.

В 1944/45 учебном году в МОПИ были проведены вечера, посвященные М. Горькому, Н.В. Гоголю, А.П. Чехову, детский первомайский утренник, организован вечер встречи студентов с матерью Зои Космодемьянской.

Важнейшим направлением педагогической деятельности истфака продолжала быть идеологическая работа. Преподаватели кафедры марксизма-ленинизма еженедельно в течение 10 минут вели со студентами беседы по вопросам текущей политики. В декабре 1944 г. в МОПИ была проведена научная сессия, посвященная 65-летию со дня рождения И.В. Сталина. Кафедрой марксизма-ленинизма на всех факультетах были проведены теоретические конференции, посвященные изучению доклада И.В. Сталина «О 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

Многопрофильная работа всего вуза дала серьезные результаты. Уже в годовом отчете о работе института за 1943/44 учебный год отмечалось: «Хороших результатов удалось достигнуть благодаря наличию в коллективе профессоров и преподавателей, опытных и инициативных работников, как рядовых, так и руководящих» [9, 23-25].

МОПИ, как и другие учреждения, организации, заводы, фабрики вносил свой вклад в дело Великой Победы. Разумеется, преподаватели вуза не ковали оружие для поля брани, но они выполняли другую, не менее сложную работу – готовили учителей, способных научить и воспитать детей тех, кто воевал на фронте.

Особое место среди преподавателей МОПИ той поры принадлежит А.З. Манфреду, руководившему историческим факультетом с 1943 по 1945 гг. Об А.З. Манфреде, ставшем позднее крупнейшим специалистом по истории Франции, академиком АН СССР вспоминала студентка истфака С.В. Оболенская, дочь советского партийного деятеля и экономиста В.А. Оболенского, расстрелянного в 1938 г.: «Манфред был деканом исторического факультета МОПИ и принимал мои документы при поступлении, а поступала я тогда, когда занятия шли уже всю и отказать было совсем нетрудно... Прочитал, что мои отец, мать и брат репрессированы, он сказал только: «Перепишите, не надо так подробно». Вопрос был решен тотчас же, меня приняли, и А[льберт] З[ахарович] больше не упускал меня из виду... К сожалению, А[льберт] З[ахарович] читал свой курс с перерывами, уже тогда он был болен. Помнится, к окончанию его курса, после экзамена по Новой истории, мы преподнесли ему бронзовую фигурку сидящего Наполеона, толстого, в треуголке - распространился слух, что Наполеон особенно интересуется Манфредом. Это, конечно, так и было: уже тогда он думал о том, что 25 лет спустя

стало сюжетом его лучшей книги... В 1948-49 гг. его прорабатывали на общих собраниях. Декан истфака К. Кузнецова, ее заместитель Г. Нагепетян, специально подобранные студенты вскрывали его ошибки в преподавательской и исследовательской деятельности, рассказывали небылицы о пьянстве и развратном поведении Манфреда в Средней Азии, где он в действительности никогда не был, уехав в эвакуацию вместе с МОПИ вовсе не в Среднюю Азию, а в Кировскую область. И дочь Альберта Захаровича, студентка МОПИ, была исключена из комсомола за выступления в защиту отца. В результате всей этой безобразной кампании, направленной, конечно, не только против Манфреда, из МОПИ ушли тогда лучшие профессора – Б.Ф. Поршнев, С.С. Дмитриев, П.А. Зайончковский, сам Манфред, который был блестящим лектором, и это тотчас резко снизило уровень института... Много раз я слышала из его уст то, что, очевидно, было у него обдумано и сформулировано давно: «Лучше нашей науки нет ничего. Это наука без дна. Копаешь, копаешь, кажется, дошел до самой глубины, но там – новые пласты и часто бездны без дна»» [5].

В 1945-1946 гг. исторический факультет МОПИ возглавляли П.П. Казачков, а потом Я.А. Левицкий. В 1946 г. деканом истфака (а с 1947 г. еще и секретарем партбюро МОПИ) стала К.С. Кузнецова, деятельность которой связывают с повышением требовательности в работе и укреплением дисциплины. Впоследствии К.С. Кузнецова занимала посты секретаря ВЦСПС и одного из руководителей Главного архивного управления СССР.

В этот же послевоенный период начинается восстановление утраченной учебно-материальной базы факультета. Проявлением активной патриотической работы стал прием на факультет участников войны: в 1947/48 учебном году из 280-ти студентов истфака 48 являлись фронтовиками. На факультете действовали научные кружки, проводились ежегодные научные студенческие конференции. Руководством истфака были организованы археологические экспедиции в Анапский район Краснодарского края, на Таманский полуостров. Полностью восстановилась работа кафедр истории СССР, Древнего мира, Средних веков, Новой истории. В 1947 г. создается новая кафедра – Методики преподавания истории. Ее возглавил доцент М.А. Зиновьев, автор первого учебника по данному предмету. Его сменил доцент И.И. Мерзон, а после – профессор Н.П. Милонов.

В сентябре 1947 г. МОПИ переехал в новое здание по ул. Радио, д.10а, ставшее на долгие годы главным корпусом вуза. «В то время исторический факультет был главным факультетом всего вуза, – вспоминала студентка факультета, сталинская стипендиатка К.М. Рыжова. – Мы занимали центральное место в главном здании. В основном, первый этаж – это были историки. Партийная организация факультета славилась»¹.

После ухода К.С. Кузнецовой на работу в ВЦСПС деканом истфака стал Г.А. Нагопетян. Окончивший факультет в первые годы его существования, он участвовал в Великой Отечественной войне и позже защитил кандидатскую диссертацию. Г.А. Нагопетян осуществлял функции декана с 1949 по 1952 г.

Совсем недолго, с 1952 по 1953 гг., факультет возглавлял авторитетный историк В.К. Никольский (1894-1953), трудившийся в МОПИ с 1946 г. и до последних дней жизни трудится. Сферой научных интересов В.К. Никольского была история первобытного общества и первобытной культуры. Этому была посвящена защищенная им в 1943 г. докторская диссертация и ряд научных и учебно-методических работ. «Владимир Капитонович был талантливым педагогом высшей школы, – отмечали его коллеги по кафедре. – Его живые, увлекательные лекции, всегда оригинальные и не похожие одна на другую, неизменно пользовались большой любовью среди его слушателей. Искключительную заботу и внимание проявлял Владимир Капитонович в отношении своих аспирантов, продолжая работать с ними даже во время летнего отдыха» [8, III].

После смерти В.К. Никольского в течение трех лет факультет возглавлял доцент кафедры истории СССР И.Я. Фадеев, которого студенты между собой называли «Отец», за характерное «оканье».

Выпускники исторического факультета конца 40-х - 60-х гг. с душевной теплотой вспоминают работу профессоров А.С. Самойло, С.Л. Марголина, П.И. Кабанова, доцентов Ю.С. Крушкол, В.Т. Круть, Н.М. Лаврова и др.

На факультете никогда не забывали и о воспитательном процессе. В вузе постоянно организовывали встречи с известными людьми. В 1940-1950-е гг. со студентами и преподавателями института встречались известные артисты Н.А. Крючков, П.М. Алейников, В.П. Марецкая, И.С.

Козловский. В более поздние годы проходили встречи с Е.А. Евтушенко, Р.Я. Пляттом, музыкантами начинающей в ту пору группы «Машина времени». Большое внимание уделял работе со студенчеством комсомол. В 1950 и 1951 гг. перед студентами МОПИ выступал Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов. Все это было направлено на повышение культурного уровня студенчества, на развитие патриотизма и усиление общественной активности молодежи.

В конце 1940-х - первой половине 1950-х гг. на факультет пришло новое поколение преподавателей, составивших славу факультета и создавших атмосферу домашнего уюта: Е.А. Черкасова, Ю.П. Балашова, А.В. Дубровская, И.В. Дубровина, А.А. Андреев, В.Д. Маркова, А.С. Трофимов, Е.А. Кургиян. Об этих людях следует сказать особо.

Алексей Сергеевич Трофимов – лейтенант-артиллерист, получивший боевые ранения и награжденный орденами Славы 3-й степени и Отечественной войны, – в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию и в возрасте 32-х лет стал деканом исторического факультета. Позже Алексей Сергеевич работал заведующим кафедрой Истории СССР, ректором Магаданского института и вновь трудился на историческом факультете МОПИ.

Большую роль в организации работы факультета сыграла Алла Владимировна Дубровская. Она стала студенткой еще до войны, которая и помешала вовремя закончить истфак. Получив диплом лишь в 1948 г., А.В. Дубровская пошла работать в школу. Высокое методическое мастерство молодой учительницы не осталось незамеченным. Она была приглашена на кафедру методики преподавания истории, при которой и закончила аспирантуру. Многие студенты того времени вспоминают, что, будучи руководителем педагогической практики, А.В. Дубровская своим личным примером демонстрировала, как следует вести уроки. С 1961 по 1962 гг. А.В. Дубровская исполняла обязанности декана факультета, а в 1964-1973 и 1974-1981 гг. работала заместителем декана факультета. В последней должности А.В. Дубровская показала высокий образец работы для последующих заместителей декана. Высочайший уровень культуры, внимательность к людям, огромное чувство такта и ясность мысли – все эти качества характеризуют Аллу Владимировну.

С историческим факультетом в течение 50-ти лет была связана судьба Е.А. Черкасовой. Екатерина Алексеевна родилась в 1924 г., в годы войны участвовала в партизанском движении, за что

¹ Беседа с К.М. Рыжовой. Из личного архива автора. 2003 г.

была удостоена орденов Красной Звезды и Отечественной войны I степени. Закончив с отличием исторический факультет МОПИ, она поступила в аспирантуру по кафедре истории Древнего мира. Защита диссертации, преподавательская работа, руководство отделом аспирантуры МОПИ – все это вехи трудового пути Е.А. Черкасовой.

С 1962 по 1965 гг. Екатерина Алексеевна возглавляла факультет. «Ей было, конечно, трудно, – вспоминала коллега Черкасовой по кафедре Истории Древнего мира Ю.С. Крушкол. – Но она проявила большой характер, прекрасные организаторские способности и очень укрепила наш факультет. За всю эту работу следует принести ей глубокую благодарность».¹

Е.А. Черкасова руководила археологическими экспедициями в районы Керчи и Феодосии, вела научный кружок, после смерти Н.Ф. Колесниченко заведовала кафедрой истории Древнего мира и Средних веков. В середине 1960-х гг. вышла в свет первая часть популярнейшего у всех советских студентов учебника по истории Древнего мира – «Первобытное общество», – одним из авторов которого стала Екатерина Алексеевна.

Своеобразный, ненавязчивый стиль изложения лекционного материала, прекрасные человеческие качества снискали любовь и уважение студентов и коллег к доценту Ю.П. Балашовой. Юлия Петровна не сразу определилась с выбором своего профессионального пути. Сначала она поступила в Сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева, но начавшаяся война помешала её планам. С мая по ноябрь 1942 г. Ю.П. Балашова была мобилизована в ряды системы Московской противовоздушной обороны. Затем – вновь учеба. Теперь уже в Орехово-Зуевском учительском институте, откуда в числе отличников Юлия Петровна была направлена в МОПИ для продолжения образования. Так, с 1944 г. жизнь Ю.П. Балашовой оказалась неразрывно связанной с МОПИ им. Н.К. Крупской. Дальше были диплом с отличием об окончании истфака, аспирантура и участие в археологической экспедиции под руководством академика Б.А. Рыбакова. 1 июня 1960 г., на основании защиты диссертации «Из истории Великой Северной войны (от нарвского поражения до взятия Орешка. 1700-1702 гг.)», Юлии Петровне была присуждена степень кандидата исторических наук. В 1961 г. Ю.П. Балашова ста-

новится штатным преподавателем кафедры Истории СССР. На одном из заявлений заведующий кафедрой, профессор А.И. Козаченко начертал слова поддержки, выразив таким образом отношение к своей ученице: «Работа Ю.П. Балашовой весьма полезна для кафедры». И действительно, Юлия Петровна активно занималась краеведческой работой, работала куратором, партормом кафедры и факультета, руководила кружком по истории СССР периода феодализма, организовывала художественную самодеятельность, организовывала и возглавляла археологические экспедиции в Великий Новгород. На одном из заседаний кафедры в 1970-е гг. И.В. Дубровина сказала о Ю.П. Балашовой: «Очень много уделяет внимания студентам. И не только формально, но кажется, что это составляет смысл ее жизни. Она очень добрый человек...»². Думаю, все кто знал Юлию Петровну, присоединились бы к этим словам.

С 1955 по 1996 гг. на факультете трудился доцент, а затем профессор Е.А. Кургинян. С юных лет он связал свой жизненный путь с учительской профессией. Ещё в 1935 г. он окончил Ахалцихский педагогический техникум (Грузия), став преподавателем начальной школы. Потом учеба в МГЗПИ, получение диплома о высшем образовании. Великая Отечественная война застала Ервандта Амаяковича в рядах Красной Армии, куда он был призван в ноябре 1940 г. Контузия под Смоленском в августе 1941 г., госпитализация и направление вновь в действующую армию. В июле 1944 г. Е.А. Кургинян как инвалид III группы был демобилизован и сразу же занялся наукой и повышением своего образования. В июне 1947 г. после окончания аспирантуры в МГПИ им. В.И. Ленина состоялась защита кандидатской диссертации. Затем последовало направление в Грозненский пединститут заведующим кафедрой всеобщей истории, через 2 года – перевод в Загорский пединститут на должность заведующего кафедрой истории. На исторический факультет МОПИ Е.А. Кургинян пришел в 1955 г. Защитив в 1969 г. докторскую диссертацию, Ервандт Амаякович в январе 1970 г. был избран заведующим кафедрой новой и новейшей истории, которой бессменно руководил много лет, являясь одновременно председателем специализированного совета по историческим наукам. Высокий профессионализм, обаяние и очаровательный вос-

¹ Архив МГОУ. Протокол № 7 Ученого совета исторического факультета от 01 апреля 1965 года.

² Архив МГОУ. Личное дело Ю.П. Балашовой.

точный акцент Е.А. Кургиняна делали общение с ним незабываемым.

Ярким преподавателем истфака была Ирина Владимировна Дубровина, один из авторов учебника по советскому праву. Она пришла в МОПИ в 1949 г., став аспиранткой на кафедре истории СССР. С тех пор, без малого 55 лет, её жизнь была связана с институтом, ставшим ей родным. Кандидат исторических наук, доцент И.В. Дубровина была принципиальной и требовательной. Как отмечал профессор А.С. Самойло: «Есть две принципиальности – одна чисто формальная, другая по существу дела. И.В. Дубровина и является принципиальной по существу».¹ Впрочем, принципиальность не мешала И.В. Дубровиной быть чутким, отзывчивым и доброжелательным человеком. Интересная и неординарная личность, талантливый организатор и руководитель, Ирина Владимировна возглавляла исторический факультет с 1965 по 1971 и с 1983 по 1987 гг. Впоследствии она продолжила работать на факультете в качестве профессора кафедры правоведения и принимала участие в создании юридического факультета МГОУ.

Кандидат исторических наук, доцент Вера Давыдовна Маркова проработала на факультете с 1953 по 1993 гг, написав солидную монографию «Коммунисты Франции в борьбе за Народный фронт». Выпускница Московского городского пединститута 1941 г., как и большинство советских людей, она хотела на фронт. С этой целью Вера Давыдовна поступила на курсы немецкого языка, чтобы отправиться переводчицей на фронт. Но этим планам не суждено было сбыться. Осенью 1941 г. В.Д. Маркова была эвакуирована в Семипалатинск, где и начала свою педагогическую деятельность. В 1943 г. она возвратилась в Москву, поступила в аспирантуру Ленинского пединститута, защитила там кандидатскую диссертацию и пришла работать в МОПИ им. Н.К. Крупской.

Ко всем вышеназванным преподавателям в полной мере относятся слова внучатой племянницы Любови Петровны Орловой – Ноны Голиковой: «Они обладали удивительной внутренней устойчивостью, примиряющей внутренней гармонией, безупречным тактом, красотой мысли, слова и жеста. И абсолютное чувство собственного достоинства, которое органично предполагает это же чувство в каждом и готово его уважать» [6, 192].

¹ Архив МГОУ. Протокол № 7 Ученого совета исторического факультета от 01 апреля 1965 г.

Со второй половины 1960-х гг. на факультете активизировалась художественная самодеятельность, «мотором» которой стал студент Валерий Павлов (впоследствии обожаемый студентами профессор кафедры политологии и права). Его инициативу подхватили В.Н. Забусов, В.В. Сухов, Л. Ульянова, Пронякина, В. Широков, Ю. Голубцов, В. Клоков, Т. Кузнецова, А.Василенко, Г. Яковлева, К. Тарасов, С. Шатилов.

Особое внимание уделялось работе НСО, исторических кружков. Комсомольская организация факультета организовывала стройотряды, дискотеки и совместные с преподавателями тематические вечера.

Лучшие и толковые студенты выделялись сразу. Вспоминает А.В. Дубровская: «Зашедшая в деканат Е.А. Черкасова сказала: “На первом курсе учится студент Хроменков. Ну так говорит плохо, сразу видно, парень из деревни! Правда, чувствуются большие способности”... В следующем семестре на мой вопрос: “Как у вас Хроменков?” Черкасова ответила: “Вы знаете, поразительно. Растет не по дням, а по часам”². Впоследствии выпускник исторического факультета Н.А. Хроменков окончил аспирантуру, стал доцентом, заведующим кафедрой, был первым проректором, а затем ректором МОПИ им. Н.К. Крупской – МПУ.

С конца 1960-х гг. исторический факультет поменял адрес, переехав с улицы Радио на улицу Фридриха Энгельса, в здание школы № 352.

В 1970-е годы во главе факультета стояли проф. Н.Ф. Колесницкий, доценты А.И. Борисов и А.Н. Кузьмин.

Николай Филиппович Колесницкий – крупный историк-медиевист, специалист по истории Германии пришел работать на исторический факультет в 1955 г. Ветеран войны, прошедший путь от солдата-сапера до майора-политработника, после демобилизации он работал преподавателем истории в школе, заведующим кафедрой Всеобщей истории Воронежского пединститута и, наконец, преподавателем МОПИ им. Н.К. Крупской. Здесь Николай Филиппович становится доктором наук, профессором и с 1972 по 1988 гг. заведует кафедрой истории древнего мира и средних веков, организуя незабываемые академические вечера.

Краткий период Н.Ф. Колесницкий руководил факультетом. На заседании Ученого Совета профессор кафедры истории СССР В.П. Иванов

² Беседа с А.В. Дубровской 9 апреля 2002 г. Из личного архива автора.

дал такую оценку Н.Ф. Колесницкому: «Для нас он – маяк. Всегда впереди»¹. Владевший немецким, украинским и польским языками, знавший латынь, чешский и французский языки, Н.Ф. Колесницкий написал около 80-ти работ, в том числе и многократно переиздаваемый учебник «История Средних веков».

Доцент Анатолий Иванович Борисов всю жизнь был связан с историей. Как капитан Советской Армии, защищавший страну в годы войны, как участник знаменитого Парада Победы 1945 г., выпускник истфака МОПИ, доцент кафедры истории КПСС, как декан исторического факультета. Анатолий Иванович и сегодня в строю: ведет патриотическую работу с учениками в школах. На очередной встрече ветеранов войны и труда в нашем университете, состоявшейся 3 мая 2007 г., всем запомнились его слова: «Мы одержали две Победы: в 1945 г., когда победили врага, и в 2007 г., когда ветераны отстояли Знамя Победы. Отстояли право считать его государственным символом». Твердость, принципиальность и верность идеалам – вот черты этого человека.

Алексей Николаевич Кузьмин – проректор МОПИ им. Н.К. Крупской по учебной работе – ушел из жизни достаточно молодым, в январе 1978 г. До этого его жизнь была связана с историческим факультетом: выпускник, аспирант, кандидат наук, доцент и декан истфака. А.Н. Кузьмина отличали прекрасные организаторские данные, неутомимая энергия и поразительная работоспособность.

Несколько слов хочется сказать о профессоре Олеге Владимировиче Моисееве, пришедшем работать на кафедру истории СССР в 1975 г. Курсант Роганской авиационной школы пилотов ВВС (г. Харьков), О.В. Моисеев во время Великой Отечественной войны был летчиком, командиром звена, заместителем командира эскадрильи Центрального, Белорусского и 1 Белорусского фронтов. К февралю 1945 г. гвардии старший лейтенант Моисеев совершил 114 боевых вылетов на бомбардировку важных объектов и скопления войск противника, нанеся ему значительный урон. На счету О.В. Моисеева – два сбитых истребителя противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР 15 мая 1946 г. О.В. Моисееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Специалист по истории Великой Отечественной войны, Олег Владимирович был автором

целого ряда статей об освобождении Украины, Крыма, форсировании Днепра. В 1987 г. профессор Моисеев О.В. вышел на пенсию. 25 ноября 2005 г. он умер. Ему было 83 года.

С 1976 по 1983 гг. исторический факультет возглавлял Александр Степанович Городилов. Ровесник Октября, как его называли коллеги-историки, родился в 1917 г. С 1940 по 1960 гг. он служил в органах государственной безопасности, а в годы войны – в знаменитой военной контрразведке «СМЕРШ». Впоследствии Александр Степанович перешел на преподавательскую работу, защитил диссертацию кандидата исторических наук и в 1960 г. пришел работать в МОПИ им. Н.К. Крупской. За короткое время полковник А.С. Городилов прошел путь от ассистента кафедры истории КПСС до должности доцента. С 1963 по 1966 и с 1968 по 1969 гг. он являлся секретарем парткома МОПИ; с 1965 по 1967 гг. – заведующим кафедрой научного коммунизма, с 1967 по 1973 гг. – заведующим кафедрой истории КПСС. Преподаватели и студенты отмечали необыкновенную выдержку, достоинство и дисциплинированность Александра Степановича. Защитив в 1983 г. докторскую диссертацию, А.С. Городилов становится заведующим кафедрой истории СССР, работая на этом посту до 1988 г. Уйдя в 1999 г. на заслуженный отдых, А.С. Городилов не терял связь с вузом. Он умер в июле 2004 г. в возрасте 86-ти лет.

В разные годы на факультете работали видные ученые профессора А.В. Ушаков, В.Ф. Антонов, В.П. Иванов, В.М. Гиленсен, Р.Ф. Иванов, В.А. Сафронов, М.А. Баранов, В.Т. Пашуто, доценты Ю.А. Князев, В.И. Сергеев, И.Н. Свиридова, Д.П. Лыс, К.И. Антонова, Ю.П. Аксенов, американист Н.Н. Яковлев, психолог В.В. Давыдов, специалист в области германистики М.Н. Машкин, исследователь вспомогательных исторических дисциплин П.А. Шорин. Многие из них являлись авторами и соавторами учебников и монографий.

Весной 1987 г. деканом исторического факультета стал Виктор Николаевич Забусов, прошедший путь от выпускника факультета и аспиранта до кандидата исторических наук и доцента. Время его деканства совпало с политическими изменениями в стране, с новыми веяниями в исторической науке. В обществе появился большой интерес к проблемам истории, начались жаркие дискуссии по волновавшим многих актуальным проблемам. Резко возрос конкурс на исторический факультет. По распоряжению декана, на

¹ Архив МГОУ. Личное дело Н.Ф. Колесницкого.

факультете началось внедрение новых подходов к профессиональной подготовке историков и интерактивных форм их обучения. Поощрялось самостоятельность мышления, ответственность в выборе каждым студентом собственной мировоззренческой позиции. Однако дестабилизирующие тенденции в обществе не могли не отразиться на факультете. Мудрые слова В.О. Ключевского «Под свободой совести обыкновенно разумеется свобода от совести», подтвердились в значительной степени. Факультет испытал на себе тяготы непростого положения России в 1990-е годы: стала ослабевать дисциплина, возникли материальные проблемы.

Но факультет не только выжил в столь непростое время, но и нашел возможности развиваться. В 1995–2009 гг. факультетом руководил доктор исторических наук, профессор Николай Иванович Смоленский. За это время на факультете произошли важные изменения: в 1996 г. он был преобразован в факультет истории, политологии и права. Изменилось и число кафедр: в 1997 г. была образована кафедра политологии и права, а кафедра отечественной истории, в целях более углубленного изучения периодов нашего прошлого, была разделена на кафедру истории России средних веков и нового времени и кафедру новейшей истории России. Факультет стал обучать студентов по новым специальностям: «история и право», «история и английский язык», «политология».

На факультете возобновил свою работу докторский диссертационный совет по историческим наукам (председатель – профессор Н.И. Смоленский). Стараниями профессора Ф.Г. Сейраняна, первого заведующего кафедрой политологии и права, был создан диссертационный совет по политическим наукам (нынешний председатель Совета – профессор Г.Г. Лоза).

В 2005 г. издаваемый в вузе журнал «Вестник МГОУ» (в том числе и серия «История и политические науки») вошел в перечень ВАК как рецензируемое издание, имеющее право публиковать результаты исследований докторантов и аспирантов. Число последних существенно выросло.

С 2009 г. факультет возглавляет доктор исторических наук, профессор В.Н. Захаров.

В настоящее время творческий настрой и атмосферу научного поиска на факультете создают известные ученые и преподаватели: заведующий кафедрой новейшей истории России, лауреат Го-

сударственной премии России профессор В.В. Журавлев, лауреат Премии Президента РФ профессор О.В. Волобуев, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени, лауреат премии Губернатора Московской области профессор В.Н. Захаров, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии, ответственный редактор серии «История и политические науки» «Вестника МГОУ» профессор Н.И. Смоленский, заведующий кафедрой методики преподавания истории и общественно-политических дисциплин профессор А.Н. Фукс, заведующий кафедрой политологии и права, заместитель директора Института стран СНГ профессор В.Г. Егоров, заведующий кафедрой истории древнего мира проф. Е.В. Яровой.

Факультет по праву гордится лабораторией «МЕТАР», в которой были созданы учебники, инновационные учебно-методические комплексы и методические пособия, которые сейчас широко используются в преподавании.

Расширяются связи факультета с соответствующими структурами других вузов России и зарубежья, осуществляется обмен опытом, организуются совместные конференции, встречи, реализуются научные проекты.

История факультета, вобравшая в себя 80-летний опыт, традиции, новые подходы и перспективные разработки, свидетельствует о главном: факультет истории, политологии и права Московского государственного областного университета уверенно смотрит в будущее и готов реализовывать задачи развития отечественного образования и науки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В дружбе легче выстоять. Интервью с Б.А. Рыбаковым // Газета Московского педагогического университета «Народный учитель». 1996. № 5.
2. Голикова Н.Ю. Актриса и Режиссер. М.: Вагриус, 2005.
3. Копорулин Б., Кутузова Е. Нужно учиться, засучив рукава! // Газета Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской «Народный учитель». 1968. № 11
4. Муравьев Ю.П. Исторический факультет в 1941–1943 годах // Газета Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. 1980. 24 декабря.
5. Оболенская С.В. Из воспоминаний. URL: http://gondola.zamok.net/109/109/obolenskay_1.html (дата обращения 12.09.2011 г.).
6. Об учебных программах и режиме в начальной и

- средней школе. Постановление ЦК ВКП (б) от 25 августа 1932 г. // КПСС о культуре, просвещении и науке: Сб. док. М., 1963. С. 360-367.
7. О преподавании гражданской истории. Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. // Правда. 1934. 16 мая.
8. Ученые записки МОПИ. Том 28 (Труды кафедры истории древнего мира). Вып. 2. М., 1953.
9. Юдин М.В. Первые ступени истории // Юбилейная летопись университета. 75 лет МОПИ им. Н.К. Крупской-МПУ-МГОУ. М.: Современные тетради, 2006. С. 13-28.

УДК 929 Рубинштейн

Тихонов В.В.

Институт российской истории РАН

**Н.Л. РУБИНШТЕЙН – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ МОСКОВСКОГО
ОБЛАСТНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ИМ. Н.К. КРУПСКОЙ**

V. Tikhonov

Institution of Russian history, Russian Academy of Sciences

**N.L. RUBINSTEIN AS A LECTURER OF THE KRUPSKAYA MOSCOW
REGIONAL PEDAGOGICAL INSTITUTE**

Аннотация. Статья посвящена научной и педагогической деятельности известного историка Н.Л. Рубинштейна как преподавателя Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Характеризуется его стиль лекторской работы, анализируется содержание стенограмм авторского курса лекций по истории СССР, прочитанного Рубинштейном в МОПИ в 1938/39 гг. и хранящегося в отделе рукописей РГБ. Лекционный курс рассматривается в контексте состояния советской историографии тех лет. Показано большое значение работы в институте как этапа научно-педагогической карьеры Рубинштейна.

Ключевые слова: Н.Л. Рубинштейн, МОПИ, советская историография, курс лекций.

Abstract. The article studies the scientific and pedagogical activities of a well-known historian N.L. Rubinstein's, Professor of the Moscow Region Pedagogical Institute named after N.K. Krupskaya. The author analyses the style of his lectures and the contents of his course of lectures on the history of the USSR (1938-1939). The author comes to the conclusion that N.L. Rubinstein's work as a university professor was an important stage of his scientific and pedagogical career.

Key words: N.L. Rubinstein, Moscow Regional Pedagogical Institute, Soviet historiography, course of lectures.

В жизни многих историков исследовательская и преподавательская работа тесно переплетаются. Лекционные курсы органично связаны с исследованиями, нередко задавая им то или иное направление. В то же время лекции – это возможность апробировать новые идеи, концепции, поделиться только что найденными в архивах новыми фактами и документами. В жизни известного историка Николая Леонидовича Рубинштейна (1894-1963) преподавательская деятельность занимала центральное значение.

Когда говорят о преподавательской деятельности Н.Л. Рубинштейна, то вспоминают в первую очередь его работу в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ) и на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Годы преподавания в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской (МОПИ) оказываются в тени. Между тем именно здесь Николай Леонидович начал свою преподавательскую карьеру в Москве.

Рубинштейн родился в Одессе, окончил Новороссийский университет (правда, к моменту его окончания в 1922 г. переименованный в Институт народного образования). Еще в Одессе он начал исследовательскую деятельность, стараясь при этом держать связь с центрами исторической науки в Москве и Ленинграде. В 1931 г. появилась возможность переехать в Москву. Как вспоминал впоследствии историк: «Новые условия работы обеспечили прочную и систематическую связь с научным коллективом историков и в то же время придали широту и систематичность моим научно-историческим занятиям» [8, 100]. Вначале он руководил группой истории НИИ библиографии (1931-1933), сотрудничал с исторической редакцией Государственного издательства социально-экономической литературы («Соцэкгиз»). В феврале 1934 г. он был приглашен на кафедру истории народов СССР МОПИ, а уже 1 марта официально на нее зачислен. Молодому институту требовались квалифицированные ученые и преподаватели. Инициатива приглашения исходила от заведующей кафедры – специалиста по истории советского общества Б.Б. Граве¹. В конце 1935 г. она переехала в Ленинград, где недолгое время проработала профессором ЛГУ. В 1936 г. Граве была репрессирована. После ее отъезда Рубинштейн стал заведующим кафедрой.

Очень быстро молодой преподаватель и заведующий кафедрой приобрел необходимый авторитет. Об этом свидетельствует то, что именно ему было поручено выступить с докладом, разоблачающим исторические взгляды свергнутого патриарха советской историографии М.Н. Покровского. Надо отметить, что докладчик не ринулся бессмысленно крушить наследие недавнего кумира. Он признал, что взгляды М.Н. Покровского во многом обусловлены теми историческими реалиями, в которых они складывались. Более того, в заслугу ему ставилось преодоление наследия наследия буржуазной историографии. Но сам М.Н. Покровский, по мнению докладчика, остался на позициях «экономического материализма», по-настоящему не поняв значения классовой борьбы, диалектического единства объективности и партийности [10, 141]. Заметим, что преодоление концепции М.Н. Покровского, несмотря на все перегибы, сыграло в то время положительное значение.

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Далее – НИОР РГБ). Ф. 521. (Н.Л. Рубинштейн). К. 1. Л. 1.

При Николае Леонидовиче прошло заметное омоложение преподавательского состава. При Рубинштейне в МОПИ начали вести занятия С.С. Дмитриев (впоследствии известный специалист по истории России XIX в., профессор МГУ) и Г.А. Новицкий (историк, музеевед, профессор МГУ, декан исторического факультета МГУ (1948-1951)). В статье, посвященной творчеству Рубинштейна, С.С. Дмитриев нарисовал весьма привлекательный портрет молодого заведующего кафедрой: «Щедрый и отзывчивый на запросы молодой любознательности, руководитель деятельно помогал своим студентам и аспирантам указаниями, одалживал книгами из личной библиотеки, сидел вместе с ними в архивах и книгохранилищах... И не только сидел с ними в архивах и библиотеках, а то и в непринужденной беседе у себя на дому. Он любил бывать с учениками в музеях, на выставках, ездить на экскурсии в Коломенское, в Царицыно, бродить, беседуя с группой молодежи по Бородинскому полю» [1; 456]. Таким образом, неформальное общение преподавателя и студентов было важной и органичной частью учебного процесса. Но главное были лекции.

По свидетельству С.С. Дмитриева, Рубинштейн не обладал талантом прирожденного оратора, его манера чтения лекций была лишена внешних эффектов: «Устная речь, как и письменная, была книжной. Это была речь русского интеллигента, теоретика по складу мышления. Слушать его как профессора в аудитории или ученого докладчика на кафедре было не так-то легко. Дикции присущи были недостатки. Слушать и понимать вначале, сразу при первом знакомстве, можно было, преодолевая некоторые затруднения. Студенты, впрочем, вскоре применялись к особенностям лектора, свыкались с ним. Гладкие фразы, плавная повествовательно-живая речь были ему не свойственны; как лектор он брал другим. Лекции его привлекали лучших студентов иными достоинствами. От первых слов и до звонка, объявлявшего перерыв, они слушали речь-размышление ученого, наблюдателя и истолкования фактов. В изобилии приводил свидетельства, читал отрывки из источников, разбирал и критиковал их» [1, 469]. Сообщая студентам солидное количество фактов, Рубинштейн все же старался делать упор на концептуальное осмысление материала: «Утвердив факты и бережно их передавая, лектор предпочитательное внимание всегда отводил теоретическому их обобщению и истолкованию.

Часто при этом обращался он к мыслям и текстам К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина» [1, 469].

В архиве сохранились стенограммы авторского курса лекций по истории СССР, прочитанного Рубинштейном в МОПИ в 1938/39 гг.¹ Курс дает наглядное представление о стиле и содержании лекционных занятий, проводимых историком, и подтверждает характеристику, данную его лекционной работе С.С. Дмитриевым. Первое, что бросается в глаза – это обстоятельство и продуманность лекций, стремление избежать упрощений и в то же время четкая структурированность материала для более легкого усвоения. Последующие лекции всегда начинались с краткого повторения основных выводов предыдущих. Теоретико-методологической основой являлось марксистско-ленинское понимание истории, в том виде, в котором оно интерпретировалось в Советском Союзе в 1930-е гг. В качестве классических пособий рекомендовались «История ВКП (б). Краткий курс» и сборник «К изучению истории», составленный из статей Сталина и знаменитых тогда «Замечаний на конспекты учебников» И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова. В то же время лектор был свободен от излишнего догматизма и цитатничества, рассматривая многие постулаты марксизма-ленинизма-сталинизма как отправную точку для дальнейших рассуждений на конкретно-историческую тематику.

Курс открывался вводной лекцией методологического содержания. В ней преподаватель, с опорой на классиков марксизма-ленинизма, обосновывал мысль о том, что «история – основная наука», фундамент знаний об обществе. Историю «знать нужно, чтобы управлять, ибо в знании прошлого даны... законы развития», которые помогают «овладевать действительностью, действовать в жизни, создавать дальше историю»². Данный посыл органично вписывался в социальную теорию и практику советского строя, являясь частью проходившей очередной идеологической кампании конца 1930-х гг. под лозунгом «смычки теории и практики». Ключевым постулатом советской исторической науки Рубинштейн назвал связь объективности и партийности.

В этой же лекции была предложена и общая периодизация истории СССР. В ее основе предсказуемо лежал формационный подход. Первым периодом стало первобытное общество, которое

просуществовало до первого тысячелетия нашей эры. Феодальное общество начинается на рубеже первого тысячелетия и заканчивается в середине XIX в. «Девяностые годы – начало эпохи империализма, загнивания капитализма и Октябрьской революции, как начала нового этапа исторического развития...»³. В общем-то, традиционная для того времени социально-экономическая схема, но далее Рубинштейн значительно ее усложнил, подчеркнув значение политического фактора и классовой борьбы: «Но мы говорим с вами, что одними экономическими отношениями не исчерпывается то, что мы с вами изучаем. Мы должны изучить и развитие политической истории, и развитие классовой борьбы. И эти элементы вносят целый ряд дальнейших уточнений, детализацию в рамках общих, более широких схем»⁴. Опираясь на замечания И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова, лектор выделил в феодальной эпохе в качестве отдельного периода XI-XV вв. (раздробленность), а затем и XVI-XIX вв. – феодально-абсолютистский этап. Не останавливаясь на этом, он высказал и собственные соображения о периодизации. Так, он предложил выделить XVII в. как «монархию с боярской думой», а XVIII в. обозначил как военно-бюрократическую монархию⁵.

Следующая лекция была посвящена обзору источников и историографии. Сжато, но информативно были представлены основные типы исторических источников и проанализированы концепции историков. Затем подробно была разобрана проблема влияния географической среды на отечественную историю. Предложив разбор концепций дореволюционных корифеев (С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и А.П. Щапова), Рубинштейн отверг их как немарксистские. Он подчеркнул, что в них учитывалось лишь влияние климата на общество, но не влияние человека на природу. Он признал, что благоприятный климат способствовал более быстрому развитию, но не определял его. Географический фактор был вписан в марксистскую концепцию: «Признавая факт более быстрого и более раннего формирования общественных отношений на определенных частях территории, мы не должны забывать, что человеческая жизнь, возникая на всех территориях нашего Союза, независимо проходит в том или ином порядке, в том или ином хронологическом

³ Там же. Л. 5 об.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же.

¹ НИОР РГБ. Ф. 521. К. 13. Ед.хр. 1.

² Там же. Л. 1 об.

отрезке времени основные стадии исторического развития»¹.

Лекционный курс был насыщен фактами, при этом Рубинштейн старался сохранить баланс между эмпирикой и концептуальными обобщениями. По наиболее важным разделам обязательно давалась характеристика источников и историографии. Наиболее спорные вопросы русского исторического процесса всегда сопровождались самостоятельными рассуждениями автора. Так, по вопросу о социально-экономическом строе Киевской Руси Рубинштейн спорил с концепцией Б.Д. Грекова о преобладании в экономической структуре древнерусского государства феодального землевладения. Он указывал, что это явление обнаруживается только во второй половине X в.² (что подтверждают и современные исследования). По его мнению, в IX-X вв. только происходило разложение родовых отношений, которые перерастали в феодальные³. Рассматривая феодальный период, историк постарался показать специфику развития феодализма на территории всего Советского Союза. Отдельные экскурсии были посвящены истории Средней Азии, Закавказья, Прибалтики и Литвы.

Одним из ключевых вопросов в курсе была проблема формирования централизованного государства. Выясняя причину возвышения Москвы, Рубинштейн признавал множество факторов, влияющих на этот процесс. Но главным ему виделось следующее: «Москва была организатором народных сил во внешней борьбе, и это сделало Москву тем центром, вокруг которого спланиваются народные силы, а сплочение народных сил и стало реальной базой собирания земель князем московским»⁴. Само появление централизованного государства историк относил ко второй половине XVI в.

Еще одной темой, специально выделяемой автором, была проблема вызревания буржуазных отношений в России. Здесь он решительно не соглашался с теми историками (например, А.В. Шестаковым), которые делали знак равенства между появлением самодержавия и складыванием капитализма. С точки зрения Рубинштейна, последний процесс относился к гораздо более позднему времени⁵. В дальнейшем он развил свои идеи, став

одним из признанных лидеров сторонников концепции позднего генезиса капитализма в России. В традициях времени в лекциях мало внимания уделялось истории культуры. Только XIV-XVI вв. были разобраны более или менее подробно.

В курсе Рубинштейна органично (насколько это было возможно) переплелись достижения дореволюционной исторической науки и советского марксизма. Многие положения выдающихся историков дооктябрьского периода были воспроизведены лектором. В этом проявилась важная черта историка: его вдумчивое и бережное отношение к историографическому наследию. Конечно, автор старался на все смотреть по-марксистски, но и огульного отрицания достижений предшественников он себе не позволял. Особенно заметно влияние В.О. Ключевского и А.Е. Преснякова (трактровка социально-экономического строя Древней Руси, периода раздробленности, процесса возвышения Москвы и т. д.). Это не случайно: Рубинштейн принимал активное участие в подготовке к изданию в 1930-е гг. их курсов лекций [2, 7].

Рубинштейн никогда не подходил к чтению лекций формально, давал после окончания необходимые консультации. «Очень частенько лектор, говоря профессиональным языком, «не укладывался во времени». Звонок заставлял его посреди хода мысли, в ее живом движении, в ее развитии. Для завершения этой мысли всегда что-то еще нужно было сказать, добавить, доделать, перебросить от той мысли, где застиг звонок, мосточек к следующей, очередной, порядковой, будущей лекции. Два-три слушателя тут обычно подходили к кафедре, спрашивали профессора, просили что-то объяснить. Пояснения и дополнения давались безотказно, радушно, обильные; при всяком случае указывалась литература, назывались источники; литературные указания делались по памяти, конечно, не каждый раз вполне точно: в этом, пожалуй, обнаруживался смысл – студент, аспирант приучался к самостоятельным поискам и неизбежным уточнениям нужного материала в библиографических указателях, словарях, справочниках, в библиотеках» [1, 470].

Особым направлением была научная работа. Не секрет, что во многих педагогических вузах научная работа студентов (а зачастую и преподавателей) ставилась на второй, а то и третий план, подчиняясь цели скорейшей подготовки учителей для школы. Заведующий кафедрой старался ее организовать и направить, помочь наиболее

¹ НИОР РГБ. Ф. 521. К. 13. Ед. хр. 1. Л. 20 об.

² Там же. Л. 77.

³ Там же. Л. 77 об.

⁴ Там же. Л. 284 об.

⁵ Там же. Л. 473.

способным студентам в публикации их работ. В 1937-38 учебном году стараниями и при участии Рубинштейна были подготовлены «Ученые записки» кафедры, которые вышли из печати в 1939 г. [6; 1]. В них были включены три статьи преподавателей кафедры (Рубинштейна [9], Г.А. Новицкого[5], С.Л. Марголина[4]) и одна – студента (Г.Р. Кузьмина [3]).

Высокое качество преподавания приносило свои плоды. В годы работы Николая Леонидовича на кафедре истории СССР обучались многие впоследствии известные историки. Среди них П.П. Епифанов – крупный знаток в области военной истории и истории культуры, профессор МГУ; Е.А. Дудзинская – исследователь истории русской общественной мысли XIX в., сотрудник Института истории СССР; Л.Я. Фридберг – специалист по русской общественной мысли XVIII в. и др.

В 1939 г. Рубинштейн получил должность штатного профессора кафедры истории СССР МГУ, продолжая оставаться профессором МИФЛИ и МОПИ. Ясно, что такие нагрузки были чрезвычайно трудны, тормозили научно-исследовательскую работу. Поэтому историк уходит из областного института. Официально он покинул кафедру 1 ноября 1939 г. [1, 455]. Но у студентов о преподавателе остались самые теплые воспоминания. Об этом свидетельствует следующий факт. После блестящей защиты в 1940 г. докторской диссертации «Русская историография» он получил телеграмму: «Дорогой Николай Леонидович. От души поздравляем с защитой докторской диссертации. Желаем многих лет плодотворной работы на благо Родины. Второй курс истфака МОПИ»¹.

Работа Рубинштейна в МОПИ – важный этап в его научно-преподавательской карьере. Именно она позволила провинциальному историку

закрепиться в Москве. Но и в истории исторического факультета областного института имя Николая Леонидовича заняло почетное место, прочно войдя в круг его наиболее известных преподавателей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дмитриев С.С. К истории советской исторической науки. Историк Н.Л. Рубинштейн (1897-1963) // Ученые записки Горьковского государственного университета. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. I. 1964. С. 415-478.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I-V. М., 1937.
3. Кузьмин Г.Р. Разработка вопросов стратегии и тактики восстания 14 декабря // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1939. Вып. 1. Кафедра истории народов СССР. С. 55-83.
4. Марголин С.Л. Начало стрелецкого войска // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1939. Вып. 1. Кафедра истории народов СССР. С. 47-54.
5. Новицкий Г.А. К истории тюремной артели декабристов // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1939. Вып. 1. Кафедра истории народов СССР. С. 29-46.
6. От редакции // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1939. Вып. 1. Кафедра истории народов СССР. С. 3.
7. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. I-II. М., 1938-1939.
8. Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 88-114.
9. Рубинштейн Н.Л. Русская ярмарка XVIII века // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1939. Вып. 1. Кафедра истории народов СССР. С. 5-28.
10. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

¹ НИОР РГБ. Ф. 521. К. 25. Ед.хр. 19. Л. 1.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 929.5 “17/20”

Безобразова О.С.

Московский государственный областной университет

ВЛАДИМИРСКАЯ ВЕТВЬ РОДА БЕЗОБРАЗОВЫХ

O. Bezobrazova

Moscow Region State University

THE VLADIMIR BRANCH OF THE BEZOBRAZOV FAMILY

Аннотация. В статье в широком социально-генеалогическом контексте анализируется история рода Безобразовых в XVII – начале XX в., реконструируется их генеалогическая схема, рассматриваются служебная карьера, в том числе в органах дворянского самоуправления, история земельных владений, матримониальные связи, признание за ними дворянских прав в конце XVIII в., участие в важнейших исторических событиях и иные проблемы. Автор выясняет степень влияние процессов эволюции российской элиты на исторические судьбы членов семьи.

Ключевые слова: род, генеалогия, Безобразовы, дворянство, Владимирская губерния.

Abstract. The article contains an analysis of the history of the Bezobrazov family in the period between the 17th and the early 20th centuries, conducted in a broad social and genealogical context. The author reconstructs their genealogical tree chart, studies the service record of the family members, notably, in the self-government bodies of the nobility. Also studied are the history of land possessions, matrimonial ties, formal recognition of the Bezobrazovs' nobility status in the late 18th century, their participation in major historical events, and other problems. The author tries to elucidate, to what extent the process of evolution of the Russian élite influenced historical fortunes of family members.

Key words: family, genealogy, nobility, the Vladimir province.

В современной генеалогии ветвью рода называется его часть, выделяемая по определенным критериям (социальным, профессиональным, в порядке старшинства и др.) [5]. Чаще всего используется территориальный признак, когда ветвь выделяется в соответствии с местом проживания или владения недвижимой собственностью. Поскольку исследователям до сих пор не удалось связать в единое родословие древние семьи Безобразовых, то в историографии их принято обозначать именно по месту нахождения их земельной собственности. Впервые такую структуру предложил известный генеолог П.Н. Петров в середине XIX в. Он впервые выделил ее и описал [8, 196-197]. Генеалогия такого известного рода, как Безобразовы, привлекала владимирских краеведов. Небольшое исследование истории владимирских Безобразовых посвятил в начале XX в. М.Н. Бережков [2]. Большое внимание истории рода уделил современный исследователь Н.В. Фролов [10, 39-43].

Владимирские Безобразовы принадлежали к древнему русскому дворянству, их родоначальником был Иван Романович Безобразов, по прозвищу Ажечка. Он упоминается в документах с 1605 г., когда находился на службе в Осколе вторым воеводой. Дальнейшая его карьера складывалась вполне удачно и традиционно для представителя служилого рода из среднего слоя. В январе 1611 г. он был пос-

© Безобразова О.С., 2011.

лан из Москвы русским послом под Смоленск, затем служил воеводой в различных городах: в 1615 – 1617 – в Угличе, в 1618 – 1622 – в Ярославле, в 1623 – 1625 гг. – в Сургуте, а с 1627 и до самой своей смерти в 1629 г. – в Шацке [1]. Несомненно также придворные службы: был приставом у касимовского царя, участвовал во второй свадьбе Михаила Федоровича, шел за саями царицы. Эти назначения свидетельствуют том, что хотя его отец и неизвестен, И.Р. Безобразов принадлежал к известному и древнему роду, давно вошедшему в состав служилой элиты. Основателем владимирской ветви он стал потому, что в 1620 г. ему в вотчину было пожаловано село Осовец во Владимирском уезде [10, 39].

Старший из трех сыновей Ивана Романовича Безобразова – Яков известен своими пожертвованиями хлеба на продовольствие войска под Смоленском (1632 / 1633 г.). Он прожил долгую жизнь, уже в 1629 г. он имел чин стольника и упоминался в источниках до 1687 г. Как и отец, он служил воеводскую службу, был в 1667 – 1668 г. вторым воеводой в Астрахани [1, 20].

Близкое положение в структуре Государева двора занимали его братья: Григорий в 1636 г. был стряпчим, затем также стольник и нижегородский воевода, а Михаил в 1627 г. – стольником патриарха Филарета. К двум старшим братьям перешло по наследству упомянутое выше село Осовец. Яков Иванович Безобразов владел также деревней Цепелево в том же Владимирском уезде [10, 39].

У Я.И. и Г.И. Безобразовых было по два сына, у первого – Калина и Никифор, оба бездетные, а у второго – Родион и Иван. Все они служили в стольниках, прочно удерживая то положение, которое занимала семья в средних слоях Государева двора. Последние два дожили до Петровских времен, когда вместе со всем служилым сословием им пришлось пережить серьезную модификацию. Иван Григорьевич начинал карьеру в качестве стольника царицы Прасковьи Федоровны, затем, как и многие другие молодые члены Государева двора был определен в венную службу, дослужившись до чина бригадира. Он крепко держался владимирских поместий, владел селом Алексино Владимирского уезда, а в 1722 г. прикупил к нему село Сущево [10, 39]. Его потомство составляло владимирскую ветвь в дальнейшем.

Судьба четырех сыновей И.Г. Безобразова также соответствовала тому жизненному сценарию, который формировался в Петровское время для элиты. Наиболее показательна биография его

старшего сына Григория, который в 1718 г. поступил в морскую службу гардемаринном, затем обучался морскому делу в Испании, вернувшись в Россию, был адъютантом адмирала Головина и закончил карьеру в чине майора морских солдатских полков [3, 40]. Однако в первой половине XVIII в. служба была для дворянина практически пожизненной, поэтому оказавшись, в силу возраста, уже неспособным к ней, Г.И. Безобразов был переименован в надворные советники и продолжал ее в качестве гражданского чиновника.

У него был единственный сын Алексей (1736–1803), который был подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка и, воспользовавшись Манифестом о вольности дворянству, предпочел оставить службу и посвятить себя хозяйству, благо владел почти 1500 душами крепостных и именьями во Владимирской, Рязанской, Нижегородской, Тульской и Саратовской губерниях [10, 40].

Он имел обширное потомство – 6 сыновей и 7 дочерей. Все сыновья избрали военную карьеру и большинство служило в лейб-гвардии Конном полку [4, 101, 133, 149]. Однако успехи были разные: Григорий был отставлен корнетом гвардии, Сергей – подпоручиком гвардии, а Николай достиг чина генерал-лейтенанта и был командиром Первой гусарской дивизии. Их брат Дмитрий, хотя и не сделал успешной военной карьеры, выйдя в отставку ротмистром, продолжил службу и закончил жизнь в ранге действительного статского советника.

Его единственный сын Сергей Дмитриевич (1801–1879) был, безусловно, наиболее выдающимся представителем владимирской ветви рода. Он служил в Кавалергардском и лейб-гвардии подольском полках, являлся адъютантом великого князя Константина Павловича, и эта служба способствовала его дальнейшим военным успехам. В 1831 г. он стал флигель-адъютантом, в 1834 г. был командирован на Кавказ, в чине полковника в 1835–1842 гг. командовал Нижегородским драгунским полком, затем, уже будучи генералом, – лейб-гвардии Уланским полком (1847–1848 гг.) и Кавалергардским полком (1848–1851 гг.), одним из самых привилегированных в российской армии. С 1854 по 1861 гг. С.Д. Безобразов командовал 7-й кавалерийской дивизией, а затем 4-м кавалерийским корпусом, в 1860 г. стал генерал-адъютантом, и в 1861 г. – генералом от кавалерии [7, 166–170]¹.

¹ Российский государственный военно-исторический

Никто кроме него из владимирских Безобразовых в XIX в. заметной карьеры не сделал. Уровень социальных притязаний рода заметно снизился к середине XIX в. Двоюродный брат С.Д. Безобразова Дмитрий Григорьевич (1838 – 1857) служил в Александровском уездном суде и остался только титулярным советником, а его сын Николай Дмитриевич (1852 – после 1909) был исправником в Коврове, Суздале и Покрове, его высший чин – коллежский советник [10, 42].

При смене правил правового оформления дворянского статуса в конце XVIII в. Безобразовы были внесены в 1797 г. в шестую, самую престижную часть родословной книги Владимирской губернии [9]. Это означало окончательное признание за ними принадлежности к древнему дворянству.

В конце XVIII – начале XX в. владимирские Безобразовы активно служили в органах дворянского самоуправления, часто избирались предводителями дворянства. Упомянутый выше Алексей Григорьевич в 1782 – 1784 гг. избирался владимирским уездным предводителем, аналогичную должность в Ковровском уезде занимали его сыновья Сергей (в 1804 – 1805 гг. и в 1812 – 1817 гг.) и Дмитрий (в 1821 – 1826 гг.). Сын первого из них Иван Сергеевич (1812 – 1885) в течение 32 лет, с 1842 по 1874 гг., также возглавлял ковровскую дворянскую корпорацию [11].

В XVIII – XIX вв. Безобразовы стали заключать довольно удачные браки. В основном, это были представители того же среднего слоя элиты – Пушкины, Засецкие, Кузьмины-Короваевы, Телегины и др. Среди них было много представителей владимирского дворянства. Например, Надежда Алексеевна Безобразова вышла замуж за вязниковского уездного предводителя дворянства, надворного советника Василия Петровича Нестерова (1765 – после 1810), а ее сестра Евдокия (1769 – после 1845) – за депутата дворянства Ковровского уезда Василия Михайловича Владыкина. Дважды роднились Безобразовы с известной владимирской семьей Прокудиных-Горских. Однако следует отметить несколько значительных в генеалогическом отношении брачных союзов с представителями русской аристократии, которые способствовали упрочению социального положения рода. Елизавета Алексеевна Безобразова (1761–1839) стала супругой бригадира графа Федора Матвеевича Апраксина (умер в 1796 г.), ее

сестра Аграфена (1766 – 1848) – князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764 – 1823), тайного советника, писателя и поэта. Генерал С.Д. Безобразов был женат на княжне Любове Александровне Хилковой, бывшей до замужества фрейлиной императорского двора. В конце XIX в. появились браки с представителями хотя и дворянских, но малоизвестных семей, выходцев их других сословий. Упомянутый Иван Сергеевич Безобразов в первом браке состоял с дочерью херсонского помещика Анной Осиповной Витязь, во втором – с Екатериной Александровной Греве, дочерью коллежского асессора [6; 12, 40–42].

В XIX в. представители владимирской ветви стали расселяться по другим губерниям. Этому способствовало то, что упомянутый выше Алексей Григорьевич владел имениями в различных губерниях, которые затем были разделены между его потомками. Наиболее активно они переселялись в Рязанскую и Тульскую губернии. При дроблении размер имений, естественно, уменьшался. Так, незамужним сестрам Анастасии и Анне Алексеевнам Безобразовым в 1804 г. принадлежало совместно 279 душ в Веневском уезде Тульской губернии [10, 41].

К сожалению, нам не удалось проследить судьбу владимирских Безобразовых до настоящего времени. Последние из имеющихся сведений относятся к началу XX в. Известно, что в Первой мировой войне принимал участие подполковник Николай Николаевич Безобразов, офицер 3-го гусарского Елизаветградского великой княжны Ольги Николаевны полка, кавалер многих боевых орденов: святой Анны четвертой степени с надписью «За храбрость», святого Станислава второй степени с мечами, святого Владимира четвертой степени с мечами и др.¹ Он был единственным представителем своего поколения рода. И хотя у него было двое детей – сын Дмитрий, родившийся в 1909 г., и дочь Софья, родившаяся в 1902 г., велика вероятность того, что данный род пресекся.

Общие социальные процессы, происходившие в российской элите XVII – начала XX в., оказали большое влияние на исторические судьбы владимирских Безобразовых, определяя во многом их служебные предпочтения, выбор брачных партнеров и др. Они были вполне характерными для представителей средних слоев сословия. Можно отметить некоторое повышение социальной ак-

архив (далее: РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 36444.

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133640. 110–123.

тивности рода в конце XVIII – первой половине XIX в., ставшее эпизодическим.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. М., 2010. 687 с.
2. Бережков М.Н. К истории владимирских дворян Безобразовых // Труды Владимирской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 9. Отд. 2. С. 1-5.
3. Веселаго Ф.Ф. Общий морской список. Ч. 2. СПб., 1885. 432 с.
4. История лейб-гвардии Конного полка 1731 – 1848 гг. Ч. 4. СПб., 1849. 542 с.
5. Наумов О.Н. Генеалогия: учебное пособие. Ч.1. М., 2007. 50 с.
6. Наумов О.Н., Хилков Б.М. История рода князей Хилковых. Екатеринбург, 2008. 287 с.
7. Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов. Т. 4. СПб., 1908. 288 с.
8. Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. 2. М., 1991. 320 с.
9. Трегубов М.И. Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905. 256 с.
10. Фролов Н.В. Владимирский родословец. Ковров, 1996. Вып. 1. 166 с.
11. Фролов Н.В. Предводители дворянства и председатели земской управы Ковровского уезда. Владимир, 1994. 112 с.

УДК 94 (470.323)

Горюшкина Н.Е.

Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

**«ГДЕ КАБАЧОК, ТАМ И МУЖИЧОК»:
ПОСЛЕДСТВИЯ ВИННОЙ РЕФОРМЫ 1863 г. СКВОЗЬ
ПРИЗМУ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК**

N. Goryushkina

South-West State University, Kursk

**“WHERE TAVERN IS, THERE BUMPKIN IS”: AFTERMATH OF WINE REFORM
OF 1863 IN THE LIGHT OF POPULAR PROVERBS AND SAYINGS**

Аннотация. В статье анализируются обстоятельства, вызвавшие умножение питейных домов после винной реформы 1863 г. Основное внимание сосредоточено на месте кабака в жизни пореформенной деревни. Для отражения народного воззрения на питейный дом использованы пословицы и поговорки о кабаке. Исследованы затраты на алкоголь в крестьянских бюджетах. Показана высокая прибыльность кабачного промысла. Автор приходит к выводу, что рост числа кабаков, низкая цена на спиртное, произвол торговцев при отсутствии у народа культуры питья усугубили проблему пьянства в стране.

Ключевые слова: алкоголь, акцизная реформа, вино-торговля, кабак, крестьяне, пьянство, пословица, поговорка.

Abstract. The article analyses the circumstances causing the increase of the number of public houses after the wine reform of 1863. The author focuses on the role of tavern in the life of post-reform countryside. People's views on public house are represented in popular proverbs and sayings about tavern. The article investigates alcohol expenditures in peasant's budgets and shows high profitability of tavern business. The author draws the conclusion that increase of the number of taverns, low price of spirits, illegal activity of traders and lack of drinking culture aggravated the problem of heavy drinking in the country.

Key words: alcohol, excise reform, wine trade, tavern, peasants, heavy drinking, proverb, saying.

Когда появилась пословица, поставленная в заглавие статьи, неизвестно, но появилась она не случайно. Взаимное «притяжение» кабака и русского крестьянина устанавливалось веками, а после винной реформы 1863 г. эти «отношения» сделали исключительно близкими.

Оценивая результаты питейной либерализации, историки, как правило, прибегают к традиционным источникам получения информации и обходят вниманием многочисленные народные изречения и выражения, выступающие емким хранилищем житейского и социально-исторического опыта народа.

Автор статьи поставил перед собой цель – раскрыть социальные последствия свободного оборота алкоголя, акцентируя внимание на месте питейного дома в жизни пореформенной деревни. К освещению проблемы были привлечены пословицы и поговорки о кабаке, зафиксированные в сборниках и функционировавшие в периодической печати второй половины XIX в.

Начало винной либерализации открыло «Положение о питейном сборе», вступившее в силу 1 января 1863 г. Торговля алкоголем была объявлена предметом вольного промысла. Распределение пунктов и видов питейной продажи обуславливалось исключительно потребностью населения и теми выгодами, которые могли получить вино-торговцы [8, 67-68]. Доступность алкоголя должна была, по мнению идеологов реформы, уничтожить в народе сформированную откупными привычку напиваться и «развить надобность пить исключительно в гигиенических целях»¹.

При таких условиях в 1863/1864 гг. открылось 265,4 тыс. заведений, реализующих алкоголь (одно заведение приходилось на 254 жителя), против 78 тыс. в 1859 г. К выносной торговле приступили штофные, фруктовые и мелочные лавки, погреба русских виноградных вин и ренсковые погреба; распивочно торговали трактирные заведения, буфеты, станционные дома; распивочно и на вынос – шинки, корчмы, постоялые дворы, временные выставки и – главное – ренсковые погреба, если их владельцы выкупили право на распивочную торговлю, и питейные дома (кабаки). В 1866/1867 гг. число мест продажи питей увеличилось до 411,1 тыс. (одно заведение – на 95 жителей) [9, 89].

При видовом многообразии мест продажи спиртного не менее 80 % в общем числе стало

за кабаками – заведениями, предоставляющими возможность купить спиртное «в налив» и распить его на месте².

«Наступила горячая пора общего открытия кабаков, – вспоминал один из винозаводчиков, – заводские доверенные ездили, как угорелые, и искали хорошие места. И где только не находились эти места, и где только не открывались кабаки!.. Все селения, не только торговые, но и самые глухие, не проезжие, пестрели кабацкими вывесками, все большие дороги – тоже. Открывались кабаки в самых мизерных деревушках. Открывались на всяких дорожных перекрестках. Открывались на речных перевозах, на пристанях. Открывались на мельницах, на рушках, на маслобойнях. Открывались среди господских усадеб» [1, 3].

Причины умножения кабаков крылись в следующих обстоятельствах.

Во-первых, акцизное законодательство сняло все чинимые ранее препятствия (имущественные, сословные, национальные) в отношении лиц, открывающих питейные дома. Получалось, вести кабачную торговлю мог всякий, имеющий на то желание.

Во-вторых, патентный сбор за содержание кабака представлял собой весьма незначительную сумму (15 – 50 руб. в зависимости от разряда местности), что влекло в кабачное дело всякого, мало-мальски обеспеченного в средствах.

В-третьих, трудностей при подыскании помещения под кабак не возникало. «Питейный дом, – определялось в «Уставе», – может занимать только одну комнату, он должен помещаться на нижнем этаже и иметь непременно выход на улицу» [8, 70].

В-четвертых, кабак отпускал вино «мелочно» и дешево, в то время как трактиры, буфеты, постоялые дворы, станционные дома – с наценкой, а ренсковые погреба – крупными партиями (не менее четверти ведра). Соперничать с кабаком в какой-то степени могли фруктовые, мелочные и штофные лавки, торговавшие «дробно», но Законом 2 мая 1864 г. продажа алкоголя из фруктовых и мелочных лавок была запрещена, Законом 24 сентября 1865 г. устройство штофных лавок затруднено необходимостью получения «разрешительного приговора» от владельца арендуемой земли³.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 574. Оп. 1. Д. 269. Л. 149.

² Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 97. Л. 25 об. – 26.

³ РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 269. Л. 149.

«Возвышение» кабака совпало по времени с процессом освобождения крестьян из крепостной зависимости. Ломка вековых устоев повлекла за собой коренной поворот в образе жизни, быте миллионов людей. Крестьяне, привыкшие к опеке помещика, обретя свободу, должны были решать свои проблемы самостоятельно. Многие не были к этому готовы. «Вместо крепостной кабалы, – писал Д.Н. Бородин, – явилась более страшная кабацкая кабала, которая не дала только что освобожденному рабу опомниться, <...> на расстоянии телеграфных столбов поставив шинки и кабаки» [2, 62].

«Кабак построили – горе да беда». Помещики, суровой опекой удерживающие крестьян от посещения кабаков, после реформы 1861 г. встали в ряды распространителей спиртного и с удовлетворением сдавали принадлежащую им землю под питейные дома. Новые институты контроля в лице волостных старшин, сельских старост и городских управ, наделенные полномочием наказывать «злообычных» в пьянстве, предоставленными правами не пользовались. Ни они, ни церковнослужители зачастую сами не были свободны от порока («Ходи в кабак, вино пей, нищих бей, будешь архиерей!»).

При минимальном развитии школ, больниц и прочих общественных мест кабак стал не просто лавкой, торгующей вином, он стал клубом, банком, судом, биржей. Здесь – встречались с друзьями («Где кабак, там и мой дружок!», «В кабаке тьма-тьмущая народа пьющего», «Озорника ищи в тюрьме, а пьяницу в кабаке»), ссорились и мирились («Где хотите, там и бранитесь, а на кабаке помиритесь!»), узнавали новости («В кабаке побывать, людей повидать»), заключали и «обмывали» торговые сделки («Шумно и пьяно – кабак без изъяна»). Здесь – устранялись социальные преграды («В кабаке да в бане – все дворяне»), снималось напряжение («Кабак – пропасть, туда б попасть»), забывались тяготы «вольной» жизни: бедность, малоземелье, непосильные налоги («На хлеб да на подати не станет, а на кабак да на табак станет»).

«Запьем, так и избу запрем, а что в избе, в кабаке снесем». Кабатчики, весьма заинтересованные в привлечении к себе как можно большего числа покупателей, к вопросам нравственности относились равнодушно и прибегали к всевозможным способам «заманивания» в лавку. «Всякому кабатчику хорошо, потому что всякий со своим искусством и подходом: один очень ласков и больно

знаком, у другого очень весело – продает он вино при музыке. Набираются к нему завсегдатаи: пропившиеся люди, бессовестные, плутоватые. Они тренькают на балалайках, бойки на язык, шутилки и кажутся очень веселыми. Третий кабатчик, при недостатке денег наличных и „за рукавицы“ вино дает, и из платишка берет под заклад всякое, какое подойдет ему на руку», – так изображал кабацкий промысел С.В. Максимов [4, 14].

Личный интерес содержателей питейных заведений был достаточно сильным для того, чтобы изыскивать, хотя бы и с риском, разные способы не выполнять ограничительные требования «Устава о питейном сборе», заключающиеся в запрете торговать в долг, под заклад вещей, за отработки. «Рабочие орудия, скот, одежда, личный труд, будущий урожай – всё потянулось к кабаку и словно пропадало в утробе кабатчика <...> И изба, и клеть, и соха, и всякий гвоздь в избе – всё на виду у мироеда, всё принимается им в расчёт. Даже семейное положение: у кого сын на фабрике, у кого дочь в казачках; в крайнем случае, и они отработать долг смогут», – писал М.Ф. Салтыков-Щедрин [7, 150-151].

Народное выражение: «Кабак лучше метлы дом подметает» подтверждает исследование крестьянских бюджетов. Так, среднегодовой расход крестьянина в черноземной губернии на все без исключения нужды составлял 55,54 руб. На питание уходило примерно 17,94 руб., или 32,3 %. На вино расходовалось в среднем 4,18 руб., 23,3% от расходов на питание и 7,5 % от всего крестьянского бюджета («Богу – пятак, в кабак – четвертак»). Оказывалось, что много пили крестьяне, имевшие высокие надель, и безземельные. Средняки в большинстве своем пили умеренно, считая водку помехой для хозяйства. Деревенская беднота тратила на спиртное 62,8% денег на питание и добывала водку, выполняя самую тяжелую и грязную работу у своих более зажиточных соседей [10, 27, 43, 67, 83].

«Кабак деньгами, как бездонную кадку, не наполнишь» – замечали в народе. Расчет прибыли кабатчика доказывал верность народного изречения. К примеру, в 1881 г. (статистика этого года полная и точная) производство 1 ведра 40% вина обходилось заводчику в 0,8 – 1 руб. Стоимость очистки составляла 0,2 руб. Уплатив с данного объема акциз в 3,2 руб., производитель выпускал вино из заводского подвала по цене 4,5– 4,65 руб. и получал прибыль в 25 коп. с ведра. Препровождавшие вино в розничную сеть оптови-

ки продавали его на 10 коп. дороже. Кабатчики торговали мелкими мерами по 5,5 руб. за ведро в тех местностях, где конкурентов было много, и по 6 – 7 руб. в отдаленных селениях. Барыш владельца кабака с ведра составлял 1,5 – 2,5 руб. Из реализованных в 1881 г. 1,68 млн ведер безводного спирта 1,12 млн продавалось питейными заведениями низшего разряда (кабаками и шинками), значит, большая часть прибыли оседала в карманах их владельцев. Кроме того, кабатчики, понижая крепость напитка с 40 % до 37 % (известны случаи, когда продавалось вино в 30 %), имели возможность продать 2,8 млн ведер алкоголя, большая часть которых была неучтенными, а, следовательно, не обложенными акцизом¹.

Потребители в таком случае платили за «воду» (*«Кабак не беда, была б водка не вода», «Вино с водой хуже воды с вином»*). Для придания остроты, вкуса и запаха разбавленную водку сдабривали табаком, перцем, беленой, бузиной, полынью, керином, купоросом и даже мышиным пометом. Народ в том опасении не видел (*«Если пить, так водку с перцем, а любить, так всем сердцем»*) и давал кабацкой «отраве» приметные названия: *«сильвупле», «царская мадера», «чем тебя я огорчила», «пользительная дурь», «продажный разум», «сиротские слезы», «крякун», «подвздошная», «горемычная», «прилипли язык», «чистоты не спрашивай, а был бы пьян», «рот дерет, а хмель не берет»*. В понимании русского крестьянина водка и не должна была быть приятной на вкус, ведь питье считалось делом греховным (*«Вина напиться – бесу предаться», «В пьяном бес волен»*), а за грехи следовало страдать. Потому и пил мужик горькую, как муки адские принимал (*«Горько пить вино, а обнесут (мимо), горчее с того»*), уважал того, кто *«пьет вино как суслица»* и кто *«пьян бывает, а ума не пропивает»*.

Законодатель запретил иметь в питейном доме иную закуску, кроме хлеба (*«Этого гостя кормить в харчевне, поить в кабаке», «Пил бы еще, да в животе тощо»*). Но бывало, что в кабаках подавались вызывающие у посетителей жажду закуски: соленые огурцы, квашеная капуста, тарань (*«Пей горчее, ешь солонее: умрешь, не сгниешь»*). Хозяин заведения точно знал, что после такой пищи большой спрос на вино растет.

«Кабак на горе – горе во дворе». Накануне винной реформы населением потреблялось пример-

но 20,2 млн ведер безводного спирта, что в пересчете на душу давало 0,33 ведра (существовавшие при откупках злоупотребления повышали указанную цифру до 0,36 ведра безводного спирта). С 1863 г. по 1873 г. среднегодовой объем потребленного алкоголя превысил 25,8 млн ведер безводного спирта, среднедушевой уровень – 0,37 ведра. Злоупотребления по питейной части повышали показатель распитого вина до 0,41 ведра безводного спирта (0,9 ведра полугара) на душу населения. Налицо – рост объема выпитого. Если же учесть, что основными потребителями алкоголя являлись мужчины от 16 лет и старше, то среднедушевой уровень приближался к 2,64 ведра. При пересчете на литры годичная норма потребителя составляла 32,2 л, дневная – 0,9 л (90 г)².

Для суждения о размерах пьянства необходимо учитывать не столько объем, сколько способ потребления алкоголя. Понятно, что питейные обычаи, формировавшиеся в течение столетий, глубоко внедрились в быт населения и не изменились с объявлением свободной продажи. Сдерживаясь в рабочие дни, крестьянин, дождавшись воскресенья или праздника, выпивал недельную «порцию» целиком, то есть 25-30 раз в год выпивалось количество (1,3 л), во многих случаях достаточное, чтобы убить человека. В этой связи высказался земский врач В.И. Никольский: *«Мужик так же редко видит водку, как и мясо, и так же набрасывается на нее со всей жадностью. Обыкновенный мужик пьет водку, может быть десять дней в году, но зато уже пьет вволю, до пьяна, пропивает такие деньги, на которые он мог бы быть сыт продолжительное время»* [5, 38].

Праздник в народном сознании был неразделим с выпивкой. С особым размахом отмечались двенадцатые праздники, особенно Рождество, Пасха, Троица, а также Покров, Никола Зимний, Масленица и некоторые другие дни. Значимым праздником в деревне считался престол в честь святого или церковного дня, во имя которого была освящена приходская церковь. Праздник прерывал однообразную череду сельских будней, потому его ждали (*«Кто праздник чует, тот в кабаке ночует»*), к нему готовились (*«Без блинов не Масленица, а без вина не праздник», «Мы к обеду – уж отпели; мы к обеду – уж отгели; мы в кабак – как раз так»*). Нетрезвый в праздничный день никем не осуждался (*«В том спасенье, что пьян в воскресенье»*). Сельское общество

¹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 208. Л. 78; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 85 об.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 85 об.

порицало запойных пьяниц («В кабаке подносят, и домой милости просят», «Кабак – яма, стой прямо!» «Гулящие дни случатся, так чем на улице валяться – лучше в кабаке проспаться»), пропивающих семейное имущество («В кабак пойдешь – суму найдешь», «Лучше знаться с дураком, чем с кабаком») или преступивших закон ради выпивки («Шкалики да косушечки доведут до клетушечки», «От кабака до тюрьмы – прямая дорожка»). Признавая за каждым право пить или не пить («Кабак на охотника: кто хочет, завернет, кто не хочет, пусть мимо идет»), крестьяне к лицам, не бывавшим в кабаках, относились с подозрением («Смерть – неминуемое дело, а к кабаку необходимый путь» «Кабак в компанию принимает, а непьющего никто не знает»).

Пореформенный период отметился небывалым ранее пьянством среди женщин («Бредет Татьяна недобре пьяна») и даже детей («В кабаке родился, в вине крестился»). «Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли; а в кабаке приняли!» – возмущенно пишет Ф.М. Достоевский [3, 94]. Религиозные чувства в крестьянской среде ослабли. Это, в первую очередь, касалось сельской молодежи, которая все реже посещала церковь и воспринимала поход в кабак как демонстративный вызов традициям и нравам старшего поколения. Доказательством тому служат изречения следующего рода: «Велико дело – церковь сгорела, кабаки горят – и то ничего не говорят», «В кабак далеко, да ходить легко. – В церковь близко, да ходить склизко», «Пойдем в церковь! – Вишь, грязно». – «Ну, так в кабак?»

Закон 14 мая 1885 г. уничтожил «вредные» кабаки. Распивочная торговля позволялась теперь только из заведений трактирного типа, где посетители кроме водки могли получить еще горячие блюда и чай. Но финансовому ведомству не удалось ограничить масштабы пьянства. Несмотря на то, что официальные данные фиксировали сокращение объемов потребления в 1886 – 1890 гг. с 64,1 млн до 62,7 млн ведер и душевого потреб-

ления спиртных напитков – с 0,58 до 0,53 ведра, пить на селе меньше не стали, возникло множество тайных кабаков. Среднегодовая цифра только выявленных случаев беспатентной торговли за 1887 – 1894 гг. достигла 15854 [6, 71].

В этих условиях высшая администрация приняла решение о передаче питейной торговли в государственное управление, признав крайнюю неудовлетворенность социальными результатами винной реформы 1863 г.

Три десятилетия свободного оборота алкоголя показали, что доступность питейных заведений не сделала потребление алкоголя регулярным, но умеренным. Напротив, множественность питейных домов, низкая цена на спиртное, произвол кабатчиков при отсутствии у народа культуры питья, выражающейся в устойчивых стереотипах (пить вино без закуски, пить много и сразу, пить в горе и радости), только обострили алкогольную ситуацию в стране.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Безгин П.В. На службе злему делу: (Хроника из жизни на винокур. з-дах). М., 1900. 156 с.
2. Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб., 1910. 100 с.
3. Достоевский Ф.И. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. Л., 1980. 551 с.
4. Максимов С.В. Куль хлеба и его похождения. Л., 1987. 654 с.
5. Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. 384, 48 с.
6. Отчет Департамента неокладных сборов за 1994 год. СПб., 1896. 229, 77 с. Приложение. 311, 233 с.
7. Салтыков-Щедрин М.Ф. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1988. 558 с.
8. Устав о питейном сборе. СПб., 1863. 81 с.
9. Фридман М.И. Винная монополия в России. М., 2005. 560 с.
10. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. 730 с.

УДК 39 (4/9)

Шавлаева Т.М.

Чеченский государственный университет (г. Грозный)

КАВКАЗ И ПРОМЕТЕЙ (К ВОПРОСУ ЭТИМОЛОГИИ)

T. Shavlaeva

Chechen State University, Grozny

THE CAUCASUS AND PROMETHEUS (ON THE QUESTION OF ETYMOLOGY)

Аннотация. Статья посвящена названию Кавказа и названию мифического героя Прометея – Пхъармат, прикованному, согласно легенде, к скале. Отсутствие единого мнения в научной среде относительно этимологии этих слов ставит перед исследователями новые вопросы. Автор акцентирует внимание на своём видении проблемы, пытаясь выяснить не столько их мифический смысл, сколько реальный. Анализ оригинального лингвистического материала, собранного на одном из древних диалектов чеченского языка – чабирловском, позволяет осветить в изучаемой теме новые стороны и значительно расширить смысловое содержание изучаемых терминов.

Ключевые слова: Кавказ, Прометей, ворота, кузнец, производство, отрицание, поселение, импульс, удача, оседлый, кочевой.

Abstract. The present paper explores the history and etymology of two names – the Caucasus and Prometheus (or Pkharmat in the Chechen version). Different scientists hold different opinions concerning the etymologies of these two words. This brings forward a new set of questions for the researchers. According to legend, Prometheus was chained to a rock in the Caucasus. The author of the article, however, investigates real rather than mythical meanings of these names. The analysis of the original linguistic material in Chabirlovskiy dialect (one of the ancient dialects of the Chechen language) allows to throw new light on the origin of the two names, as well as to expand considerably their semantic contents.

Key words: Caucasus, Prometheus, gate, smith, manufacture, negation, settlement, impulse, luck, settled, nomadic.

«Ещё до Рождества Христова край этот привлекал внимание людей, благодаря горному хребту, который собственно и называется Кавказ», – пишет один из дореволюционных авторов [7, 3]. Кавказ – этот необычный и загадочный край: древний, гордый, могучий, гостеприимный.... – не оставлял равнодушными тех, кто посетил его хоть раз. Кавказ издревле был в гуще событий – ярких, бурных и судьбоносных.

Автохтонные народы Кавказа, такие же необычные, как и сам Кавказ, выдержали все испытания судьбы и создали на стыке двух великих культур – восточной и западной – третью самобытную кавказскую культуру.

Не менее интересно само название края – «Кавказ». Среди учёных, краеведов, а также в многочисленной этнической среде, присутствующей на Кавказе, нет единого мнения относительно трактовки смысла этого слова. Встречаются мифологические разъяснения, к примеру, как имя местного пастуха было присвоено одной из вершин Кавказа, откуда и пошло название, или библейская легенда, что старшего сына пророка Ноя звали Иафетом, а одного из его потомков, от которого произошли автохтонные народы Кавказа, звали Кавказом. К сожалению, эти версии не утвердились в науке в качестве доказуемых и убедительных версий.

Общеизвестно, что это название встречается впервые в трагедии Эсхила, древнегреческого поэта и основателя античной трагедии, жившего в 525–456 гг. до нашей эры, «Скованный Прометей»; от греков оно перешло к римлянам и затем ко всем новейшим европейским народам. В Большой советской энциклопедии допускают возможность связи слова с названием хеттского народа «каз-каз», жившего на берегу Чёрного моря [5, 113].

Гай Плиний, римский писатель, ученый и государственный деятель, живший в 1-ом веке н. э., приводит скифское название Кавказа – «Крауказ», производимое от санскритского «Каз» – блеснуть и «Граван» – скала, что означает «сверкающая скала» от снега.

© Шавлаева Т.М., 2011.

Известный исследователь кавказских языков П.К. Услар отрицал местное, туземное происхождение термина «Кавказ» возводил его к «Каугаз», то есть «Горы азов», а Г.Ю. Клапрот полагал, что название Кавказа произошло от Коф-коф, то есть горы Каф, или Касп [11].

Исследователь В.Н. Ковешников находит, что некоторыми авторами для объяснения слова рассматривается авестийское *Kahrkasa* в значении «шишка». В русский и ряд других языков слово пришло из древнегреческого в форме *Каукасос*; это искажённое название на языке древних выходцев из Индии: *Граукасим* – «Белоснежная гора». По отсылке этого автора, Ф.А. Щербина предполагал, что название Кавказа – киммерийского происхождения, где первый слог «кафъ» или «кохъ» означает «гора». В книге того же Ковешникова приводится суждение о том, что в «Повести временных лет» (XII век) горы именуются Кавкасийскими, т. е. Каспийскими, а данный топоним, по-видимому, производное от Каспийского моря-озера, получившего в свою очередь название по имени народа «каспии», некогда проживавшего на юго-западном берегу Каспия [6].

Дени Баксан пишет, что, согласно Библии, современное человечество (потомки Ноя) после потопа возродилось на Кавказе, а мусульманская традиция, в частности, связывает с Кавказом и завершение его истории, т. е. наступление Судного дня, так как из-за Кафа вырвется страшный народ «Иаджуд и Маджуд» с желанием сразиться с Аллахом, но будет сокрушён Им. Арабское слово «каф» обозначает конец или завершённость. Этот автор видит в топониме древний семитский корень «каф», обозначающий «северную оконечность земли», в этом значении он принят древними армянами – «Кафаз». По ссылке того же автора, аль-Масуди пишет: «Гора Кабх (Кавказ) – великая гора, занимающая огромную площадь. Она вмещает много царств и народов...». Арабский географ IX века Ибн Хордадбех приводит название «Кабк», наиболее близкое современному звучанию после добавления греческого топонимообразующего суффикса – «ас» [1].

В лезгинской народной среде популярно значение слова «Къавкъаз», как «подпирающий небо», возможно, этот вариант пришёл бы по душе Эсхилу, потому что именно он писал, что недоступные горные вершины воспринимали как жилища богов, считали их подножием неба, которое они подпирают, как могучие Атланты.

Осетинская традиция склоняется к «скалистой» или «горбатой» земле («къадз» – горбатый, «зах» – земля), а адыгская – к «кау каз», потому что каждый год в одно и то же время пролетали птицы (гуси – къаз) и кричали «кау».

И, наконец, тюркоязычное толкование слова сводится к утверждению следующих смыслов: 1. «Ворота-горы», поскольку, «кап», «кабк» означает «ворота» и «двери», а «каз», «кас», «каш» – «гора» или «возвышенность». 2. «Ворота кочевников», так как «каз» восходит к древней ономастике хазар и означает «кочевник».

Многие народы находят в названии Кавказа свою изюминку, не ощущая, в то же время, ярко выраженной противоположности в толковании слова, что свидетельствует лишний раз о едином культурном пространстве народов Кавказа, с активными внешними связями. Однако наличие разных мнений наталкивает на поиски новых ответов на вопрос: что означает термин «Кавказ»?

Как показали результаты небольшого опроса, даже в интеллектуальной среде во внимание берутся только две версии: арабское и тюркское названия Кавказа.

В связи с этим автору данной статьи хотелось бы изложить некоторое видение вопроса, связанное с названием Кавказа, близкое этносознанию одному из автохтонных народов Кавказа – чеченцам.

Арабское название Кавказа – «Кабх» – этимологически не представлено, хотя внешнее звучание термина напоминает слово «Кааба» – каменное творение, известное со времён пророка Авраама, мир ему. В тексте «Кааба» читаем следующее: 1. Кааба (в переводе с арабского «куб, четырехугольник») – это кубическая постройка. 2. Дословно слово «Кааба» в арабском языке означает «высокое место, окружённое почетом и уважением» [4].

Однако трудно утверждать, что именно это слово легло в основу названия Кавказа.

Арабское название «Кабх» перекликается с нахским «Кавх» (Кав + ха), что означает в переводе «страж ворот», поэтому вполне допустимо его заимствование арабами. В то же время следует заметить, что между 3 и 4 порогами на правом берегу Нила (территория Судана) существует город Кава, географическое положение и название которого ассоциируется с термином «кав» [2, 105]. Присутствие этого термина в арабской топонимике очевидно, поэтому вероятно и его заимствование нахскими племенами, которыми были не только чеченцы.

Далее. В чеченской пиктографии встречается довольно интересная тема – «тема путников», включающая несколько рисунков, отражающих содержание темы. Рисунок «Ка» представлен горизонтальным изображением кисти руки («Ка»), символизирующим «успешность», «удачу».

«Кав», а точнее «Ка-ав» (именно так говорили на диалектах чеченского языка) есть «ворота», «проход», где «ав» – компонент, придающий импульсивность действию. Чтобы понять важность «ворот» как «импульса удачи», представим себе на минуту протянувшуюся цепь горных массивов в зоне активных миграций, которые надо перейти, где случайно (или не случайно) найденный проход, конечно, являлся импульсом (причиной, толчком) успешности завершения перехода. Как писал Красильников Ф.С., «...Колоссальные каменные массивы, это – Кавказские горы. Словно какие-то гиганты пришли... разбросали целые глыбы в разные стороны и оставили только узенькие проходы – ущелья для людей» [8, 7]. Таким образом, первая часть слова «Кавказ», т. е. «Кав» находит логичное объяснение на чеченском языке: это «ворота» со смыслом импульса (толчка, причины, темпа) удачи.

В чеченской пиктографии, в зависимости от того, как менялось расположение руки, менялось и смысловое содержание рисунка. Вертикально вниз направленное изображение ладони есть «Кази», символизирующее «неудачу». «Кази», в свою очередь, состоит из двух компонентов – «Ка» + «Дзи», где звуки «д» и «и» при произношении, согласно правилам языкознания, опускаются, и остаётся «з». В итоге становится понятно, что Кавказ всё же представляет для путника «неудачные», «труднопроходимые» ворота или проходы. Тема путника, включавшая рисунчатые знаки, представлена как «ка» – удача, успех, а так же ровность и функция руки; «кав» («ка-ав») удача, ровность с темпом; «кази» – с отрицанием, вносимым в «ка», придаёт смысл неуспешности, трудности; «кавко» – самые верхние (верховные) ворота; «кавли» – многочисленные проходы; «кавзи» – отсутствие ворот, проходов; «кавлизи» – малочисленность проходов; «кавка» – лёгкость при переходах – (кав + ка) [12; 128, 130].

Компонент «Дзи»/ «Дзе», где, как правило, «д» выпадает, таит в себе более глубокий смысл, чем нам представляется на первый взгляд. В сочетании с другим словом он заполняет его отрицанием, например, аха – вспахать; аханза («ахандза» – неспаханное). Самостоятельное «дзе», сущес-

твительное, переводится с чеченского языка, как «убыток», что в принципе не теряет своего отрицающего смысла. Изначальный смысл «дзе» представляется нам гораздо шире и глубже, относящийся к кавказской цивилизации, как **отрицание**, т. е. «это философская категория, выражающая связь двух последовательных стадий (состояний) развивающегося объекта»; отрицание – условие изменения объекта, при котором некоторые элементы не просто уничтожаются, но сохраняются в новом качестве [10, 471]. Сравните: «заза» («дзадза») – двойное отрицание, есть цветение. Где-то так назывался бы и философский закон отрицания отрицания, если бы его вывели на чеченском языке.

В грузинской традиции фамилии преимущественно из западной и центральной Грузии оканчиваются на – «дзе» со значением «рождённый», «сын». Рождение нового – это отрицание старого, а не уничтожение; сын есть отрицание отца и т. д.

Таким образом, слово Кавказ из двух составляющих – «Кав» + «Кази» в переводе с чеченского языка приближается к значению «ворот без импульсов и темпов, т. е. **труднопроходимых**». Термин «Кав» («Ка-ав») – ладонь руки в горизонтальном направлении – символ удачного перехода, относится также к ряду антропоморфных терминов, связанных с измерениями; подобные термины, как известно, относятся к очень древнему пласту языка ¹.

Арабское название Кавказа «Кабх» (Масуди), «Кабк» (Хордадбега) совпадает с тюркоязычным звучанием «кап», «кабк», но смысловую связь со терминами «ворота», «двери» оно имеет только в том случае, если «Кабх» есть «Кавх», как «страж ворот». Тюркское название Кавказа – «Ворота-горы», «Ворота кочевников», которое должно звучать как «Капказ/(кас)/(каш)»/ «Кабказ/(кас)/(каш)» также совпадает со нахским значением в той части, где подразумеваются «ворота».

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующее заключение: нахо – арабское заимствование слова в данном случае более убедительно, поскольку термин встречается в арабской топонимике, во-первых, а во-вторых, у чеченцев является антропоморфным знаком путников; турки перевели этимологически ясное слово «кав» на свой манер в «кап» / «каб», где очевиден вполне закономерный переход «в» в «п».

¹ Полевые материалы автора. 1991- 2011 г.

Как было отмечено выше, первое упоминание о Кавказе появилось в трагедии Эсхила «Прометей прикованный». Герой трагедии по велению Зевса был прикован цепями к Кавказскому хребту за то, что похитил с небес огонь и принёс на благо людям на землю. В определённое время к нему прилетал орёл и клевал печень, подвергая тем самым Прометея адским мучениям.

Не знаю, был ли знаком будущий этнограф, поэт, фольклорист и автор «Топонимии Чечено-Ингушетии» Ахмед Сулейманов с бессмертной трагедией Эсхила, но факт что в 1937 г., в возрасте 15 лет, в высокогорном чеченском селе Итум-Кале ему удалось записать на местном диалекте миф с названием «Пхьармат». Согласно мифу, нарт Пхьармат был прикован бронзовыми цепями к вершине Баш-лам (Казбек) за то, что унёс с неба огонь и передал его людям. Каждый день к несчастному Пхьармату прилетает князь всех птиц Ида, садится на колени и задаёт один и тот же вопрос: «Раскаиваешься ли ты в содеянном? Если ты раскаиваешься, я не трону тебя, если нет, я буду клевать твою печень!» И каждый раз птица Ида слышит отрицательный ответ: «Нет! Я не раскаиваюсь». Тогда птица, поточив свой булатный клюв о кремневую скалу, говорят, начинала клевать печень.

Как заметил академик К. Чокаев, в содержании мифа прослеживается большое сходство с греческим мифом [9; 189, 190].

В известной древнегреческой трагедии Прометей не только похитил огонь для людей, но научил их обрабатывать землю, добывать металлы, строить жилища. Таким образом, Прометей встаёт перед нами и как мастер ремесленных дел. Всё это к тому, что Пхьармат так же был близок к кузнечному ремеслу, как это отразилось в его имени, поскольку «пхьар» на чеченском языке – это мастер, кузнец, и ни один из учёных (К. Чокаев, Д. Боксан, Р. Нашхоев...) не сомневались в том, что именно это слово легло в основу имени. Расхождения наметились только по отношению ко второй части имени – «мат». Профессор филологии З. Чокаев отметил, что «мат» означает место (поселение), народ, люди, язык. Д. Баксан не соглашается, и после долгого обсуждения связывает «мат» с понятием «солнце», «бог-солнце», так как Солнце в вайнахской языческой традиции обозначается словом «Ма», а бацбийцы, сохранившие древние формы языка, до сих пор говорят «матх» [1]. Всё это убедило ученого в том, что «Пхьармат» – это «Бог-Солнце». Такого

же мнения и Р. Нашхоев [9, 138]. Самый полемичный из вышеназванных авторов Д. Боксан приводит несколько слов с основой «пхьа/ пха», чтобы уловить семантику: Пхьа – кровь; Пхьа – селение; Пхьа(р) – мастер, кузнец; Пха(рдан) – беременеть, делать беременной; Пхьа(лгla) – мастерская, кузница; Пха(тоьда) – лемех; Пха – стрела; Пха – вена, жила. Он группирует эти понятия в ассоциативные блоки: 1. «Кровь», «беременеть», «селение», «вена»; 2. «Мастер» («кузнец»), «стрела», «мастерская» («кузница»), «лемех» – и находит, что первый блок объединяет понятия, относящиеся к людям, а второй блок подходит к образу жреца огня, мастерской (храм огня) и изделиям мастера (лемех, стрела) [1].

Автор данной статьи несколько иначе видит этимологию слова «Пхьармат» и, прежде всего, обнаруживает недоумение в безоговорочной идентификации всеми авторами основ «пхьа» и «пха». Хотя и не очень глубокая, но разница всё же есть. Это очень сложно объяснить, тем более не на родном языке, это просто надо чувствовать. Компонент «хьа» скорее вносит отпечаток материальности, когда «ха» указывает на устойчивость¹.

Да, «пхьар» – это кузнец и мастер. Но что же такое основа его «пхьа»? Словари объясняют, что «пхьа» – кровная месть; аул, селение.

В чеченском словаре «Дош» А. Исмаилов приводит более 50-ти слов с основой «пхьа/пха» [3; 227-229]. Давайте посмотрим, что может быть общего между: Пха (сухожилия ног, вена, граб, стрела для лука) – Пханар (лопатка) – Пхардала (забеременеть) – Пхатоьда (лемех плуга)? Или между: Пхьа (кровная месть; аул, селение) – Пхьар (мастер, кузнец) – Пхьаркан (цветочная метелка у кукурузы) – Пхьарс (рука от плеча до пальцев) – Пхьаьрцерг (клык) – Пхьаж (конский помет) – Пхьор (ужин) – Пхьош (рукав) – Пхьу (кобель) и т. д.?

«Пхьа» – это вовсе не кровь и не просто поселение и люди. «Пхьа» – это производство, где поселяне занимаются производственными делами. Тогда возникает вопрос: куда девается выражение «пхьа хьарчар», которое имело место только в случае убийства человека человеком? Дело в том, что данная формулировка имела место тогда, когда речь шла собственно не о крови, а о выкупе, который должен был заплатить ви-

¹ Полевые материалы автора. Общество Итум – Кале, 2003 г.

новый пострадавшей стороне за то, что, лишив жизни одного из них, он не дал тем самым ему возможность реализовать свои обязанности в материальном производстве (произвести блага, детей и т. д.) и духовной сфере. «Пхъа хьарчар» – это долг, согласно которому следует своеобразное возмещение производственного урона общине убиенного.

Далее приведём наиболее интересные термины из рассматриваемой темы и убедимся, что производственный вопрос здесь главный: **Пхар**-дала (заберементь) – женщина, которая должна произвести человека; **Пхъарс** (рука от плеча до пальцев) – больше всех участвует в производстве; **Пхъаьрцерг** (клык) – главный зуб для разрывания пищи и обороны. **Пхъаж** (конский помет) – результат внутреннего производства; **Пхъор** (ужин) – приготовленный ужин; **Пхъу** (кобель) – производитель; **Пхатоьда** (лемех плуга) – рабочая (производственная) часть корпуса плуга и т. д.

Вторая часть слова «Пхъармат», т. е. «мат» также вводит в заблуждение наших исследователей, механически связывая его смысл с солнцем, потому что «Ма» в языческих верованиях вайнахов – солнце. Но первый смысл «Ма» – это «возвышенность», «на высоте», разумеется, если бы солнце находилось где-то внизу, оно так не называлось бы. Что касается «мат» – это, прежде всего, постоянное место, устойчивое, состоявшееся, закрепившееся за кем-то или чем-то, как правило, почему-то на возвышенном месте. По отношению к земному бытию место больше характеризовало оседлый образ жизни поселенцев, а не кочевой. «Матиеной» – это народ оседлый, а не кочевники. Кочевники – «г1уой». «Пхъармат» – постоянное (специализированное, производственное) место кузнецов (мастеров)¹.

Таким образом, «Пхъармат», возведённый в ранг мифического образа, больше имеет отношение к реальной жизни чеченцев в период, когда техника изготовления надёжных металлических орудий труда, гончарных и других изделий требовала специальных заведений, отличающихся от жилищ, с необходимым инструментарием и удобством для разведения огня.

Судя по мифическим персонажам и предметам, народу была присуща глубокая духовная насыщенность, соизмеримая с другими известными цивилизациями, создававшими подобные

¹ Полевые материалы автора. 1991 г. общество Чеберлой.

мифы. Пантеоны языческих богов, зооморфные виды, географические и культурные ландшафты, производственные изделия – всё выдержано в кавказских и нахских традициях, оставляя чувство гордости за колыбель бесстрашных героев – Кавказ.

Суммируя всё изложенное выше, отметим, что в названии Кавказа (Кав-кази) прослеживается ярко выраженная нахская этимология. Кав (Ка-ав) – «ворота», «проход» – нахское слово, означающее импульс (темп, причина) удачи. Его материализованное осмысление представлено в форме горизонтально направленной кисти руки (ка). «Кази» (ка-дзе) вносит коррективу к обратному, а рисунчатое изображение передано как кисть руки (ка), направленная вниз. «Дзе», как философская категория, вносит некое отрицание, и получается, что всё-таки **Кавказ – это «неудачные, труднопроходимые» ворота.**

Если говорить о заимствовании, то более реальным представляется нахо-арабское заимствование слова, поскольку термин встречается в арабской топонимике, а у чеченцев является антропоморфным знаком путников; турки сумели перевести этимологически ясное слово «кав» на свой манер в «кап» / «каб», где вполне наглядный переход «в» в «п» оправдан правилами языкознания.

Прометей – Пхъармат находит реальное подтверждение в производственной деятельности, как мастер (кузнец), откуда возносится до мифического героя. Слова с основой «пхъа/пха» восходят к производству, к какой бы сфере деятельности они не относились. Поселения с основой «пхъа» и «мат», прежде всего, характеризует их специализированная, обособленная производственная деятельность, примером может служить поселение в Шатойском районе Чеченской республики – «Пхъамта».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баксан Дени. След Сатаны на тайных тропах истории. [Электронный ресурс] // Чечен.org [сайт] URL: <http://www.chechen.org/books/212-sled-satany-na-tjjanykh-tropakh-istorii.-deni.html> (дата обращения: 3. 07. 2011).
2. Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. Т. 11. М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1973. 608 с.
3. Исмаилов А.Т. Слово. Размышления о чеченском языке. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 928 с.
4. Кааба – Мекка. [сайт]. / URL: <http://www.kaaba.ru/> (дата обращения: 7. 07. 2011).

5. Кавказ // БСЭ. 3 изд. Т. 11. М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1973. 608 с.
6. Ковешников В.Н. Очерки по топонимике Кубани. Краснодар, 2006. 252 с.
7. Колокольникова В. Кавказ. М.: Типография И. Я. Полякова, 1898. 80 с.
8. Красильников Ф. С. Кавказ и его обитатели. М.: Литературно-Издательский Отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1919. 128 с.
9. Нашхоев Р. Загадки Пхъармата. М.: «Евразия +», 2002. 192 с.
10. Отрицание // Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с.
11. Происхождение слова Кавказ [Электронный ресурс]. / Портал о Кавказе.ру. URL: [http:// www.okavkaze.ru/](http://www.okavkaze.ru/) (дата обращения 10. 07. 2011).
12. Шавлаева Т. М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – начале XX в. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 205 с.

УДК 94 (100) «1914/19»

Котов Б.С.

Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

**«ЧТО МОЖНО ГЕРМАНСКОМУ ЗЕВСУ...» ОБРАЗ ГЕРМАНИИ
В РУССКОЙ ПРЕССЕ В ПЕРИОД «ГАЗЕТНОЙ ВОЙНЫ»
ВЕСНЫ 1914 ГОДА**

B. Kotov

*The Institute of General History of the
Russian Academy of Sciences, Moscow*

**«WHAT IS PERMITTED TO GERMAN ZEUS...» THE IMAGE OF GERMANY IN THE
RUSSIAN PRESS DURING THE “NEWSPAPER WAR” IN THE SPRING OF 1914**

Аннотация. В данной статье анализируется образ Германии в русской прессе в период русско-германской «газетной войны» марта 1914 г. В качестве основного источника для статьи были использованы русские периодические издания разной политической ориентации – от черносотенных до либеральных. Автор делает вывод, что «газетная война» содействовала нарастанию в России антигерманских настроений. Весной 1914 г. русская пресса была достаточно едина в осуждении германской внешней политики, ее целей и методов. Накал антигерманской риторики в русской прессе свидетельствует, что «газетная война» стала важным этапом психологической подготовки русского общества к мировому вооруженному конфликту 1914-1918 гг. Она способствовала консолидации различных общественно-политических сил России перед лицом внешнего врага.

Ключевые слова: русско-германская «газетная война» марта 1914 г., русская пресса, образ Германии, «образ врага», канун Первой мировой войны.

Abstract. This article analyses the image of Germany on the pages of the Russian press during the Russian-German “newspaper war” in March 1914. The basic source for this article is the Russian periodical press of various political orientations - from the Black Hundreds to liberals. The author concludes that the “newspaper war” intensified the Anti-German moods in Russia. In the spring of 1914 the Russian press was unanimous in condemnation of the German foreign policy, its goals and its methods. The heat of the anti-German rhetoric in the Russian press testifies to the fact that the “newspaper war” became an important stage in the psychological preparation of Russian society to the world’s armed conflict of 1914-1918. It has contributed to the consolidation of various socio-political forces in Russia in the face of the external enemy.

Key words: Russian-German “newspaper war” in March 1914, Russian press, image of Germany, image of enemy, eve of the First World War.

Изучение европейской прессы начала XX в. важно для понимания механизмов психологической подготовки населения европейских стран к начавшемуся летом 1914 г. вооруженному столкновению за передел мира. В данной связи особый интерес представляет русско-германская «газетная война» – острая полемика между органами прессы обеих стран, развернувшаяся в марте 1914 г. Она способствовала утверждению «образа врага» по обе стороны русско-германской границы еще за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, став своего рода репетицией той яростной пропаганды, которая развернулась в прессе кайзеровской Германии и Российской империи после 1 августа 1914 г.

До сих пор самым подробным исследованием «газетной войны» и ее влияния на общую атмосферу международных отношений того времени остается опубликованная в конце 1920-х гг. книга А. Юкса «Военная тревога весны 1914 года в европейской прессе» [35]. Автором была тщательно проанализирована позиция многих немецких газет и журналов разных политических направлений – от пангерманцев до социал-демократов. Ссылки же на русскую прессу делаются им по цитатам и комментариям тех же немецких периодических изданий. Это не могло не отразиться на выводах и общей направленности исследования Юкса, который стремился возложить ответственность за начало «газетной войны» на русскую сторону.

Историки, которые в дальнейшем обращались к теме «газетной войны», как правило, интересовались вопросом о том, была ли атака на Россию в немецких газетах в марте 1914 г. срежиссирована германским правительством для решения как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических задач.

Известный немецкий историк Ф. Фишер приводит данные о том, что еще в конце 1912 г., то есть в наиболее острый период Балканских войн, в Берлине уже подумывали об организации целенаправленной антирусской пропаганды в печати. На заседании германского военного совета 8 декабря 1912 г. Вильгельм II и начальник генштаба сухопутных войск Г. Мольтке высказались в пользу превентивной войны против Франции и России. Кайзер дал указание об организации кампании в прессе по популяризации идеи войны с восточным соседом. Фишер напрямую связывал эти решения с антирусской агитацией немецких газет в первые месяцы 1914 г. [34, 233-235].

Такой же точки зрения придерживался и К. Вернеке, убежденный, что правительственные круги Германии сыграли решающую роль в организации травли России в немецких газетах. Он указывал, что алармистские статьи с призывом к превентивной войне против России появились почти одновременно в нескольких влиятельных немецких газетах, что не может быть случайным [39, 279].

Видный немецкий историк В. Моммзен считал, что, даже если манипуляция общественным мнением со стороны правительства и имела место, то все же алармистские настроения в германском обществе возникли не на пустом месте, русская угроза воспринималась в то время как вполне реальная [36, 210-213].

А.С. Аветян останавливается на дипломатической стороне «газетной войны», рассматривая переговоры между Министерством иностранных дел России и германским внешнеполитическим ведомством об урегулировании конфликта. По его мнению, атака германской прессы против России была отчасти спровоцирована поведением самих русских газет, которые после отправки в Стамбул миссии О. Лимана фон Сандерса и утверждения немецкого военного присутствия в районе черноморских проливов зимой 1913-1914 гг. подвергли политику Берлина яростной критике [31, 239-245].

Е.Г. Кострикова анализирует «газетную войну» марта 1914 г. в контексте взаимоотношений русской прессы и царской дипломатии, отмечая, что либеральные газеты использовали данный инцидент для традиционной критики правящих сфер собственной страны [33, 150-160].

Финский историк Р. Роппонен в своей книге «Русская опасность», посвященной проблеме отношения немецкого и австрийского общественного мнения к русской внешней политике в начале XX в., рассматривает то, как «газетная война» отразилась на имидже России в Германии и империи Габсбургов [37, 164-180]. Однако Роппонен опирается на результаты исследований А. Юкса и не вносит в изучение данной темы ничего нового.

Что же касается влияния «газетной войны» на изменение образа Германии в русской прессе в первой половине 1914 г., то этот аспект не стал предметом специального изучения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Немецкий историк К. Шмидт в своей работе «Русская пресса и Германская империя. 1905-1914», до

сих пор остающейся единственным исследованием образа Германии в русской прессе начала XX века, к сожалению, обошел вниманием тему русско-германской «газетной войны» [38].

В данной статье анализируется восприятие ведущими органами русской прессы германской политики в период «газетной войны» и рассматривается то, как это событие отразилось на образе Германии в сознании русского общества накануне мирового вооруженного конфликта 1914-1918 гг.

Старт «газетной войне» был дан официозом немецкого внешнеполитического ведомства газетой «Kölnische Zeitung», которая 2 марта (17 февраля по ст. ст.) опубликовала анонимную статью «Россия и Германия», предупреждавшую немецкое общество о нависшей над ним опасности¹. Россия, отмечалось в этой статье, планирует совместно с французами расправиться с Германией не позднее осени 1917 г. К этому времени «Большая программа» перевооружения русской армии, разработанная под руководством военного министра В.А. Сухомлинова, будет выполнена, и русско-французский тандем получит существенное преимущество над Тройственным союзом.

Содержание статьи не оставляло сомнений, что Германии ради собственного выживания необходимо решиться на предупредительную войну против своих противников, еще не готовых полностью к военному столкновению. Эту тему сразу же, как по команде, подхватили многие другие немецкие, а за ними и австрийские издания («Germania», «Post», «Leipziger Tageblatt», «Tägliche Rundschau», «Berliner Tageblatt» и пр.).

Следует отметить неожиданность предпринятой немецкой прессой кампании. Казалось, что международная ситуация, остававшаяся взрывоопасной на протяжении всего балканского кризиса октября 1912 г. – августа 1913 г., а затем подвергшаяся новому испытанию во время споров вокруг миссии Сандерса в ноябре 1913 г. – январе 1914 г., в значительной степени нормализовалась. Конфликт из-за германской военной миссии в Турции был признан на официальном уровне исчерпанным. Удалось согласовать в столицах великих держав, а 8 февраля (26 января по ст. ст.) 1914 г. заключить соглашение о реформах в Турецкой Армении, которое долгое время торпедировалось немцами. Успешно продвига-

лись переговоры между Берлином и Лондоном о строительстве Багдадской железной дороги; одновременно шли переговоры между Берлином и Парижем о фактическом разделе Малой Азии на сферы влияния, завершившиеся 15 февраля (2 февраля по ст. ст.) 1914 г. подписанием компромиссного соглашения. Главы внешнеполитических ведомств России и Германии С.Д. Сазонов и Г. Ягов убеждали общественность своих стран, что между Берлином и Петербургом существуют хорошие, «добрососедские» отношения, которые не смогла омрачить даже миссия Сандерса. Тем более внезапным было появление статьи в «Kölnische Zeitung», констатирующей возможность в близком будущем большой европейской войны.

Статья от 2 марта озадачила российских дипломатов. 5 марта (20 февраля по ст. ст.) 1914 г. состоялась встреча министра иностранных дел России С.Д. Сазонова и немецкого посла в Петербурге Ф. Пурталеса. Пурталес попытался заверить министра в том, что германское внешнеполитическое ведомство не только не имеет никакого отношения к публикации в «Kölnische Zeitung», но и не одобряет ее [29].

Российский посол в Берлине С.Н. Свербеев в беседе с главой германской дипломатии Г. Яговым выразил беспокойство тем обстоятельством, что столь резкая по тону статья появилась в официозе немецкого статс-секретариата по иностранным делам и просил Ягова воздействовать на печать для того, чтобы антироссийское выступление «Kölnische Zeitung» не повлекло за собой перебранку русских и германских газет, которая могла ухудшить и без того непростые русско-германские отношения.

Ответом со стороны русской прессы, как и предполагал посол С.Н. Свербеев, стал рост антигерманских публикаций в газетах и журналах разной политической ориентации: образ Германии стал обретать в них все более устрашающие черты. Дуэль с немецкой и австрийской печатью занимала большую часть газетных полос в русских периодических изданиях на протяжении всего марта 1914 г.

Русскую прессу больше всего интересовал вопрос: каковы причины начавшейся пропагандистской атаки на Россию, что скрывается за публикацией алармистских статей в немецких органах самого широкого политического спектра (от пангерманистов и клерикалов до либералов). Выдвигались три основные версии: 1) желание

¹ Позже было установлено, что автором этой нагнетавшей статьи был Р. Ульрих – постоянный корреспондент «Кёльнской газеты» в столице России.

оказать давление на Россию перед началом переговоров о заключении нового торгового договора; 2) специальное раздувание образа внешнего врага для более успешного проведения через рейхстаг очередного военного закона в 1914 г.; 3) эти статьи вызваны опасениями, которые внушали в Берлине и Вене мероприятия по усилению русской армии и флота, тем более что могли просочиться сведения о скором внесении в Думу «Большой программы» реформирования русской армии.

Либеральная газета «Русское слово» с самого начала «газетной войны» не сомневалась, что главной причиной, заставившей германскую прессу перейти к угрозам и давлению на Россию, является вопрос о торговом договоре. Рассуждения о превентивной войне на страницах немецких газет – это предупреждение для России, чтобы она и не думала об изменении условий торговой конвенции 1904 г., оказавшейся очень выгодной для Германии.

Сотрудник «Русского слова» известный публицист В.И. Немирович-Данченко писал под впечатлением от антироссийской кампании в германской прессе: «Свившийся в центре Европы в громадный кулак, раскинувший по всему миру щупальца, высасывающие живые соки народов, промышленно-торговый спрут Германия считает посягательством на свои священные права каждую заботу иных наций об их коммерческих и производительных выгодах... Берлин присвоил привилегию всемирного грабежа, но горе народу, усомнившемуся в ней» [25]. Германское правительство, по словам Немировича-Данченко, считает возможным отгородиться от российского сельскохозяйственного экспорта высокими таможенными барьерами, не признавая за Россией права на адекватную защиту собственной промышленности протекционистскими тарифами от немецкой конкуренции.

Столь жесткую и нелюбезную оценку политики Германии разделяло и «Новое время». Эта влиятельная и информированная газета указывала на стремление Берлина полностью продиктовать российской стороне условия нового торгового договора. Навязать России разорительную для нее торговую конвенцию можно, только имея за спиной «большую дубинку», мощный фактор силы в лице армии и флота: отсюда стремление германского правительства довести боевую готовность армии до высочайшей степени. Однако для оправдания огромных военных

расходов в глазах немецкого общества, отмечало «Новое время», неудобно выдвигать агрессивные цели, более эффективным является формирование образа внешнего врага, угрожающего, якобы, культуре и благополучию германского народа: «в этом отношении роль “козла отпущения” играла всегда Россия и ее “панславистские замыслы”» [9].

«Новое время» не исключало возможности перерастания «газетной войны» между двумя странами в войну настоящую. В статье «Угроза или действие?», напечатанной спустя десять дней после сенсационного выступления «Kölnische Zeitung», постоянный автор «Нового времени» А.А. Столыпин, брат погибшего в 1911 г. председателя Совета министров, называл одной из главных причин роста милитаристских настроений в Германии и распространения идеи превентивной войны колоссальное увеличение за последние годы военных налогов. Он напоминал, что на выполнение военного закона 1913 г. правительство Т. Бетман-Гольвега собрало с населения единовременный чрезвычайный военный взнос на огромную сумму в 1 млрд. марок. Нарастающие год от года, как снежный ком, военные затраты не могут увеличиваться такими темпами вечно, предупреждал А.А. Столыпин. Когда-нибудь наступит развязка: «Людская психология не мирится с неоправданностью подобных жертв: народу навязаны акции “предприятия военного ограбления России”, народ хочет получить дивиденды» [10].

А.А. Столыпин считал, что все благополучие Германии, ее экономический рост, все «счастье многомиллионной тевтонской расы» базируется исключительно на той контрибуции, которую Франция после седанского разгрома 1870 года вынуждена была выплатить Германской империи. После окончания выплаты репараций прошло уже сорок лет, и «народ-добычник», по словам Столыпина, намеревается нарастить свое истощившееся богатство тем же самым проверенным способом – путем военного разгрома соседней страны и обложения ее военной данью. «Вот почему нет никакой надобности искать сложных нравственных и психологических оснований для объяснения той силы, напор которой нам угрожает. Она проста и естественна до первобытной дикости...» [10]. Автор статьи предупреждал русское общество, что оно должно быть готовым ко всему: война с Германией и империей Габсбургов может начаться в любой момент даже без пред-

варительного объявления. Единственный выход, считал он, – быть готовыми к неизбежной борьбе, которую Россия не желала, но отклонить которую она не в силах.

«Новое время» приходило к выводу, что кампания германских газет имела и положительные последствия, раскрыв русскому обществу глаза на действительное отношение немцев к России. В России, с сожалением констатировала антинемецки настроенная газета, все еще много сторонников прогерманской ориентации, которые готовы идти на значительные жертвы ради поддержания «традиционной» русско-прусской дружбы: «Отрезвление этих германофилов путем выяснения истинных настроений нашей западной соседки явилось благоприятным результатом начатой „Kölnische Zeitung“ кампании» [12].

О том же писали и «Московские ведомости»: эта правая монархическая газета также считала, что агитация германской печати против России «имела и свою хорошую сторону, познакомив нас с истинными чувствами германского общества» [8]. По мнению «Московских ведомостей», немцы вообще очень эгоистично понимали русско-германскую дружбу, требуя от Санкт-Петербурга постоянных односторонних уступок ради ее поддержания. После того как Россия спасла Прусское государство от уничтожения Наполеоном, а затем благожелательно отнеслась к объединению Германии под эгидой Гогенцоллернов, в Берлине привыкли смотреть на свою могучую восточную соседку, «как на державу, которая обязана всегда жертвовать как своими собственными интересами, так и интересами славян в пользу немцев» [8].

Все эти притязания, по мнению «Московских ведомостей», самым откровенным образом проявились в последней антирусской кампании немецкой прессы, категорично заявлявшей, что Россия не имеет права поддерживать балканских славян, так как это угрожает интересам Австрии, не смеет защищать собственное земледелие, так как это нанесет ущерб немецким аграриям и т. д. «Московские ведомости» надеялись, что прошло то время, когда русское правительство ради поддержания дружбы с родственной Романовым династией Гогенцоллернов поддавалось на эту игру. Россия «...во всяком случае, не имеет более желания жертвовать в пользу немцев интересами своего народа» [8].

Московская газета была убеждена, что атака на Россию была инспирирована в Берлине на са-

мом высоком уровне, а среди причин, побудивших немецкое правительство пойти на этот шаг, называла стремление канцлера Т. Бетман-Гольвега добиться от рейхстага новых кредитов на усиление армии и флота. Запугивая немцев страшной «русской угрозой», Вильгельмштрассе¹ таким образом мобилизует германское общественное мнение на поддержку новых военных программ.

В отличие от «Московских ведомостей», газета «Речь», являвшаяся рупором партии конституционных демократов, в первые дни «газетной войны» сомневалась в причастности официальных берлинских сфер к публикации в «Kölnische Zeitung». Спустя два дня после появления статьи «Россия и Германия» «Речь» писала, что Берлину невыгодно раздувать в данный момент антирусскую истерию, поскольку «давно уже официальные русско-германские отношения не были так хороши, как сейчас» [13].

«Речь» связывала волну алармистских публикаций в прессе Германии с общей нервозностью, которая царил в Европе из-за гонки вооружений, когда великие державы боялись в чем-либо отстать от других, постоянно увеличивая численность армий и их техническую оснащенность. В Германии, сообщали кадеты, нарастало недовольство усилением русской армии и ростом финансовых затрат на нее. Когда правительство И.Л. Горемыкина внесло в Думу подготовленный им проект реформирования русских вооруженных сил («Большую программу»), в Берлине стал известен весь масштаб планируемых мероприятий, и именно это, по мнению кадетов, вызвало такую нервную реакцию в некоторых органах немецкой прессы [14].

Однако уже спустя несколько дней, когда к антирусскому хору присоединились и влиятельные либеральные газеты (в том числе «Berliner Tageblatt»), «Речь» изменила свою точку зрения, заявив, что за выступлениями германских газет стоит правительство Т. Бетман-Гольвега, а начавшаяся кампания – это психологическая подготовка населения Германии к новым агрессивным акциям берлинской дипломатии: «Толки о “превентивной” войне есть сущий вздор, совершенно непонятный и немотивированный. Но, если под предлогом “превентивной войны” хотят заставить врасплох соперника и вытеснить его из позиций,

¹ Улица в Берлине, где находились резиденции важных органов государственной власти Пруссии и Германии. До 1945 г. слово «Вильгельмштрассе» было синонимом германского правительства.

законно ему принадлежащих, это другое дело» [15].

Кадеты считали, что германское правительство готовится предъявить России требования, касающиеся Ближнего Востока, «и, судя по тону прессы, эти требования чуть ли не будут носить характер ультиматума». Скорее всего, предполагала «Речь», после успешно проведенной операции по захвату Босфора (отправка в Стамбул миссии Сандерса) немцы готовятся к окончательной оккупации Малой Азии и превращению этой территории в свое колониальное владение. На пути у Германии стоит Россия, имеющая свои интересы в зоне черноморских проливов и в армянских вилайетах Турции. Поэтому немецкая печать заранее «принимается готовить идеологическую обстановку для предстоящего захвата» [15].

Не только «Речь», но и «Утро России» поначалу не верило в причастность берлинского правительства к антирусской кампании германских газет. Объясняя причины появления статьи «Россия и Германия», эта газета, финансировавшаяся партией прогрессистов во главе с П.П. Рябушинским, то есть крупным капиталом, все свела к биржевым спекуляциям. Спустя пять дней после появления нашумевшей петербургской корреспонденции «Утро России» отмечало, что в отличие от Парижа и Берлина, где биржи отреагировали на демарш «Kölnische Zeitung» паникой, в России эта «аляповатая провокация» немецкой прессы не произвела ни малейшего впечатления на деловые круги – настолько кажется абсурдным ее содержание. «У нас, в России, никто и не помышляет о войне с Германией. Делить нам с немцами нечего. Франко-русский союз? Да ведь если немцы сами не помышляют идти на французов, союз этот для Германии – не угроза войны, а верный залог мира» [26]. В первые дни «газетной войны» прогрессисты воспринимали всю кампанию немецкой прессы несерьезно и даже с иронией. «Русское пугало», по их мнению, оказалось настолько грубо состряпанным, что вызвало в России только искренний смех [27].

Но, разобравшись в ситуации, и видя, что антирусская кампания только набирает обороты, прогрессисты пришли к выводу, что приступ русофобии немецкой прессы имеет под собой более реальные основания, чем простые биржевые спекуляции. «Утро России» присоединилось к тем русским газетам, которые связывали эту кампанию с желанием Берлина оказать давление на Россию накануне переговоров о заключении

нового торгового договора. Газета П.П. Рябушинского признавала, что преследование Германией своих личных целей в этом вопросе вполне понятно, однако, у нее вызывала возмущение некорректная форма, в которой немцы заявляли о своих претензиях.

Германия, писало «Утро России», стремится к возобновлению выгодного для себя торгового договора, заключенного в 1904 г., на новый срок, без каких-либо существенных изменений. Проблема для Германии, однако, состоит в том, что Россия 1914 года – это не Россия 1904 года. Во-первых, Россия не связана войной, а потому может говорить с Германией гораздо более уверенным тоном. Во-вторых, аграрии и промышленники России серьезно взялись за обсуждение условий предстоящего соглашения и намерены твердо отстаивать свои интересы. Таким образом, Берлин уже не может более рассчитывать на былую русскую уступчивость. «От немцев не скрыто, что заключение договора 1917 г. становится общим делом русского правительства и русского общества в лице непосредственно заинтересованных в торговых сношениях с Германией общественных элементов... Одним словом – мы работаем! Достаточный для немцев повод волноваться и точить на нас зубы» [28].

Схожую точку зрения высказывала главная газета Союза 17 октября «Голос Москвы». По ее мнению, причиной неожиданной атаки немецких газет против России было стремление берлинских правящих сфер запугать русское правительство перспективой войны в случае непринятия им германских условий будущего торгового договора: «это международный шантаж, рассчитанный на слабость русской дипломатии» [2].

Вместе с тем «Голос Москвы» усматривал и положительные последствия развязанной германской прессой русофобской кампании – она способствовала консолидации Антанты, которая к началу 1914 г., по мнению октябристов, находилась в глубоком кризисе. Поднятый в Берлине воинственный шум привел к тому, что страны Тройственного соглашения, еще раз убедившись в агрессивных устремлениях империи Гогенцоллернов и чувствуя опасность больших европейских осложнений, вынуждены были теснее сплотиться ради защиты своих интересов [4].

Но и для русского общества, предполагала октябристская газета, кампания, начатая «Kölnische Zeitung», может сыграть роль консолидирующего фактора. Германия, так откровенно выражающая

свою враждебность по отношению к России и так агрессивно угрожающая ей призраком военного столкновения, становится тем внешним врагом, который необходим русскому народу для ощущения единства и сплоченности. По словам «Голоса Москвы», организаторами этой кампании «мало была учтена наша своеобразная особенность, заключающаяся в том, что в нас очень сильны центробежные силы. Мы никак не умеем соединяться, организовываться, действовать сомкнутым строем. Для этого у нас не хватало каких-то внутренних побуждений, и только напряжение внешней силы пробуждает в нас, к сожалению, часто более инстинктивное, чем сознательное, стремление к единению, стремление найти общий язык...» [5].

Воинственные выступления германской прессы, действительно, способствовали консолидации русского общества на антигерманских позициях. Показательно в данной связи изменение точки зрения некоторых крайне правых изданий, традиционно выступавших за сохранение и упорочение русско-германского сотрудничества. Их симпатии к Германии пошатнулись; во всяком случае, в дни «газетной войны» они не рисковали открыто демонстрировать свои германофильские настроения.

Так, например, большое разочарование испытал в связи с публикацией в «Kölnische Zeitung» поборник прогерманской ориентации российской политики князь В.П. Мещерский, издатель консервативного журнала «Гражданин». Статью «Россия и Германия» он оценил как враждебную и провокационную по отношению к России. Трудно поверить, удивлялся он, что она написана по адресу великой державы, настолько «наглым и дерзким» является ее содержание.

Русско-германская «газетная война» дала князю Мещерскому повод еще раз высказать свою точку зрения на характер и перспективы развития отношений между двумя странами и их народами. Он был убежден, что русофобская политика губительна для Германской империи. У немцев, писал он, не так много друзей в Европе, чтобы они могли позволить себе порвать с традициями русско-немецкого сотрудничества и взаимопонимания и заменить их враждой и подозрительностью. «У Германии нет в Европе, даже между союзниками ее, искреннего благожелателя, но зато есть тайные враги, которые давно бы вовлекли Германию в военные приключения, если бы не признали историческим фактом давнишние миролюбивые русско-германские отношения» [6].

А другое крайне правое издание, «Русское знамя», отражавшее взгляды черносотенного Союза русского народа во главе с А.И. Дубровиным, в течение всей газетной кампании не переставало повторять, что Россия должна сохранять полное спокойствие. С Германией, по мнению черносотенцев, необходимо вести себя так же, как при Александре III – внушительно и с достоинством, и на всю воинственную шумиху за Неманом следует отвечать предупреждением о неизбежном приведении в полную боеготовность русских войск и переброске их к немецкой и австрийской границе [20].

Главное, считала газета Дубровинского союза, чтобы российская дипломатия не стала бессмысленно метаться, как она это делала во время Балканских войн, предлагая Германии то одну уступку, то другую ради прекращения воинственной агитации в немецкой прессе. Ведомство С.Д. Сазонова должно понимать, что «вся эта шумиха не стоит и выеденного яйца», что германское правительство инспирирует выступления органов печати как средство шантажа России. Если российская дипломатия и на этот раз будет «изображать охваченного паническим ужасом зайца», то она попадет в самое глупое и смешное положение. «Это обыденный прием, к которому бы нам следовало уже давно привыкнуть: когда Германия задумывает какой-либо захват и сугубое нарушение наших интересов, она предварительно начинает бряцать оружием и потрясать перьями» [22].

«Русское знамя» было уверено, что чем дольше продолжается мир, тем это выгоднее России. При ее огромных ресурсах она может выдерживать гонку вооружений в течение долгого времени. Для Германии, а в особенности для Австро-Венгрии, бремя военных расходов становится уже нестерпимым: «Пусть себе обе эти державы и разоряются, увеличивая свою армию и свои вооружения. Мы же от этого можем только выиграть». Если же империи Габсбургов и Гогенцоллернов все же решатся на войну с Россией, такая война будет губительна для этих держав, и приведет, судя по всему, к полному развалу «лоскутной империи» Габсбургов [21].

В отличие от «Русского знамени» газета «Земщина», являвшаяся органом Союза русского народа во главе с Н.Е. Марковым, практически проигнорировала выпады немецкой печати против России. Она явно не желала акцентировать внимание своих читателей на росте антирусских

настроений в соседней стране. Показательно, что первое упоминание об инциденте появилось в этой прогерманской газете только 11 марта (26 февраля по ст. ст.). «Земщина» была уверена, что Германия желает избежать военного столкновения с Россией. Причину поднятого в немецких газетах шума она видела в специфике прессы, для которой главное – создать и раздуть сенсацию [7].

На фоне большинства русских периодических изданий, считавших, что выпады немецкой прессы против политики России необоснованны и доказывают лишь агрессивные замыслы самой Германии, выделялась точка зрения «Русских ведомостей». Эта авторитетная газета, являвшаяся трибуной для выражения взглядов либерально настроенной русской интеллигенции, не стремилась возложить всю ответственность за начавшуюся газетную полемику исключительно на Германию [19].

«Русские ведомости», склонные к гораздо более критическому восприятию поведения России на международной арене, чем многие другие русские периодические издания того времени, отчасти разделяли беспокойство немецкого общества в отношении непредсказуемости курса русской внешней и внутренней политики. Они считали обоснованной озабоченность германской прессы, писавшей, что добрососедские отношения невозможны с соседом, который сам не знает, что он предпримет завтра. «При общей шаткости и неопределенности курса нашей политики, при постоянно вторгающихся в сферу деятельности русской дипломатии безответственных влияниях трудно ручаться за то, что существование тех или иных агрессивных планов является всецело выдумкой досужих германских и австрийских публицистов» [18].

Действия российской дипломатии во время «газетной войны» были направлены на уменьшение негативных последствий этого противостояния российской и австро-германской прессы для развития отношений России со странами Тройственного союза. В первые дни после появления статьи в «Кёльнской газете» Министерство иностранных дел воздерживалось от официальной оценки инцидента и комментариев по поводу происшедшего. С.Д. Сазонов решил оказать воздействие на германские правящие сферы, побудив их к прекращению антирусской кампании в немецкой прессе, через анонимное выступление в печати.

8 марта (23 февраля по ст. ст.) газета «Русское слово», известная своими связями с внешнеполитическим ведомством России, опубликовала в рубрике «За границей» заметку, которая носила явно инспирированный Министерством иностранных дел характер. В ней со ссылкой на «авторитетные дипломатические сферы» говорилось о желательности опубликования правительством Т. Бетман-Гольвега сообщения с категорическим осуждением антирусской кампании немецкой прессы. Такое правительственное сообщение, заявляло «Русское слово», сразу же прекратило бы конфликт и «произвело бы на русские официальные круги очень благоприятное впечатление». Если же такое сообщение не появится, то это, по словам «Русского слова», будет означать только одно – причастность Вильгельмштрассе к публикации русофобской статьи в «Кёльнской газете» [23].

Призывы «Русского слова» не были услышаны на берегах Шпрее – со стороны канцлера или других высокопоставленных чиновников не последовало никаких опровержений слухов о причастности берлинского правительства к антирусскому выступлению германской прессы.

Тогда С.Д. Сазонов решил выступить с изложением официальной позиции российского Министерства иностранных дел. 12 марта (27 февраля по ст. ст.) он дал интервью венгерской газете «Az Est». В нем глава российской дипломатии подверг критике как русскую, так и немецкую печать за нагнетание напряженности между двумя странами в условиях, когда между ними не существовало неразрешимых противоречий. Сазонов отметил наличие взаимопонимания с германским правительством по большинству важнейших вопросов и призывал не паниковать в связи с начавшейся «газетной войной». Правительства России, Германии и Австро-Венгрии, заявил он, думают только о сохранении мира, а основой поддержания «добрососедских отношений» между тремя империями является отказ от территориальных приобретений на Балканах и сохранение status quo, сложившегося здесь после подписания Бухарестского мирного договора. Русская пресса, по его словам, никак не может отражать намерения и устремления русского правительства хотя бы потому, что она постоянно нападает на ведомство иностранных дел и лично на него, Сазонова, самым решительным образом [см.: 24].

Однако в тот же день, когда было опубликовано интервью С.Д. Сазонова венгерской газете,

в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» появилась статья, чрезвычайно контрастировавшая с успокоительными заявлениями министра иностранных дел. Публикация эта, озаглавленная «Россия хочет мира, но готова к войне», не носила редакционного характера, но не имела подписи, что дало основание заподозрить военное министерство и лично В.А. Сухомлинова в инспирации этой громкой статьи.

В мемуарах, написанных в эмиграции в начале 1920-х гг., бывший военный министр не отрицал своей причастности к появлению данного материала. По словам Сухомлинова, статья «Россия готова», подчеркивавшая успехи, которых достигла русская армия после Портсмутского мира, была написана сотрудником «Русского слова» Ржевским по его поручению. Публикацию этой статьи в «Биржевых ведомостях» санкционировал, якобы, Николай II, считавший, что нужно дать достойный ответ на германские выпады в адрес России и отрезвить тех политиков в Германии, которые считали российскую армию *quantite negligeable*¹ [30, 298-299].

В этой статье отмечалось, в частности, что «Россия... не думает о войне, но готова ко всяким случайностям», для нее прошли времена, когда угрозы извне заставляли ее отступать (намек на события Боснийского кризиса 1908-1909 гг.). Статья в «Биржевых ведомостях» перечисляла основные мероприятия, осуществленные в последние годы для усиления боеспособности армии. При этом как вызов звучали слова об отказе русского военного министерства от оборонительной тактики в случае войны на западной границе: «...идея обороны отложена и русская армия будет активной». Она заканчивалась словами: «Конечно, если какая-нибудь держава питает агрессивные замыслы против России, то наша новая боевая мощь ей неприятна, ибо никто уже не может теперь питать вождельний о какой бы то ни было части русской земли. “Si vis pacem – para bellum”, “Если хочешь мира – готовься к войне”. Россия, в полном единении со своим Верховным Вождем, хочет мира, но она готова!» [1].

Отношение русской прессы к инспирированной военным министерством статье «Биржевых ведомостей» было неоднозначным.

«Речь» обращала внимание на резкое противоречие между официальным оптимизмом русской дипломатии и милитаристским тоном

появившейся 12 марта статьи. Причиной такого расхождения между позицией военных сфер («Речь» не сомневалась, что именно они стоят за статьей) и Министерства иностранных дел газета видела в том удивительном факте, что в Европе гонка вооружений развивается по своим собственным законам, не подвластным контролю со стороны дипломатии тех или иных стран: «Здесь мы имеем, следовательно, поразительный пример того, как, при сравнительно безоблачном дипломатическом небе, вооружения порождаются вооружениями же» [16].

Орган октябристов «Голос Москвы» положительно воспринял ответ на антирусскую кампанию в Германии, помещенный в «Биржевых ведомостях»: «Насколько г. Сазонов нерешителен, насколько он трепещет при одной мысли об “ужасных бедствиях войны”, настолько статья... решительна и определена» [3]. Правда, газету не устраивала анонимность публикации: если бы военное министерство напрямую заявило о том, что разделяет высказанные в ней взгляды, то это придало бы статье больший вес.

«Новое время», выступавшее за жесткий курс в отношении австро-германского блока, приветствовало появление данной статьи, которая «сразу подняла престиж России на ту высоту, на которой он находился до русско-японской войны. Она равносильна большой победе, одержанной на поле сражения» [11].

Решительный тон статьи импонировал и «Русскому слову». В.И. Немирович-Данченко на страницах этой газеты писал, что Россия, постоянно отступая в последние годы перед австро-германским блоком и демонстрируя миролюбие, получила в ответ лишь яростные нападки на свою политику в германской и австрийской прессе. В этих условиях, считал он, России было необходимо изменить тон общения с Центральными державами и проявлять отныне больше решительности и уверенности в своих силах.

В.И. Немирович-Данченко сообщал, что появившаяся в «Биржевых ведомостях» публикация вызвала в Германии возмущение и очередной приступ русофобии. Там статья о боевой готовности русской армии воспринимается не как обоснованный ответ на оскорбления и угрозы в адрес России, а «как беспримерная дерзость раба, позволяющего себе возражать своему высокомерному господину». Когда Россия только повышает свою обороноспособность до уровня своих западных соседей и стремится не очень отстать

¹ незначительной величиной (фран.)

от них, в Вене и Берлине начинаются крики по поводу завоевательных замыслов России. «Мы обратились в каких-то вассалов, которые без благосклонного согласия феодала не смеют прибавить ни одного ружья в свой военный инвентарь, – возмущался Немирович-Данченко... Или что можно германскому Зевсу, того нельзя российскому мирному быку, которого уже берлинские мясники определили на свою бойню?» [25].

Появившаяся в «Биржевых ведомостях» прокламация о полной готовности России к войне могла дать старт новому витку «газетной войны», однако, обе стороны уже решили прекратить зашедшую слишком далеко полемику в печати и предприняли соответствующие меры.

13 марта (28 февраля по ст. ст.) С.Н. Сverbеев снова встретился с германским статс-секретарем иностранных дел. Он поспешил заверить Г. Ягова, что русское правительство не может быть причастно к появлению этой публикации. Но в Берлине и не собирались использовать ее для дальнейшего нагнетания антирусской истерии. В тот момент, когда «газетная война» достигла своего пика, на Вильгельмштрассе решили дать отбой русофобской кампании.

Еще 10 марта (25 февраля по ст. ст.) «Lokalanzeiger» поместила инспирированную Г. Яговым статью, в которой отмечалась успешная совместная работа России и Германии в вопросе об армянских реформах. Спустя три дня официальная газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», которую специалист по истории германской прессы Г. Гейдорт называет «открытым рупором правительства», использовавшимся еще Бисмарком [32, 109], напечатала статью с призывом прекратить полемику между русской и немецкой прессой. Она писала: «Оба правительства считают недопустимым подвергать драгоценные интересы обеих империй опасности вследствие националистического возбуждения. Никаких особых поводов к нарушению дружественных отношений не существует» [цит. по: 35, 165].

В тот же день в официальной «России» появилась примирительная передовая статья. Из того факта, что ряд немецких и русских газет вступили в перепалку друг с другом, говорилось в ней, «ни в коем случае не следует, что русское и германское правительства намерены “поставить крест” на взаимовыгодном сотрудничестве обеих стран [17].

Хотя предпринятые меры смогли несколько успокоить страсти, «газетная война» марта 1914 г.

привела к существенному ухудшению общей атмосферы русско-германских отношений. Благодаря выступлениям «Kölnische Zeitung», «Berliner Tageblatt» и других германских газет, призывавших к превентивному военному удару по восточному соседу, вопрос о войне между Россией и Германией перестал быть чем-то умозрительным, он начал активно обсуждаться по обе стороны русско-германской границы как возможный в ближайшем будущем сценарий развития событий.

«Газетная война» содействовала дальнейшему нарастанию в России антигерманских настроений. На страницах русских периодических изданий в это время преобладало восприятие Германии как страны-«шантажиста», которая, угрожая превентивной войной, стремится выбить у России максимальные уступки в торгово-экономической и политической сферах. Газеты с возмущением писали о «высокомерии» Берлина, который обращается с Россией как со своим «вассалом».

Накал антигерманской риторики свидетельствует, что «газетная война» стала важным этапом психологической подготовки русского общества к событиям, развернувшимся летом того же года. Она способствовала консолидации различных общественно-политических сил России перед лицом внешнего врага. Не будет преувеличением сказать, что то единство, которое русское общество продемонстрировало на начальном этапе Первой мировой войны, во многом было подготовлено в мартовские дни 1914 г., когда русская пресса была как никогда едина в осуждении германской внешней политики, ее целей и методов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Биржевые ведомости. 1914. 27 февр.
2. Голос Москвы. 1914. 26 февр.
3. Голос Москвы. 1914. 1 марта.
4. Голос Москвы. 1914. 2 марта.
5. Голос Москвы. 1914. 4 марта.
6. Гражданин. 1914. № 8, 23 февр.
7. Земщина. 1914. 26 февр.
8. Московские ведомости. 1914. 16 марта.
9. Новое время. 1914. 21 февр.
10. Новое время. 1914. 28 февр.
11. Новое время. 1914. 4 марта.
12. Новое время. 1914. 4 апр.
13. Речь. 1914. 20 февр.
14. Речь. 1914. 23 февр.
15. Речь. 1914. 26 февр.
16. Речь. 1914. 28 февр.

17. Россия. 1914. 28 февр.
18. Русские ведомости. 1914. 21 февр.
19. Русские ведомости. 1914. 26 февр.
20. Русское знамя. 1914. 23 февр.
21. Русское знамя. 1914. 26 февр.
22. Русское знамя. 1914. 1 марта.
23. Русское слово. 1914. 23 февр.
24. Русское слово. 1914. 28 февр.
25. Русское слово. 1914. 5 марта.
26. Утро России. 1914. 22 февр.
27. Утро России. 1914. 23 февр.
28. Утро России. 1914. 28 февр.
29. Die Große Politik der Europäischen Kabinete. 1871-1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 39. Berlin, 1927. N 15843.
30. Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин: Рус. универсальное изд-во, 1924. 438 с.
31. Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. 1910-1914. М.: Наука, 1985. 287 с.
32. Гейдорн Г. Монополии. Пресса. Война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. Пер. с нем. Г.Я. Рудого. Под ред. М.Н. Машкина. М.: Прогресс, 1964. 573 с.
33. Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны. 1907-1914. М.: Изд. центр ИРИ, 1997. 175 с.
34. Fischer F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. 2. Aufl. Düsseldorf: Droste, 1969. 806 S.
35. Jux A. Der Kriegsschrecken des Frühjahrs 1914 in der europäischen Presse. Berlin: Hendriock, 1929. 248 S.
36. Mommsen W. Der Topos vom unvermeidlichen Krieg. Außenpolitik und öffentliche Meinung im Deutschen Reich im letzten Jahrzehnt vor 1914 // Bereit zum Krieg: Kriegsmentalität im wilhelminischen Deutschland 1890-1914. Beiträge zur historischen Friedensforschung / Hrsg. von J. Dülffer und K. Holl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986. 230 S.
37. Ropponen R. Die russische Gefahr. Das Verhalten der öffentlichen Meinung Deutschlands und Österreich-Ungarns gegenüber der Außenpolitik Russlands in der Zeit zwischen dem Frieden von Portsmouth und dem Ausbruch des ersten Weltkriegs. Helsinki, 1976. 215 S.
38. Schmidt C. Russische Presse und Deutsches Reich. 1905-1914. Köln, Wien: Böhlau Verlag, 1988. 192 S.
39. Wernecke K. Der Wille zur Weltgeltung. Außenpolitik und Öffentlichkeit im Kaiserreich am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Düsseldorf: Droste, 1970. 339 S.

Литература:

31. Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. 1910-1914. М.: Наука, 1985. 287 с.
32. Гейдорн Г. Монополии. Пресса. Война. Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. Пер. с нем. Г.Я. Рудого. Под ред. М.Н. Машкина. М.: Прогресс, 1964. 573 с.
33. Кострикова Е.Г. Русская пресса и дипломатия

УДК 392.3

Шевцова А.А.

Московский институт открытого образования

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО УКЛАДА В ГРУЗИНСКОЙ ДИАСПОРЕ МОРДОВИИ: ТРАДИЦИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

A. Shevtsova

Moscow Institute of Open Education

FEATURES OF FAMILY LIFE IN THE GEORGIAN DIASPORA OF MORDOVIA: TRADITION AND DAILY LIFE

Аннотация. На основе полевого экспедиционного материала, собранного в Мордовии в семьях иммигрантов-грузин в 2008–2010 гг. автор рассматривает традиционное представление о семье как фактор сохранения этнической идентичности. «Оторванная от корней» традиционная семейная обрядность трансформируется под влиянием универсальной западной городской культуры, инокультурного, иноязычного и иноэтнического окружения. В этих условиях традиционные семейные связи, семейная и свадебная обрядность, наряду с привычной системой питания, выступает в роли этнического маркера, сохраняя и презентуя этническую идентичность мигрантов в инокультурной среде.

Ключевые слова: гендер, семья, этнокультурная адаптация мигрантов, этнический маркер, межнациональные браки.

Abstract. Based on a field expedition material collected in the Republic of Mordovia (2008–2011), the article focuses on the preservation and transformation of traditional wedding ceremonies in the families of Georgian immigrants who came to Mordovia (the Russian Federation) from Georgia and Abkhazia. Without 'roots', their traditional family rituals undergo transformation under the influence of universal western urban culture, cross-cultural, multilingual and multinational environment. The notion of family is viewed by the author as an important factor in the Georgian ethnic identity preservation. In such circumstances traditional family links, family and wedding rituals, as well as national food, play the role of ethnic markers, preserving and presenting the ethnic identity of migrants.

Key words: gender, family, ethno-cultural adaptation of migrants, ethnic marker, interethnic marriages

*Прежде чем выяснять отношения,
помажь кончик языка медом.
(Грузинская поговорка).*

В статье автор вводит в научный оборот новые полевые этнографические материалы, собранные в 2008–2010 гг. в семьях грузинских мигрантов в Мордовии в ходе комплексной экспедиции Отдела археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (рук. экспедиции – проф., д.и.н. Л.И. Никонова).

Грузинская община Мордовии, начавшая формирование в 1970–1980-х гг. XX в., немногочисленна: по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории республики зафиксировано 395 грузин – 284 мужчин и 111 женщин. В городах живет 229 чел., в том числе 139 мужчин и 90 женщин, в сельской местности – 166 чел., в том числе 145 мужчин и 21 женщина [6, 9]. Информаторы в беседах неоднократно подчеркивали, что эти цифры занижены. Думается, прояснят картину данные переписи 2010 г. В ходе структурных (тематических) интервью с респондентами – горожанами и сельскими жителями из среды молодой грузинской общины региона нами собрана разнообразная информация о традициях и трансформациях в различных сферах этнической культуры. В фокусе нашего внимания в данном очерке – сохранение и трансформация традиционного семейного уклада, особенности семейного этикета и трансляции представлений в этой сфере. Для сравнения привлекались материалы по этнографии грузин, собранные во время этнографических поездок автора в Грузию в 2003–2007 гг.

© Шевцова А.А., 2011.

Семья по-грузински – *оджахи*, что этимологически восходит к слову «очаг». Выражение «семейный очаг» у грузин не только образное. В древности важнейшей частью жилища был открытый очаг – символ единства семьи. У очага не только собиралась вся семья, но выполнялись некоторые ритуальные действия, например примирение враждующих и благословение вступающих в брак [9, 42-43; 2, 36].

Как известно, на тип, структуру, численность, детность, разводимость и иные показатели семьи в диаспоре непосредственное влияние оказывают социально-демографические и экономические показатели миграционных потоков, уровень адаптации в инокультурном окружении. Интересно, что отмечаемая Ю.Д. Анчабадзе и Н.Г. Волковой гендерная диспропорция населения Тбилиси XIX в. (мужчины резко преобладали над женщинами), связанная с миграционными потоками в город и сезонным отходничеством [1, 166], зафиксирована в наше время у грузин Мордовии: мужчин-мигрантов значительно больше женщин [6, 9]. В грузинской общине также значительное число одиноких людей (холостых, разведенных) и неполных семей.

На смену большим семьям, распространенным в Грузии вплоть до пореформенного времени (к 1860-м гг. процесс их распада шел уже довольно интенсивно) [1, 173], пришли семьи малые (родители + дети). Разделившиеся семьи стремились по возможности сохранить территориальное единство. Часто они продолжали жить в своем старом доме или строили дома в одном дворе. Структура малых семей, в том числе неполных, часто усложнялась: помимо родителей и детей они включали кого-либо из родственников: одного из родителей главы семьи или его жены, его неженатых братьев, племянников.

Традиционно патриархальные грузинские семьи возглавлял старший мужчина: муж, отец, дед, сын, брат. Нередко семью возглавлял несовершеннолетний сын или брат, хотя с ним жили его мать или старшая сестра. Семьи, в которых главами были мальчишки 12-14 лет, жившие со своими матерями, малолетними братьями и сестрами, часто встречаются в камеральных описаниях Тбилиси XIX в. [1, 175]. Известны случаи, когда большие братские семьи возглавлял не старший, а второй брат, например, когда старший брат находился вне дома на сезонных работах. Реже семьи возглавляла женщина (вдова). Зафиксированы подобные случаи и в грузинской общине

Мордовии. Так, в семье информантов из с. Лады Ичалковского района главой считается средний по возрасту брат (женат, воспитывает сына). Не посоветовавшись с ним, его старшая сестра (разведена, двое взрослых сыновей, есть внук) и младший брат (состоит в гражданском браке) не принимают никаких важных решений.

В современной российской грузинской диаспоре главой семьи, ее основным добытчиком является мужчина, по фамилии которого наследуется род. «Однако роль женщины в семье нельзя назвать второстепенной. Все хозяйственные заботы почти целиком лежат на женских плечах, вне зависимости от того, работает женщина вне дома или нет» [2, 37]. Мы бывали в семьях, в которых подобная патриархальная модель декларируется, хотя на практике ее суть изменена: например, главный источник средств существования – зарплата жены, в то время как безработный муж остается номинальным главой семьи. В любом случае, именно за ним будет последнее слово, в том числе в финансовых вопросах. Сохранились представления о предпочтительной патрилокальности, хотя в современных условиях эту норму можно соблюсти не всегда.

Итак, члены семьи подчинялись ее главе, младшие – старшим, женщины – мужчинам. Молодая невестка, только что вошедшая в семью мужа, в прошлом была обязана следовать целому ряду запретов, к примеру, не разговаривать с родителями и старшими братьями мужа до рождения первенца. Даже в первой половине XIX в. эти нормы соблюдали далеко не всегда. Так, традиционный уклад в большой многопоколенной семье строился на более патриархальных началах, чем в нуклеарных семьях, где, к примеру, в избегании не было необходимости в силу отсутствия свекра, свекрови и братьев мужа [1, 176]. К пережиточным формам избегания можно отнести часто наблюдаемое в грузинских семьях явление, когда жена не садится за трапезу с гостями-мужчинами или же выслушивает первый тост и удаляется на кухню. По этикету, до сих пор считается неприличным, если мужчина-гость входит в дом в отсутствие хозяина. Осудят в этом случае именно хозяйку дома.

Традиция определяла разные этикетные нормы в семье и социуме для разных полов: женщине жестко рекомендовалось быть сдержанной и «закрытой», мужчине разрешалось быть более экстравертным, эмоциональным. Весьма сдержанными были взаимоотношения мужа и жены, а также

детей и родителей на людях. В воспоминаниях Языкова, жившего в Тифлисе 1770-х гг., читаем: «Если муж с женой на улице встретится, то не остановится...». За бесчестье считалось, если с женщиной «публично» заговорит мужчина [1, 177]. «Двойные стандарты» относительно поведенческих норм, «степени свободы» мужа и жены в семье, характерные для Закавказья, фиксируются и в современных семьях грузинских мигрантов. Так, до сих пор, как отмечают наши собеседницы, «вину» за развод, в том числе по причине измены мужа, общественное мнение обычно возлагает на женщину: «не сумела сохранить семью»¹.

Самое страшное общекавказское проклятие, обычно обращенное к кровному врагу, – формула «Пусть потухнет огонь в очаге твоего отца!» (т. е. «Пусть прервется потомство, погибнет твой род»). Семейные узы считаются священными, поэтому люди старшего поколения советуют: «Ругаться нужно так, чтобы потом не стыдно было посмотреть друг другу в глаза!», или: «Прежде чем выяснять отношения, помажь кончик языка медом!». «Важно не доводить семейную ситуацию до критической черты. Если назревает конфликт, и непонимание зашло слишком далеко, лучше решить проблему рационально, не на эмоциях»². В межэтнических браках, которых немало среди грузин Мордовии, не менее важно умение сохранять взаимопонимание. Рассказывает уроженец г. Мартвили, ныне житель Саранска М. Баратели, женатый на русской: «[в семье] царит мир и согласие, и никакого давления друг на друга»; он «старается лишь обеспечить семью достатком, а внутри семьи главная – жена»³.

Мнению окружающих, репутации девушки, ее матери и семьи в целом придавали большое значение, о чем свидетельствуют пословицы: «Выбираешь жену, верь больше своим ушам, чем глазам», «Выбираешь невесту, посмотри на ее мать». «Разумеется, вступать в интимные отношения до брака было недопустимо, – подчеркивают информаторы. – Времена изменились, однако девичью честь грузины ценят очень высоко»⁴.

¹ Полевые материалы автора (далее – ПМА): Изория Лиана Мамиевна, 1957 г. р., г. Саранск, записи 2010 г.; Гоцишвили Анжела Гивиевна, 1953 г. р., г. Тбилиси, записи 2005 г.; Давиташвили Мака Константиновна, 1972 г. р., г. Тбилиси, записи 2007 г.

² ПМА: Лацузбая Анзор Реминович, 1960 г. р., с. Лада Ичалковского района, записи 2010 г.

³ ПМА: Баратели Муртаз Варламович, 1956 г. р., г. Саранск, записи 2008 г.

⁴ ПМА: Булия Ганели Владимирович, 1944 г. р., г. Са-

Хотя в прошлом у всех этнотерриториальных групп грузин брак заключался по воле родителей молодых (в том числе широко бытовало колебательное обручение, отказ от которого мог привести к тяжелым последствиям, вплоть до кровной мести) [8, 165-166], были случаи похищения невесты. «Когда девушку похищали, ее родители могли узнать об этом только тогда, когда в тот же день к ним присылали человека с вестью: «Ваша дочь вышла замуж за такого-то». Тогда родители отправлялись искать дочь и выяснять отношения с ее «женихом», который мог привезти девушку к своим родителям или к дядьям. Спустя несколько часов беглецов обнаруживали, и девушку обязательно спрашивали: «Дочь, ты сама (по своей воле) вышла замуж за этого человека?» Если она отвечала: «Да», она оставалась в этом доме, дело через какое-то время оканчивалось свадьбой. Если же она отвечала: «Нет», родные пытались забрать девушку домой, а парень и его родня – не отдавать. Все могло вылиться в стычку и большие неприятности. В подавляющем большинстве случаев девушка все же оставалась в доме похитителя, могла вступить в близость с парнем до свадьбы, которую могли сыграть только через 2-3 месяца. Если же за это время в семье жениха кто-то умер, то в течение года соблюдали траур, и свадьбу откладывали. Известны случаи, когда такая ситуация длилась годами»⁵.

Специфической особенностью браков, заключаемых в Тифлисе, было посредничество профессиональных свах – *мачанкали* [1, 189]. В наши дни эту роль, в том числе и в диаспоре, могут играть старшие родственницы молодых, «имеющие талант, связи и желание»⁶.

Условия вступления в брак у грузин определялись согласием родителей, возрастом, религиозной принадлежностью будущих молодоженов, умственным и физическим состоянием. Действовали строгие экзогамные запреты: запрещались браки между родственниками по отцу и матери, между однофамильцами, по молочному родству и свойству, т. е. строго воспрещалась женитьба на невестке или свояченице; дети от такого брака считались незаконными [1, 173]. Грузины Мор-

ранск, записи 2010 г.; Изория Лиана Мамиевна, 1957 г. р., г. Саранск, записи 2010 г.

⁵ ПМА: Изория Кето Карловна, 1986 г. р., Изория Карло Мамантаевич, 1958 г. р., Изория Лиана Мамиевна, 1957 г. р., г. Саранск, записи 2010 г.

⁶ ПМА: Арахамия Инеза Ремиковна, 1959 г. р., с. Лада Ичалковского района, записи 2010 г.

довии четко помнят и соблюдают эти правила, уточняя, что «не принято жениться не только на однофамильцах (вдруг родственники?), но и на соседях в радиусе 1 км»¹.

Типично высказывание о предпочтительности мононациональных браках: «Жениться и выходить замуж за своих [грузин – А.Ш.] – особенно важно, ведь нас немного. Если мы хотим остаться грузинами, лучше выбирать сыну невесту или мужа дочери среди своих»². Нередко для того, чтобы найти сыну подходящую невесту, нужны значительные усилия: «Я поехала в Сочи к своей давней подруге с дальним прицелом – познакомить моего Иракли и ее дочку Диану. Наши дети понравились друг другу, уже через полгода сыграли свадьбу, это было в 2007-м. На свадьбу съехалась вся родня. У меня растет внук»³. Однако всё же все информанты уверяют, что счастье дочери (сына) важнее потенциальной ассимиляции.

Возраст вступления в брак в XIX в. составлял 14-15 лет для юношей и 12-13 лет для девушек. Однако фактически в брак вступали (особенно мужчины) позднее: мужчины – не ранее 19-25 лет, женщины – в 17-18 (случалось и старше) [7, 118]. Наблюдалась определенная закономерность: чем выше в горы, тем позже заключаются браки. Так, в Хевсуретии, например, не были редкостью браки и в 30-35 лет. Наоборот, в равнинно-предгорных селах девушки вступали в брак в 13-14 лет, юноши – в 16-17 лет [9, 45-46]. Архивы Тбилиси фиксируют значительную разницу в возрасте между мужем и женой, нередко составлявшей 15-20 лет и более [1, 187]. Высокий брачный возраст среди мужчин Тбилиси историки связывают с «активными миграциями в город в течение всего XIX в., составом мигрирующих (в основном мужчины), бытовой неустроенностью переселенцев. Все это в какой-то мере создавало большие жизненные сложности и затрудняло ранние браки среди мужчин» [1, 188]. Среди грузин нередки вторые и даже третьи браки, причем в них вступали как мужчины, так и женщины. Но если в прошлом они были связаны с высокой смертностью (разводы жестко осуждались), то

сейчас нередки вторые и третьи браки, которые заключают после развода.

Взаимоотношения в семье, положение женщины в прошлом во многом отражались в имущественных правах членов семьи. Грузинское обычное право предполагало, что недвижимое имущество наследовали только мужчины, а женщины владели приданым, которое включало скот и имущество, подарки, деньги, получаемые невестой при обряде лицезрения, когда жених и все гости на свадьбе в первый раз видели ее [5, 10]. Перед обручением семьи договаривались о денежном приданом, а также о разном имуществе: одежде, украшениях, утвари, постельных принадлежностях. Все фиксировали в специальном списке, по которому доверенное лицо жениха принимало приданое [1, 187]! В наши дни на свадьбу обычно дарят деньги и золотые украшения, бытовую технику дарить не принято. Родители дают в приданое дочери мебель и все необходимое для спальни молодых, чтобы «можно было войти и жить»⁴.

Родственные связи семей на Кавказе очень широки. Членами семьи в Грузии считаются не только дети, живущие с родителями, но и отделившиеся от них, даже имеющие свои семьи. Обычай, предписывающий точно знать всех своих живущих родственников и предков, сохранился, особенно в сельской местности. Он основан на существующем многие века строгом запрете на браки между кровными родственниками вплоть до 7-8 колена. Во многом способствует знанию «разветвленной» родни семейная обрядность, предполагающая не только сборы всей многочисленной родни на свадьбы или похороны, но особая система тостов на застольях, рассказывающих об истории рода.

В современном быту родственные узы сказываются в материальной поддержке и взаимопомощи родичей, в участии их в семейных торжествах, на похоронах и поминках, в помощи в продвижении по службе, в строительстве (покупке) жилья и т. п. Характерно высказывание одного из информантов, оказавшего значительную помощь сестре и ее сыновьям, своим племянникам в строительстве дома для них: «Как сестре не помочь? Наши родные из местных часто нас не понимают, а я скорее себе в чем-то откажу, а сестре, брату, родителям помогу. Мы, грузины,

¹ ПМА: Изория Бадри Карлович, 1982 г. р., г. Саранск, записи 2010 г.; Лацузбая Давид Ремикович, 1975 г. р., с. Лада Ичалковского района, записи 2010 г.

² ПМА: Булия Ганели Владимирович, 1944 г. р., г. Саранск, записи 2010 г.

³ ПМА: Арахамия Инеза Ремиковна, 1959 г. р., с. Лада Ичалковского района, записи 2010 г.

⁴ ПМА: Изория Лиана Мамиевна, 1957 г. р., г. Саранск, записи 2010 г.; Давиташвили Мака Константиновна, 1972 г. р., г. Тбилиси, записи 2007 г.

– такая нация, что должны вместе держаться и помогать друг другу»¹.

Приехавшему в гости родственнику, нередко по современным общероссийским понятиям очень дальнему, оказывается всяческое внимание. Обычай гостеприимства распространяется также на друзей и знакомых. Приезжая учиться в город, юноша или девушка часто селится в семье родственников, пользуется заботой и покровительством старших. Принято принимать участие в жизни племянников, родных и двоюродных братьев и сестер [7, 131].

Главная цель семьи – продолжение рода. Поэтому во многом положение женщины не только в семье и социуме по сей день зависит от наличия у нее детей, а бездетность воспринимается как несчастье [1, 180]. Воспитание детей полностью лежало на женщине. В наши дни отцы уделяют детям, в том числе дочерям, больше внимания: гуляют с ними, проверяют домашние задания, провозаждают на занятия и т. п. Дети должны усвоить весь комплекс норм поведения в общественных местах. Мальчики осознают, что каждый взрослый может попросить их об услуге и отказаться выполнить ее нельзя, что с взрослым нельзя заговаривать первым, обогнать его или пересечь ему дорогу. И мальчики, и девочки должны усвоить и выполнять все знаки внимания к старшим и лицам противоположного пола, причем девочка должна соблюдать также почтительность в отношении своих сверстников – мальчиков: уступать им дорогу, освобождать место, поскольку мужчина считается статусно старше женщины (например, мы наблюдали в семьях грузин, как девочки 8-11 лет ухаживали за одеждой братьев, стелили постель, убирали игрушки и т. п.). Дети «должны знать свое место»: не вмешиваться в разговор старших, не выходить без разрешения на улицу.

Многочисленные смешанные браки приводят к значительной инкультурации. Чаще в них вступают мужчины-мигранты, которые женятся на местных жительницах (русских, мордовках). Хотя заключение подобных брачных союзов практически всегда связано с преодолением тех или иных стереотипов, активной «подстройкой» под супруга, требует решимости и ответственности обеих сторон [3, 190], брак с местной жительницей дает очевидные преимущества, позволяет мигранту обрести новые родственные и социальные связи, стать «своим» в сложившем-

ся микро-социуме, новые перспективы [4, 70]. В случае с грузинскими мигрантами дополнительным фактором, облегчающим обеим сторонам принятие решения о вступлении в брак, является общность религии (православие).

Подводя итог, отметим, что семейный уклад грузин Республики Мордовия относительно устойчив. В целом грузины создают крепкие и дружные семьи, много внимания уделяют детям, заботятся о стариках. Брак и семья, дети рассматриваются как большая ценность в жизни человека и общества, сохранилось отрицательное отношение к разводам. Патриархальность, особый внутрисемейный этикет грузинской семьи, тесные родственные узы воспринимаются в условиях инокультурного окружения как этнический маркер, способ продемонстрировать свою этнокультурную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. М.: Наука, 1990. 272 с.
2. Киладзе Е.С. Практическая энциклопедия грузинской кухни: история, традиции, рассказы, рецепты. Челябинск: Аркаим, 2010. 255 с.
3. Корнеева С. Межнациональные браки в современной России: взгляд социолога // Этнодиалог : альманах. 2009. № 1 (30). С. 189-199.
4. Корякин К.В. Проблемы адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 62-72.
5. Миминошвили О. Этнографическое путешествие по Грузии. Тб.: Некери, 1997. 109 с.
6. Национальный состав населения Республики Мордовия / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Саранск, 2005.
7. Обычаи и традиции общения в культуре народов Кавказа : информ.-просветит. пособие / отв. ред.-сост.: Ю.А. Горячев, А.А. Шевцова, Е.А. Омельченко. М.: Этносфера, 2010. 240 с.
8. Смирнова Я.С. Брак поговору на Кавказе: формы и эволюция // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 165-169.
9. Страны и народы: Науч.-попул. геогр.-этногр. изд. в 20 т. Т. 19. Советский Союз. Республики Закавказья. Республики Средней Азии. Казахстан / редкол.: Т.А. Жданко (отв. ред.) и др. М.: Мысль, 1984. 381 с.

¹ ПМА: Лацузбая Анзор Ремикович, 1960 г. р., с. Лада Ичалковского района, записи 2010 г.

УДК 091

Кадырова Л.А.

Московский педагогический государственный университет

**СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН-УЧАСТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ
ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ИСТОРИКОВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

L. Kadyrova

Moscow Pedagogical State University

**COOPERATION OF MEMBER COUNTRIES OF THE WARSAW TREATY
ORGANIZATION ESTIMATES OF DOMESTIC HISTORIANS
OF THE POST-SOVIET PERIOD**

Аннотация. В статье проведен анализ современной историографии Организации Варшавского договора. Автор отмечает различия в оценках места и роли Организации Варшавского договора в системе глобальной коллективной безопасности и сотрудничества. Позиция исследователей в этом вопросе во многом определялась различными взглядами на биполярное противостояние эпохи «холодной войны». Тем не менее в изучении данной проблемы сделан заметный шаг вперед. Это было в значительной мере обусловлено отходом историков от идеологических стереотипов советской эпохи. За последние годы историография проблемы существенно расширена и обогащена исследованиями как уже известных авторов, так и молодых отечественных специалистов.

Ключевые слова: международное сотрудничество, Организация Варшавского договора, коллективная безопасность, отечественная историография, стабильность, «холодная война».

Abstract. The article analyses the modern historiography of the Warsaw Pact. The author notes the differences in estimates of the place and role of the Warsaw Treaty Organization in the global collective security and cooperation system. The position of researchers in this matter is largely determined by diverse views on the bipolar confrontation of the cold war. However, there is a notable advance in the studies of this issue, which is largely due to the departure from the ideological stereotypes of the Soviet epoch. In recent years the historiography of the problem was significantly expanded and enriched by the researches of both well known and young Ukrainian specialists.

Key words: international cooperation, the Warsaw Pact, collective security, domestic historiography, stability, the cold war.

Организация Варшавского договора (далее – ОВД) с момента своего основания являлась объектом пристального внимания исследователей. Советские и западные историки изучали самые разные вопросы, касающиеся деятельности этой организации. Изучение историографии данной проблемы показывает, что исследователи сосредотачивали свое внимание, главным образом, на военно-политическом аспекте деятельности ОВД. Речь, естественно шла, главным образом, о военном взаимодействии.

Оценки той роли, которую играла ОВД в истории Европы и мира в послевоенный период, в огромной степени определялись не только личной позицией автора, но и его происхождением. Труды как советских, так и западных историков были в огромной степени политизированы и изобиловали пропагандистскими клише. Не подлежит сомнению, что в подобных условиях объективное исследование проблемы представлялось крайне затруднительным.

Ситуация стала меняться во второй половине 1980-х гг. Это было связано с событиями, происшедшими во внутривнутриполитической жизни советского государства. Впервые за долгое время в среде историков, общественных деятелей и политиков начали предприниматься попытки критически оценить историю СССР и мира в послевоенный период. Тезис о том, что именно ОВД на протяжении почти сорока лет обеспечивала мир и стабильность на Европейском континенте, был подвергнут сомнению. Появились новые оценки значения этой организации восточноевропейских (по преимуществу)

ществу) стран для системы коллективной безопасности.

В указанный период в периодической печати начали появляться публикации об ОВД, содержание которых существенно отличалось от всего того, что публиковалось по этому вопросу ранее. Так, например, В.М. Фалин открыто писал о том, что вклад в систему общеевропейской безопасности вносила не только Организация Варшавского договора, но и НАТО. По его мнению, эти позиции более четко были сформулированы на Западе, «...чем у нас, а именно – роль НАТО и ОВД как фактора стабильности в Европе» [10, 110]. Другими словами, по В.М.Фалину, не одна ОВД, а ее баланс с НАТО обеспечивал европейскую безопасность. Знаковым было то, что автор статьи занимал пост заведующего Международным отделом ЦК КПСС и секретаря ЦК КПСС, т. е. был одним из ключевых партийных работников. Были и другие авторы, разделяющие его точку зрения [7, 11].

В 1990 г. появилась работа «Варшавский Договор: история и современность» [2, 344], в которой впервые была предпринята попытка переосмыслить исторический опыт ОВД. Один из основных выводов, который сделали авторы, заключался в том, что кризисные явления в экономике, общественной жизни и развитии коммунистических и рабочих партий стран Варшавского договора привели к понижению эффективности усилий этого военно-политического союза в достижении провозглашенных целей. По их мнению, на рубеже 1970-1980-х гг. все больше во внешнеполитической деятельности ОВД стал проявляться силовой фактор. Различные инициативные предложения не подкреплялись конкретными, понятными для общества действиями [2, 5-6].

Впрочем, в указанный период вопрос о роспуске ОВД не ставился. Хотя, к примеру, историк и политический деятель Р.А. Медведев, оценивая деятельность Организации Варшавского договора, отмечал, что ее ликвидация не приведет к разбалансировке ситуации в Европе и мире. Он отводил Варшавскому договору второстепенную роль в деле обеспечения безопасности в Европе.

Чувствуя ослабление идеологического давления со стороны СССР, историки и журналисты из стран Восточной Европы высказывались все более остро. Так, например, чехословацкая газета «Млада фронт днес» обвиняла Варшавский договор в том, что он как инструмент «... поддержания советского господства в Восточной Ев-

ропе всегда служил целям не оборонительным, а агрессивным» [16, 28]. Однако, несмотря на то, что подобные настроения набирали силу, существовали и другие мнения. К примеру, болгарская газета «Народная армия» в связи с предстоящим роспуском Варшавского договора с горечью писала, что «...едва ли был другой подобный момент в болгарской истории, когда страна была бы поставлена в такое критическое положение в вопросе ее национальной обороны» [8, 7].

Распад СССР и ликвидация ОВД самым кардинальным образом изменили расклад сил на мировой арене. Фактически США и их союзники оказались единственной силой, претендовавшей на доминирование в мировых делах. Это привело к тому, что Запад начал бесконтрольно, без санкции Организации Объединенных Наций, применять силу при решении некоторых геополитических вопросов. В сложившихся условиях интерес к изучению истории ОВД существенно возрос. Объективно возникла потребность исследования всего комплекса вопросов, касающихся деятельности организации, которая на протяжении долгого времени являлась противовесом НАТО на международной арене. При выяснении значения ОВД акцент смещался в сторону сохранения баланса сил, поддержания паритета между ОВД и НАТО как важнейшего фактора обеспечения глобальной безопасности.

Так, например, заместитель начальника отдела Института военной истории МО РФ В.С. Шардаков отмечал, что историческое значение Варшавского договора «...заключается в том, что он являлся важнейшим международным фактором достижения и поддержания паритета, вследствие чего империализм в послевоенный период безвозвратно утратил способность развязать мировую ракетно-ядерную войну [20, 107]. Того же мнения придерживался и историк П.Г. Лукьянов, который считал, что ОВД «...являлась в течение длительного времени единственной силой, «лимитирующей» действия США и их союзников на международной арене, заставляя их искать решение сложных проблем биполярного мира не путем войн, а за столом переговоров» [9, 3].

Такого мнения придерживались многие авторы [1; 4; 13; 18]. При этом часть из них отмечала, что Организация Варшавского договора являлась также и инструментом в руках советского руководства, которое активно использовало структуры ОВД для распространения идей коммунизма в мире. Никто из серьезных иссле-

дователей не подвергал сомнению тот факт, что безопасность государств-членов Договора не являлась единственной целью существования ОВД. Через структуры этой организации фактически осуществлялась координация внешнеполитической деятельности европейских государств, входивших в «зону влияния» Советского Союза.

Отечественный исследователь А.В. Вахрамеев, рассуждая о роли ОВД в европейской и мировой политике, подчеркивал, что страны Варшавского Договора делали много конструктивных предложений, часть из которых, несмотря на противодействие Запада, была воплощена в жизнь и способствовала оздоровлению политического климата на континенте. В то же время существенных перемен в военно-политической обстановке в мире не произошло, блоки ОВД и НАТО и их военные организации не были ликвидированы [3, 87]. Это, по мнению А.В. Вахрамеева, во многом было обусловлено традиционным недоверием между Востоком и Западом. Вместе с тем, авторы фундаментального трехтомного труда «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века», подготовленного Институтом международных экономических и политических исследований Российской академии наук, отмечают, что инициативы, исходившие из структур ОВД и касающиеся вопросов глобальной безопасности, зачастую носили ярко выраженный пропагандистский характер [19, 311].

Необходимо отметить, что в постсоветский период среди российских исследователей были и те, кто придерживался несколько иного мнения по рассматриваемому вопросу. Так, авторы учебника по истории России (кстати, рекомендованном Научно-методическим советом университетов Российской Федерации по истории для вузов), изданного в начале XXI в., отмечали, что возникновение Организации Варшавского договора и НАТО было исторически обусловленным событием, главной причиной которого «...стало дальнейшее обострение международной обстановки» [15, 433]. Кроме того, в учебнике делается весьма спорный вывод о том, что данные военно-политические союзы усилили международную напряженность. Не вдаваясь в подробный анализ данного тезиса, отметим, что подобные выводы ставили под сомнение как объективный характер возникновения этих организаций, так и принципы устройства послевоенного мира в целом.

Нужно заметить, что авторы вышеуказанного учебника не были одиноки в своем мнении. К

примеру, профессор В.И. Дашичев оценивал Организацию Варшавского договора крайне негативно, отмечал, что «...США сыграли решающую роль в сдерживании советской экспансии» [5, 15]. Очевидно, что ОВД, следуя этой логике, являлся в глазах автора инструментом советской агрессии против цивилизованных западных демократий. Собственно, ровно это автор и заявляет: «Благодаря созданию под эгидой США Северо-атлантического союза удалось спасти демократические ценности и институты Запада» [5, 28]. К сожалению, подобные однобокие суждения в современной отечественной историографии еще не изжиты.

Негативные оценки вообще роли Организации Варшавского договора в обеспечении глобальной безопасности не ограничивались только лишь констатацией антагонистичности этой организации НАТО как объединению западных демократий. Так, заведующий отделом современной истории и социально-политических проблем Института Социологии РАН Ю.С. Новопашин, анализируя деятельность ОВД, заявлял, что это была «...неравноправная организация имперского типа, созданная по инициативе кремлевских властей в качестве орудия их внешней политики» [14, 35]. Исходя из этого, ни о каком равноправном сотрудничестве стран-участников ОВД не могла идти речь. Директор Института по правам человека Национальной академии наук Азербайджана, доктор политических наук Р.Ф. Мустафаев выражал свое мнение еще более открыто, заявляя, что «...Варшавский Договор был принудительным блоком под предводительством русских» [11, 92]. Впрочем, такую позицию сложно назвать новаторской по той простой причине, что она неоднократно выражалась западными исследователями на страницах своих работ несколькими десятилетиями ранее.

Примечательно, что критика, причем достаточно жесткая, Организации Варшавского договора зачастую звучала из уст бывших советских военных. К примеру, Вице-президент РАЕН, доктор исторических наук, генерал-майор В.А. Золотарев, оценивая уровень сотрудничества, отмечал, что «...социалистические страны Восточной Европы никогда не были верными союзниками СССР» [17, 6]. А ведь эта точка зрения была выражена человеком, который в начале 1990-х гг. возглавлял Институт военной истории Министерства обороны РФ и являлся советником первого заместителя министра обороны РФ. Оче-

видно, что если так думал высокопоставленный военный, то он никак не мог быть в своем мнении одинок.

Отечественный историк, депутат Госдумы Н.А. Нарочницкая в своей фундаментальной работе «Россия и русские в мировой истории» справедливо отмечала, что государства Восточной Европы оказались в советской сфере влияния в результате Ялтинско-Потсдамских соглашений против воли их народов. По ее мнению, «...поляки, венгры и чехи не желали мириться со своим положением сателлитов СССР и бунтовали против европейского порядка, санкционированного не только Сталиным, но и Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем» [12, 507]. Пожалуй, такая оценка может быть признана в качестве наиболее честной и ответственной с исторической точки зрения.

Подводя итоги, необходимо отметить, что оценки места и роли Организации Варшавского договора в системе глобальной коллективной безопасности и сотрудничества стран-участников со стороны отечественных исследователей в постсоветский период были различными и зачастую определялись политическими предпочтениями конкретных людей. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что в 1990-2000-е гг. в изучении данной проблемы был сделан заметный шаг вперед. Это было в значительной мере обусловлено отходом историков и других исследователей от идеологических стереотипов советской эпохи. Историография проблемы была существенно расширена и обогащена исследованиями как уже известных авторов, так и молодых отечественных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Быстрова П.Е. Образование Восточного блока // Отечественная история. 2005. №3. С. 29-41.
2. Варшавский Договор: история и современность. М., 1990. 389 с.
3. Вахрамеев А.В. Очерк истории советской внешней политики (1917-1991). М., 2007. 313 с.
4. Грибков А.И. Несостоявшийся юбилей // Красная Звезда. 2005. 18 мая. С. 69-73.
5. Дашичев В.И. Россия между прошлым и будущим: от Ельцина к Путину // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 11-24.
6. Елисеева Н. СССР не приняли в НАТО, и появился Варшавский договор [Электронный ресурс] // Варшавский договор: [сайт]. [2004]. URL: <http://www.strana.ru/print/248044.html>. (дата обращения: 21.12.2007).
7. Жеглов М. Варшавский Договор и безопасность Европы // Красная Звезда. 1991. 22 февраля. С. 4-28.
8. Известия. 1991. 28 февраля.
9. Лукьянов П.Г. История Организации Варшавского Договора. Могилев, 2006. 211 с.
10. Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 3. С. 107-121.
11. Мустафаев Р. Организация Варшавского договора [Электронный ресурс] // Международные отношения: [сайт]. [2004]. URL: <http://www.bankreferatov.ru>. (дата обращения: 12.02.2005).
12. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2004. 693 с.
13. Николаев А. Военная реформа буксует [Электронный ресурс] // Военное обозрение. [сайт]. [2007]. URL: <http://nvo.ng.ru/concepts/2000-06-30/I>. (дата обращения: 17.07.2008).
14. Новопашин Ю.С. Размышления о нашем недавнем прошлом // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 32-44.
15. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней: Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное. М., 2001. С. 433.
16. Правда. 1991. 2 июля.
17. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX в. / Под ред. В.А. Золотарева. М., 2000. 271 с.
18. Худoley К. ОБСЕ от рассвета до заката [Электронный ресурс] // Международные отношения. [сайт]. [2004]. URL: <http://idclo.ru/382718.html>. (дата обращения: 15.09.2007).
19. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3-х томах. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966-1989). М., 2000-2002. 511 с.
20. Шардаков В.С. Отечественный опыт достижения и поддержания военно-стратегического паритета. 1940-1980 гг. / Дисс... д.и.н. М., 1995. 189 с.

УДК 093

Майборода Д.В.

Московский государственный областной университет

НАГРУДНЫЕ ЗНАКИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ

D. Maiboroda

Moscow State Regional University

BRASTPLATES IN EDUCATIONAL SYSTEM IN THE RUSSIA EMPIRE: STUDYING EXPERIENCE

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам исследования нагрудных знаков Российской империи. В ней представлена история развития научных знаний по данной проблематике, проанализированы основные работы по теме, выявлены хронологические этапы накопления материала. Проведенное исследование позволило систематизировать литературу и разделить её на три тематических группы: сводные каталоги, каталоги, посвященные нагрудным знакам и другой символике конкретных организаций, министерств и ведомств, и работы, посвященные отдельным памятникам. На основании анализа материала автор делает вывод о причинах увеличения количества исследований в постсоветский период и возможных направлениях изучения материала в будущем.

Ключевые слова: история образования, историография, фалеристика, геральдика, униформология.

Abstract. This article is devoted to the problems of research of breastplates in the Russian Empire. The author presents the history of the development of scientific knowledge on this issue and the analysis of basic works on the theme. The article also includes the chronological stages in accumulating the material. The research allowed to classify the material and divide it into three thematic groups: joint catalogues, catalogues of breastplates and other symbols of specific organizations, catalogues of the symbols of ministries and departments and the information concerning individual monuments. On the basis of the analysis of the material the author makes a conclusion about the reasons for the increase of researches during the Post-Soviet period and about possible directions of the studies in the future.

Key words: history of education, historiography, medalistics, heraldry, uniformology.

Одной из особенностей сферы образования в любой стране является её корпоративность. Члены корпораций, начиная со средневековых университетов и заканчивая современными учебными заведениями, всячески стараются визуально отличить себя от основной массы населения, используя для этого многочисленные символы. Гербы, униформа, особые детали одежды, нагрудные знаки, жетоны и т. д. давали возможность владельцам продемонстрировать статус, помогали отличить одного члена корпорации от другого.

В нашей стране в дореволюционный период символика образовательных учреждений также получила широкое распространение, главным образом выражаясь в виде нагрудных знаков, которые носили выпускники академий, университетов, коммерческих училищ, школ и других заведений. Эти знаки, выпускавшиеся в больших тиражах, различные по форме, порой представляли собой шедевры ювелирного мастерства.

Кроме нагрудных знаков, использовались и другие символы принадлежности к образовательным корпорациям. Форменная одежда чинов Министерства народного просвещения, студентов, памятные и наградные медали, нагрудные знаки и жетоны об окончании академий, университетов, училищ, специализированных курсов и школ, книжные экслибрисы – все это является важными источниками для исследований. Однако эта тема до сегодняшнего дня остается мало изученной, и работы, которые затрагивают проблематику становления и развития отечественной образовательной символики, в основном, носят специализированный и локальный характер.

Большинство исследований, посвященных символике образовательных учреждений дореволюционной России, касается нагрудных знаков. Знаки, вручаемые за окончание военно-учебных

заведений, университетов, академий и других учреждений, имеют привлекательность как с художественной, так и с исторической точек зрения. Как правило, они представляли собой небольшие, определенной формы изделия из металла с нанесенным изображением и, нередко, надписью, предназначенные для ношения на груди. Несмотря на то, что первые нагрудные знаки появились в императорской России в 60-е гг. XIX в., дореволюционные исследования по этой теме отсутствуют.

Первые работы, посвященные их изучению, появились только в 1960-е гг., причем интерес к теме возник одновременно у советских и зарубежных исследователей.

Первой работой, исследовавшей эти знаки, можно считать книгу Е.Н. Шевелевой «Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков», изданную в Ленинграде в 1962 г. Исследователь изучила коллекцию нагрудных знаков, хранящуюся в Ленинградском артиллерийском музее, причем далеко не полную [18, 8]. В фондах музея хранятся нагрудные знаки, имеющие отношение к военно-учебным заведениям, в частности к инженерным и артиллерийским академиям и училищам.

В 1966 г. в Париже вышла работа С. Андоленко «Нагрудные знаки русской армии» [1]. Исследование автора, эмигранта и командора ордена Почетного легиона, представляет собой обзор нагрудных знаков, существовавших в русской армии до 1917 г. В среде эмигрантов проявлялся сильный интерес к прошлому своей страны, особенно это касается переселенцев «первой волны», потомком которых был автор. Работа вдали от архивов накладывала отпечаток на исследование, основным материалом послужили нагрудные знаки ветеранов российской императорской армии, которые были тщательно собраны автором. В первой главе исследователь расположил в хронологическом порядке (по дате утверждения) знаки военно-учебных заведений: академий, офицерских школ и курсов, военных училищ и кадетских корпусов. В небольшом предисловии он попытался рассказать о появлении и развитии нагрудных знаков, считая датой введения практики награждения ими 1827 г. В работе имелись и недостатки. Прежде всего, это были ошибки в определении знаков и невозможность полного восстановления всего комплекса, ввиду их малого тиража и плохой сохранности. Несмотря на все это, книга является ценным исследованием, в

котором впервые обстоятельно затронута история отечественных нагрудных знаков.

Оно было неоднократно переработано и легло в основу многих других работ. В Нью-Йорке в 1976 г. вышла книга Р. Верлих и С. Андоленко, которая, по существу, является значительно расширенной версией книги 1966 г.

Исследования Р. Верлиха и С. Андоленко представляют собой категорию работ о конкретных знаках, в данном случае связанных с Вооруженными силами Российской империи. К той же группе принадлежит работа Э.Д. Грибанова о медицинской фалеристике [10]. В ней автор касается символики образовательных учреждений. Многие знаки были опубликованы впервые, а сама работа расширила информационное пространство, введя в научный оборот гражданские нагрудные знаки.

После распада Советского Союза количество работ, посвященных символике и эмблематике Российской империи, стало увеличиваться. Отчасти это связано с устранением некоторых идеологических барьеров, мешавших исследователям изучать символы «буржуазного общества», отчасти с тем, что спрос на такие исследования резко вырос. В 90-е гг. XX века антикварный бизнес в России начал развиваться, множество людей скупали, продавали или коллекционировали нагрудные знаки и жетоны. Произошло значительное расширение круга источников, и возникла необходимость в сводных каталогах нагрудных знаков, которые появляются с этого времени и продолжают появляться до сих пор.

В 1990-е гг. большое распространение получило издание каталогов знаков и жетонов, предназначенных исключительно для коллекционеров, и не имеющих научной ценности. Примером таких изданий может служить каталог «Аверс», в каждом номере которого освещается область отечественной фалеристики, в том числе нагрудные знаки и жетоны, с минимальным описанием знака и указанием его приблизительной рыночной стоимости.

Первой научной работой постсоветского периода стало изданное в 1993 г. исследование «Нагрудные знаки русской армии», представляющее дополненное переиздание книги Е.Н. Шевелевой, из которой были исключены гражданские нагрудные знаки. Автор предпринял попытку провести анализ причин роста популярности нагрудных знаков в среде военнослужащих Императорской армии в начале XX в. «Знаки воспринима-

лись офицерами и солдатами как символ боевого братства, принадлежности к воинской части, учреждению, гарнизону, крепости, что было так необходимо на первых порах, когда моральный дух русской армии после поражения в русско-японской войне заметно пошатнулся» [19, 5]. Также в работе приводятся ссылки на ведомства, разрабатывавшие и утверждавшие нагрудные знаки, и имеются рисунки неутвержденных нагрудных знаков (всего около 10).

Кроме каталогов-определителей, в этот период появляются и сводные каталоги, в которых предпринимаются попытки собрать воедино все известные к тому времени нагрудные знаки. Первой работой исследований такого типа стал коллективный труд авторов А.Д. Бойнович, Ю.А. Шабанова, В.А. Купрюхина и С.Б. Патрикеева «Знаки и жетоны Российской империи», которая вышла в 1994 г. [3]. В нем представлены знаки и жетоны военных и гражданских заведений, в том числе военных академий, университетов, коммерческих училищ и гимназий. Они расположены в хронологическом порядке, по датам их утверждения. По некоторым знакам каталог дает далеко не полную информацию, видимо, это связано с тем, что исследователи опирались на работу Андоленко.

Одновременно, в 1994 г., выходит исследование В.А. Борисова, посвященное нагрудным знакам Советской армии [4]. В нем в хронологическом порядке, начиная с 1918 г., прослеживается эволюция развития наградной системы Советских Вооруженных сил. Отдельная глава посвящена нагрудным знакам выпускников военных учебных заведений.

Следующим исследованием стал двухтомник С.Б. Патрикеева и А.Д. Бойнович «Нагрудные знаки России». Её целью являлось «создать максимально полный справочник для всех занимающихся историей России и конкретно ее фалеристикой, чтобы расширить круг людей, интересующихся нагрудными знаками, и привлечь к этой теме как можно больше новых собирателей и просто людей любознательных» [13, 6]. Здесь знаки представлены не в порядке их утверждения, а разделены по тематическим группам: военно-учебные заведения, гражданские учебные заведения, знаки благотворительных организаций и т. д. В первом томе рассмотрены знаки, относящиеся к учебным и гражданским организациям, во втором томе – полковые знаки, знаки, носимые офицерами пехотных, кавалерийских,

гренадерских полков, артиллерийских батарей и крепостных формирований и других подразделений Российской армии. В 2005 г. вышел третий том, который дополнил предыдущие два и собрал ранее не опубликованные знаки и дополнения к ним [15]. В данный момент рассматриваемый трехтомник представляет собой наиболее полное издание по теме, в котором собраны практически все нагрудные знаки дореволюционной России.

Кроме исследований, выходящих в форме каталогов, продолжают издаваться работы, изучающие отдельные области распространения нагрудных знаков. В 2000 г. в свет вышла книга, посвященная истории символике горного дела России [17]. На примере описания эволюции нагрудных знаков показан процесс развития горных институтов и училищ императорской, советской и современной России.

В 2000-е гг. происходило расширение тематики исследований. Работа «Знаки русской эмиграции (1920-1990)» [12] представляет интересное исследование, проведенное на тему символики русской эмиграции. В книгу были включены ранее не издававшиеся материалы, посвященные многочисленным русским эмигрантским гражданским, военным, религиозным, молодежным организациям. Имеется глава, рассматривающая знаки русских учебных заведений за рубежом.

Последней на данный момент работой, вышедшей в форме сводного каталога, является тематическое исследование, посвященное памятным знакам учебных заведений МВД, МЧС, Минюста и ФСИН России [16]. Книга основана на коллекции нагрудной атрибутики образовательных учреждений императорской России, советских курсов и школ милиции, пожарно-технических и военных училищ, вузов и силовых ведомств страны.

Практически все работы, рассматривающие нагрудные знаки, имели форму каталога. Обычно в них дается краткое описание знака, дата его появления и рисунок. Некоторые из таких работ рассматривают материал по признаку построения государственных структур, к которым относятся эти знаки. Примером такого построения может служить уже упоминавшаяся книга Е.Н. Шевелевой, которая описывает нагрудные знаки русской армии в порядке структуры самой армии: сначала описываются знаки гвардейских полков, императорской свиты и конвоя, затем — гренадерских, стрелковых, пехотных, кавалерийских полков, казачьих войск, артиллерийских частей, крепос-

тей, юбилейные, должностные и знаки отличия. Знаки военно-учебных заведений представлены следующим образом: знаки академий, офицерских школ и курсов, военных училищ, кадетских и пажеских корпусов; знаки военных чинов, окончивших гражданские учебные заведения. Данный подход оправдан при изучении конкретной области бытования знака, когда необходимо проанализировать часть знаков, относящихся к какому-либо ведомству. Другие исследователи располагали материал в хронологической последовательности, что позволяло проследить основные этапы появления и развития нагрудных знаков, а также позволяет лучше ориентироваться в большом количестве материала.

Литературу, в которой затронута проблематика нагрудных знаков, можно разделить на следующие тематические группы:

1. Сводные каталоги, которые содержат нагрудные знаки определенного хронологического периода.

2. Каталоги, посвященные нагрудным знакам и другой символике конкретных организаций, министерств и ведомств.

3. Исследования отдельных памятников.

В категорию работ, изучавших отдельные нагрудные знаки, можно отнести статьи, выходившие в журнале «Гербовед» в начале 2000-х гг. В этих статьях рассматривалась символика некоторых высших дореволюционных учебных заведений и её влияние на современную образовательную эмблематику [4; 8; 9].

В советский период изучение нагрудных знаков в сфере образования было только начато, и историография исчерпывалась несколькими обзорными работами. В современной России интерес к подобным памятникам растет как в среде коллекционеров, так и среди историков. В научный оборот вводятся новые источники, однако большинство являются каталогами, в которых дается обзорное описание знаков, их тираж и степень распространения. Причины появления нагрудных знаков, эволюции их внешнего вида и роли в системе символики изучены пока недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андоленко С. Нагрудные знаки русской армии. Париж, 1966. 227 с.
2. Андоленко С., Верлих Р. Нагрудные знаки императорской России. М., 2004. 214 с.
3. Бойнович А.Д., Шабанов Ю.А., Купрюхин В.А., Патрикеев С.Б. Знаки и жетоны Российской империи. СПб., 1994. 102 с.
4. Борисов В.А. Нагрудные знаки Советских Вооруженных Сил. 1918-1991. СПб., 1994. 162 с.
5. Борисов И.В., Козина Е.Н. Эмблематика Императорского Московского Университета // Гербовед. 2002. № 58. С. 23-44.
6. Верлих Р., Андоленко С. Нагрудные знаки императорской России. М., 2004. 217 с.
7. Верлих Р., Андоленко С. Нагрудные знаки императорской России СПб., 1994. 210 с.
8. Грехов Л.Н. «Медицинские» академические знаки университетов Российской империи // Гербовед. 2003. № 64. С. 20-26.
9. Грехов Л.Н. Академические знаки Московского университета: прошлое и настоящее // Гербовед. 2001. № 54. С. 11-18.
10. Грибанов Э.Д. Российские нагрудные медицинские знаки. Рига, 1989. 49 с.
11. Комаровский Е.А. Современная геральдика российских учебных заведений // Гербовед. 2001. № 54. С. 38-41.
12. Околоков А.В. Знаки русской эмиграции (1920-1990). М., 2005. 176 с.
13. Патрикеев С.Б., Бойнович А.Д. Нагрудные знаки России. М., 1998. Т. 1. 388 с.
14. Патрикеев С.Б., Бойнович А.Д. Нагрудные знаки России. М., 1998. Т.2. 508 с.
15. Патрикеев С.Б., Бойнович А.Д. Нагрудные знаки России. М., 2004. Т. 3. 320 с.
16. Рогов М.А. История учебных заведений МВД, МЧС, Минюста России в выпускных и памятных знаках. М., 2010. 512 с.
17. Стафеев К.Г. Вещественные свидетели истории горного дела и геологии в России. М., 2000. 159 с.
18. Шевелева Е.Н. Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков. Л., 1962. 299 с.
19. Шевелева Е.Н. Нагрудные знаки русской армии. СПб., 1993. 176 с.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 07. 00. 06

Осипов Д.О., Петров М.И.
*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ ИЛЬМЕНСКОГО РАСКОПА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

D. Osipov, M. Petrov
Lomonosov Moscow State University

COLLECTION OF LEATHER SHOES FROM IL'MENSKY EXCAVATION IN VELIKY NOVGOROD

Аннотация. В статье опубликованы коллекции кожаной обуви Ильменского раскопа Великого Новгорода, организованные в 2009 году. В ходе раскопок удалось вскрыть средневековые напластования XII – первой половины XV вв. на площади около 250 м² и получить репрезентативную коллекцию «археологической кожи», основную часть которой составляют обувные детали и обрезки от раскоя конца XIV – начала XV вв. Кроме обувных деталей, на хозяйственных дворах были зафиксированы скопления обрезков от раскоя обуви, маркирующие местоположения сапожных мастерских, размещенных на территории северной и южной усадеб.

Ключевые слова: Великий Новгород, раскопки, кожевенно-сапожное производство.

Abstract. The article focuses on the collection of leather shoes manufactured in the 14th-15th centuries. This collection was discovered during the excavation of the Slavensky end, in Veliky Novgorod. The excavation revealed a 150 m² medieval bedding of the 12th and the first half of the 14th century and a representational collection of the so-called "archaeological leather" consisting mostly of shoe details and leather scraps and cuttings of the late 14th – early 15th centuries. On the basis of the received material, the authors reconstruct the shoe styles which were popular during the investigated period, and locate the shoe-making workshops.

Key words: Veliky Novgorod, excavation, leather shoe production.

Статья посвящена публикации коллекций кожаной обуви из раскопок участка Славенского конца Великого Новгорода, расширяющих наши представления о средневековом кожевенно-сапожном ремесле. Охранные исследования на Ильменском раскопе (расположен по адресу ул. Ильменская, д. 20), были организованы в 2009 г. Центром по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Следует отметить, что окружающая территория археологически изучена относительно слабо. Ближайшие полномасштабные археологические исследования (Никольский раскоп 2007 г.) проводились в 130 м в северо-восточном направлении (илл. 1). Материалы наблюдений за земляными работами при прокладке коммуникаций

© Осипов Д.О., Петров М.И., 2011.

и исследовательских работ 1991 г. на участке по ул. Ильменская, 16 дали противоречивые результаты по составу и мощности обнаруженных культурных отложений.

В ходе работ 2009 г. на Ильменском раскопе удалось вскрыть средневековые напластования XII – первой половины XV вв. на площади около 250 м². В ходе исследований собрана репрезентативная коллекция «археологической кожи», основную часть которой составляют обувные детали в количестве 147 единиц.

Небольшой объем обувных деталей связан со спецификой исследуемого участка, территория которого долгое время была свободна от усадебной застройки. В верхних напластованиях органика практически не сохраняется по причине сухости грунта [5, 141]. Поэтому практически все найденные в раскопе обувные детали сосредоточены в слое конца XIV – начала XV вв., что существенно повышает ценность коллекции.

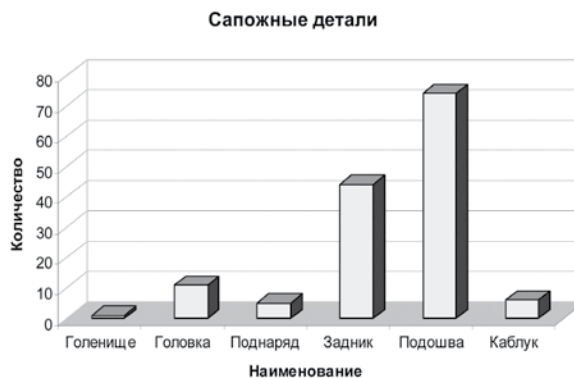
Этот хронологический период интересен для исследования процесса развития жесткой конструкции, стремительно вытеснившую распространенную ранее мягкую обувь. Более совершенная и износостойчивая обувь представлена сапогами, пришедшими на смену низким туфлям. К концу XIV столетия, как показывает материал Ильменского раскопа, мягкие туфли полностью выходят из употребления. Низкая обувь мягкой конструкции представлена единственным обрывком простого поршня, что закономерно, поскольку в небольших количествах поршни (моршни) доживают до начала XX в. [4, 40].

Как показывают результаты исследований, смена обувных фасонов является не столько результатом развития технологий, сколько новой модой, пришедшей с Востока, после того, как Русь вошла в состав улуса Чжучи.

Характеристика коллекции. Обувь представлена серией разрозненных сапожных деталей, основную часть которых составляют подошвы (гистограмма 1).

Процент обувных деталей, обнаруженных в слое имеет обратную зависимость от их пригодности для вторичного использования, поэтому в коллекции доминируют подошвы и практически отсутствуют голенища, которые представлены единственным экземпляром передней части двухсоставной детали трапецевидного кроя (илл. 2).

Гистограмма 1

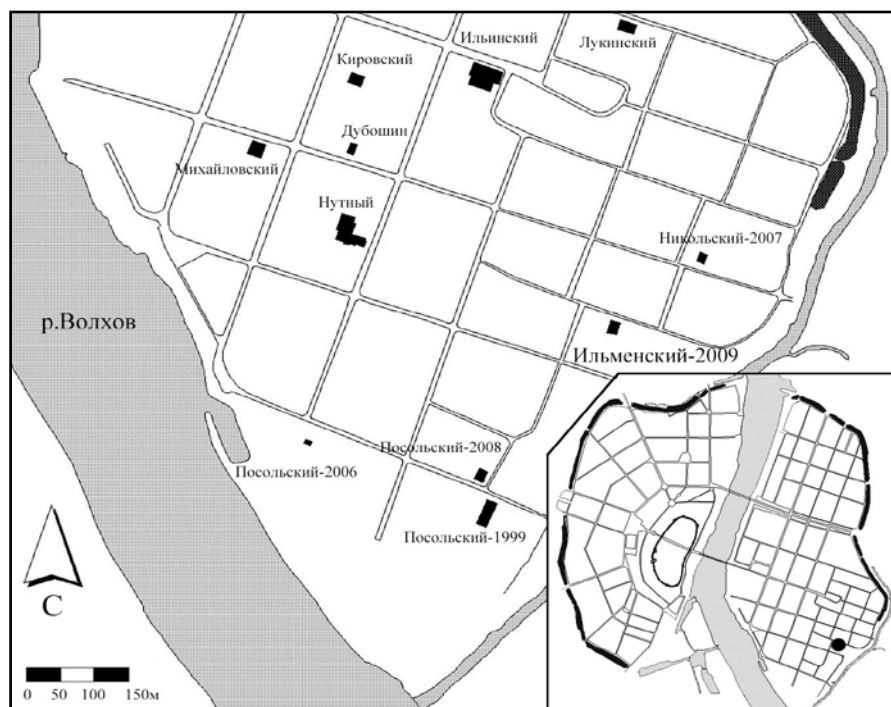
По форме кроя и способу крепления деталей можно реконструировать наиболее распространенную форму сапог, бытовавших в исследуемый период. Они имели жесткую однослойную подошву, скреплявшуюся с верхом при помощи сквозного или потайного шва. Последний, представлял более совершенную технологию, при которой нитка проходила в толще кожевенного листа не выходя наружу, что исключало ее намокание и истирание. Таких подошв, количество которых составляет всего 16 %, имеют «ранний вариант» этого шва, проходящего вплотную к краю подошвы.

Головки (переда), имевшие короткие «крылья» (илл. 3), скреплялись с жесткими задниками, сшитыми в виде кармана, куда вкладывался берестяной вкладыш – собственно задник. С подошвой задник скреплялся с помощью выворотного шва. Жесткая конструкция пяточного узла повышала износостойчивость обуви, препятствуя сминанию и стаптыванию пятки. С целью «разгрузки» шва верхний обрез задника, скрепленный с голенищем при помощи тачного шва, имел заостренную форму (илл. 4).

Начальный этап развития жесткой конструкции иллюстрируют задники «переходного» типа, представляющие промежуточную конструкцию. Один из них имеет прямой верх и дополнительную подкладку, крепившуюся с внутренней стороны (илл. 5).

Дополнительные детали, помимо упоминавшихся выше берестяных вкладышей и внутренних деталей задника, представлены поднарядом (подкладкой головки), форма которых повторяет крой основной детали. В коллекции присутствуют два вида поднарядов: двухсоставные и цельнокроеные.

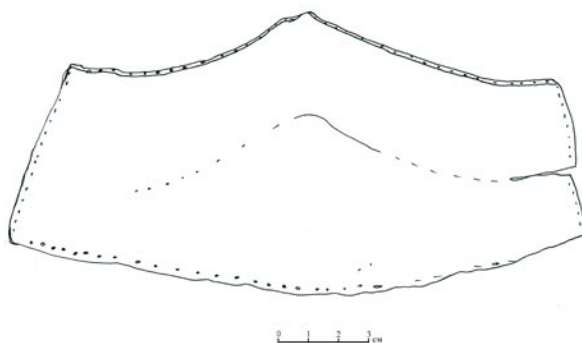
Реконструируемые нами сапоги имели невысокий, т. н. «внутренний каблук», представляв-

Илл. 1. Местоположение раскопа на плане Великого Новгорода.

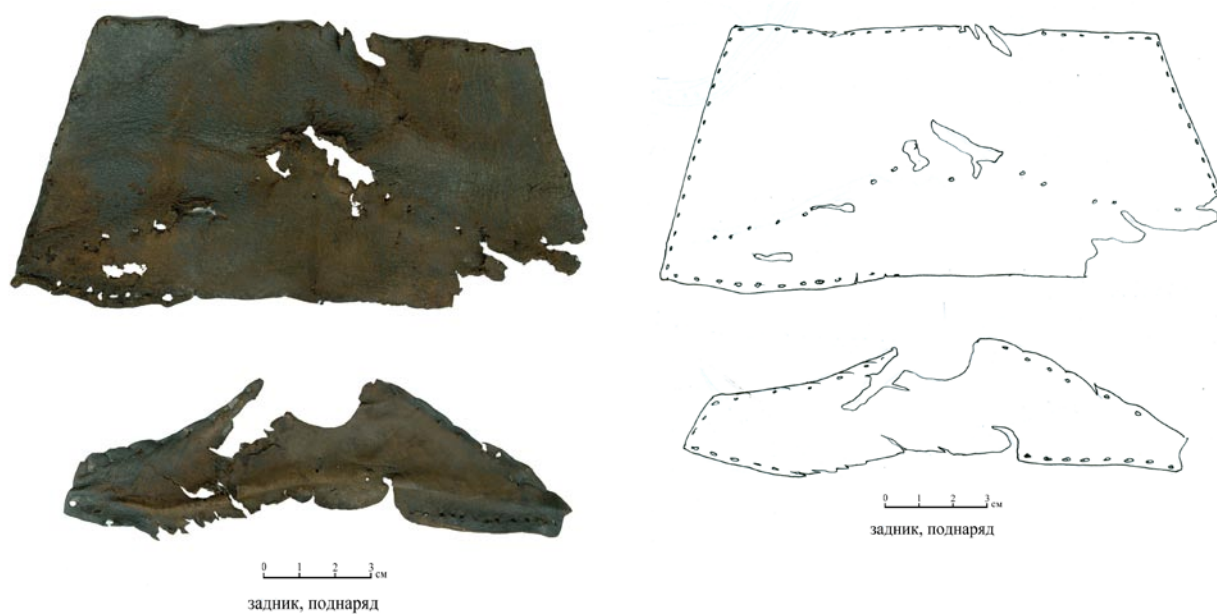
Илл. 2. Голенище двухсоставное.

Илл. 4. Задник сапожный

Илл. 3. Головка сапожная.

Илл. 5. Задник «переходного» типа

Илл. 6. Подковка обувная.

ший собой несколько косо срезанных пяточных подкладок, совокупная высота которых не превышала 1,5 см. В этой связи хотелось бы отметить отсутствие в напластованиях конца XIV – начала XV вв. обувных подколонок, которые, по мнению С.А. Изюмовой, распространяются в Великом Новгороде с XIV века [3, 214]. Несколько пластинок, присутствующих в коллекции Ильменского раскопа, обнаружены в слое позднего перекопа (илл. 5), что подтверждает более позднюю дату появления металлических подколонок, самые ранние из которых появляются в третьей четверти XVI в. [4, 75-79]. Для защиты подошвы использовали металлические гвозди с округлыми шляпками, которые набивались по периметру пятки.

Отходы кожевенного производства. Кроме разрозненных обувных деталей, основная часть которых сконцентрирована в пластах 16,17, в этом же горизонте зафиксированы два скопления обрезков от раскроя, которые маркируют местоположения сапожных мастерских. Пластография скоплений в слое конца XIV – начала XV вв. помещает их на территории как северной, так и южной усадеб, частично попавших в площадь раскопа. Кроме обрезков от раскроя, в скоплениях зафиксированы обувные детали со следами вторичного использования, которые характерны для мастерских занимающихся ремонтом обуви. Судя по материалам раскопок, на площади раскопа оказались преимущественно хозяйственные

части усадеб, где и были складированы производственные отходы [5, 134].

Обилие деталей кожаной обуви и обрезков от раскроя, которые фиксируются повсеместно, позволяют нам обратиться к данным писцовых книг конца XVI в, в которых представители сапожного ремесла, наряду с кожевниками, являются самыми многочисленными ремесленными специальностями в Великом Новгороде [1, 3].

На наш взгляд, заслуженная слава «новгородских» кож, качество которых было известно в XVI в. не только в России, но и за ее пределами [2, 79], также не могла появиться на пустом месте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арциховский А.В. Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Новгород. Вып. 6. 1939. С. 3-15.
2. Бахрушин С.В. Очерки по истории ремесла и торговли городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII вв. // Научные труды. Т. I. М., 1952. 264 с.
3. Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого // МИА № 65. М., 1959. С. 192-223.
4. Осипов Д.О. Обувь московской земли XII-XVIII вв. М., 2006. 200 с.
5. Петров М.И. Отчет об охранных раскопках по адресу Великий Новгород, ул. Ильменская д. 20 в 2009 году. Новгород. 168 с.

УДК 308 (930.24)

Ткалич А.И.

Московский городской психолого-педагогический университет

ОПЫТ ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ДЕРЕВНИ ВЕЛИКИЙ ДВОР ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД 1719-1913 гг.

A. Tkalic

Moscow City University of Psychology and Education

ATTEMPT OF HISTORICAL AND STATISTICAL DESCRIPTION OF THE VILLAGE OF VELIKIY DVOR (THE TVER PROVINCE) IN 1719-1913

Аннотация. В статье представлен опыт историко-статистического описания жизни русской деревни в дореволюционный период на конкретном примере деревни Великий Двор Талдомского района Тверской губернии (ныне – Московской области). На почти двухсотлетнем периоде жизни этой деревни отразилась история всей страны, государственные социальные и экономические реформы Петра Великого послужили причиной активного развития башмачного промысла – основного занятия крестьян не только в границах своей деревни, но и в других городах Российской империи, главным образом в Москве и Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: историко-статистическое описание, дореволюционный период, русская деревня.

Abstract. The article presents an attempt of historical and statistical description of Russia's village life in the pre-revolutionary period. The author focuses on the description of the village of Velikiy Dvor located in the Taldom area of the Tver Province (nowadays – Moscow Region). This village whose history spans for about two hundred years reflects the history of the whole country. Peter the Great's state, social and economic reforms gave birth to the rapid development of the craft of shoemaking – the main employment of peasants not only within the borders of this village, but also in other villages and cities of the Russian Empire, especially in Moscow and St. Petersburg.

Key words: historical and statistical description, pre-revolutionary period, Russian village.

Первое упоминание о деревне Великий Двор Талдомского района Тверской губернии (ныне – Московской области) относится к 1719 г.: император Петр Великий для удовлетворения нужд первой российской регулярной армии прилагал немало усилий для создания кожевенно-обувной мануфактуры, привлекая к этому средства казны. Это стало экономическим стимулом для развития уже существовавших центров обувного производства, таких, как верхневолжские Кимры и близлежащие селения [20], в частности Великий Двор вместе с соседними деревнями Лебзино, Ябдино, Сляднево и Людятино. Несколько позднее Великий Двор Талдомской волости Калязинского уезда Тверской губернии упоминается в материалах Генерального межевания 1784 г. как деревня.

В 1823 г. деревней владел гвардии прапорщик Николай Осипович Кожин. Он был из того же рода бояр Кожиных, к которому принадлежал и святой преподобный Макарий Калязинский. Кроме Великого Двора, Николай Осипович владел в 1793-1834 гг. деревней Пригары Талдомской волости [11, 59].

С 1835 по 1846 гг. государственные крестьяне Калязинского уезда относятся к Кимрской вотчине графини Самойловой-Литте. В 1846 г. все 52 селения этой вотчины, состоявшей тогда из более 3000 «наличных душ обоего пола», поступили в казенное ведомство из частного владения графини Самойловой в счет уплаты ею долга государству в размере 495000 руб. Земли за этой вотчиной состояло в Корчевском и Калязинском уездах 17182,5 десятин удобной (для земледелия – А.Т.), 1557,9 десятин неудобной; леса – 8248, 2 десятин удобных и 1624,5 десятин неудобных земель. Деревни, когда-то входившие во владения графини Самойловой, именовались в местном обиходе «кимрскими деревнями». До 1874 г. крестьяне этих деревень состояли на оброке, в соответствии с узаконенным порядком о крестьянах, поступивших в казенное ведомство из частного владения.

Согласно «Списку населенных мест Тверской губернии по сведениям 1859 года», Великий Двор располагался «по правую сторону Дмитровского тракта (из Калязина в Москву) [23, 15.]. Положение свое имел – «при колодце», т. е. вдали от реки и считался уже казенной деревней. Священник Л. Крылов, в своем обстоятельном исследовании истории церковей Калязина и Калязинского уезда сетовал в 1908 г., что «...о ...Великом Дворе ни в Писцовых, ни в Переписных книгах нет никакого упоминания» [10, XIX]. Впрочем, по его мнению, это обстоятельство не могло быть объяснено поздним возникновением этого селения. Действительно, по некоторым косвенным сведениям, Великий Двор, наряду с другими русскими селами и городами, был предан огню польско-литовскими отрядами в годы Великой Смуты на Руси в начале XVII века. Множество русских поселений, разрушенные в то нелегкое для Руси время, так и не смогло впоследствии восстановиться, получив обозначение бывшего человеческого жилья – «пустошь». Таких пустошей по России XVII столетия образовалось довольно много. Мы и сейчас в названии той или иной местности встречаем это слово – «пустошь», словно напоминание о далекой и одновременно близкой драматичной истории нашей. Об этом же упоминается в трудах В. Соловьева, В. Ключевского и Н. Карамзина. Однако в отличие от некоторых других сел, городов и деревень, Великий Двор восстал из пепла и постепенно возродился.

В «Генеральном соображении по Тверской губернии 1783-1784 гг.» о жителях Калязинского уезда, к которому относился и Великий Двор, читаем: «Крестьяне здешние имуществом не бедны. Сенокосов имеют достаточно, а потому держат излишнее количество скота, вследствие чего лучше «удабривают» землю и ежегодно по быку, по овце и по свинье продают, присовокупляя к тому несколько коровьего масла, яиц, творогу, грибов и других мелочных продуктов, а всем тем выручают до семи-восьми рублей. А как сих денег недостаточно крестьянину на ежегодные расходы, то и находится он принужденным приобретать промыслы (в частности – башмачное – А.Т.), что ему тем удобнее сделать можно, чем менее прилепляется он к одному промыслу; но упражняется в разных, получает до 10 рублей и более, коими платит подати и всякие поборы. Будучи же с сей стороны обеспечен, а в хлебе не имея недостатка, препровождает жизнь не бедную» [5, 50].

В Камеральном описании Калязинского уезда, жители характеризуются следующим образом:

«Калязинские уездные жители не малого росту, собою стройны, лицом не дурны; волосом русы; не глупы, веселы, проворны, смелы и заботливы; ведут жизнь довольно здоровую, но до 90 лет редкие доживают, а умирают по большей части между 60 и 80. ... Болезни обыкновенные: горячки и лихорадки, по зимам кашли; страдающих хроническими болезнями мало. Малолетние более умирают оспой и поносами» [5, 50].

В середине XIX столетия Великий Двор все еще оставался деревней, т. к. не имел собственной церкви, вследствие чего относился к Талдомскому Михаило-Архангельскому церковному приходу. В сборнике статистических сведений по Тверской губернии за 1890 г. указывалось, что в 1888 г. в Великодворском крестьянском обществе число дворов насчитывается – 82, число семей – 111. Мужского населения – 251 душ, женского – 283. Всего – 534 человека обоего пола.

В возрастном делении лиц мужского пола среди них в 1888 г. было:

1. До 8 лет..... 38 душ;
2. От 8 до 14 лет..... 33 души;
3. От 14 до 18 лет..... 23 души;
4. От 18 до 60..... 126 душ;
5. От 60 лет и старше..... 31 душа;

ИТОГО: 251 душа.

Среди лиц женского пола в 1888 г. насчитывалось:

1. До 8 лет..... 43 души;
2. От 8 до 14 лет..... 34 души;
3. От 14 до 16 лет..... 7 душ;
4. От 18 до 55..... 139 душ;
5. От 55 лет и старше..... 60 душ;

ИТОГО:..... 283 души.

Среди них проживало 7 человек «убогих» – четверо мужчин и три женщины, неспособные по разным причинам к труду. Кроме того, трое крестьян проходили действительную военную службу «в солдатах». Так называемых «отсутствующих» в деревне семей, т. е. находящихся на сапожных и башмачных промыслах в больших городах, насчитывалось 23 семьи, в коих 38 душ мужских и 32 – женские. Всего 70 человек. «Постороннего», т. е. пришлого населения в деревне было 9 семей, 38 душ: 14 мужчин и 24 женщины разного возраста.

Грамотой в 1888 г. в деревне Великий Двор владели 26 мужчин и 4 женщины. Учащимися в местной школе были 4 мальчика. Семей хотя бы с одним грамотным было 26, с учащимися – 3, с грамотными и учащимися грамоте – 6.

В том же 1888 г. в Великом Дворе имелось 2 башмачные мастерские, 3 лавки, трактиров и питейных заведений – также 3.

Усадебной земли в Великодворском крестьянском обществе было 524 десятины; пахотной земли – 330 десятин; заливные луга отсутствовали; полевой сенокос проходил на 210 десятинах; сенокос на пустошах – 450 десятин. Сена накашивалось ежегодно по 32 160 пудов. Выгон осуществлялся на 3 десятинах земли. Из строевого леса деревенскому обществу принадлежало 30 десятин, дровяного леса 20 десятин. Кустарниками занято 288,9 десятин. Вообще, как писал автор «Генерального соображения по Тверской губернии», «...лесу по Калязинскому уезду везде довольно...» [5, 52].

Земля была надельной (*от слов «наделять», «обеспечивать»* - А.Т.). Число владений участков – 2 десятины. Душевых наделов, т. е. на все население деревни – 270 десятин. Удобной к возделыванию земли в Великом Дворе насчитывалось в 1888 году 1355,9 десятин; неудобной 34,9 десятин. Всей земли в Великодворском крестьянском обществе на тот год имелось 1390, 8 десятин.

Посевов (в четвертях):

- рожь на надельной земле – 96 четвертей;
- овес – 167 четвертей; ячмень – 29,4 четверти.

Крестьянское хозяйство без домашнего скота представить невозможно, поэтому в Великом Дворе в 1888 г. имелось:

- лошадей – 83 взрослых и 4 молодняка;
- коров и быков – 122; нетелей – 25, телят – 48;
- овец – 71; свиней – 6.

Далеко не все в Великом Дворе в 1888 г. жили одинаково: 40 хозяйств было безлошадных, с одной лошастью – 60, с двумя лошадьми – 10, с тремя и более – 1 хозяйство. Не имеющих в крестьянской усадьбе коров насчитывалось 28 хозяйств, с одной коровой – 52 хозяйства, с двумя коровами – 25 хозяйств, с тремя – 6 хозяйств. Без лошади и без коровы в 1888 г. было 25 деревенских хозяйств.

Почвенные условия в Великом Дворе, как и во всей Талдомской волости, по своему строению ничем особенно привлекательным не отличались. Большая часть, за исключением немногих островков серой и серопесчаной земли, покрыта подзолистой почвой. Ее по физическим и химическим свойствам относили к самому худшему из всех разрядов сельскохозяйственных почв в Калязинском уезде.

К тому же отмечалось присутствие так называ-

емых «подпоров». Подпоры эти «вязки, слизисты и холодны, что при общей незначительности питательных веществ делает их крайне неблагоприятными» для возделывания сельскохозяйственных культур. Один крестьянин отзывался о подпоре следующим образом: «место, кажись, и не очень низкое, а весной лошадь утопишь» [21, 5].

Передел земли, при котором земли нарезались по-новому, в последний раз был в 1885 г. С 1888 г. крестьяне начали выкупать находящуюся в их пользовании землю и обязались остающуюся сумму государственного долга, с причитающимися процентами в размере 260646 руб. 98,5 коп, выплатить казне в течение 49 лет (с 1874 по 1921 гг.), с оплатой ежегодно от крестьянского общества по 13642 руб. 22 коп.

В этническом отношении состав крестьянского населения Калязинского уезда в названные годы отмечен исследователями как «однородный, все население принадлежит к великорусскому племени» [5, 52]. В религиозном отношении как раз однообразие не наблюдалось, т. к. с давних пор в уезде укоренилось старообрядчество. В исследовании не указывается, пришлые ли это люди, или коренные, однако всего в уезде в 1888 г. официально насчитывалось 656 «раскольников» обоого пола. Неофициальная цифра была гораздо большей – 835 душ обоого пола [5, 55].

Исследованием 1888 г. отмечено, что почти 10% семей Калязинского уезда по причине так называемого «отхожего» башмачного промысла не живет постоянно в тех общинах, к которым приписаны. В Талдомской волости таких семей насчитывалось 341, т. е. 8,5%. В Великом Дворе временно отсутствующих семей было 23, состоящих из 70 чел: 38 мужчин и 32 женщины разного возраста.

Крестьянская община деревни Великий Двор отбывала перед государством различные повинности:

Наименование повинности	Сумма
1. Государственные подати.....	48 руб.
2. Выкупные платежи.....	1416 руб.
3. Земский сбор.....	321 руб.
4. Волостной сбор.....	255 руб.;
5. Мирские расходы.....	258 руб.;
Всех названных платежей.....	2295 руб.
Кроме всего названного:	
1. Страховых платежей.....	856 руб.
2. Сбор на пастуха и быка.....	200 руб.
3. Недоимки в 1888 г. составляли.....	65 руб.

Последнее до революции статистическое исследование всего Калязинского уезда, и в том числе деревни Великий Двор, проводилось под руководством статистиков В.П. Никитина в 1912 г., К.И. Притыкина – в 1913 г., и их помощников – В.А. Казанского и В.Я. Браве, а также персоналом как постоянных, так и временно приглашенных сотрудников отдела из числа преимущественно преподавателей высших учебных заведений. Задачей подворной переписи, произведенной Оценочно-статистическим отделом Тверской губернской земской управы в течение летне-осеннего периода 1912 и 1913 гг., был сбор статистических данных в отношении хозяйственно-экономического положения губернии. На основании этого материала предполагалось установить разделение губернии на местности и районы, различные по тем или иным признакам, и изучение оценочных факторов на основе этого деления. В результате проведенной работы в Великом Дворе Талдомской волости Калязинского уезда в 1912-13 гг. было зафиксировано следующее.

Крестьянское сельское общество по-прежнему именовалось Великодворским. Разряд крестьян – бывшие государственные (казенные). От уездного города Калязина находится в 60 верстах; от Талдома Савеловской ж.д. – 10 верст; от Талдомского волостного правления – 8 верст. Число приписных хозяйств – 91; отсутствующих в селе по разным причинам семей – 49; посторонних семей – 2. Население в 1912-1913 гг. Великом Дворе в возрастном отношении распределялось следующим образом:

– мужского пола до 1 года – 2 души; от 1 года до 4 лет – 13 душ; от 5 до 7 лет – 21 душа; от 8 до 11 лет – 27 душ; от 12 до 13 лет – 13 душ; от 14 до 17 лет – 29 душ; от 18 до 59 лет – 106 душ; от 60 и старше – 18 душ. Всего лиц мужского пола: 229 душ. В это число входили и трое солдат, находящиеся на действительной военной службе;

– женского пола до 1 года – 12 душ; от 1 года до 4 лет – 24 души; от 5 до 7 лет – 24 души; от 8 до 11 лет – 21 душа; от 12 до 13 лет – 12 душ; от 14 до 15 лет – 13 душ; от 16 до 54 лет – 112 душ; от 55 и старше – 44 души. Всего лиц женского пола: 262 души. Итого лиц обоого пола на 1913 год – 491 человек [19, 226].

Грамотных в Великом Дворе в то время насчитывалось: 101 мужчина и 80 женщин. Итого – 181 человек. Учеников церковно-приходской школы в возрасте от 8 до 11 лет: 12 мальчиков и 8 девочек. Не обучались в школе по разным причинам

два мальчика и две девочки в возрасте 12-13 лет.

В отношении животноводства: хозяйств в 1912-1913 гг. в Великом Дворе, имеющих к 1913 году скот, насчитывалось – 67. Всего крупного рогатого скота было 151 животное, среди которых:

– лошадей – 51 в рабочем состоянии, 1 – в нерабочем, 1 жеребенок;

– коров – 77, быков – 2 нетелей и бычков – 7, телят – 33; овец – 47, свиней – 7;

Число хозяйств без лошадей – 20; без коров – 2, без коров и лошадей – 14, без всякого скота – 24 хозяйства.

В отношении промыслов: общее число хозяйств с промышленниками (*крестьянами, занятыми в башмачном промысле – Т.А.*) – 81, куда входило 275 лиц обоого пола (151 муж. и 124 жен.). Число хозяйств с таким, по сути, местным промыслом, когда промышленникам-башмачникам не надо было уезжать за пределы деревни – 59, в котором было занято 158 лиц обоого пола:

– мужчин: детей – 5 чел., «полурабочих» – 14 чел., «рабочих» – 62 чел., стариков – 5 чел. Итого – 86 лиц мужского пола;

– промышленников-башмачников, работающих в своем заведении – двое мужчин, одна женщина; в «своем селении» – 83 мужчины и 70 женщин; в «своем уезде» – один мужчина и одна женщина;

– промышленников-башмачников, «отрывающихся» от сельхозработ:

– совсем: 17 мужчин и 18 женщин;

– частично: 25 мужчин и 14 женщин;

– не отрывающихся – 43 мужчины и 40 женщин;

– промышленников безземельных – 1 мужчина.

Количество деревенских хозяйств с отхожим (башмачным) промыслом – 48. В них занято:

– 64 чел. мужского пола: 10 мальчиков; 15 «полурабочих» и 39 «рабочих»;

– 52 чел. женского пола: 6 девочек, 5 «полуработниц», 40 «работниц», 1 старая женщина.

Всего отхожим башмачным промыслом в 1912-1913 гг. в Великом Дворе занималось 116 лиц обоого пола [19, 226].

По словам священника Л. Крылова, «башмачный промысел доставляет населению постоянный и довольно значительный заработок, заполняя у крестьянина все время, свободное от работ, сопряженных с обработкой земли. Обеспечив на весь год семью хлебом, топливом (из мирской, надельной и купленной земли), крестьянин-башмачник своим мастерством добывает деньги на

уплату казенных податей и всяких сборов – земских, волостных, общественных, на годовые праздники, на всякие домашние расходы [10, 77]. При наклонности к заведению хорошей одежды (*так в тексте* – А.Т.), обуви, к сытному питанию, – к которому башмачник привыкает, будучи мастером, – ... крестьяне проживают все, что добывают. Если дела идут порядочно, наш крестьянин стремится выстроить новый дом. Дома ставят высокие, с большими окнами, разделенные на две половины – чистую и кухню. Поэтому в последние шесть лет, по наблюдениям священника Л. Крылова, некоторые селения перестроились почти вновь и изменились к лучшему совершенно.

В 1901 году закончилось строительство железной дороги Москва – Савелово. Около села Великий Двор появилась железнодорожная платформа Лебзино. Большую сумму денег на ее устройство внес крупный местный торговец обувью Смирнов, проживавший в деревне Лебзино. Через эту платформу он отправлял продукцию в Москву, Петербург и другие города России. Эта платформа существует и поныне, принимая и отправляя в Москву и Савелово как жителей села, так и многочисленных дачников.

На почти двухсотлетнем периоде развития этой деревни отразилась история всей страны. Государственные социальные и экономические реформы Петра I послужили причиной активного развития башмачного промысла – основного занятия крестьян бассейна Верхней Волги; частный случай экономического характера – долг перед государством, произошедший с графиней Самойловой-Литте, стал причиной выхода местных крестьян из состава крепостных и включения их в состав государственных, с существенным послаблением их жизни и появлением возможности развивать башмачный промысел не только в границах своей деревни, но и в других городах Российской империи, главным образом в Москве и Санкт-Петербурге.

Люди в маленькой деревне с громким названием «Великий Двор» живут здесь веками. Кто-то уезжает навсегда, кто-то возвращается, ибо здесь его малая родина. Жизнь не стоит на месте, и история Великого Двора продолжается.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. Акты 1587-1627 гг. М., 1913.
2. Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. М.-Л., 1936.
3. Веселовский С.Б. О происхождении названий некоторых древнейших селений Подмосковья. //Подмосковье. М., 1955.
4. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 2003.
5. Генеральное соображение по Тверской губернии 1783-1784 гг. Тверь, 1783.
6. История сел и деревень Подмосковья XIV – XX вв. Вып.1-3. М., 1992-1993.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2005.
8. Карманов Д. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893.
9. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.-Л., 1937.
10. Крылов Л. Материалы для истории церквей Калязина и сел Калязинского уезда. Калязин, 1908.
11. Крылов Л., Село Троицкое, что в Вязниках. Тверь, 1905.
12. Клычков С.А. Собр. соч. в двух томах. Т. 2. Чертухинский балакирь. М., 2000.
13. Ключевский В. Лекции по русской истории. Ч. 1-2. М., 2000.
14. Материалы Генерального межевания России XVIII в. Московская и соседние губернии. ЦГА-ДА, Ф. 1356. Оп. 1. Планы и карты; Ф. 1355. Оп. 1. Текстовые материалы.
15. Покровцев В. (сост.). Историко-статистическое описание Тверской губернии. Т. 1. Исторический очерк губернии, ее территории и народонаселения. Тверь, 1879.
16. Писцовые книги Московского государства. Писцовые книги XVI в. / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1872.
17. Полное собрание русских летописей. Указатель к первым восьми томам. Отд. 1. Указатель лиц. СПб., 1898; Отд. 2. Указатель географический. СПб., 1907.
18. Поспелов Е.М. Топонимический словарь Московской области. М., 2000.
19. Сборник материалов для оценки земель Тверской губернии. Т. 7. Калязинский уезд. Вып. 3. Сведения о крестьянском хозяйстве. Тверь, 1920.
20. Талдомские хроники [сайт] URL: www.taldomskie-hroniki.ru. (дата обращения 28.06.2010).
21. Сборник статистических сведений по Тверской губ. Т.5: Калязинский уезд. Тверь, 1890.
22. Соловьев В. История России. М., 2000.
23. Списки населенных мест Российской Империи. Составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства Внутренних Дел. Обработал ред. Иван Вильсон. Вып. 43. Тверская губерния. СПб., 1862.
24. Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1964.

УДК 94(47)

Белов А.В.

Институт российской истории РАН (г. Москва)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕТИ ГОРОДОВ И ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII – XIX ВВ.

A. Belov

Institute of Russian History of RAS, Moscow

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF THE NETWORK OF TOWNS AND TOWN SETTLEMENTS IN RUSSIA ON THE BOUNDARY OF THE 18th-19th CENTURIES

Аннотация. Изучение городов Российской империи дореформенного периода неизменно наталкивается на проблему определения характера поселения. Опираясь на источники, автор анализирует, какие поселения и почему относили на рубеже XVIII – XIX вв. к городам, а также иным типам, которые в тот период сами современники официально городами не именовали, но ставили их в один ряд с ними. Этот подход позволяет не только определить число, выделить основные типы и группы городов и близких им поселений, но и осмыслить нормы исторического времени, на основании которых они получали свой статус.

Ключевые слова: город, сеть и типы городских поселений, функции города, крепость, дореформенный период.

Abstract. The study of towns of Russia of the pre-reform period invariably encounters the problem of the character of settlements. On the basis of existing researches, the author analyses what settlements were called towns officially or classified as similar to towns, and why, on the boundary of the 18th -19th centuries. This approach allows not only to define the number and allocate the basic types and groups of towns and settlements close to them, but also to comprehend the norms of the historical period which gave them their status.

Key words: town, a network of town settlements, town functions, fortress, pre-reform period.

Постановка проблемы. Изучение городов определенного периода не требует точного учета абсолютно всех городских поселений. Как правило, интерес для историка представляет не отдельный объект, а устойчивый тип или глобальный процесс, получивший свое отражение в жизни города [7, 24]. Поэтому в научной работе различные города сливаются в общую картину. Исключения существуют, но они носят особый характер, обусловленный чрезвычайным статусом объекта исследования (например, столичные города), или личным интересом исследователя, обусловленным, например, сохранностью фондов местных учреждений [1, 20]. Иное дело, когда интерес обращен на городские поселения отдельно взятого региона. Сформированная ими сеть не допускает неполноты, т. к. каждый ее элемент играет свою роль в этой не случайно возникшей комбинации, а значит, не может быть оставлен без внимания.

Изучение сети городов и городских поселений, таким образом, требует обязательного ответа на три вопроса. Первый: каково было количество поселений, составляющих городскую сеть края? Второй: какие именно типы поселений формировали ее? Третий: каков был их официальный статус?

Не смотря на близость к нам рубежа XVIII–XIX вв. дать ответ на эти вопросы крайне непросто. Мы даже элементарно не знаем, в какой год этого непродолжительного отрезка времени какое число городов существовало. Тем более, – какие именно типы поселений можно отнести к «городским». А значит, не можем оценить их как часть городской сети края.

Причина этого странного парадокса, по крайней мере, тройка.

Во-первых, на рубеж XVIII – XIX столетий пришлось административные преобразования сразу трех императоров. Статус города неоднократно то давали, то отменяли, то трансформировали в родственный тип посада, то возвращали вновь. Эта, без преувеличения, чехарда создала большую путаницу, которая не разобрана и по сей день.

Во-вторых, термин «город» использовался в контексте своего времени. Его нормы отличны от наших сегодняшних представлений. Поэтому, что относить к городу и на каком этапе? – все еще не имеет внятного ответа. А без него начинать исследование бессмысленно.

Самый простой способ решения задачи – идти по пути изучения только тех поселений, которые официально именовались городами в законах или официальных делопроизводственных материалах. Но в нашем случае это невозможно, т. к. обозначение поселения городом в официальных документах не всегда имело отношения ко всем его функциям. Тем более, что были типы городских поселений, которые их выполняли, хотя официально городами не назывались. И даже, более того, относились к другим официальным типам поселений.

Кроме того, в процессе неоднократных административных преобразований рубежа XVIII – XIX столетий официально приписываемые поселениям статусы могли не раз меняться. В том числе и по субъективным причинам. В результате за рамками исследования пришлось бы оставить объекты, требующие внимания. А изучение сети городов края (как мы уже показывали) – это обязательное рассмотрение всего многообразия составляющих его поселенческих форм.

В-третьих, традиция исследования города тесно связана с утверждением развития капитализма (как магистрального пути) и попыткой обнаружить его ростки. Но конец XVIII в. (да и многие последующие годы) истории России – это зачастую иная реальность. В частности, для дореформенного периода уровень экономического развития не имел кардинального значения при определении статуса поселения.

В связи с установкой рассматривать русский город с позиций развития капитализма и западного общества, прочие формы существования, присущие именно русскому городу в дореформенное время, оставались (как правило) вне внимания. Хотя еще в 1990 г. Б.Н. Миронов писал о необходимости оценивать русский город того времени не через призму применяемых теорий, а так, как его видели сами современники [3, 16].

Пути поиска ответа. Источник. Помочь разрешить путаницу в вопросе о числе и типах городов и городских поселений, существовавших в России на стыке правлений Екатерины II, Павла I и Александра I, может составленный в последние годы правления императора Павла I справочник

городов [6]. Изданный в интервале между концом 1797 г. и началом 1800 г., он составлялся как приложение к «Российскому атласу из сорока трех карт» 1800 г. [5]. Таким образом, «Российский атлас» 1800 г. и «Росписание» своим появлением подводили итог череде административных преобразований Павла. Это, во-первых, важно в связи с тем, что они фиксировали новое положение вещей, установившееся за период этого сложного правления.

Второе, чем важен данный источник, – это неизменным указанием официального статуса поселения, его типа. Этот подход вообще характерен для официальных материалов дореформенного периода¹.

Первый раздел справочника посвящен только штатным городам – губернским и уездным центрам. Города, лишенные статуса административного центра, приводятся без каких-либо пояснений, но в своем, втором «отделении» справочника. Прочие присутствующие здесь же имеют обязательное указание на их официальный статус.

Таким образом, слово «город» используется в «Росписании» применительно только к «штатным» и «заштатным» городам. В том случае если поселение прежде не имело статуса города, а являлось, например, крепостью, но со временем получило городской статус, – слово «крепость» полностью удалялось из его названия и заменялось на новое [6, 10].

Содержащаяся в справочнике информация не только позволяет определить официальный статус и типы городов и близких им поселений, но и понять правила того времени в трактовке такого явления, каким является город. В совокупности с другими (в первую очередь законодательными) документами «Росписание» способно дать ответы на интересующие нас вопросы о числе городов, их статусе, типах, особенности распространения по территории страны и т. д.

Типы городов и городских поселений. На основании «Росписания» и законодательных актов можно выделить восемнадцать различных типов городов и городских поселений. Каждый из них носил официальный характер и помимо «Росписания» неоднократно фигурировал в различных указах и распоряжениях².

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее: ПСЗ-1). Т. 28. № 21582.

² ПСЗ-1. Т. 20. №. 14634; Т. 25. 18549; Т. 27. № 20245; и др.

Деление городских поселений по типам происходило в конце XVIII в. по двум доминирующим признакам: административному статусу и распространению на жителей прав и свобод городских обывателей.

Согласно **административному критерию** определения города под ним понималось поселение, которое в первую очередь являлось центром своей округи (уезда или губернии). С этой точки зрения только административный центр являлся городом и мог именоваться так в официальных документах. Это традиционная для России оценка, восходящая к периоду формирования территории страны и национальным особенностям ее организации. В соответствии с ними – город и его уезд нерасторжимы. Уезд как территориальная структура, существующая «вокруг крупных городских центров», начала формироваться не позднее конца XIV в. [2, 105]. В итоге структура оказалась настолько устойчивой, что пережила нововведения Петра Великого, отменившего уезды. Возвращение к системе уезд–город произошло практически сразу после смерти царя-реформатора [4, 255-256].

Появление заштатных и безуездных городов не является исключением из этой практики. На этом этапе они зачастую сами являлись бывшими уездными центрами, потерявшими ответственность за территории, в связи с административными сокращениями Павла I.

Присуждение статуса заштатного безуездного города во многом было связано с личными желаниями самого императора Павла. Процесс смены статуса не был столь подготовлен и осмыслен, как осуществляемое при его матери учреждение и отмена статуса городов. Во второй половине девяностых годов XVIII в. число городов определяли на самом верху и оттуда «спускали» в административном порядке для выполнения губернаторам¹. Поэтому эти нововведения были стремительными и не отринули старых норм и традиций. Даже при этом императоре Павле, в случае назначения нового города, особо оговаривалось, что он не будет обладать своим уездом. Как, например, это было с Павловском². Кроме того, сохранение за безуездными городами наименования «город» связано со вторым, сословным критерием.

Второй критерий классификации городов в конце XVIII в. – сословный статус их постоян-

ных жителей. В ходе реформ заключительного периода царствования Екатерины II сословия городских обывателей были наделены неотторжимыми правами на ряд привилегий (хозяйственных и административных). С этой точки зрения заштатные и безуездные города, не являвшиеся уездными центрами, сохраняли статус и право именоваться городом в связи с тем, что их население официально оставалось принадлежащим к шести городским группам, сохранявшим за собой соответствующие права и привилегии. Будучи лишены части этих привилегий, поселения все равно могли сохранить официальный статус города (как заштатного) или быть переведены в разряд посадов. Низведение до уровня сел, а жителей – до статуса крестьян, практиковалось редко. Да и то в основном на этапе административной реформы Екатерины II. Павел I старался избегать подобных действий, т. к. они ударяли по интересам жителей, терявшим ранее дарованные им привилегии³. Той же политики в отношении городов придерживался и Александр I⁴.

Таким образом, согласно нормам рубежа XVIII – XIX вв. существовало два основных типа городских поселений. Те, кто имел права именоваться городом. Условно можно назвать их «официальными» городами (имевшими право так именоваться в официальных документах). И те, кто такого права не имел, что, впрочем, не делало их в глазах современников и сельскими поселениями (селом, деревней или сельским посадом).

К первым «официальным» городам, относились столичные, губернские и уездные центры; столица Донского казачества город Черкасск; заштатные и безуездные города, городские обыватели которых сохранили свой статус. Все эти поселения делились на «штатные» (уездные) и «внештатные» (безуездные).

Ко второй категории составители справочника отнесли различные городки, местечки, некоторые слободы, большой круг крепостей и некоторые другие поселения. Они, как мы видели по материалам «Росписания», ставились в один ряд с официальными городами, хотя по логике своего времени официально городами называться не могли. Поэтому и мы обозначаем их не как города, а как городские поселения.

Между «официальными» и «неофициальными» городами находился посад – поселение, за-

¹ ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. С. 396-397.

² ПСЗ-1. Т. 24. № 17540.

³ ПСЗ-1. Т. 24. № 17875.

⁴ ПСЗ-1. Т. 27. № 20235, 20942.

нимавшее особое, промежуточное положение между двумя основными группами. Населенные представителями городских сословий, обладавшими не полным набором прав городского состояния, посады были ближе к официальным городам. Н.А. Четырина трактовала посад как «особый тип городского поселения» [8, 4].

Численность городских поселений. Особенности и закономерности их распределения по территории страны. Всего в последние годы XVIII в., согласно материалам «Росписания», в Российской империи существовало 904 объекта (редуты укрепленных линий, как заведомо не относящиеся к группе городских поселений, мы не рассматриваем), которые могут быть отнесены к городам и городским поселениям. Восемьдесят процентов из них имели право официально именоваться городами. Половина (48%) – носили обозначение «штатных» городов. В том числе: два столичных; сорок один губернский; один город-столица земли казачьего войска (Донского); и 386 уездных. Двести шестьдесят четыре города были «внештатными» («города без уездные, оставшиеся за штатом»). Это одна треть от числа всех городов и городских поселений.

Как видим, абсолютное большинство принадлежало поселениям, обладавшим официальным статусом города. Причина этого – в крайне устойчивом представлении современников о городе как центре своей земли (уездный центр).

«Штатные» города насчитывали практически половину от числа всех городских поселений империи. Однако и безуездные, и заштатные являлись весьма заметным явлением в городской сети страны, составляя около одной трети.

Второе место после «официальных» городов принадлежало крепостям. Несмотря на то, что с точки зрения историографии эпоха средневековья в России минула, удельный вес крепостей среди всех городских поселений был все же весьма ощутим – 15%. Вместе с острогами и прочими «укреплениями» их доля составляла почти одну пятую часть от числа всех поселений.

Остроги, которые можно отнести к крепостям, являлись атрибутом практически единственной Иркутской губернии (16 и 18). Два других располагались на территории Тобольской. Таким образом, они являлись специфичной формой городской сети именно Сибири.

Подавляющее число укреплений, крепостей и острогов (90%) находилось в составе всего пяти губерний: Иркутской, Тобольской, Новороссий-

ской, Оренбургской и Малороссийской. Здесь сказывалось как огромные просторы, так и пограничное положение. А в случае с Новороссией и Малороссией еще и быстрое расширение границ страны.

Третье место среди типов городских поселений занимали местечки (3%). Данная форма была не типичная для России ни качественно, ни территориально, являясь проявлением чужой традиции: практически полностью местечки располагались на территориях, перешедших из состава Польши.

Поселения при заводах и других центрах хозяйственной активности, которые по логике развития капитализма, должны были играть заметное место среди прочих городских пунктов, попросту терялись среди них – одиннадцать поселений (всего один процент)! Причем все они (кроме единственного) являлись атрибутом исключительно Сибири, наполняя Тобольскую (7) и Иркутскую (3) губернии. Удельный вес всей группы с пристанями, портами и Коренной курской ярмаркой не превышал двух процентов.

Если говорить о распределении городов по территории страны, то здесь наблюдается закономерность, напрямую связанная с размерами административных единиц. Наибольшее число городских поселений приходилось на территорию Сибири, Оренбурга, Новороссии и Малороссии. Средняя величина городов на губернию в пределах современной Центральной России составляло пятнадцать.

Выводы. Сеть городов и городских поселений страны (или одного из его регионов) – по природе своей сложная и не однотипная конструкция. К ним относились как поселения, официально именовавшиеся словом «город» по правилам своего времени, так и не относящиеся к этой группе. Последние также выполняли городские функции и ставились современниками в один ряд с «официальными» городами, отделяясь от поселений сельских.

В практике России дореформенного периода официальный статус города придавался в первую очередь уездным центрам. Город воспринимался неотторжимо от этого качества. Наличие промежуточных групп – результат в первую очередь перестройки павловского времени. Вторым важным признаком города являлся социальный статус его основного постоянного населения.

Между официальными городами выстраивалась строгая иерархия: столичные города, гу-

бернские и уездные центры, за- и внештатные города.

Типы всех городских поселений носили официальный характер, что предусматривало определенный статус.

Для дореформенного времени характерно большое число различных типов поселений, т. к. в основе их классификации возможно было использовать одновременно целый ряд критериев. Например, города, имеющие «от государев жалованных грамат привилеги[и]»¹. Но с опорой на рассматриваемый нами справочник, в рамках описываемых в нем «официальных» и «неофициальных» городов, можно выделить приблизительно восемнадцать крупных типов поселений. Составляющие весьма пеструю картину, они при этом вполне соответствовали реалиям своего исторического времени, когда новые хозяйственные тенденции не получили еще должного развития, и одновременно сохранялись различные пережитки и традиционные формы. Какого-то общего мнения о термине «город» сформировано не было. Продолжало бытовать отождествление понятий «крепость» и «город». Наименование поселений городами не всегда соответствовало их сущности. Городская сеть Российской империи в том виде, в котором ее приняли Екатерина II и Павел I, сформировалась в реалиях исторического пути, географии и традиций разных стран и даже частей света. Поэтому ряд поселений заметно выбивались из общей канвы. Многие из бытовавших типов были собраны из разных практик: национальных (местечко), историко-

географических (острог, крепость). К началу XIX в. их унификация в рамках единого государства фактически только начиналась. Завершение этого процесса было делом наступающего девятнадцатого столетия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. 403 с.
2. Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника (Акты X-XVI вв.). М., 1996. 265 с.
3. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. 272 с.
4. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. 743 с.
5. Российский атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию империю разделяющий. СПб., 1800.
6. Росписание губернским и уездным штатным городам, по новому разделению губерний устроенным с показанием разстояния от обеих столиц и от губернского города. СПб. 37 с.
7. Середа Н.В. Современная историографическая ситуация и проблемы изучения русского города // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV-XVIII веков. Материалы научной конференции. Тверь, 1999. 254 с.
8. Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). М., 2006. 320 с.

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 16. Оп. 1. Д. 375. Л. 2об.

УДК 94 (470) "1850/1860"

Малютин Г.А.

Московский государственный областной университет

**ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В СТАТЬЯХ М. П. ПОГОДИНА
1850-х — НАЧАЛА 1860-х гг.**

G. Malyutin

Moscow State Regional University

**POLISH QUESTION IN ARTICLES BY M.P. POGODIN
IN 1850-s — EARLY 1860-s**

Аннотация. Статья посвящена освещению польского вопроса в публицистическом наследии М.П. Погодина периода от начала Крымской войны до начала польского восстания 1863 г., в котором отражено отношение Погодина к Польше и к полякам. Рассматриваются планы публициста по дальнейшему развитию Царства Польского в новой фазе существования во время и после Крымской войны. Анализируются территориальные споры между поляками и русскими вокруг Западных губерний империи, входивших ранее в состав Речи Посполитой. Разбираются варианты решения Погодиным данной проблемы и определение границ в регионе.

Ключевые слова: Царство Польское, русские, поляки, Западные губернии, М.П. Погодин, панславизм, славянский союз.

Abstract. The article deals with the 'Polish question' in the publicist heritage of M. P. Pogodin relating to the period from the beginning of the Crimean War to the Polish rebellion of 1863. M. P. Pogodin's articles represent his attitude to Poland and the Poles as a nation. The article considers the publicist's plans concerning the new phase of the development of the Polish Kingdom during the Crimean War and in the post-war period. The article also analyses the territorial arguments between the Poles and the Russians over the western provinces of the Russian Empire, which were formerly part of Rzecz Pospolita. It investigates Pogodin's variants of solving this problem and his idea of determining the borders of the region.

Key words: the Polish kingdom, Russians, Poles, Western provinces, M. P. Pogodin, pan-Slavism, Slav alliance.

М.П. Погодин внёс ощутимый вклад в развитие и понимание польского вопроса в XIX в. Целью статьи является анализ его публицистики периода относительно стабильного сосуществования русских и поляков между восстаниями, когда мыслитель мог достаточно взвешенно и не слишком предвзято оценивать данный вопрос.

Историография польского вопроса относится к разряду фундаментальных проблем в исследовании идеи славянской цивилизационной идентичности. Оказав значительное воздействие на генезис и эволюцию славянских доктрин, исповедуемых различными кругами национально мыслящей русской интеллигенции, польский вопрос стал камнем преткновения отечественной панславистской историософии. Среди провозвестников славяно-русской идеи одной из самых крупных, ключевых фигур, по единодушному мнению современников, была личность московского историка М.П. Погодина (1800-1875) [2, 165].

В ещё малоизученном публицистическом наследии М. П. Погодина польская тема занимает исключительное место. Четыре десятилетия она не просто находилась в поле зрения учёного, но буквально приковывала его к себе. Погодин всеми доступными средствами стремился к примирению Польши и России [2, 166].

Всего М.П. Погодину посвящено 22 книги. В дореволюционной историографии важное место занимает труд Н.П. Барсукова о его жизни и деятельности [1, 40-42]. В современной историографии выделяется статья А.Н. Бачинина [2, 165-174].

В 1854 г. во время Крымской войны М.П. Погодин пишет две статьи, посвящённые польскому вопросу. Его первая статья называется «О восстановлении Польши». С самого начала статьи он заявляет,

что Польша может стать свободной¹. Благодаря этому остальные славянские народы, не отказываясь от своей государственности, примкнут к России. И пойдут вместе с Россией одной дорогой. Таким образом, Погодин в 1854 г. убеждал читателей в возможности создания славянского союза [2, 170]. «Не прочнее ли, не полезнее ли нам быть во главе двадцати дружеских государств, нежели питать у своей груди одно враждебное? Обмен кажется выгодный!»² – восклицает Погодин. Тем самым он утверждает, что Польша, находясь в составе Российской империи, не приносит пользы, а только вредит государству и лучше, чтобы она была отдельной страной, а к России присоединились бы более лояльные к ней народы. Он вспоминает про Галицию, которую с уверенностью называет землёй с русским населением и делает робкие намёки на то, что её можно присоединить к России и при этом заменить польских помещиков на русских³. На вопрос о границах новой Польши он отвечает, что она должна ограничиться регионом распространения польского языка. Границы должны пройти по Неману и Бугу. Такие рубежи для России стратегически выгодны, в отличие от границ Царства Польского и Пруссии середины XIX в⁴.

В следующей статье под названием «К Полякам» М.П. Погодин обращается напрямую к польскому народу, как бы полемизируя с ним. Автор перечисляет все основные европейские державы: Англию, Францию, Австрию, Пруссию и их действия по отношению к полякам. Он последовательно пытается доказать, что все эти страны не принесли никакой пользы в дело поляков о восстановлении Польши. По его словам, европейцы использовали поляков для своих целей, а потом ничего не делали для них. Он уделяет особое внимание Франции и её действиям относительно поляков, начиная со времён Наполеона: «Что получили вы за все несчастные жертвы? Ничего»⁵. И даже перед началом Крымской войны, когда можно было воспользоваться службой поляков против России, по словам М.П. Погодина, Франция забыла о поляках⁶. Полякам не стоит надеяться и на англичан, которые считают их

«презренными орудиями, зажигательными ракетами»⁷. Погодин припоминает множество критических по отношению к полякам английских статей, рассматривая их как обидные для поляков⁸.

При рассмотрении действий Пруссии по отношению к полякам автор для усиления своей убедительности и правоты даже не обсуждает немецкие правительства и немецких государей, а переходит сразу к немецкому народу. Он утверждает, что большинство немцев признают Позен (Познань) частью Германии, и одного этого примера достаточно, чтобы поляки отвернулись от немцев и больше не считали их союзниками и не думали помогать им. Ставя себя мысленно на место поляка, русский публицист вспоминает древнюю польскую пословицу «доколе свият стоит свиятом, дотолє не может Немец быть Поляку братом»⁹, и это последний аргумент в доказательстве невозможности польско-немецкого сотрудничества. Эти утверждения относятся и к Австрии.

Все эти рассуждения приводят к одному главному выводу, – что только на востоке может загореться звезда спасения для поляков. Только Россия и русский царь могут быть союзниками поляков в Европе¹⁰. Славянское происхождение поляков и их родство должно способствовать скорейшему сближению с русскими. М.П. Погодин ставит в пример полякам остальных славян, которые, по мнению автора, уже все за Россию¹¹. Он полагает, что пример других славянских народов должен непременно подействовать на польские настроения. Погодин настоятельно отговаривает поляков от участия в войне на стороне противников России, таких, как Турция. Он называет это напрасным делом. Утверждает, что если даже поляки решатся нанести вред России в войне, то большого вреда они не смогут принести, потому что российское государство в любом случае выстоит и быстро оправится от потерь¹². В завершение статьи Погодин говорит, что как русский он считает полезным восстановление Польши, но для этого полякам надо преобразоваться, подружиться по-настоящему с русскими и принять сторону русского царя, который не желает полякам зла¹³.

¹ Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (далее ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 144 об.

² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 144 об.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 148 об.-149.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 149.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 153 об.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 154 об.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 155.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 155-155 об.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 156 об.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 158.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 158 об.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 157-157 об.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 159-159 об.

Каким образом будет восстановлена новая Польша, Погодин в данной статье умалчивает и обходит стороной вопрос о западных губерниях, по всей видимости, считая его не слишком важным и уместным в военное время. Погодин не указывает в статьях, много ли у него русских единомышленников и как и что думают остальные русские о поставленных им вопросах. Публицист называет себя в тексте русским, таким образом, создаётся впечатление, что так же, как он, думает большинство русского общества. Убедительных доказательств этому он не приводит, следует полагать, что он выражал своё собственное мнение в рассмотренных вопросах.

В 1856 г. М.П. Погодин сочинил ещё одну статью под заглавием «Будущность Польши». Он писал её больше месяца и признавался, что ему сложно её писать [1, 40-41]. В статье он сначала уделяет много внимания внешней политике России и её положению в Европе после поражения в Крымской войне. Он утверждает, что страна находится в униженном положении¹. После долгих рассуждений Погодин подходит к польским делам и выдвигает идею о том, что Польша может быть средством для выхода всего государства из кризиса. Она была уязвимой пятой и теперь должна сделаться крепкой рукой. Погодин указывает на вредоносность Польши в составе империи. Из-за Польши Россия поссорилась с европейской публикой, так как та отдаляла от России весь славянский мир. Погодин предлагает при помощи её же исправить и решить данные проблемы: «Как же достигнуть такой блистательной цели? Очень просто. Дайте ей особое собственное управление»². Автор уточняет, что всё равно Польша останется вместе с Империей в нераздельном владении одного государя, но там будет его наместник и управляться она будет сама собою как угодно. Благодаря такому решению европейские державы потеряют повод для постоянных обвинений России и большая часть европейского населения с их общественным мнением перейдут на сторону России. Погодин провозглашает Императора Всероссийского и Царя Польского (автор, несмотря ни на что, сохраняет этот титул за монархом) первым среди европейских государей. Нужно отметить, что главной причиной, из-за которой полякам необходимо дать «собственное управление», у Погодина является внешнеполитическая, а не

внутренняя. Он предлагает это сделать для прекращения западноевропейской антироссийской политики и для улучшения имиджа государства в глазах общественного мнения, настроенного также враждебно к побеждённой и разорённой России. Польша должна стать козырной картой русского правительства [2, 170].

Поляки в Познани и Галиции также потянутся к России и со временем присоединятся к Царству Польскому и увеличат силу Польши и России³. Затем, глядя на поляков, все остальные славяне австрийские и турецкие захотят присоединиться к России. Когда все они объединятся, то их будет около 100 миллионов, и европейцы не станут планировать новую войну с Россией. Здесь выходит на первый план панславистский проект Погодина, в который он включал всех славян. Он отводит особую роль в этом проекте полякам, которые вряд ли бы на неё согласились. Они должны были служить своеобразным образцом управления России своими славянскими владениями. Россия должна стать центром Славянского союза. Погодин игнорировал тот факт, что большинство поляков не хотели жить под управлением России и выступать приманкой для других славянских народов. Но Погодин надеется на благоприятный исход дела и верит, что всё будет происходить тихо, постепенно, без всякого кровопролития, без всяких трудностей и издержек, опасностей, жертвований, без всяких понудительных и возбудительных со стороны России мер, происков, козней, одним словом само собою, по естественному порядку вещей⁴. Каким же образом конкретно это будет всё происходить, – никакого развёрнутого плана автор не даёт. Возможно, он даже надеется на какой-нибудь счастливый случай, либо на русское «авось».

Между тем М.П. Погодин обещает полякам невмешательство России в их внутренние национальные интересы, обещает оградить от внешних опасностей и содействовать своими бесчисленными многообразными средствами «к её преуспеянию»⁵, и из-за этого поляки будут охранять западные рубежи России. Публицист обещает огромные и значительные льготы для Польши в обмен только на её лояльность к русским и согласие защищать границы. Он, по всей видимости, действительно уважал в те времена поляков и хотел для них лучшей доли, чем у них была. И ещё

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 385. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 385. Л. 6 об.

³ ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 385. Л. 7 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 385. Л. 7 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 385. Л. 8.

он страстно хотел привлечь на сторону России остальных западных и южных славян. Действительно, он собирался с помощью Польши решить и государственные задачи, и свои общественно-политические планы по отношению к проектируемому Славянскому союзу.

Далее Погодин переходит к возможным возражениям относительно его планов и поясняет свои намерения и точку зрения. Он пишет, что поляки могут потребовать восстановления прежних границ и выдвигает сразу аргумент, что это возражение старое и не имеет смысла. Погодин утверждает, что поляки не могут претендовать на старые свои завоевания, которые были давно потеряны. Он вспоминает свою формулу: «где говорят по Польски, там Польша, где говорят по Русски там Россия»¹. Русские земли автор не планирует возвращать полякам.

На другое возражение: «Не будет ли пример Польши заразителен для России, и не захочет ли она со временем таких учреждений, какие изберёт Польша?» Погодин отвечает: «Это возражение могут делать только люди близорукие и незнакомые с историею, с характером народов. Россия испокон века жила рядом с Польшею, и между тем в Польше господствовало *liberum veto*, а Россия кланялась беспрекословно Ивану Васильевичу Грозному. Польша до сих пор не известнее у нас, чем Китай; у нас другой характер, другая кровь, другая история, другие обстоятельства. Если придти в Россию так называемой заразе, то она придёт не посредством Польского языка, у нас к сожалению совершенно неизвестного, а посредством Французского...» [1, 42]. Погодин, наконец, признаётся, что знания о Польше и поляках в русском обществе очень скудные. Влияние поляков на Россию тоже незначительно в тот период.

Говоря о доходах, которые должна была бы приносить Польша, М.П. Погодин делает удивительное заявление: «из доходов Царства Польского, Россия, хоть это можем мы сказать с гордостью, не пользовалась до сих пор никогда ни одним грошем: так и впредь доходы Царства Польского будут обращаться на удовлетворение его нужд, по собственному благоусмотрению»². Из этого следует, что Погодин, являясь защитником государственных интересов, совсем не заинтересован в экономических выгодах обладания Польшей. Он гордится тем, что Россия не получа-

ет польские доходы, и в своём проекте оставляет самим полякам возможность управления финансами. И это после кризиса и поражения в Крымской войне. Разумно предположить, что Погодин очень лояльно относился в то время к полякам, по крайней мере, в экономических вопросах, их касающихся. Это доказывает минимальную враждебность Погодина к Польше в тот период времени. Он не намерен требовать от поляков никаких финансовых вливаний в российский бюджет, довольствуясь только их лояльностью к царю и желанием защищать границы, т. е. заботясь о политическом и военном аспектах русско-польских взаимоотношений, но не финансовых и экономических, предпочитая видеть их независимыми друг от друга.

Данная статья не была напечатана сразу после её написания. Напечатана она была только в 1867 г. Статья случайно попала в руки графа С. Сумарокова в 1861 г., т. е. через пять лет после написания и была им одобрена³. Он отсылал её на прочтение царю, но ознакомился ли с ней Александр II – сложно сказать.

В следующей статье «Польша и Россия», написанной в 1859 г., М.П. Погодин утверждает, что Европа находится накануне великих потрясений и великих переворотов. И при таких условиях Россия и Польша должны сблизиться и соединиться разумно. Европа старается этого не допустить, но русские и поляки должны объединиться вопреки её усилиям [3, 61]. Опять на первый план у публициста выходит вопрос внешней политики: объединение перед лицом внешней опасности. Затем он снова обращается к вопросу о границах и использует знакомую формулу, что язык – это естественная граница народов [3, 63]. В этой статье он называет Волынь, Подолию, Белоруссию русскими землями, а не польскими. Поляки в них только помещики, а народ – русский. Перечисляя основные города западных губерний, он заявляет, что не только правительство, но и любой русский не признает эти города польскими. Погодин говорит уже от лица всех русских, выражая тем самым не только правительственные интересы, как он делал ранее, но и народные, национальные. В конце статьи он примирительно сообщает о том, что любой поляк должен себя чувствовать свободно в России, так же, как и русский в Польше. Основная цель примирения, по Погодину, это показать Европе единство двух народов, благодаря

¹ ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 385. Л. 9 об.

² ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 385. Л. 9.

³ ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 385. Л. 1.

которому Запад будет смотреть на Россию с почтением. И тогда Россия и Польша помогут своим братьям-славянам [3, 64]. Он снова возвращается к проекту славянского союза и убеждает читателей в правильности своих суждений.

В 1861 г. после варшавских волнений М.П. Погодин пишет ещё одну статью под заглавием «Послание к полякам», которую он хотел напечатать, но так и не смог этого сделать в тот год [3, 65]. По мнению А.Н. Бачинина, поразительна не только лексика очередного «послания», пересыпанного чрезвычайно лестными определениями национальных качеств поляков, но и весь тон его [2, 171]. Вероятно, это связано с сильным желанием примирения с поляками с целью не допустить нарастания напряжённости в отношениях между Россией и поляками. Погодин снова напоминает, что на Запад надеяться нечего ни русским, ни полякам [3, 67]. Опять затрагивается вопрос о границах, и Погодин утверждает, что этот вопрос не нужно рассматривать в данный момент, он пытается сформулировать идею о единстве территории проживания русских и поляков, которую высказывал в предыдущих статьях. Для него главной целью было успокоить поляков лубыми уговорами, дабы сохранить хотя бы видимое единство империи перед европейскими странами. Таков смысл его призыва к полякам быть спокойными и не подавать европейцам повода для критики России. Он убеждает сохранять преданность царю, по-видимому, всерьёз надеясь, что это подействует на поляков [3, 71]. В завершении послания он хвалит живость поляков и жалеет, что у них нет такого терпения, как у русских, затем Погодин заявляет, что русские любят поляков, вероятно, используя это как самый последний аргумент в его увещаниях.

В дополнение к данной статье публицист сетует, что нельзя понять, чего именно хотят поляки, что нет достоверных источников информации из Польши, по которым можно было бы выстроить картину происходящего. В завершение он предлагает разрешить печати обсуждение отношений России и Польши, что будет выражать только частные мнения [3, 74].

В 1862 г. – последнем перед польским восстанием, встречается одна короткая заметка, посвящённая полякам. М.П. Погодин, рассуждая о петербургских пожарах, не может поверить, что к этому причастны поляки и отгоняет эту мысль от себя. С другой стороны, комментируя события в Польше, он пытается образумить поляков и примирить их с русскими [3, 76]. Погодин призывает закончить оскорбления русского населения в Польше, иначе это может раздражать русский народ против поляков.

Таким образом, в статьях общественного деятеля М.П. Погодина в данный период присутствует в основном дружественный тон и настрой. Публицист постоянно доказывает, что русские положительно относятся к полякам, намерены с ними дружить, а не враждовать и ссориться. В качестве примера он приводит свои собственные действия и поступки. Разрабатывает план восстановления Польши с польскими чертами управления, но под началом российского императора. По вопросам о границах придерживается языковой идентичности, рассматривая западные губернии страны как говорящие на русском языке и с преобладанием русского населения в них. Пытается разобраться в целях и требованиях поляков к России и русским. Доказывает необходимость и неизбежность объединения России и Польши и рассчитывает на дальнейшее объединение всех славянских народов в единый союз под покровительством России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 15. СПб., 1901. 522 с.
2. Бачинин А. Н. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне XVIII– начала XX века: материалы международной научной конференции «Россия и славяне. XVIII– 1918 г.», Москва, 25-27 июня 1991 г. М., 1992. С. 165-174.
3. Погодин М. П. Польской вопрос. Собрание разсуждений, записок и замечаний. М., 1867. 252 с.

УДК 94(470) «1905/1907»

Колесникова М.А.

Московский государственный областной университет

**ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 – 1907 ГГ.
РУССКИМИ СОФИОЛОГАМИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

M. Kolesnicova

Moscow State Regional University

**EVALUATION OF THE EVENTS OF THE 1905 REVOLUTION IN THE WORKS OF
RUSSIAN SOPHILOGISTS OF THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

Аннотация. До настоящего времени взгляды русских софиологов конца XIX – начала XX века рассматривались прежде всего с точки зрения их философского мировоззрения. В статье речь идет о том, как данные мыслители, придерживаясь взглядов всеединства, пытались осмыслить события Первой российской революции. Софиологи остро чувствовали изменения, происходящие в стране, и стремились изложить свои позиции. Одни из представителей данного направления предлагали мирным путем реформировать страну, сохраняя идею всеединства, но события 1905 года показали им невозможность практического осуществления их политического идеала. Другие, отстаивая ту же идею всеединства, напротив, восприняли события Первой российской революции как признак и религиозного возрождения, и перехода к демократии.

Ключевые слова: идея Софии, Первая российская революция, национальные катастрофы, политико-государственный идеал.

Abstract. Until now the ideas of Russian sophiologists of the late 19th – early 20th century have been considered from the philosophical point of view. The article analyses how these philosophers, who adhered to the concept of all-unity, interpreted the events of the first Russian revolution. The sophiologists felt the changes that took place in the country and tried to explain, conceptualize and put down their attitudes and views. Some representatives of this trend called for peaceful reform of the country, maintaining the idea of all-unity. Others (although supporting the same concept of universal unity) considered the events of the first Russian revolution as a sign of religious revival and transition to democracy.

Key words: the idea of Sophia, the first Russian revolution, national catastrophes, politico-national ideal.

Современное социально-историческое знание переживает непростое время поиска. Еще недавно привычные стереотипы испытывают период трансформации. В этой связи правомерно обратиться к взглядам тех мыслителей, которые выдвигали свою идею преодоления кризиса и по-своему рассматривали события, происходившие в стране. Речь идет о русских мыслителях конца XIX – начала XX вв. (В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн и др.), представлявших так называемое научно-религиозное направление софиологии. Словарь по русской философии дает следующее определение термина софиологии: «софиология - учение о Софии Премудрости Божией русских религиозных философов конца XIX - начала XX в., вобравшее в себя элементы как церковного предания, так и гностицизма, каббалы, европейской мистики. Существенной для софиологов является проблема взаимоотношения Бога и мира, происхождения несовершенного мира из совершенного Бога» [2, 315]. Нас будет интересовать, как данные мыслители, придерживаясь взглядов всеединства, пытались рассмотреть события Первой российской революции.

Многие мыслители (С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн и др.) кризис, происходивший в стране, связывали с русской революцией. Несмотря на в какой-то мере схожесть взглядов относительно Софии, все эти мыслители по-разному восприняли события Первой российской революции. Русские мыслители полагали, что революция стала свидетельством разорванности эпох, крушения привычных основ жизни. В обществе происходило разрушение патриархальных связей, отрыв массы населения от деревни. В России началось переосмысление исторического прошлого и настоящего

страны, возникли попытки кардинальной переоценки ценностей, характерные для русского самосознания в переломные эпохи смены веков.

В.С. Соловьев не дожил до дней первой российской революции, но предвидел события, которые могут произойти в стране. В одной из своих последних работ «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899 – 1900) он говорит о России не как о самостоятельной державе, а как о части объединенных штатов Европы. Владимир Сергеевич отмечает, что исторический процесс по своей природе есть трагедия, а утверждение в нем добра происходит только через гибель земного благополучия. Заглядывая в будущее, он указывает на то, что человечество стоит на пороге «великих войн, междоусобиц и переворотов» [3, 160]. Владимир Сергеевич считал, что политика нового режима должна быть христианско-революционной. Этого не поняло русское общество. Соловьев призывал к революции, то есть изменению существующего порядка в стране, но во имя Христа, то есть сохраняя жизнь людей, не проливая крови, поскольку понимал, что в противном случае, при сохранении прежней псевдохристианской политики, произойдет революция, которая приведет к огромному количеству жертв, и эти события будут иметь страшные последствия для России. Рассматривая события Запада и произошедшие там революции, Владимир Сергеевич сравнивал Россию и отмечал: «...революционное движение предоставило каждому свое лицо самому себе и вместе с тем уничтожило его органическое различие от других» [3, 163]. Революция, с точки зрения Соловьева, разрывая старые связи и сокрушая старые идеалы, далеко не всегда способна произвести новые; важно, чтобы революция привела к образованию нового совершенного общества. Ни на что не направленная свобода отрицательна по своей сути: она не может сообщить человеческой жизни никакого содержания. Тревожную историческую закономерность философ видел в том, что национальные катастрофы превращаются в мировые.

В.С. Соловьев пытался обратиться к верховной власти – к императору Николаю II. Правда, неизвестно, было ли письмо отправлено, но его содержание точно передает настроение философа в последние годы жизни. Соловьев выступал за сохранение самодержавия, он призывал Николая стать вторым Освободителем и Миротворцем. «Духовная сущность России, – писал Соловьев,

– есть православие. Не может такой вид Христианства утверждаться насилием. Зачем же тут еще принуждение, к чему эта внешняя искусственная ограда от уголовных законов, административных притеснительных мер и цензурных запрещений? Такое положение для самой господствующей Церкви прямо пагубно. Закрепощение людей к православию лишает русскую Церковь нравственной силы» [3, 178]. Следовательно, Соловьев не против революции, но только потому, что больше никак нельзя изменить положение в стране, это не просто революция, а христианская революция, призывающая к объединению монарха и народа. «Русская жизнь и мысль второй половины XIX века, – характеризовал Владимира Сергеевича Н.А. Бердяев, – не знает другого столь вселенского, универсального человека, для которого всегда существовала лишь Россия, человечество, мировая душа, Церковь, Бог, а не кружковщина и направленчество» [1, 432].

Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие были привержены идеи всеединства В.С. Соловьева. Сергей Николаевич был безусловным сторонником мирного реформирования страны. Сергей Николаевич подчеркивал, что в сложный для страны момент, когда требуется консолидация сил для победы в Русско-японской войне, нельзя возвращаться к реакции. Он говорил, что «вооруженная реакция» не способна усилить монархическую власть и решить проблемы, стоявшие перед Россией. Вооружаясь, идя против правительства, нельзя решить всех проблем, назревших в стране. Иначе получится, что вооруженная толпа «разрубит узел», который образовывался на протяжении долгого времени. «Разрубить узел» – это значит оставить неразрешенные проблемы, думая, что они решатся сами собой, это непонимание того, что «разрубив», а не решив назревшие проблемы, ты все равно столкнешься с ними, – это только вопрос времени.

Если правительство по-прежнему будет откладывать реформы, общество еще более революционизируется, продолжал он, в том числе даже умеренные земские деятели. «Волна, поднимающаяся снизу, и глупые дразнящие меры сверху делают свое дело и заставляют людей терять не только государственный, но и здравый смысл» [6, 195], – восклицал Сергей Николаевич. С.Н. Трубецкой словно предвидел будущее, пытался натолкнуть правительство на проведение «реформ сверху», а обществу дать понять, что решить проблему в одночасье с помощью оружия нельзя.

Евгений Николаевич Трубецкой высказывал мысль о возникновении в будущем соборного единства народов во Христе, которое вообще отменит необходимость каких бы то ни было государств. Являясь одним из основателей партии кадетов, Е. Трубецкой вышел из нее уже в 1905 г. Ему претил сам партийный дух, зараженный доктринерством, бюрократизмом, жестокостью партийной дисциплины, стесняющей свободу выражения своих взглядов. Партия всегда совершает поступки, несовместимые с совестью. У кадетов, помимо пороков, свойственных всем партиям, его раздражали поклоны влево. Выйдя из партии, он издавал журнал «Московский еженедельник», где не стесненный партийной догмой, свободно высказывал свое мнение. В политику он хотел ввести понятия «этика», «совесть», «достоинство», забвение которых грозит катастрофой для России: «Общественное движение сбилось с пути и сдвинулось со своих нравственных основ: вот почему оно терпит крушение. Нельзя строить общество на животном, буржуазном страхе и инстинкте самосохранения; но его нельзя строить и на алчности, злобе и человеконенавистнических чувствах озверевшей массы: ибо животные инстинкты – это те самые центробежные силы, которые рвут на части общественный организм. Кто обращается к ним, тот строит на песке.

А между тем мы только к ним и обращаемся. Мы забыли о самом главном – о человеке и его достоинстве» [5, 12].

Однако ситуация нестабильности конца XIX в. и революция 1905 г. показали невозможность практического осуществления этого политического идеала, он стал казаться несбыточным и самому Трубецкому. Манифест 17 октября Трубецкой считал не заслугой царя, а следствием революции [6, 95]. Он полагал, что революция 1905 – 1907 гг. не состоялась, во многом, потому, что она не решила назревших проблем, а только разбудила «двух зверей»: «Зверь, пробудившийся в революции, родил из недр своих звероподобную реакцию» [5, 12]. Интеллигенция вместо просвещения народа стала льстить зверским инстинктам народа, занялась «зверопоклонством под видом народопоклонства». Ее демагогия и лесть «упразднили всякую грань между свободой и анархией, между социализмом и грабежом, между демократией и деспотизмом» [5, 12]. Интеллигентская идеология дышит максимализмом, который переходит «от крайнего идеализма к крайней преступности – до полной утраты человеческого облика» [5, 12].

После революционных преобразований 1905 г. Евгений Николаевич рассматривается С.Ю. Витте в качестве кандидата на пост министра народного просвещения, однако оказывается наивным политиком. С.Ю. Витте после беседы с Трубецким отмечал: «Это чистый человек, полный философских воззрений, с большими познаниями, как говорят, прекрасный профессор, настоящий человек, но наивный администратор и политик. Совершенный Гамлет русской революции. Он мне, между прочим, сказал, что едва ли он вообще может быть министром, и, в конце концов, и я не мог удержать восклицания – «кажется, вы правы» [5, 11].

Евгений Николаевич стремился все и всех примирить на основе правды и справедливости. Это своего рода политическое положение его идей всеединства.

Подводя итог постреволюционным событиям, Е.Н. Трубецкой сделал весьма неожиданный вывод – произошла революция, в которой оппозиция и правительство поменялись местами. Министерство народного просвещения, Министерство внутренних дел, полиция изо всех сил «будят общество» и пытаются его революционизировать, а оппозиция проповедует «умеренные и явно консервативные воззрения» [4, 106]. Размышления Евгения Николаевича о политике вылились в утверждение о собственной вине общества, освободительного движения в неудачах революции и первых лет парламентаризма. Евгений Николаевич Трубецкой высказал мысль, что у участников освободительного движения отсутствовали не только общие интересы, но и общие правовые и нравственные убеждения: «недуг освободительного движения был нравственного свойства» [4, 215].

Другой видный мыслитель того времени, Владимир Францевич Эрн считал, что только принцип соборности создаст необходимую базу для решения социальных проблем. По В.Ф. Эрну, любовь к русскому народу должна сочетаться с любовью к другим народам. Владимир Францевич отмечал: «Загадка России – вопрос не только программы, политики или внешнего поведения. Он стоит перед сердцем как проблема внутреннего нашего самосознания и интимного самочувствия» [7, 237]. Эрн говорит, что раньше Россия жила обособленно от исторического развития других стран, но, как считает философ, начало XX века изменило ситуацию, и Россия выступила «в роли вершительницы судеб Европы» [7, 304].

На первый взгляд, его теория кажется очень логичной, его личная любовь к России и ко всему русскому вполне понятна и заслуживает уважения, но с критической точки зрения его идеи свидетельствуют о пребывании автора в мире своих субъективных мыслей, зачастую оторванных от окружающей действительности.

Нужно сказать, что он пытался воплотить свою теорию в реальную жизнь. В 1905 г. В. Эрн вместе с В. Свенцицким создал общественную организацию Христианское братство борьбы, ставшую, по сути, реакцией интеллигенции на трагедию «Кровавого воскресенья» и на попустительство официальной церкви в связи с данным событием. Члены данного сообщества, оставаясь преданными Православной церкви, включаются в политическую борьбу с самодержавием на основе евангельского понимания достоинства человеческой личности. Отстаивавший также главный принцип социологов – принцип всеединства, В.Ф. Эрн предлагал освободиться от плена государства возможно и путем революции и благодаря этому войти в царство любви и социальной гармонии. Революционные выступления в России он воспринял как признак религиозного возрождения, перехода к демократии на основе христианских ценностей.

Последователи В.С. Соловьева, так же, как и он сам, были теоретиками, а не практиками. Они недооценивали значение социальных и поли-

тических технологий, которыми в полной мере воспользовались большевики и другие радикальные силы. Их общественный идеал не перешел на уровень конкретных проектов, они не уделяли достаточно внимания разработке программ, приближающих достижение общественного идеала. Русские мыслители оказались бессильны повлиять на разворачивающуюся в России историческую драму. Это обстоятельство не лишает значимости их взгляды, ибо будущее народов и человечества творится не только через социальные технологии, но и через утверждение определенной совокупности идей, которые могут быть восприняты и по-новому осмыслены тогда, когда придет время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Наука, 2000. С. 567.
2. Маслина А.А. Русская философия: словарь. М.: Республика, 1995. 827 с.
3. Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. М., 1998. 451 с.
4. Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. Ростов на Дону: Феникс, 1998. 345 с.
5. Кн. Е. Трубецкой Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. 352 с.
6. Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. 337 с.
7. Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. 657 с.

РАЗДЕЛ III. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 947 (470. 51)

Ренёв Е.Г.

Ижевский государственный технический университет

В.И. ЛЕНИНУ: «... Г. ИЖЕВСК ВЗЯТ ШТУРМОМ». К ИСТОРИИ ОДНОЙ ТЕЛЕГРАММЫ

E. Renev

The Izhevsk State Technical University

TO V. I. LENIN: "...IZHEVSK CITY IS TAKEN BY STORM". ON THE HISTORY OF ONE TELEGRAM

Аннотация. Современная российская историография, как и историография советская, утверждает, что Ижевское антибольшевистское восстание, начавшееся 8 августа 1918 г., потерпело поражение после яростных боев 7 ноября того же года. Кульминацией этих боев будто бы стала «психическая атака» ижевских повстанцев, после отражения которой красные войска штурмом взяли Ижевск. В статье рассматривается проблема датировки поражения Ижевского рабочего восстания и характера последних боев, а также доказывается, что телеграмма, посланная В.И. Ленину 7 ноября о взятии Ижевска штурмом, была, по меньшей мере, преждевременной.

Ключевые слова: Ижевское рабочее восстание, «психическая атака», штурм Ижевска, телеграмма В.И. Ленину, дата взятия Ижевска.

Abstract. Modern Russian historiography, as well as Soviet historiography, asserts that the Izhevsk antibolshevik revolt, which began on August, 8, 1918, and sustained defeat after the furious fights which took place on November, 7, 1918. It has always been assumed that the culmination of these fights was the 'psychic attack' of the Izhevsk insurgents. After rebuffing the attack the Red Army troops took Izhevsk by storm. The article investigates the problem of dating the defeat of the Izhevsk workers' revolt and the character of the last fights, and also provides evidence that the telegram about 'taking Izhevsk by storm', sent to V. I. Lenin on November, 7, was, at least, premature.

Key words: Izhevsk workers' revolt, 'psychic attack', storm of Izhevsk, telegram to V. I. Lenin, date of taking Izhevsk by storm.

Ижевско-Воткинское антибольшевистское рабочее восстание 8 августа – 13 ноября 1918 г. представляется ярчайшей и трагической страницей в истории не только Удмуртии и Урала, но и собственно России. Потому, думается, так много мифов возникало и продолжает возникать вокруг него. С одним из них, связанным с последними боями восставших и их поражением, автор пробует разобраться в данной статье.

7 ноября 1918 г. на имя Ленина от Реввоенсовета 2-й армии поступило долгожданное сообщение: «Доблестные войска 2 армии шлют горячее поздравление с великим праздником и подносят г. Ижевск. Сего числа в 17 часов 40 минут г. Ижевск взят штурмом. Командарм-2 Шорин. Политические комиссары Гусев, Штернберг»¹. От вождя мировой революции тем же вечером поступил ответ: «При-

© Ренёв Е.Г., 2011.

¹ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.

ветствующую доблестные красноармейские войска, взявшие Ижевск. Поздравляю годовщиной революции. Да здравствует социалистическая Красная Армия! Ленин» [7, 202].

В.И. Ленин уделял достаточно серьезное внимание положению в восставшем Ижевско-Воткинском районе. Среди главных причин выделим следующие: первая – восставшие не только разорвали стыки между Второй и Третьей армиями красных, но и нанесли им целый ряд серьезных поражений; вторая (здесь мы будем говорить только об Ижевске) – именно рабочий класс, от лица которого выступали большевики, составил костяк восставших (достаточно взглянуть на сохранившиеся списки бойцов Ижевской Народной армии)¹. Одним из самых известных документов, подтверждающих это, остается телеграмма Ленина и Свердлова И. Вацетису, командующему на то время всеми вооруженными силами Советов: «Арзамас, Вацетису, 20 октября 1918 г. Крайне удивлены и обеспокоены замедлением с взятием Ижевского и Воткинского. Просим принять самые энергичные меры к ускорению <...>» [7, 197]. И вот, казалось бы, «бело-эсэровская твердыня» взята. Однако почему-то в тот же, вроде бы, победный день военному руководству республики из-под Ижевска была отправлена телеграмма совсем другого содержания (здесь и далее сохраняются орфографические и пунктуационные особенности оригинала. – Е.Р.):

«ТЕЛЕГРАММА

Арзамас Комфронт Каменеву Симбирск Командиру Блюмбергу.<...>

Оперативная сводка 2 армии к 24 часам 7 ноября (здесь и далее выделено мною. – Е.Р.) карта 10 верст в дюйме на Ижевском-Воткинском направлении при выполнении боевой операции против Ижевского мусульманский полк Петроградской дивизии самовольно оставил позицию и рассеялся бросив и шесть орудий все пулеметы винтовки и обозы точка Наш бронированный поезд продвинулся до станции пехота в преддверии Ижевского завода ведет упорный бой запятая противник оказывает сопротивление запятая нами захвачено скобка сорока восьмилинейное орудие <...>.

НР 0512 Наштарм Афанасьев Политком Соколов»².

¹ Списки различных формирований Ижевской народной армии, списки лиц, служивших в Ижевской гражданской милиции, и другие архивные документы периода 1918 года// Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее: ЦГА УР). Ф. Р – 460. Оп. 1. Д. 3.

² РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 61. Л. 37.

То есть согласно этому сообщению получается, что и через шесть с лишним часов после момента времени, сообщенного Ленину, Ижевск еще не взят красными войсками! Только на следующий день армейское руководство сообщит о взятии Ижевска: «Военная, вне очереди Арзамас, оперативная сводка, к 12 часам 8 ноября 1918 г. карта 10 в дюйме. <...> Ижевско-Воткинский район. 7 ноября в 17 часов штурмом взят Ижевский завод, подробности дополнительно»³.

Эти «подробности» начнет сообщать экстренный выпуск газеты «Известия Второй армии», выходившей в Вятских Полянах, от того же 8 ноября 1918 г.:

«Агрыз, 7—XI. Ижевск был взят энергичным лобовым ударом 3-го и 4-го сводных полков, которые героическим порывом прорвались через восемь рядов великолепно оборудованных окопов и проволочные заграждения.

Бронированный поезд «Свободная Россия» прорвался на ст. Ижевск и своим огнем внес в ряды белогвардейцев сильнейшую панику.

Наша кавалерия вслед за пехотой ворвалась в город, на улицах которого завязались ожесточенные бои.

Белые в панике бегут на Воткинск.

Завод и знаменитая плотина целы.

Политком 2 Гусев» [4, 1]

Однако только через неделю (когда ижевцы и воткинцы отступили за Каму) победители пришлют подробное описание своих «побед»:

«ТЕЛЕГРАММА

Наштареввоенсов Костяеву. Арзамас 14 ноября 1918 года.

Дополнение к нр. 02357 сообщаю копию телеграммы Наштарм 2: «Сообщаются дополнительно подробности штурма Ижевска. Позиция противника у Ижевска на линии Яушур-Чудзя-Завьялово, Гондырев-Пирогово-Сенчуно на карте нет Вуко-Чудзя представляла два тире три ряда хорошо оборудованный окопов с блиндажами тяжелых снарядов, землянки для жилья наиболее важных участках окопы усиленными заграждениями два ряда <...> 6 ноября после артиллерийской подготовки наши части были двинуты в атаку и стремительным ударом не смотря на упорное сопротивление сбили противника с укрепленной позиции заняли Завьялово-Пирогово и Кихнерово. 7 ноября после произведенной разведки началась наша артиллерийская подготовка во время которой противник пере-

³ РГВА Ф. 106. Оп. 3. Д. 48. Л. 52.

шел в наступление ударными ротами поддержанными ротами учредивцев не смотря на губительный огонь с нашей стороны подошел к нашей линии в некоторых пунктах шагов на 50-100, К этому времени наши резервы были подтянуты и частью перешли сами в контратаку завязался рукопашный бой, длившейся около двух часов противник был опрокинут, а остатки его отошли в Ижевск. В это время бронепоезд Свободная Россия с ротой железнодорожного батальона восстановив сожженные мосты, ворвался на станцию Ижевск заставил отступить бронепоезд противника и открыл огонь в тылу. Остатки противника уже на самой окраине Ижевска оказывали слабое сопротивление. На правом фланге Смоленский полк к двум часам сбил противника у Завьялова и обратил его в бегство.

Мусульманский полк задачи не выполнил, а бросив шесть орудий пулеметы и винтовки, в панике бежал от первых выстрелов противника. Противнику удалось вынести орудия, а пулеметы направить против наших частей, действующих в районе Пирогова. Резервы противника направленные из Воткинска в район Завьялова были остановлены 1 сводным полком, который в ночь на 6 высадился с пароходов у Гольяна в течении ночи форсированным маршем достиг деревни Динтем Чабы и привлек эти резервы на себя. В 17 часов 40 минут бой затих в бой вступила конница, не встречая сопротивления, был введен третий сводный полк остальные части противника продвинулись севернее Ижевска на линии Поздеры-Яушур-Чудая и Огирман. Наши потери в течении 7 ноября убито 40 и ранено 400 человек у противника убито до 1500. Нами захвачены трофеи 6 орудий, 60 бомбометов 23 пулемета несколько тысяч винтовок, броневой поезд 30 исправных локомотивов для узкоколейки, подвижной состав широкой колеи и много прочего войскового имущества, которое еще не приведено в известность. Казначействе найдено пять миллионов рублей денег точка Главная тяжесть боя и главный удар был нанесен 3 и 4 сводным Смоленскими полками.

Наштарм 2 Афанасьев Политком Соколов. НР. 02383.

За Наштафронта Гарф, Политком Шуригин»¹.

Вышеприведенные документы стали основой для создания мифа о поражении Ижевского восстания, с предшествовавшей ему психической

атакой повстанцев (при этом телеграмма Каменеву и Блюмбергу от 7 ноября 1918 г. во внимание никогда не бралась). Появившись после выхода на экран в начале ноября 1934 г. фильма «Чапаев», миф этот до сих пор существует в трудах как историков прямо противоположных воззрений, так и восторженных бардов и журналистов [3, 260-267, 270; 5, 75-77; 13, 224; 14, 82-84]. Однако подсчеты погибших за этот и ближайшие к нему дни заставляют, по меньшей мере, задуматься о достоверности этих описаний. Так, анализ данных метрических книг ижевских церквей и записей органов ЗАГСа дал следующий результат: погибшими насильственной смертью 7 ноября по всем ним числятся 48 человек, из них только 11 как «убитые в бою». Из них один был отпет и похоронен после взятия Ижевска колчаковцами 13 апреля 1919 г. Вместе с ним были отпеты и перезахоронены десятки повстанцев, погибших в другие дни восстания или расстрелянных красными после его поражения. Однако из данных этих метрических книг, а также из журнала боевых действий 3-го полка красных, которому приписывается решающая роль в штурме Ижевска, следует, что боевой контакт в «боях за Ижевск» между противниками сохранялся и 8, и даже 9 ноября [10; 11, 646-648]!

На что хотелось бы еще обратить здесь внимание – подробности штурма авторами телеграмм сообщаются уже после завершения Ижевско-Воткинской операции, то есть когда ситуация уже прояснилась. Хотя двое из них, а именно Наштарм-2 Афанасьев и политком Соколов в предшествующей телеграмме командующему Восточным фронтом Каменеву от 7 ноября были далеки от оптимизма. В следующих сообщениях руководству о «подробностях» взятия Ижевска количество трофеев будет только возрастать, вплоть до утверждения о шести захваченных у повстанцев самолетов. Но последнее произойдет через 16 лет, когда газета «Ижевская правда» в своем номере от 7 ноября 1934 г. впервые среди местных СМИ в статье «Описание штурма гор. Ижевска войсками Второй армии 6-7 ноября 1918 года» за подписями командара-2 Шорина и члена Реввоенсовета Гусева среди прочего напишет: «Нами захвачены трофеи: 6 орудий, 6 самолетов, 23 пулемета <...>» [2, 2]. Позднее эти самолеты вместе с гекатомбой убитых ижевцев надолго войдут в советскую историографию [см., напр.: 6, 21], пока под влиянием здравого смысла не «улетят» на одни им известные аэродромы в 1960-е гг.

¹ РГВА. Ф. 106. Д. 113. Л. 11.

Но вот что интересно и показательно – ничего подобного этим сообщениям нет в местной прессе того времени, которая находилась под полным контролем военного и политического руководства 2-й Красной армии и представители которого в ней регулярно публиковались. Так, газета «Сарапульская трудовая коммуна», выходившая в столице уезда г. Сарапул, который был взят красными войсками еще 5 октября, ни в одном из номеров не содержит подобных описаний. Только в первом номере от 10 ноября она сообщает: «Доблестные части Красной армии штурмом 7-го ноября взяли Ижевск» [12, 1]. Среди новостей дня о «праздновании годовщины Революции в Москве, Петрограде и провинции» то же сообщение, но набранное мельче [12, 1]. На следующей странице приводится оперативная сводка по Восточному фронту за 5 ноября, где среди прочего сообщается: «В Сарапульском районе противник упорно атаковал наши позиции, но был отбит. Наши части взяли Онанино и Малопылево» [12, 2]. Никаких «подробностей» о штыковых боях и массе убитых под Ижевском повстанцев не появляется и в последующих номерах. В № 2 от 12 ноября в оперативной сводке за 7 ноября просто сообщается, что «в Воткинско-Ижевском районе наши части взяли штурмом Ижевский завод», но с интересным добавлением «в восточном направлении наша часть, занимавшая Денежный Ключ, была окружена противником, но пробилась на Мышкино» [8, 3]. То есть о том, что «разгромленные» повстанцы еще и окружают красные части! И даже статья политкома Яковлева (одного из соавторов вышеприведенного мифа) «По поводу взятия Ижевска и Воткинска» в № 11 от 22 ноября «скромно» опускает все сообщенные ранее начальству подробности [9, 3]. Пожалуй, только в № 5 от 15 ноября в статье «Из Ижевского плена» некий автор, скрывшийся за псевдонимом Я-нев, дает описание «штурма» восставшего города: «Наступление на Ижевск, как известно, было начато в 4 часа утра 7 ноября. «Доблестные» **защитники Ижевска были застигнуты спящими в окопах и сотнями переколоты.** Ижевцы отступили, было, к Ижевску и оцепили его, но потом бросились бежать. <...> По обыкновению тревожно гудел свисток. На площади выстроились музыканты, чтоб с музыкой провожать рабочих на фронт – но начавшийся обстрел Ижевска из орудий разогнал их. <...> Наконец, Ижевск опустел, а вечером вступила Красная Армия <...>. Благодаря панике, царившей в лапотных бандах,

Красная Армия взяла Ижевск с ничтожными потерями: 1 убит и 13 ранено» [15, 3]. Хотя можно с уверенностью утверждать, что «Я-нев» был знаком с содержанием описания «штурма 7 ноября», сообщенного ранее руководству. Одним из его моментов он приводит бегство мусульманского полка [15, 3], которое на самом деле произошло не 7, а 5 ноября, по поводу чего уже 6 ноября было заведено следственное дело¹.

И совсем избегает «подробностей» штурма, описанных в вышеприведенных сообщениях начальству, начавшая выходить в Ижевске с 10 ноября 1918 г. армейская газета «Борьба». Она сообщает об «изменниках-вотяхах», валяющихся убитыми на улицах, упрекает ижевских рабочих за «позорные деянья последних месяцев», публикует списки казненных красными [1, №№ 31–40 и др.], но собственно о боевых действиях последних дней восстания молчит. Хотя некоторые сообщаемые ею сведения, к примеру, о том, что только 9 ноября в побежденный город прибыла Чрезвычайная комиссия Второй армии (которая постоянно находилась в войсках) и «приступила к занятиям» [там же, № 31, 1], наводят на вполне конкретные выводы.

Но решающими, думается, являются факты, приводимые непосредственными участниками событий. Один из них – И.С. Бойцов, воевавший в красных частях, наступавших на Ижевск с севера, в своих воспоминаниях особо подчеркивает, что «<...> наконец с 8 на 9 ноября ночью мы получили известие: «Ижевск взят 8 ноября» <...>», упоминая, как доказательство, некую магию числа восемь в своей судьбе – «<...> 8 августа восстание, 8 сентября 1915 года мобилизован на войну, 8 июля 1916 года прибыл в Ижевск <...>» и, наконец: «<...>Ижевск взят 8 ноября<...>»². Другой участник событий, командир латышских стрелков Я. Рейнфелдс, наступавший с основными частями с юга, пишет о дне 7 нояб-

¹ Следственный материал по делу об отступлении 2 мусульманского стрелкового полка 4-й Петроградской стрелковой дивизии в районе г. Ижевска (6 ноября – 25 ноября 1918 г.). РГВА. Ф. 169. Оп. 1. Д. 917.

² Бойцов И.С. Восстание белых в Ижевске 8 августа 1918 года. Подавление Ижевского и Воткинского восстаний белогвардейцев / Воспоминания участников Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны и социалистического строительства. Т. 1// Коллекция документов по истории Удмуртии. Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (далее: ЦДНИ УР). Ф. 369. Оп. 1. Д. 27. Л. 72, 95.

ря следующее¹: «Через несколько минут мы двинулись к Ижевскому заводу. Когда спустились к первым домам, начинало уже темнеть, подошел также и 3-й полк. Мы получили приказ от Азина – внутрь города не входить, но окружить его и оставаться на местах. <...> Ночью город был окружен с трех сторон дугой огня, это стрелки на своих местах жгли костры. Противник отступал от завода в сторону Воткинска. Большая часть защитников Ижевска рассеялась и рассыпалась по лесам вокруг завода <...>. В десять часов вечера, поскольку не было никаких приказов от Азина, я отправился верхом по Ижевскому тракту на пять километров обратно в тыл, где в каком-то небольшом домике расположился Азин. Он спал, улегшись на лавке. Я рассказал ему о положении под Ижевском. Остался у него ночевать. С наступлением рассвета вернулся обратно в Ижевск. <...> В половине десятого утра (то есть именно 8 ноября! – Е.Р.) я со своими батальонами въехал за черту Ижевского завода. Расположились на восточной окраине рабочего квартала. 3-й полк разместился в центре города»².

Весьма примечательную информацию по интересующему нас вопросу находим в немногих сохранившихся от того времени милицейских протоколах, как милиции повстанцев, так и милиции советской. 7 ноября Ижевская гражданская милиция (милиция повстанцев), в лице милиционера Кирилова, начинает дело в отношении Николая Перевощикова, проживавшего по адресу 4-я улица д. 4 за «безз. патентную торговлю табаком». Последний, после проведения дознания, у него конфискуется «в силу приказа Начальника милиции от 26 октября за № 70». После чего «настоящий протокол вместе с папиросами в количестве 200 штук препровожден Начальнику Ижевской гражданской милиции»³. Весьма интересен в этом расследовании адрес нарушителя, по которому происходили следственные действия. Это – Зарека, район Ижевска, фактически находящийся в зоне «штурма»!

Сменившая милицию повстанцев советская милиция в своих расследованиях именно 8 ноября 1918 г. именует днем «переворота». Так «Протокол заявления 1918 года ноября 25 дня

<...>», составленный товарищем «<...> Комиссара 3 участка Советской милиции <...>», гласит: «25 сего Ноября в 12 час. дня в мою канцелярию явился гражданин Халимулла Мусалимов 58 лет и заявил следующее что у него **во время переворота 8-го Ноября** сего года похищена лошадь рыжая»⁴. Почти месяц спустя ему вторит «Протокол заявления 1918 года 23-го Декабря <...>»: «помощник начальника 3-го участка Советской милиции г. Ижевска Лейченко составил настоящий протокол в следующем. 23-го сего декабря в Мою канцелярию 3-го участка советской милиции г. Ижевска явилась граж. Мария Абакумова обывательница г. Ижевска, <...> заявила следующее, что **во время переворота 8-го Ноября 1918 года**, явились к нам в комнату 4-е неизвестных мужчины которые забрали принадлежащие мне следующие вещи. 1 золотое кольцо 1-у гармонь 1-у штору, 5-ть пар Дамских чулок 10 пар мужских чулок 2-е рубашки и 1-е кальсоны, полфунта чаю, 1-н кусок материя для платия 8-м арш, и кусок материя в 2 ½ арш. для брюк О чем прошу разыскать прочитавши»⁵.

Таким образом, из вышеизложенных фактов можно сделать однозначный вывод о том, что Ижевск не был взят красными войсками 7 ноября 1918 года и что не было никакого масштабного и яростного его штурма ни в этот, ни в последующие дни. И потому телеграмма В. И. Ленину о взятии восставшего города штурмом в годовщину Октябрьской революции была не только преждевременной, но и далекой от правды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борьба. Ежедневный орган политического подотдела 2 армии при штабе 2 дивизии. 1918 год.
2. Гусев, Шорин. Описание штурма гор. Ижевска войсками Второй армии 6-7 ноября 1918 года// Ижевская правда. 1934. 7 ноября.
3. Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия, 1992. 392 с.
4. Ижевск взят! Совету Народных Комиссаров// Известия Второй армии. Экстренный выпуск. Пятница 8 ноября 1918 г., № 28.
5. История Удмуртии XX век / О.И. Васильева и др.; под ред. К. И. Куликова. Ижевск: Удмуртский институт истории языка и литературы УрО РАН, 2005. 544 с.
6. К боевой биографии В.М. Азина: материалы и

¹ Перевод со старолатышского автора данной статьи.

² Reinfelds J. Izhewas rūpnīcas eņģeņšana 1918 gada 7. novembrī // Latvijas valsts arhīvs. ЦГА УР. Ф. РА-45. Apr. 3. L. 78. 106–109. lpp.

³ ЦГА УР. Ф. Р – 343. Оп. 3. Д. 1. Л. 56–58.

⁴ ЦГА УР. Ф. Р – 343. Оп. 3. Д. 1. Л. 140.

⁵ ЦГА УР. Ф. Р – 343. Оп. 3. Д. 1. Л. 156.

- документы. Сост. Ф.П. Макаров. Ижевск: УД-ГИЗ, 1935. 100 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 50.
 8. Оперативная сводка 7 ноября // Сарапульская трудовая коммуна. 1918. 12 ноября.
 9. Политком Яковлев. По поводу взятия Ижевска и Воткинска // Сарапульская трудовая коммуна. 1918. 22 ноября.
 10. Ренев Е.Г. Приходские книги ижевских церквей о последних днях Ижевского восстания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2(8). Ч. 3. С. 155-157.
 11. Ренев Е.Г. Мифы Ижевского рабочего восстания. Некоторые даты и цифры // Россия и Удмуртия: История и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства / Под ред. В.В. Пузанова и А.Е. Загребина. Ижевск: Удмуртский университет, 2008. С. 640-649.
 12. Сарапульская трудовая коммуна. Орган Исполнительного комитета Сарапульского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 10 ноября.
 13. Шумилов Е.Ф. Город на Иже. Ижевск: Свиток, 1998. 400 с.
 14. Шумилов Е.Ф. Завод заводов 1917–2007. Ижевск: Ижмашпринт, 2007. 706 с.
 15. Янев. Из Ижевского плена // Сарапульская трудовая коммуна. 1918. 15 ноября.

УДК 947.084.6

Пинаев С.М.

*Московский государственный открытый университет
(филиал – Рязанский институт)*

ПОИСК ОПТИМАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ПРОВЕДЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ СССР В 1920-е гг.

S. Pinaev

Ryazan Institute (branch) of Moscow State Open University

SEARCHING OPTIMUM WAYS OF CARRYING OUT HOME STATE LOANING IN THE USSR IN THE 1920s

Аннотация. Внутренние государственные займы на протяжении почти всей истории СССР были важнейшими инструментами финансовой политики государства. Эта тема по идеологическим соображениям не получила широкого освещения в историографии советского периода. В статье на основе разнообразных архивных источников исследуется поиск оптимальной формы массовых кредитных операций правительства в первое десятилетие Советской власти. Многие архивные материалы впервые вовлечены в научный оборот.

Ключевые слова: внутренние государственные займы, массовые кредитные операции, наркомат финансов, циркуляр, агитационная работа.

Abstract. Home state loans were the main tools of financial policy of the state during the whole Soviet period. The novelty of the investigation lies in the fact that on the basis of the documents from the archives we analyse the process of searching appropriate ways of large scale credit operations of the government in the first decade of the Soviet regime. For some reason the problem investigated hasn't found due consideration in the Soviet historiography. Much of the archive material has become available to a wider audience.

Key words: home state loans, large scale credit operations, People's Commissariat of Finance, official instructions, campaigning

Тема внутренних государственных займов исследована нашей исторической наукой не очень глубоко. В советские времена этому мешало несовпадение официальной точки зрения руководства страны с фактическим положением дел в этой области, в постсоветский период более важными, видимо, казались другие страницы истории. Тем не менее вопрос о внутренних государственных займах актуален и сегодня, особенно в связи с курсом на модернизацию страны, объявленным Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым. Современная ситуация в определенной мере схожа с той, которая была в 20-х гг. прошлого столетия, когда большевики искали новую экономическую модель развития. В то время идеологические установки на построение светлого будущего во многом расходились с фактическим незавидным положением большинства населения, государству не хватало финансовых и материальных средств для реализации своих грандиозных планов. И массовые кредитные операции во многом помогли решить наиболее злободневные вопросы экономического и социального развития. Почему бы не воспользоваться этим опытом сегодня?

Первые государственные займы в СССР были краткосрочными и проводились в натуральной форме. Именно такими оказались два хлебных и один сахарный займы. На их облигациях вместо денежной единицы (рубля) была напечатана другая – пуд ржи или сахара-рафинада. Такая мера вызывалась гигантской инфляцией, для борьбы с которой и проводились заемные операции. Вот что писал по этому поводу Нарком финансов СССР Г.Я. Сокольников: «Без внутреннего кредита, опирающегося на происходящий в стране процесс мелкого накопления, вести денежное хозяйство мы вообще не сможем. Если мы дадим гарантированную твердую ценность – деньги будут вкладываться в нее»¹. Первый хлебный заем был выпущен в мае 1922 г. на 10 млн. пудов ржи, второй – в марте 1923 г. на 30 млн. пудов, сахарный – в сентябре 1923 г. на 1 млн. пудов сахара-рафинада. Благодаря умело выбранной форме и широкой агитационной работе, натуральные займы были успешно реализованы. Более того, история сохранила факты их повышенной востребованности, особенно в случае со Вторым Хлебным займом. Зафиксированы случаи, когда

толпы крестьян из рязанской глубинки, слишком поздно узнавших о займе, осаждали финансовый отдел Рязанского губисполкома, требуя продать им облигации [1, 156].

Однако когда правительство попыталось распространить этот опыт на массовые кредиты в денежной форме, дело застопорилось. Причины были разными: и ошибки в организационной работе, и перегибы на местах, и неготовность большинства населения к цивилизованному отношению к ценным бумагам, а главное – бедность крестьянства как основного производителя материальных благ. Производительность труда в единоличных хозяйствах была чрезвычайно низкой, культура земледелия – примитивной, кооперативные начала – в зачаточном состоянии, техническая оснащенность – почти нулевая. В таких условиях ожидать процесса стремительного накопления народом денежных средств было, по меньшей мере, наивным. Но, тем не менее, правительство видело именно в рабочих, служащих и крестьянах основной источник кредитования государства. Расчет строился на политических моментах: раз власть в стране рабоче-крестьянская и декларирует все свои действия во благо беднейших слоев населения, то они и должны откликнуться на призывы руководства. Откликнулись, но слабо. Если натуральные займы, дающие крестьянам ощутимые выгоды, шли «на ура», то с денежными вышла осечка, они в народ не пошли.

Попытки увлечь население лотерейными формами и процентными доходами дали незначительные результаты. И через несколько месяцев правительство перешло к принудительным методам их реализации. Имущие слои населения были обязаны приобретать облигации займов одновременно с уплатой налогов, приобретением патентов на торговую, заготовительную или промышленную деятельность, а подрядчики, поставщики и комиссионеры получали при расчетах часть причитающихся им денег облигациями. Вот как оценивал соотношение добровольных и принудительных займов управляющий особой частью государственных займов валютного управления Наркомата финансов СССР профессор Г. Вульф: «Если в 1922-23 г. г. добровольные займы дали 57,9% доходных поступлений, то в 1923-24 г. г. доходные поступления от них составили 38,1%, а 61,9% составили доходы от принудительных займов. Таким образом, роль принуждения в нашей политике государственного кредита стала

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 670. Оп. 1. Д. 27. С. 5.

возрастать. Выводы будут еще пессимистичнее, если мы учтем то обстоятельство, что в цифрах не удастся уловить так называемую «добровольную принудительность», которая играет важную роль в деле реализации наших займов»¹.

«Добровольная принудительность» – это распространение облигаций займов среди рабочих и служащих по подписке в рассрочку, когда под давлением администрации, партийных, советских и профсоюзных органов всех членов трудовых коллективов обязывали покупать облигации на сумму, равную сначала 10 % от месячной заработной платы, а затем и всей месячной зарплате с годовой рассрочкой платежа. Специально созданные комиссии содействия распространению займа в городах, уездах, в учреждениях и на предприятиях строго следили за полным охватом очередным займом всех рабочих и служащих и своевременным перечислением собранных средств. Эти массовые кредитные операции подкреплялись широким размахом агитационной работы, им придавался политический характер, когда нежелание приобрести облигацию приравнялось чуть ли не к измене Родине. Во всяком случае, лозунги агитационных кампаний носили ультимативный характер: «Приобретая облигацию займа, ты укрепляешь Советскую власть!». А если не приобретаешь? Здесь можно было сделать далеко идущие выводы. В обстановке острой классовой борьбы это могло обернуться крупными неприятностями. Таким образом, в первой половине 20-х годов кредиты были в основном краткосрочными по времени, процентно-лотерейными по форме и принудительными по методам реализации. Так продолжалось до 1925 г., когда в кредитной политике произошли серьезные изменения.

В руководстве страны в тот период еще не было единства взглядов по вопросу о путях и методах строительства социализма. В первые годы Советской власти среди большевиков были и сторонники полной отмены денежных отношений во главе с Г.Л. Пятаковым, и группа Н.И. Бухарина, которая ратовала за постепенный отказ от денежных отношений. А Г.Я. Сокольников, объединивший вокруг себя многих авторитетных экономистов, наоборот, говорил о важнейшей роли денег в народном хозяйстве. На страницах газет и журналов тех лет шли ожесточенные споры о направлениях и способах построения нового социалистического общества. Большую роль

¹ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1063. С. 61.

в анализе текущих экономических процессов и выработке наиболее эффективной линии на проведение финансово-экономической политики играл Институт экономических исследований при Наркомате финансов СССР, который стал открытой дискуссионной площадкой для многих известных ученых-экономистов. Здесь часто делились своими взглядами на развитие кредитной системы страны профессор М.И. Боголепов, А.И. Буквоецкий, Г.В. Вульф, Р.Г. Гольдберг, В.Я. Железнов, З.С. Каценеленбаум, В.Н. Твердохлебов, Л.Н. Юровский и другие. Обсудив эффективность кредитной политики правительства на своем совещании в июне 1924 г., ученые пришли к выводу, что дальнейшее применение принудительных методов при распространении займов нецелесообразно, так как они подрывают престиж государственного кредита, снижают курс облигаций из-за их массового сброса и заставляют государство увеличивать расходы на их проведение².

Это привело к серьезным изменениям в практике работы высших органов управления. Циркуляр Наркомата финансов от 27 марта 1925 г. № 518 констатировал: «Изданное 21 февраля 1925 г. Постановление Совета Народных Комиссаров о прекращении принудительного размещения Второго выигрышного займа означает собой переход к новым принципам в области государственного кредита СССР»³. Выпущенные в этот период займы были чрезвычайно выгодными для населения: они давали 11 % – 12% годового дохода, освобождали суммы доходов от всех налогов и сборов, сами облигации принимались в уплату налогов, государственных платежей, участвовали в залоговых и ссудных операциях. Правительство явно пыталось нащупать оптимальный вариант в определении наиболее эффективной для государства и приемлемой для населения формы внутреннего государственного займа. Однако эти меры не изменили тактику действий исполнительных органов власти на местах, лишь перенес акцент в реализации займов из экономической в идеологическую и организационную сферы. При этом директивы центра постоянно напоминали о необходимости строгого соблюдения принципа добровольности при распространении облигаций займа. Однако комиссии содействия никто распускать не собирался, да и разнарядка сверху на реализацию займов оставалась в силе. Это

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 966. Ч. 2. С. 188.

³ Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО), Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 797. С. 211.

видно из руководящих указаний по Первому займу индустриализации. Так, циркуляр Наркомата финансов от 24 октября 1927 г. № 1-62 требовал от финансовых органов на местах «...на предприятиях, где результаты работы признаны незначительными, провести повторные кампании с привлечением работников финансового аппарата, городского Совета, партийных и профсоюзных организаций до тех пор, пока не будет достигнут положительный результат». А циркуляр от 25 октября 1927 г. № 6-к призывал к осторожности: «... есть случаи появления материалов по займу в форме, могущей создать у широких слоев населения впечатление, что применяются принудительные меры размещения (предлагается задание, разверстка, постановили обязать и т. п.). Это нежелательно. Надо договориться с редакторами местных газет об устранении этих моментов, не ослабляя агиткампании в целом»¹.

Фактически давление на население оставалось, но признаваться в этом власть не хотела. В ходе проведения последующих займов индустриализации эта схема была отработана окончательно. Об этом красноречиво говорит Третий заем индустриализации, который был объявлен постановлением ЦИК и СНК от 25 июля 1929 г. на сумму 750 млн. рублей и сроком на десять лет. Он был выигрышным, процентным, полностью ликвидным и реализовывался в виде широкой политической кампании. Впоследствии эта форма проведения займов оставалась практически неизменной. Вот что писал известный экономист М. Боголепов по этому поводу: «Займы реализуются в форме широких общественных кампаний, оплата подписанных сумм происходит по системе широкой рассрочки, а тиражи займов превращаются в праздники индустриализации и служат хорошим агитационным средством». Значительно изменилось содержание и направленность агитационной и организационной работы, которые стали более агрессивными и жесткими, отражая в своей сути происходящие изменения в политической и идеологической сфере. Об этом красноречиво свидетельствуют откровенные высказывания ответственного работника Наркомата финансов И.В. Эпштейна: «Мы будем осуществлять моральное воздействие. По 1-му займу индустриализации мы это делали стыдливо. Сейчас мы говорим открыто, что хотим создать такое настроение на предприятиях и в учреждениях,

при котором станет зазорным не купить заем. Интересы отдельного работника должны быть подчинены общим интересам»².

Предметом особого внимания правительства было 120-миллионное сельское население. В середине 1920-х гг. для него были проведены три специальных Крестьянских займа на очень выгодных для покупателей облигаций условиях. Первый Крестьянский заем был объявлен постановлением ЦИК и СНК от 19 марта 1924 г. на сумму 50 млн. руб. сроком на два года. Номинал облигаций был очень низким, и, следовательно, они были доступными для бедных слоев населения: 1, 3 и 5 рублей. Кроме того, в начале распространения займа его облигации можно было купить по льготному курсу – 85 коп. за 1 руб. В апреле 1925 г. был произведен повторный выпуск этого займа на сумму 100 млн. руб. Осенью этого же года правительство выпускает Второй Крестьянский заем на 100 млн. руб., а на следующий год – Третий. Но в целом попытка вовлечь в заемные операции деревенское население дала незначительные результаты, они в основном были реализованы в городе по подписке. Более того, «Заем укрепления крестьянского хозяйства», выпущенный в 1928 г., породил методы принудительного распространения, которыми он и был реализован, что вызвало недовольство у сельского населения.

Постепенно стала вырисовываться модель займов, соответствующая политической сути правящего режима – добровольного по форме и принудительного по содержанию. Лучшее всего об этом свидетельствует выдержка из передовой статьи журнала «Финансы и народное хозяйство» № 30 за 1928 г.: «За шесть лет было выполнено девятнадцать займов. Они были разнообразных типов, на разные суммы, с различными процентами и сроками, что характеризует период опытов и исканий, период нащупывания методов работы и охвата той среды, в которой могут быть размещены советские займы. Этот период закончен». Об этом же говорилось и на пленарном заседании коллегии Наркомата финансов СССР в начале 1928 г.: «Методы размещения займов среди рабочих и служащих найдены, проверены на опыте и могут применяться без существенных изменений в дальнейшем, надо только решить вопрос о правильном и полном обслуживании огромного числа держателей государственных займов. Комиссии содействия, которые создавались нами на период

¹ ГАРО. Ф. Р-79. Оп. 5. Д. 13. С. 221, 229.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 383. С. 224.

размещения займов, должны превратиться в постоянные общественные органы, ведущие работу в области государственного кредита и осуществляющие как агитационно-пропагандистские, так и справочно-посреднические функции»¹.

Оценивая 1920-е годы с точки зрения проведения кредитной политики государства, можно выделить три этапа: натуральные займы 1922-1923 гг., переход от принудительных к добровольным займам в 1924-1927 гг. и добровольно-принудительные займы конца 1920-х гг. Особенностью поиска оптимальной формы внутренних займов можно считать их направленность: если сначала они были рассчитаны на сельское, городское трудовое и городское нетрудовое население, то к концу десятилетия, по мере реализации программных положений партии большевиков на борьбу с капиталистами, займы обращаются только к городскому трудовому и нетрудовому населению. Сворачивание нэпа, огосударствление всех сторон экономической и общественной жизни страны привели к значительному сокращению нетрудового населения, уменьшению его роли в финансовых операциях, что позволило перейти на единственную форму внутренних государственных займов, направленную только на трудящиеся массы. К началу 30-х гг. внутрипартийная борьба в ВКП (б) закончилась победой политических сил во главе со Сталиным, что привело к построению жесткой командно-административной системы руководства всеми сторонами жизни общества, усилению партийного диктата, присвоением партийными органами государственных функций. На практике это означало широкое применение репрессивных мер, связанных с реализацией известного тезиса Сталина об усилении классовой борьбы по мере продвижения страны по пути социалистического строительства. Борьба с так называемыми «вредителями» и «врагами народа» создавала в стране обстановку страха, боязни высказывать собственное мнение, отличное от государственной и партийной линии, воспитывала население в духе покорности и соглашательства.

В сочетании с небывалым размахом пропагандистской работы по внедрению основ марксизма-ленинизма в сознание народа это дало феноменальные результаты, в том числе и в области кредитной политики. 22 февраля 1930 г. правительством принимается постановление о хранении облигаций займов в кредитных учреж-

дениях и запрещению любых операций с ними без разрешения Комиссий содействия государственному кредиту и сберегательному делу. Хотя формально облигации оставались собственностью своих владельцев, забрать их для продажи или залога теперь можно было только с разрешения соответствующей Комиссии содействия. Вот выдержка из инструкции Комиссиям содействия госкредиту и сберегательному делу, прикрепленных к Рязанскому отделению госбанка: «... могут быть случаи, что причиной продажи облигации могут быть расходы на удовлетворение каких-либо текущих потребностей займодержателя (покупка одежды, обуви, ремонт жилища и т. п.). В своей работе по выдаче разрешений Комиссиям содействия необходимо строго придерживаться инструкции Центральной Комиссии содействия от 8 марта 1930 г., выдавая таковые только в исключительных случаях. Каждый займодержатель и каждая Комиссия содействия должны осознавать, что удовлетворение временных текущих потребностей займодержателя должно уступить перед удовлетворением потребностей развертывающегося социалистического строительства»². Анализ газетных публикаций того времени показывает, что эта инициатива была встречена трудящимися с пониманием и одобрением.

Эволюция государственной кредитной политики закончилась принятием добровольно-принудительной формы распространения займов по подписке в рассрочку с практической невозможностью владельцев распоряжаться своими облигациями. С усилением идеологического нажима на население, с одной стороны, а с другой – распространением террора и широким применением репрессивных мер, порождающих страх в обществе, эта форма стала единственной, превратившись фактически в дополнительное налогообложение населения. При всей своей жесткости и несправедливости эти методы распространения внутренних государственных займов позволили обеспечить экономику значительными дополнительными источниками финансирования, что, несомненно, сыграло положительную роль в модернизации и укреплении страны накануне новой войны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большая советская энциклопедия. М., 1930.
2. Рязанская банковская энциклопедия. Рязань: Мир, 2010.

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 381. С. 3.

² ГАРО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 248. С. 160.

УДК 930.85

Лиджеева К.Ф.

Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКОЕ
ГОСУДАРСТВО (1920-е – 1930-е гг.)**

K. Lidzheeva

Kalmyk State University, Elista

**SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL INTEGRATION OF THE PEOPLES
OF THE NORTH CAUCASUS INTO THE SOVIET STATE (1920 - 1930)**

Аннотация. Каждому историческому этапу развития общества соответствуют достигнутые уровни социально-экономического и культурного развития, в связи с которыми государство определяет достижения и недостатки для перспективного развития страны. Поиск оптимальных путей развития экономики и культуры российского общества в начале XXI в. определяет интерес исследователей к данным проблемам для понимания и оценивания проектов модернизации, выдвинутых советским государством в первые послереволюционные десятилетия. В данной работе ставится цель рассмотреть, каким путем советской властью решались проблемы интеграции народов Северного Кавказа в общероссийское экономическое и культурное пространство.

Ключевые слова: экономика, культура, интеграция, Северный Кавказ, модернизация.

Abstract. Each historical stage of social development is characterised by a certain level of economic and cultural development of the society – the factors which determine the country's achievements as well as shortcomings inhibiting its future development. The search for successful ways of economic and cultural development of Russian society at the beginning of the 21st century causes a growing interest among researchers in studying and evaluating the modernization projects put forward by the Soviet State in the first post-revolutionary decade. The article considers the Soviet methods of solving the problem of integration of the North Caucasus into the all-Russia economic and cultural space.

Key words: economics, culture, integration, the North Caucasus, modernization.

К началу XX в. многие народы России имели достаточно низкий уровень экономического и культурного развития. Среди населения Российской империи более 20 млн. человек составляли этносы, жившие в патриархальных условиях, в большинстве своем занимавшиеся кочевым скотоводством. Народности Северного Кавказа к октябрю 1917 г. находились на докапиталистической стадии развития. У них отсутствовали государственность, письменность (кроме Осетии), промышленность, пролетариат. Большинство населения было неграмотным. По данным переписи 1920 г., грамотные в Карачаево-Черкесии составляли 16,3 %, в Северной Осетии – 14,7 %, в Адыгее – 11,5 %, в Кабардино-Балкарии – 7 % [4, 29-30; 6, 136-137], в Ингушетии – 3 %, в Чечне – 9,9 % [2, 118]. Основой экономики северокавказских народов было земледелие и животноводство.

Естественно, что такое отставание в короткие сроки преодолеть самостоятельно было невозможно. Это было достигнуто благодаря преобразованиям и помощи государства народам Северного Кавказа в их хозяйственном и культурном развитии в первые десятилетия Советской власти.

Примитивными орудиями труда крестьяне не могли преобразовать хозяйство. Экономическое развитие страны сдерживали низкий уровень производства, медленные темпы его развития в сельском хозяйстве. Положение же страны в мире требовало ускоренного развития экономики. В ходе коллективизации была проведена модернизация сельскохозяйственного производства на основе социалистических принципов и технического переоснащения.

Из-за крайнего малоземелья изменения в сельском хозяйстве на Северном Кавказе начались с переселения крестьян с гор на равнину для их наделения землей. В Карачае было переселено 64 % насе-

ления, в Ингушетии – 86 % населения, в Северной Осетии – 30 тыс. человек [1, 107, 120]. В Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечне и Дагестане была проведена мелиорация на площади 215 тыс. га, помощь государства в приобретении сельхозтехники увеличилась к концу 1920-х гг. в 3 раза. В техническом обслуживании сельского хозяйства важную роль играли машинно-тракторные станции (МТС); в 1932 г. в национальных автономиях Северного Кавказа было 17 МТС, в них имелось 9200 разных сельхозмашин, в том числе 553 трактора [1, 120]. Кредитование сельского хозяйства автономных областей опережало общекраевые темпы и выросло с 1922 по 1933 гг. в 3 раза (без Чечни) [3, 157].

Еще до сплошной коллективизации, к середине 1920-х гг. система сельскохозяйственной кооперации объединяла третью часть крестьянских хозяйств, действовали также потребительская и кустарно-промысловая кооперации, которые охватывали более двух третей товарооборота между городом и деревней, что обеспечивало надежную экономическую связь между крестьянскими хозяйствами и промышленностью. Все это формировало предпосылки для преобразования сельского хозяйства в течение примерно десяти лет и создания устойчивого сектора коллективного земледелия. Вместе с тем было пренебрежение к настроениям крестьянства, его неготовности и нежелания отказаться от своего личного хозяйства. Командно-административная гонка за темпом сплошной коллективизации и массовые репрессии против зажиточного крестьянства разрушали производительные силы сельского хозяйства.

5 января 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое ставило задачу завершить коллективизацию в зерновых районах страны к концу 1931 – началу 1932 гг.. Это определило форсированную ломку векового уклада крестьянской жизни под лозунгом «бешеных темпов коллективизации». По отдельным областям Северного Кавказа процент коллективизации с декабря 1929 г. по март 1930 г. возрос в 6-10 раз [1, 123]. Это вызвало возмущение крестьян и начался их массовый выход из насильно созданных колхозов.

Колхозы в начале 1930-х гг. не смогли выполнить план по сдаче хлеба, поэтому в эти районы были направлены чрезвычайные комиссии. На Северный Кавказ прибыла комиссия во главе с

Л.М. Кагановичем. Многие колхозы и даже районы объявлялись кулацкими, а их руководителей репрессировали. Зимой 1932-1933 гг. в зерновых районах страны – Северный Кавказ, Украина, Средняя и Нижняя Волга – разразился массовый голод, жертвой которого стали миллионы людей. Урон, нанесенный сельскому хозяйству, сказывался долгие годы. Только во второй половине 1930-х гг. началось восстановление: стали расти урожаи, поголовье скота, повысилась оплата труда, происходило техническое переоснащение. Но преимущества крупного сельского хозяйства, доказанные мировой практикой, в полной мере не могли реализоваться из-за директивного планирования.

Модернизация затрагивала не только сельское хозяйство, но и положила начало развитию промышленности, увеличению численности рабочего класса, что усилило взаимовлияние города и деревни, привело к изменению условий жизни и взглядов людей. В период довоенных пятилеток значительное развитие получили такие отрасли промышленности, как добыча и переработка нефти в Чечено-Ингушетии, машиностроение в Дагестанской АССР, цветная металлургия в Северной Осетии (Кавцинк), в Кабардино-Балкарии (Тернаузский вольфрамо-молибденовый комбинат), в Карачае (свинцово-цинковые рудники и обогатительная фабрика) и др. [3, 138-139]

К концу 1930-х гг. в национальных автономиях Северного Кавказа была выполнена довольно обширная программа развития промышленности. Объем валовой продукции крупной промышленности вырос к 1940 г. по сравнению с 1913 г. в Дагестанской АССР в 11 раз (в тяжелой – в 76 раз), в Кабардино-Балкарской АССР – 152 раза, в Северо-Осетинской АССР – в 26 раз, в Чечено-Ингушской АССР – в 11 раз [3, 142; 7, 136-137]. Из этого следует, что промышленность стала играть значительную роль в экономике национальных автономий Северного Кавказа.

Эти преобразования изменили структуру населения. Если в первые годы Советской власти население автономных образований Северного Кавказа было почти полностью крестьянским, то к середине 1930-х гг. в составе населения, например, Кабардино-Балкарской АССР уже было рабочих и служащих 32,7 %, колхозное крестьянство составляло 65,3 %, другие слои населения – 2 % [4, 19-21]. Подобные изменения произошли в социальной структуре населения и в других автономных образованиях.

В 1920-е – 1930-е гг. советская власть также осуществляла широкую программу культурного строительства. Вместо школ, организованных по сословному и классовому принципу, ввели в стране бесплатное и обязательное общее и политехническое образование для детей до 17 лет обоего пола.

В национальных автономиях Северного Кавказа была создана сеть школ, клубов, библиотек, изб-читален, создана письменность на родном языке, началось издание учебников, появились типографии, книгоиздательство и т. д., чего здесь не было ранее. В сплочении народов важную прогрессивную роль играл русский язык, который выполнял огромную общественную функцию межнационального общения, являлся средством обмена духовными ценностями, приобщения народов нашей страны к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры. В условиях равноправия языков, добровольности их изучения резко возрос объем функций русского языка, а 50 народностей СССР впервые за всю историю получили научно разработанную письменность на родном языке. Советская литература издавалась на 77 языках, а дореволюционная литература – лишь на 13 языках [5, 112]. Развитие национальных языков, усиление общественных функций русского языка были следствием интернационализации жизни советских народов. Важную роль в развитии просвещения в национальных районах играли русские педагоги. Они были организаторами обучения, приобщали молодежь к культуре, готовили национальные кадры в средних и высших учебных заведениях для всех отраслей народного хозяйства. Но, вместе с тем, практиковалось насильственное административное пре-

парирование культурного наследия народов под стандарты коммунистической идеологии, что вызывало недовольство народных масс, которые не были готовы отказаться от вековых традиций и обычаев. Особенно болезненно воспринимался воинствующий атеизм, запреты на отправление религиозных обрядов, репрессии против всех религиозных служителей, их преследование и аресты, разрушение культовых сооружений и т. д.

Таким образом, начавшиеся в 1920-е гг. модернизационные процессы в социально-экономическом и культурном развитии народов северокавказского региона, к началу 1930-х гг. стали сочетаться с административно-репрессивными методами, что вызывало разочарование в идеалах, провозглашавшихся советской властью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарского госуд. ун-та, 2007. 298 с.
2. Гудиева Л.Х.-У. Начальный этап развития образовательного пространства Ингушетии. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2005. 144 с.
3. История Дона и Северного Кавказа (1917-2000 гг.): Учебное пособие для студентов ВУЗов // В.И., Афанасенко, А.В. Венков, А.Г. Кажарова и др. Ростов-на-Дону – Нальчик, 2004. 383 с.
4. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик: Эльбрус, 2004. 328 с.
5. Развитие национальных отношений в СССР. Сб. документов. М.: Политиздат, 1986. 548 с.
6. Цуциев Б.А. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. 182 с.

УДК 502/504:001.83 (100)

Мельникова К.Г.

Московский государственный лингвистический университет

ПОЛИТИКА СССР В СТРАНАХ БАЛТИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Melnikova K.G.

Moscow State Linguistic University

THE KREMLIN POLICY REGARDING THE BALTIC STATES AT THE BEGINNING OF THE SECOND WORLD WAR

Аннотация. Целью данной статьи является анализ причин, побудивших Советский Союз проводить в отношении Балтийских республик накануне и в начале Второй мировой войны политику, которая до сих пор вызывает острую полемику среди российских и западных историков. В статье рассмотрены характерные черты политической ситуации в конце 1930-х – начале 1940-х гг., а также выявлены важные особенности стратегического и территориального положения Балтийских стран между Советским Союзом и Германией.

Ключевые слова: пакт о ненападении, секретные протоколы, ультиматум, аннексия, суверенное государство, советизация.

Abstract. This article provides the analysis of the main reasons for the Soviet Union's policy regarding the Baltic states which is still the subject of serious and controversial discussion among Russian and foreign historians. The author points out the main features of the political situation at the end of the 1930-s and the beginning of the 1940-s, and the peculiarities of the strategic and territorial position of the Baltic states which were located between two totalitarian countries – the USSR and Germany.

Key words: non-aggression pact, secret protocols, ultimatum, annexation, sovereign nation, sovietization.

История отношений России и прибалтийских стран охватывает более тысячи лет, в течение которых столетия дружбы и сотрудничества перемежались с годами недоверия и враждебности по отношению друг к другу.

Многие известные российские историки (Е.Ю. Зубкова, Н. Лебедева, Е.Л. Назарова, А.Г. Донгаров) и западные историки (П. Варес, М. Ильмъярв, Л. Фреден) занимались изучением событий в прибалтийских государствах в 1930-1940 гг. Несмотря на определенный прогресс в изучении данных проблем, многие из них до сих пор остаются остро дискуссионными. Так, даже в современной российской историографии присоединение прибалтийских стран к СССР в 1939-1941 гг. некоторыми авторами рассматривается лишь как шаг по укреплению «сферы безопасности» и «возвращение утраченных в результате острейшего кризиса 1917-1920 гг. российских территорий» [4, 55].

Вступление Латвии, Эстонии и Литвы в состав СССР в западной историографии считается результатом оккупации этих стран Красной армией, которая началась фактически уже осенью 1939 г. после подписания договора о сотрудничестве между СССР и тремя государствами, и окончательной их аннексией Советским Союзом летом 1940 г.¹

Необходимо поэтому проанализировать причины, побудившие СССР проводить такую неоднозначную и вызывающую до сих пор острую полемику среди историков внешнюю политику в отношении прибалтийских государств накануне и в самом начале Второй мировой войны, а также описать политическую ситуацию в Европе в конце 1930-х – начале 1940-х гг., учитывая важное стратегическое положение данных стран.

23 августа 1939 г. был заключен пакт между СССР и Германией, который имел важное судьбоносное значение не только для стран Европы, но и для всего мира в целом. Подписание договора о ненападении между двумя государствами было вызвано, прежде всего, сложившимися международ-

© Мельникова К.Г., 2011.

¹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 21. Д. 233. Л. 8-9.

ными обстоятельствами; для Советского Союза в 1939 г. это было единственной возможностью избежать войны с Германией и другими странами «Антикоминтерновского пакта». Как известно, после прихода нацистов к власти представители СССР, Англии, Франции и ряда других стран активно вели переговоры о создании системы коллективной безопасности, но эти усилия закончились неудачей.

К пакту прилагались секретные протоколы, по которым Литва была отнесена к сфере германских интересов, а некоторые земли в Польше (части Варшавского и Люблинского воеводств) – к сфере интересов Советского Союза. Однако 25 сентября в беседе с германским послом Ф. фон Шуленбургом Сталин предложил обмен “германской” Литвы на “советские” Люблинское и часть Варшавского воеводства [4, 54]. Предложение было принято немцами и зафиксировано в качестве договоренности в секретном протоколе к заключенному 28 сентября советско-германскому договору о дружбе и границе. Немцы без всяких возражений шли на уступки Москве по одной простой причине – они были уверены, что все это ненадолго. К сожалению, СССР в данный период не разглядел в действиях Германии политического маневра.

Известие о советско-германском сближении вызвало в прибалтийских странах серьезные опасения за свою независимость. Поверенный в делах СССР в Литве Н.Г. Поздняков сообщал в Народный комиссариат иностранных дел, что в этой стране «пакт Молотова – Риббентропа» вызвал “волну явного беспокойства” [2, 15].

В тот период времени внешняя политика СССР в балтийском направлении имела ярко выраженный оборонительный характер. Начавшаяся через 8 дней после подписания советско-германского пакта Вторая мировая война на западе Европы означала, что в обозримом будущем германская агрессия Советскому Союзу не угрожала. А вот реакцию Англии и Франции на возможную попытку советизации прибалтийских республик Сталин с уверенностью прогнозировать не мог, поэтому было решено ограничиться пока заключением со странами Балтии договоров о взаимопомощи, предусматривающих ввод на их территорию советских войск при сохранении у власти существовавших там режимов.

24 сентября 1939 г. эстонская правительственная делегация во главе с министром иностранных дел К. Сельтером прибыла в Москву для подписа-

ния торгового соглашения; приезд делегации был использован для того, чтобы добиться согласия Эстонии на заключение пакта о взаимопомощи. 24 сентября В.М. Молотов заявил Сельтеру: «Если вы не хотите заключать с нами пакт о взаимопомощи, то нам придется использовать для обеспечения своей безопасности другие пути, может быть, более крутые, более сложные. Прошу Вас, не вынуждайте нас применять по отношению к Эстонии силу» [3, 55].

Первоначальный советский проект договора, который К. Сельтер докладывал своему правительству 26 сентября, был составлен в самых общих чертах: предусматривалась советская военная помощь Эстонской республике, а также полная поддержка как в хозяйственной области, так и в сфере внешней политики и дипломатии. Эстония предоставляла Советскому Союзу право иметь в ее портах свои базы для стоянки кораблей военно-морского флота и аэродромы на островах [1, 87]. В проекте пакта специально было отмечено, что Эстония остается суверенным государством [4, 52].

На случай отклонения прибалтийскими республиками советского предложения о заключении пактов о взаимопомощи имелась военная альтернатива. Над территорией прибалтийских стран в данный период времени совершались полеты советских бомбардировщиков. 26 сентября 1939 г. нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов отдал приказ о подготовке боевых действий против Эстонии, а также Латвии, если последняя решится оказать Эстонии помощь в силу имевшихся между этими странами договоренностей.

27 сентября стало известно о решении эстонского правительства принять советское предложение о заключении пакта. Главным пунктом пакта для СССР было размещение на территории Эстонии советских войск и создание военно-морских баз. Сначала И.В. Сталин предлагал разместить 40 тысяч вооруженных солдат, однако это вызвало негодование со стороны эстонских властей, позже путем переговоров стороны согласились сократить число до 25 тысяч.

После завершения советско-эстонских переговоров руководство СССР сделало подобное предложение правительству Латвии, а затем и Литвы. В результате упорных переговоров с латвийскими властями Кремль было достигнуто согласие на размещение 25 тысяч солдат на территории страны, а не 50, как было запланировано советским правительством ранее. А в перегово-

рах с Литвой И.В. Сталин пошел на компромисс, уменьшив число вооруженных сил до 20 тысяч. В.М. Молотов для оказания дополнительного давления с целью получения согласия литовцев на заключение пакта о взаимопомощи решил использовать урегулирование Виленского вопроса, столь значимого для Литвы: он объединил тексты двух договоров в один; литовцы могли его подписать – и получить Вильно или не подписывать – и лишиться его. 10 октября литовская делегация подписала «Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области» и пакт о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой [2, 57].

Соглашения, заключенные между Советским Союзом, с одной стороны, и Балтийскими республиками, с другой, можно назвать историческими, т. к. именно тогда был создан механизм, который потом обеспечил беспрепятственное присоединение Прибалтики к СССР.

После подписания договоров о взаимопомощи Советский Союз проводил в отношении прибалтийских республик политику полного невмешательства во внутренние дела; это объяснялось не столько уважением советским руководством норм международного права, сколько нежеланием предпринимать какие-либо действия до прояснения ситуации в войне на Западе.

Отношения между СССР и прибалтийскими странами коренным образом изменились 25 мая 1940 г. Причина, вызвавшая столь внезапную перемену в отношениях СССР сначала с Литвой, а затем с Латвией и Эстонией, очевидна – неожиданно быстрая победа Германии в весенней кам-

пании 1940 г. на западном фронте: Третий рейх оккупировал большую часть территории Франции и стал наносить поражение армии Великобритании. Это означало, что СССР будет лишен помощи европейских союзников в случае войны с Германией, следовательно, ему необходимо было позаботиться об укреплении своих западных оборонительных рубежей.

Летом 1940 г. большая часть населения прибалтийских государств вполне лояльно отнеслась к изменениям и поддержала советизацию, но после проведенных там репрессий среди народов Балтии стало нарастать недовольство, крепки антисоветские настроения. Так, СССР своей внешней политикой накануне Великой Отечественной войны добился того, что многие литовцы, латыши и эстонцы приветствовали немецкую оккупацию, восприняв ее как избавление от власти большевизма и надеясь на восстановление утраченной независимости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арумязь Х., Хелме Р. От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн: Периодика, 1990. 216 с.
2. Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
3. Крушельницкий А.В. Полпреды сообщают...: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: август 1939 г. – август 1940 г. М.: Международные отношения, 1990. 544 с.
4. Лебедева Н. Присоединение Прибалтики и депортация накануне войны // Знание-сила. 2009, № 10. С. 50-55.

УДК 94 (470) 1954-1955

Горлов В.Н.

Московский государственный областной университет

ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ» И ОТТОРЖЕНИЕ СТАЛИНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

V. Gorlov

Moscow State Regional University

KHRUSCHEV'S "THAW" AND THE REJECTION OF STALINIST ARCHITECTURE

Аннотация. В статье рассматриваются роль и место архитектуры в жизни советского общества, социальная обусловленность архитектурных и градостроительных решений, влияние научно-технического прогресса на архитектуру, экономические и эстетические основы советского зодчества. На историческом опыте СССР раскрываются актуальные вопросы жилищного строительства как средства комплексного развития социокультурной сферы, формирования гуманитарного пространства и развития социальной, культурной и духовной идентичности людей.

Ключевые слова: жилищный вопрос, архитектура, излишества, индустриальное строительство, типовое проектирование.

Abstract. This article considers the role of architecture in the life of the Soviet society and examines such problems as the social reasons for mass town planning, the influence of science and technology progress on architecture, the economic and aesthetic principles of the Soviet architecture. Guided by the historical experience of mass housing construction practice in the USSR, the article describes housing construction as a social and cultural phenomenon necessary for normal, human living conditions of millions of people, as a means for creating humanitarian space and ensuring social, cultural and spiritual identity of people.

Key words: housing, architecture, the excesses of Stalinist architecture, industrial building, standard design.

Сталинская архитектура представляла собой пример победной архитектуры, символизирующей военную мощь и величие страны. Здания эти были гармонично фундаментальны и снаружи и внутри. Во многих жилых домах мы обнаруживаем удобные решения секций жилых квартир, рациональные типы конструкций и, в ряде случаев, новые художественные решения. Впечатление фундаментальности жизни в сталинских домах усиливалось и за счет архитектурных ордеров и интерьеров. Возводимые здания были, как правило, украшены лепными карнизами, розетками, пилястрами, колоннами.

Тогда в практике проектирования и строительства возникло то явление, которое позже получило название «украшательство». Оно приводило к недостаточно оправданным с экономической точки зрения архитектурным композициям. Жилым домам на главных улицах особенно старались придать пышный и даже торжественный вид. Полезная площадь двухкомнатной квартиры там нередко достигала 55-60 кв. м., а высота потолков 3-3,5 м¹. Одновременно с этим большая средняя жилая площадь квартир при большой подсобной площади приводила к удорожанию строительства (средняя стоимость квартиры достигала 60-80 тыс. руб.²). И хотя в 1953 г. в Москве было построено 812 тыс. кв. м жилой площади [5, 397], этого было мало.

После войны постоянно публиковались статьи о реальных успехах, неудачах, трудностях внедрения типового проектирования. Поражает абсолютное сходство лексики этих статей и постановления 1955 года, которое принадлежало уже совершенно другому времени и действительно переломило ход истории градостроительства и архитектуры в нашей стране. Архитектор А. Перемыслов еще в 1948 г. в статье «Об излишествах в архитектурном проектировании» писал о том, что будет позднее сказано в правительственном Постановлении 1955 г.: недопустимы превышения площадей помещений, состава помещений, злоупотребление декоративными деталями. «Украшение фасадов – признаки слабости

© Горлов В.Н., 2011.

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 144. Д. 2. Л. 113.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 99. Д. 4. Л. 252.

архитектора» [8,18] – такая установка вступала в противоречии с реальной архитектурной практикой того времени. Прочитируем передовую статью «Советский архитектор», опубликованную в газете «Правда» от 28 сентября 1950 г.: «Развитие архитектуры будет неизбежно односторонним, если в архитектурной практике не обеспечить правильного сочетания интересов экономики» [10]. Технический прогресс культивировал экономичность. Архитектура должна была теперь себя контролировать и сдерживать. В соответствии с этим и появлялись по сигналу сверху передовые статьи, призывавшие каждый раз к ужесточению режима экономии и рационализации строительного дела.

В печати открыто заявлялось: «Система ленточной застройки все более не соответствует нашим современным требованиям и возможностям и должна уступить место глубинной, квартальной застройке участков» [19, 7]. Слово «излишества», появившиеся в лексиконе советских архитекторов на стыке 1940 – 1950-х гг., первоначально имело не архитектурно-стилистический, а градостроительный смысл. Совет Министров СССР Постановлением от 9 мая 1950 г. отметил, что высокая стоимость строительства является, прежде всего, результатом включения больших излишеств в проекты и сметы, вызванных, в частности, занятием под стройки преувеличенных размеров территории и разбросанностью самого строительства [9].

К середине 1950-х гг. ситуация в архитектуре стала поистине драматической. Масштабную задачу переселения огромного количества жителей из подвалов, бараков, коммунальных квартир в новые дома невозможно было решить сложившимися традиционными методами кирпичного строительства. Все увеличивающаяся помпезность вступала в острейшее противоречие с задачами, стоявшими перед страной – возмездие 25-ти миллионам советских людей кров, потерянных ими во время войны. Разработки в области типизации, индустриализации и стандартизации при соприкосновении с «официальной» архитектурой, вступили с ней в резкий конфликт. Требования типизации, индустриализации вели к упрощению не только форм, но и объемно-пространственных решений. Идеологические требования, связанные с созданием «фасада» сверхдержавы, победившей фашизм, исходили из противоположных устремлений.

Сразу после смерти И.В. Сталина началась перестройка жилищной политики. В Москве

уже в конце марта 1953 г. заговорили об отказе от оригинальных строительных проектов. В мартовском номере журнала «Архитектура СССР» можно прочесть фразу, которая целиком была обращена в будущее: «Нечего и говорить, сколь возрастают художественные возможности типового строительства при ансамблевости ...» [15, 5]. Июльский номер журнала «Архитектура СССР» 1953 г. начинался статьей академика И. Жолтовского «О некоторых принципах крупнопанельного домостроения». Жолтовский писал о «необходимости предельного сокращения количества типов и размеров панелей» [4, 4-6]. Весь номер журнала целиком был посвящен крупнопанельному и сборному домостроению. А передовица первого номера «Архитектуры СССР» за 1954 г. уже и называлась: «Типовое проектирование – основная линия развития советской архитектуры» [18, 1-3]. Её сопровождает подборка материалов, посвященных жилищному строительству по типовым проектам в Белоруссии, Закавказье, Латвийской ССР и др. Затем следует покаяние на собрании Академии архитектуры СССР ее президента А. Мордвинова, признавшего факт имевших место излишеств [12, 37-40]. Чуть позже теоретики обоснуют требование восстановления «единственно верного материалистического понимания архитектуры» [14, 2-4], появятся статьи о показателях экономичности планировочных решений [13, 8-10].

Говоря о творческой перестройке середины 1950-х гг. как о каком-то внезапном, резком повороте, мы нередко забываем о том, что этот поворот был подготовлен всем ходом развития советской архитектуры. Активное включение в практику типовых проектов, появление первых заводов железобетонных изделий, первые экспериментальные строительные площадки, где жилые дома монтировались из готовых элементов заводского изготовления, – все это создавало в архитектурно-строительном деле ситуацию, которая неизбежно должна была привести к переходу на массовое индустриальное строительство.

Новые тенденции давно уже просматривались сквозь мираж всеобщего увлечения украшениями. Эти тенденции не были теоретически до конца осознаны и, конечно, до поры до времени еще не являлись выражением официальной политики. Но уже к середине 1954 г. были сделаны серьезные замечания по поводу крайней неэкономичности построенных высотных зданий. 10-12-этажные здания предшествовавшего периода,

перегруженные декоративностью, оказывались в 3-4 раза менее экономичными, чем типовые 5-этажные дома. Подвергались критике «триумфальные» градостроительные предложения по ряду магистралей Москвы (Люсиновская, Тульская и другие улицы)¹.

Излишества в архитектуре посчитали вредными потому, что они оказались дороги, и это была самая острая и очевидная причина, но не единственная. Необходимо было задуматься над реконструкцией внутриквартальных пространств. Однако научной концепции по самым узловым вопросам Академия архитектуры к этому времени не выработала и оказалась неподготовленной к огромному масштабу массового индустриального строительства.

На 2-м научно-техническом совещании по жилищному строительству 2 июня 1954 г. критиковались высотные дома за «излишества»: «... над жилыми корпусами, примыкающими к высотному зданию Дорогомиловской гостиницы, выстраиваются 8 ротонд. На этих ротондах расположены вазы, из которых вместо зелени растут серп и молот. В архитектуре это называется, видимо, отражать идеи социалистического реализма. Каждая такая ваза стоит 120 тыс. руб., а 8 ваз – миллион, а общая стоимость ротонд около 5 млн. руб.»². На совещании в МГК КПСС 24 ноября 1954 г. была подвергнута критике стоимость высотных сооружений: «Квадратный метр площади в них стоит от 5470 (Котельническая наб.) до 10376 руб. (гостиница «Украина» на Дорогомиловской наб.), т. е. в три и пять раз выше, чем в нормальных многоэтажных зданиях. Рекорд побит гостиницей «Ленинградской», где стоимость 1 кв.м составляет 21000 руб., а с оборудованием 32000 руб.»³. Будучи 1-м секретарем МГК КПСС, Е.А. Фурцева на XII городской конференции также не могла пройти мимо критики расточительства и излишеств при проектировании и сооружении новых зданий: «Хотелось бы привести один пример: в доме № 56 по ул. Горького архитекторы допустили крупные излишества. Архитектурные украшения обошлись, примерно, в 600 тыс. руб. Дом украшен полутораметровым карнизом длиной 140 метров, весом 500 тонн, на его крепление израсходовано 50 тонн металла. Все это привело к увеличению стоимости одного кв. м.

жилой площади на 25 проц.»⁴. Газета «Вечерняя Москва» 11 августа 1954 г. критиковала уклон в эстетику: «В Академии архитектуры СССР бытует «теория», согласно которой эстетическая сторона в зодчестве является определяющей, и потому дома, не удовлетворяющие эстетическим требованиям, относятся не к архитектуре, а к категории «простого строительства». Нет необходимости доказывать беспочвенность и нелепость этой «теории». И далее: «Архитекторы, стремясь к тому, чтобы их произведения не были отнесены к «простому строительству», обращают все внимание на создание художественного образа» [2].

Итак, художественный образ в архитектуре признается вещью никчемной и ненужной. Во главу угла ставятся вопросы снижения стоимости строительства. Всё это вместе взятое и обусловило созыв Всесоюзного совещания строителей. Затем последовало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1955 г. об изменении направленности в архитектуре [7].

В декабре 1954 г. на Всесоюзном совещании строителей Н.С. Хрущёв дал анализ существа недостатков в области архитектуры: «В нашем строительстве нередко наблюдается расточительство средств и в этом большая вина многих архитекторов, которые допускают излишества в отделке зданий, строящихся по индивидуальным проектам. Такие архитекторы стали камнем преткновения на пути индустриализации строительства». «Мы не против красоты, – указывал Н.С. Хрущёв на совещании, – но против излишеств». «Некоторые архитекторы, – возмущался Н.С.Хрущёв, – увлекаются устройством на зданиях шпильей, и поэтому эти здания становятся похожими на церкви. Вам нравится силуэт церкви? Я не хочу спорить о вкусах, но для жилых домов такой облик зданий не нужен. Нельзя современный жилой дом превращать архитектурным оформлением в подобие церкви или музея» [17, 402]. Сравнение с церковью в то время было беспримысленным аргументом. В этом выступлении подверглось критике одностороннее понимание архитектуры только как искусства и было показано на ряде примеров, какой материальный ущерб порождает «эстетский формализм». Лидер партии однозначно изложил свое понимание сущности и общественных функций архитектуры, ограничив их экономичным решением утилитарных проблем устройства предметно-пространственной

¹ ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.91. Д.7. Л.196.

² ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.91. Д.8. Л.228.

³ ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.91. Д.21. Л.214.

⁴ ЦАОПИМ. Ф.4. Оп.102. Д.3. Л.45.

среды. Следует напомнить одно место из речи Н.С. Хрущева на этом совещании: «...Чтобы широко внедрить типовые проекты, надо проявить волю и настойчивость, так как в этом деле, мы, возможно, встретим и сопротивление. Придется, видимо, кое-кому хорошенько разъяснить необходимость этого дела» [3, 230]. На совещании Н.С. Хрущев грубо одергивал президента Академии архитектуры А. Мордвинова, обвиняя его в увлечении строительством уникальных зданий в ущерб зданиям массового назначения. Его выступление произвело на архитекторов гнетущее впечатление. Стало ясно, что готовится серьезная перетряска в архитектурно-строительном деле.

Речь, произнесенная на Всесоюзном совещании строителей 7 декабря 1954 г., явилась одним из первых шагов в направлении десталинизации советского общества, так как Н.С. Хрущев подверг резкой критике одну из главных составляющих сталинского наследия – социалистический реализм в архитектуре, что на многие десятилетия предопределило характер и направление развития всей советской архитектуры.

Материалы совещания показывают, что жилищная политика стала полем борьбы за политическое лидерство. Смена курса в жилищной политике означала отрицание опыта решения жилищного вопроса при И.В. Сталине (Н.С. Хрущев говорил о необходимости «десталинизации архитектуры») и была важна как «акт символического насилия». В постановлении 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» утверждалось, что «внешне-показная сторона архитектуры, изобилующая большими излишествами», характерная для сталинской эпохи, теперь «не соответствует линии Партии и Правительства в архитектурно-строительном деле... Советской архитектуре должна быть свойственна простота, строгость форм и экономичность решений». Архитекторы, допустившие «излишества» при строительстве, лишались Сталинских премий. Оформление фасадов колоннадами и портиками рассматривалось как архаичное, лепка и барельефы как «архитектурные излишества, заимствованные из прошлого». В постановлении утверждалось, что именно такой «эстетский подход к проектированию» тормозит развитие жилищного строительства и улучшение жилищных условий трудящихся. Но критика была направлена не только против внешнего оформления зданий. Как излишества воспринимались и высокие потолки, лифты, большие

комнаты, «неэкономичные» кухни и коридоры, большие вспомогательные помещения, делающие строительство чрезмерно дорогим, а также строительство по индивидуальным проектам, ведущее к невозможности массового производства отдельных деталей и блоков здания. Выход из жилищного кризиса виделся в увеличении жилищной жилой площади путем индустриализации строительства и введения строительства по типовым проектам [11]. В 1950-е гг., когда партийное руководство высказало свое отношение к «излишества» сталинского строительства, рационализация, индустриализация, экономичность казались единственным выходом из жилищного кризиса.

В 1955 г. было решено ликвидировать Академию архитектуры СССР и создать новую научную организацию – Академию строительства и архитектуры СССР, возложив на нее координацию всей научно-исследовательской работы по строительству и архитектуре в стране. Одной из существенных причин недостатков и излишеств, допускавшихся в архитектуре и строительстве, объявлялось неудовлетворительное состояние архитектурно-строительной науки и, в частности, неправильная линия бывшей Академии архитектуры СССР, которая, как это указывалось в постановлении «Об устранении излишеств...», «...ориентировала архитекторов на решение главным образом внешних сторон архитектуры в ущерб удобствам планировки, технической целесообразности, экономичности строительства» [11].

К сожалению, после ликвидации Академии архитектуры теоретическая разработка художественных проблем была сведена на-нет. В созданной Академии строительства и архитектуры СССР (в свою очередь ликвидированной в 1957 г.) такие термины, как «художественная композиция», «архитектурный ансамбль», «силуэт», «доминанта» и т. п., стали крамольными. Поспешно свертывалась разработка научных исследований (в том числе и диссертационных) по художественным проблемам зодчества. Из подготовленных к печати монографий расторопно изымались изображения сооружений, которые казались излишне торжественными и монументальными. За этим зорко присматривали противники «эстетского подхода» к архитектуре.

Советскую архитектурную науку начали создавать с нуля после смерти И.В. Сталина. В 1954 г. Н.С. Хрущёв, разворачивая массовое строи-

тельство, объявил войну с украшательством в архитектуре, в одночасье отменил стиль. В архитектуре творческие профессии начали вытесняться и заменяться инженерно-строительными специальностями. Да и само искусство архитектуры стало подменяться строительным производством жилища. Деятельность архитекторов была связана поспешно принятыми и непродуманными постановлениями, резко ограничившими самую возможность оригинальных новаторских решений. Архитектор, обязанный в соответствии с этими постановлениями подчинять свои замыслы диктату строителей, оказался практически беспомощен в отношениях с исполнителями, заинтересованными только в реализации предельно упрощенных решений. Утвердилась власть строителей, плохо представляющих себе общественное значение архитектуры, её роль в формировании облика городов. Президентом Академии строительства и архитектуры стал инженер-строитель В. Кучеренко. Как с горечью заметил президент Академии художеств Б.С. Угаров: «На определенном этапе архитектура стала придатком строительного производства и профессией, в которой едва ли не каждый считал себя специалистом» [1, 3].

После Второго съезда советских архитекторов в 1955 г., который прошел под знаком критики положения в архитектуре, активизировалась работа по пересмотру проектов зданий, из которых под флагом борьбы с архитектурными излишествами безжалостно изгонялись башенные надстройки, шпильевидные завершения, арки, портики, колоннады и т. п. XX съезд КПСС указал на необходимость «...улучшить проектное дело и ликвидировать излишества в проектировании», приводящие к расточительному расходованию государственных средств [20, 470]. Авторы уже на ходу, впопыхах «срывали» со своих недостроенных домов кронштейны балконов, карнизы, эркеры, башенки, не ставили заказанные скульптуры, барельефы и пр. Иногда это касалось лишь одной половины дома; другая же, ранее осуществлённая, блистала всей роскошью предшествовавшего направления. Это называлось борьбой с «украшательством» – так окрестили архитектуру предшествовавшего периода, архитектуру, которую теперь определяют как архитектуру сталинской эпохи. Пилястры и колонны, башенки и фигурные карнизы объявлялись «несоответствующими линии КПСС и Советского правительства в архитектурно-стро-

ительном деле, направленной, прежде всего, на удовлетворение нужд широких масс трудящихся» [7]. Н.С. Хрущёв отмечал в воспоминаниях, что «жильё должно быть рациональным» [16, 389]. Это уже должно было, по мнению Н.С. Хрущёва, уменьшить остроту квартирного вопроса. Отсутствие лифтов, мусоропроводов, упрощенная обработка стен казались выходом из жилищного кризиса.

В середине 1950-х гг. созрела не просто проектная идея, а возник общественно-социальный заказ на новые формы и новую организацию жизни. Через несколько лет Хрущёв подчеркнул: «Многие неправильно понимают задачу перестройки и рассматривают её только как сокращение архитектурных излишеств. Дело в принципиальном изменении направленности архитектуры, и это дело надо довести до конца» [6, 4].

Господствующая творческая направленность становилась объективным тормозом на пути развития массового строительства, его типизации и индустриализации. Кризисная ситуация закономерно разрешилась широкой критикой, резким осуждением практики украшательства, как противоречащей прогрессивному развитию архитектурно-строительного дела.

В то время мы пожертвовали главным – красотой... Время требовало перемен, упрощающих архитектуру, но не отменяющих её. Только и требовалось – соблюсти меру. В период хрущевской борьбы с излишествами из архитектуры исчезла и индивидуальность. Сегодня, оценивая послевоенную архитектуру, мы постепенно перестаем ее ругать и начинаем изучать.

В середине 1950-х гг. менялись творческие установки, вкусы, стереотипы и манера «подачи» проектного материала. Однако не все столь однозначно объясняется волевым распоряжением, давлением на архитектурный процесс сверху. Перелом был вызван необходимостью ускорить и удешевить строительство, в кратчайший срок расселить людей из бараков, выволить их из коммуналок. Но не совпала ли эпоха утилитаризма в архитектуре со сменой эстетического идеала? Быть может, директивное решение, вынесшее приговор «излишеству», и стало выразителем художественного эталона времени, причём стало неосознанно. И лишь со временем способна выявить себя зависимость между эволюцией архитектурного образа и радикальными партийными решениями в области архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бирюков И.Г. Городу художественно осмысленную среду // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 10. С. 2-4.
2. Вечерняя Москва. 1954. 11 августа.
3. Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов. Стенограф. отчёт. М., 1956. 396 с.
4. Жолтовский И.В. О некоторых принципах крупнопанельного домостроения // Архитектура СССР. 1953. № 7. С. 4-6.
5. История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941-1965 гг. М., 1967. 566 с.
6. К новому подъёму архитектурного творчества (от второго к третьему съезду советских архитекторов) // Архитектура СССР. 1960. № 11. С. 1-6.
7. Об устранении излишеств в проектировании и строительстве. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР 4 ноября 1955 г. // Правда. 1955. 10 нояб.
8. Перемыслов А.С. Об излишествах в архитектурном проектировании // Архитектура и строительство. 1948. № 6. С. 17-19.
9. Правда. 1950. 10 мая.
10. Правда. 1950. 28 сент.
11. Правда. 1955. 10 нояб.
12. Против формализма в архитектурной практике и науке // Архитектура СССР. 1954. № 10. С. 37-40.
13. Стрелянов Л.Н. О коэффициенте K₂ и других показателях экономичности планировочных решений // Архитектура СССР. 1955. № 3. С. 8-10.
14. Тасалов В.И. За правильное понимание архитектуры // Архитектура СССР. 1955. № 3. С. 2-4.
15. Федоров-Давыдов А.А. Некоторые вопросы архитектурной теории и практики в свете труда И.В. Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" и решений XIX съезда партии // Архитектура СССР. 1953. № 3. С. 1-6.
16. Хрущёв Н.С. Воспоминания. М., 1997. 512 с.
17. Хрущёв Н.С. О широком внедрении промышленных методов, улучшении качества и снижении стоимости строительства. Речь на Всесоюзном совещании строителей 7 декабря 1954 года. Стенографич. отчёт. М., 1955. 432 с.
18. Шаронов М.И. Типовое проектирование - основная линия развития советской архитектуры // Архитектура СССР. 1954. № 1. С. 1-3.
19. Шасс Ю.М. Заметки о жилищной архитектуре Москвы // Архитектура и строительство. 1947. № 5. С. 7-13.
20. XX съезд КПСС. Стенограф. отчёт. Т. 2. М., 1956. 555 с.

УДК 908

Лазарева Л.Н.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ 1965 г. В СССР

L. Lazareva

Moscow State Regional University

ON THE PRINCIPLES OF ECONOMIC REFORMS IN THE USSR IN 1965

Аннотация. В статье проясняются некоторые недостаточно изученные аспекты проблемы выработки принципов реформы 1965 г. В ходе окончательного формулирования этих принципов А.Н. Косыгин вынужден был пойти на определенные компромиссы, диктуемые политической верхушкой КПСС, что делало эффект от вводимых преобразований временным и требовало их дальнейшего углубления и развития. Конечная неудача реформы, таким образом, была определена её политической составляющей, опасениями брежневского руководства, что преобразования эти могут выйти за рамки «теории социализма» в её узком, догматическом понимании.

Ключевые слова: экономическая реформа, научно-техническая революция, совершенствование планирования, экономическое стимулирование, производительность труда, эффективность общественного производства.

Abstract. The paper clarifies some understudied aspects of establishing the principles for the economic reform of 1965. In the final stage of laying down these principles, A.N. Kosygin was forced to make certain compromises, dictated by the political elite of the CPSU (the Communist Party of the Soviet Union), which gave a temporary effect to the introduced changes and required further deepening and developing of the reforms. Thus, the ultimate failure of the reform was determined by its political component. The failure was caused by fears of Brezhnev's government that these transformations might go beyond the "theory of socialism" in its narrow, dogmatic understanding.

Key words: economic reform, scientific and technological revolution, better planning, economic incentives, labour productivity, the efficiency of socialist production.

К середине 1960-х гг. сформировалась и была обществом осознана потребность в экономических преобразованиях. Научно-техническая революция выдвигала новые требования к организации производства и качеству жизни населения. Остро ощущалась необходимость структурной перестройки в пропорциях развития народного хозяйства. Проводить её было необходимо при одновременных капиталовложениях в промышленность, сельское хозяйство, с сохранением обязательств по улучшению уровня жизни. «Холодная война» оттягивала ресурсы на развитие военной промышленности. Найти средства на решение столь сложной задачи можно было только за счет роста производительности труда, за счет повышения эффективности отдачи капиталовложений. А для этого было необходимо привести в единство интересы государства и предприятия, перейти на интенсивный путь развития.

Проблемы советской экономики, ещё достаточно сильной, но начинавшей снижать динамику своего развития, осознавались и обществом и правительством СССР. Реформе предшествовала подготовка, которая включала в себя и обсуждение в печати, и дискуссии научного сообщества, и эксперименты на предприятиях.

В итоге в документы, определявшие положения реформы, было заложено два пути развития: в сторону усиления центральных органов и в направлении развития инициативы предприятий.

27 сентября 1965 г. на Пленуме ЦК КПСС председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин выступил с докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Подводя итоги семилетки, Алексей Николаевич сказал: «Для того чтобы правильно понять задачи дальнейшего подъёма социалистической промышленности, следует учесть ряд обстоятельств, характеризующих современную стадию развития общественного производства» [3, 2]. Глава советского правительства

проанализировал состояние экономики: «Следует отметить, что за последние годы произошло некоторое снижение размеров национального дохода и объёмов промышленной продукции, приходящихся на рубль основных производственных фондов. Темпы роста производительности труда в промышленности, также представляющие собой важные показатели эффективности общественного производства, за последние годы несколько замедлились» [3, 2].

В докладе были отмечены ключевые проблемы советской экономики: диспропорция между развитием промышленности группы «А» и группы «Б»; отставание производства предметов потребления, ведущее к непокрытому росту реальных доходов населения; распыление средств на капитальное строительство; медленное внедрение достижений научно-технического прогресса. Любопытно мнение современных исследователей в части того, что проведённый Косыгиным анализ, почти в тех же формулировках, можно встретить в течение двадцати лет, всякий раз, когда в Советском Союзе обсуждались проблемы экономического развития. И продолжалось это до тех пор, пока выявленные недостатки не оказались гибельными [2, 18].

В свете поставленной задачи одновременно создавать огромные накопления для капитальных вложений и обеспечивать рост благосостояния народа необходимо было всемерное повышение эффективности общественного производства, экономия затрат живого и овеществлённого труда, неуклонное и значительное увеличение отдачи от капитальных вложений и основных производственных фондов. На достижение этого ориентировалась реформа, т. к. действующие формы управления, планирования и стимулирования в промышленности не отвечали выдвинутому требованиям. «Хозяйственная инициатива предприятий и их права сужены. Хозрасчет носит во многом формальный характер. Существующая система материального поощрения работников промышленности слабо заинтересовывает их в улучшении общих итогов работы предприятий и нередко действует вразрез с интересами народного хозяйства в целом» [3, 2]. Только сочетание централизованного планового руководства с хозяйственной инициативой предприятий и коллективов, усиление экономических рычагов и материальных стимулов развития производства, полный хозрасчет – дадут возможность решить заявленные проблемы. Так А.Н. Косыгиным

обосновывалась необходимость и цель реформы советской экономики.

В докладе подчеркивалось, что главным принципом, на котором должна проходить реформа, является ведущая роль централизованного планового руководства в развитии экономики. В то же время давалось достаточно много возможностей для проявления предприятиям хозяйственной инициативы. Задача, которую ставила реформа, состояла в том, чтобы согласовать централизованное планирование с инициативой предприятий.

Воссоздавались министерства. Объяснялся этот шаг тем, что «в современных условиях, когда крайне усложняются производственно-технические проблемы, эффективное руководство промышленностью может осуществляться лишь с полным учетом особенностей и задач каждой отрасли» [3, 2]. Подчеркивалось, что новые министерства должны работать в условиях, когда «функции административного управления промышленностью сочетаются со значительным усилением хозрасчетных методов и экономических стимулов, когда существенно расширяются хозяйственные права и инициатива предприятий» [4, 50]. Предполагалось отказаться от привычных представлений о том, что во взаимоотношениях между руководящими хозяйственными органами и предприятиями первые имеют только права, а вторые только обязанности.

Такие исследователи, как Ю.В. Аксютин, считают, что «политика, а не экономика потребовала ликвидировать совнархозы и восстановить министерства. Продолжение борьбы за военно-стратегический паритет с Америкой и НАТО требовало сосредоточить распоряжение всеми средствами в центре, прекратить «разбазаривание» местами средств на дорожное и жилищное строительство и тому подобные, как тогда многим в новом руководстве казалось, «излишества» [1, 176].

Усиление роли планирования и воссоздание министерств, таким образом, реформаторы хотели сочетать с одновременным расширением хозяйственной инициативы предприятий и их прав.

Из доклада следует, что реформа должна развиваться по трём направлениям:

1. повышение научного уровня государственного планирования экономики;
2. расширение хозяйственной самостоятельности и инициативы предприятий и объединений;

3. усиление экономического стимулирования производства.

Задача улучшения планирования была сформулирована следующим образом: «Народнохозяйственные планы должны учитывать перспективы научно-технического прогресса, предусматривать быстрые темпы внедрения и освоения новейших достижений науки и техники, основываться на реальных и объективных расчетах. При составлении планов необходимо соблюдать важнейшие принципы: строгий учет экономических законов социализма, обеспечение пропорциональности в развитии экономики, получение максимума промышленной продукции при наименьших затратах» [5, 456]. В постановлении сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС говорилось о необходимости устранить излишнюю регламентацию деятельности предприятий, сократить число плановых показателей, утверждаемых предприятиям сверху, наделить их необходимыми средствами для развития и совершенствования производства, улучшать использование таких важнейших экономических рычагов, как прибыль, цена, премия, кредит [5, 457].

Для достижения этого значительно снижалось число планируемых сверху показателей. Оставались: объём реализуемой продукции, важнейшие виды продукции в натуральном выражении, общий фонд заработной платы, сумма прибыли и рентабельность (к сумме основных фондов и оборотных средств), платежи в бюджет и ассигнования из бюджета, объём централизованных капитальных вложений и ввод в действие за счет них производственных мощностей и основных фондов, основные задания по внедрению новой техники, показатели по материально-техническому снабжению. Остальные показатели планов должны были разрабатываться сами предприятиями и использоваться плановыми органами как расчетные к составлению планов [5, 459]. Самостоятельно предприятия могли планировать: объём производства, детальную номенклатуру и ассортимент продукции, осуществлять мероприятия по совершенствованию производства за счет нецентрализованных капитальных вложений, повышения производительности труда, определять численность работников и среднюю заработную плату, устанавливать наиболее рациональную структуру управления предприятием [5, 670].

Основной хозяйственной единицей становилось предприятие. В корне пересматривался принцип его работы. Для того, чтобы сделать инте-

ресы государства и предприятия едиными, центр тяжести переносился на заинтересованности коллектива в экономическом результате своей работы.

Для этого основным показателем успешной работы предприятия теперь становился не «вал», а объём реализованной продукции, т. к. «выполнение заданий по реализации продукции потребует от предприятий уделять больше внимания её качеству» [4, 328].

Этот принцип, однако, мог работать только в том случае, если у покупателя имелся выбор. В условиях отсутствия рынка и наличия дефицита продавец получал больше привилегий, чем тот, кто был заинтересован в приобретении данного вида продукции.

В то же время, поскольку народному хозяйству нужны определённые виды продукции для удовлетворения общественных потребностей, в системе плановых показателей был сохранён круг заданий по важнейшей номенклатуре изделий.

К тому же, чтобы усилить заинтересованность предприятия в повышении эффективности производства, вводился показатель прибыли, рентабельности. «Прибыль, в отличие от себестоимости, более полно отражает увеличение количества произведенной продукции, расширение и обновление ассортимента, повышение качества изделий, все эти стороны производственной деятельности предприятия. Важно при этом учитывать не только размеры и прирост прибыли, но и уровень рентабельности, то есть знать, сколько прибыли получено на каждый рубль производственных фондов» [3, 2].

Нововведение меняло сам принцип работы советской экономики. Раньше главными показателями были «вал» и «себестоимость». Это делало выгодным для предприятия выпускать больше продукции и снижать её стоимость. Остальное планировалось государством. Таким образом, во главе угла стоял народнохозяйственный интерес. Само же предприятие непосредственно не было заинтересованно в результатах своей работы. Теперь же показатели «прибыль» и «рентабельность» напрямую экономически заинтересовывали коллектив. Чтобы задействовать рыночные рычаги в отношении государства и предприятия, необходим был механизм четкого регулирования этих отношений. В ином случае интересы отдельного предприятия вполне могли прийти в противоречие с интересами всего народного хозяйства. Это и имело место на практике, например,

когда предприятия повышали прибыль путём увеличения цены.

Для усиления экономического стимулирования и укрепления хозрасчета предприятие получало больше средств из прибыли. Причём размеры средств были поставлены в прямую зависимость от эффективного использования закреплённых за предприятием производственных фондов, увеличения объёма реализации продукции, повышения рентабельности производства и улучшения качества продукции. Эти средства предприятие должно было использовать на развитие производства, совершенствование техники, материальное поощрение работников и улучшение условий труда и быта рабочих и служащих. Вместе с тем ограничивалось безвозвратное финансирование государством капитальных вложений, расширялось применение кредита. «В перспективе плата за фонды станет важнейшей частью доходов государственного бюджета, и сократится роль других платежей, в том числе и налог с оборота» [3, 2].

Большие надежды возлагались именно на это положение реформы. Планировалось, что предприятие, получая больше возможностей, должно будет нести ответственность за хозяйственный результат своей деятельности. Однако уже в данном докладе А.Н. Косыгин подчеркнул, что необходимо укрепление платёжной дисциплины между предприятиями. Ведь при таком подходе срыв поставок поставщиком приведёт к невыполнению плана и финансовой ответственности предприятия. К сожалению, не были продуманы механизмы использования предприятием создаваемых фондов. Ещё на стадии эксперимента было видно, что данное положение неизбежно приведёт к проблемам: как покрывать рост зарплат и премий, где и чем отоваривать фонд развития?

На местах решения сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС были приняты с большим воодушевлением, о чем свидетельствует нижеприводимые данные об отношении к ним.

Омская область: «Вопросы перестройки руководства промышленностью изложены правильно и находят полную поддержку и горячее одобрение у всех руководителей промышленных предприятий истроек области».

Саратовская область: «Преодолевая последствия поспешных решений, ЦК КПСС открывает новые страницы в развитии экономики нашей страны. Если раньше превалировали административные методы руководства промышленнос-

тью, то теперь они уступают место экономическим, научно обоснованным методам».

Пензенская область: «Порочный метод планирования без достаточных экономических расчетов и материальных возможностей привел фабрику к систематическому невыполнению плановых заданий и тяжелому финансовому положению».

Ульяновская область: «Новая система планирования должна положить конец безответственности»¹.

Реформа вводилась в действие серией постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, распространявших её положения на отдельные отрасли и сектора народного хозяйства. С 1966 г. проходил перевод предприятий на новые условия хозяйствования.

Однако, если в предложениях, высказанных учеными в ходе дискуссии, предшествующей реформе, центр проблемы приходился на согласование интересов государства и предприятия на основе расширения прав предприятия, то в принятых документах центр перенесён на изменение количества и состава централизованно планируемых показателей. В то же время предприятию было предоставлено достаточно возможностей для проявления инициативы. В принятом документе была заложена возможность дальнейшего развития и по пути большего предоставления прав предприятию. «Не все предложения, выдвинутые в ходе обсуждения, вошли в проект Косыгина, который держался того осторожного курса, каким новое руководство намеревалось двигаться вперед» [2, 18] – так были оценены документы реформы, принятые на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, за рубежом.

Хочется отметить, что принципы, на которых строилось реформирование экономики, кажутся взаимоисключающими. В том и была грандиозность (или нереальность?) задачи, что советские реформаторы хотели пройти между «Сциллой и Харибдой», «совместить несовместимое». Сделать так, чтобы взятые в правильных пропорци-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 556. Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1956-1966). Оп. 14. Д. 260. Записки отдела и сектора организационно-уставных вопросов и информации, информации местных партийных органов о ходе обсуждения в областных, краевых партийных организациях РСФСР решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и мероприятий, проводимых по выполнению этих решений Л. 8. Л. 11. Л. 26. Л. 95.

ях, эти принципы не противоречили, а дополняли друг друга.

Из анализа данного документа напрашивается вывод о его компромиссном характере, а значит, имевшем месте противостоянии реформе со стороны членов Политбюро ЦК КПСС.

Из экспериментов на предприятиях, предвзвешивавших реформу, уже было ясно, что многие положения реформы не могут работать в данной трактовке, что документ нуждается в совершенствовании, а сама концепция не согласована полностью. Но, тем не менее, понимая всю сложность положения, А.Н. Косыгин решил все же приступить к реформированию экономики, пусть даже в таком урезанном виде. И не случайно на XXIII съезде КПСС вместе того, чтобы развивать положения реформы, о ней говорят уже вскользь.

В то же время, несмотря на все трудности реализации и недоработки реформы, даже такой идеологически ангажированный автор, как Г.Х. Попов, признаёт, что пятилетка 1966-1970 гг. впервые со сталинских времен стала пятилеткой растущих показателей [6, 369].

В дальнейшем, однако, политические соображения брежневского руководства взяли верх над экономической целесообразностью. Успешно – в целом – начатая реформа так и не получила достаточного и необходимого продолжения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксютин Ю.В. Восьмой советский премьер Косыгин // Россия XXI век. № 4. 2000. 292 с.
2. Боффа Д. От СССР к России: история неоконченного кризиса 1964-94. М., 1996. 320 с.
3. Доклад члена Президиума ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства // Правда, 1965. 28 сентября.
4. Косыгин А.Н. К великой цели. Избранные речи и статьи. Т. 1. М., 1979. 608 с.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 1986. 494 с.
6. Попов Г.Х. Реформирование нерепформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М., 2009. 528 с.

УДК 377.5 (470) "1960/1991"

Печурин О.А.

Курский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕТИ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ В РСФСР (1960–1991 гг.)¹

O. Pechurin

Kursk State University

THE MAIN TRENDS OF DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF SECONDARY SPECIAL EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE FINANCIAL AND ECONOMIC PROFILE IN RSFSR (1960-1991)

Аннотация. В данной работе впервые определены условия развития средних специальных учебных заведений финансово-экономического профиля в РСФСР в 1960-1991 гг. В исследовании подчеркивается рациональное размещение средних специальных учебных заведений и его влияние на улучшение подготовки специалистов. В статье рассматривается тенденция формирования техникумов нового типа. Определена роль регионов в развитии сети средних специальных учебных заведений финансово-экономического профиля.

Ключевые слова: исследование, развитие средних специальных учебных заведений, подготовка специалистов, учебные заведения нового типа.

Abstract. The article determines the conditions of the development of secondary special educational establishments of the financial and economic profile in RSFSR in 1960-1991. The investigation emphasizes efficient distribution of secondary special educational establishments and its positive influence on the preparation of specialists. The author determines the role of regions in the development of the system of secondary special educational establishments of the financial and economic profile.

Key words: investigation, development of secondary special educational establishments, specialists training, educational establishments of a new type.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. в РСФСР образовался значительный разрыв между потребностью в специалистах со средним финансово-экономическим образованием для отраслей материального производства и непроизводственной сферы и возможностью удовлетворить их действовавшей системой подготовки.

В 1961 году в народном хозяйстве Российской Федерации трудились 313 тыс. специалистов экономического профиля, из которых 70,5% имели среднее специальное образование. Положение с этой категорией кадров по отдельным отраслям, министерствам и ведомствам характеризовалось следующими данными. Самый высокий показатель обеспеченности специалистами был на промышленных предприятиях: с высшим образованием – 36,4%, со средним специальным – 31,6%. В строительных организациях он составлял только 9,8%. Наиболее тяжелая ситуация существовала в сельском хозяйстве. Из 18,2 тысяч колхозов только в 249 были специалисты с экономическим образованием, в 20% совхозов они отсутствовали. 96% бухгалтеров, 50% счетных работников колхозов и совхозов не имели специального образования¹. Это отрицательно влияло на планирование, учет, внедрение хозяйственного расчета, новых условий оплаты труда, выявление неиспользованных материальных, финансовых, трудовых и других ресурсов. Примерно аналогичное положение существовало даже в тех ведомствах, которые готовили кадры только для своей системы. В 1961 г. в конторах и отделениях Государственного банка СССР по РСФСР работало 30% сотрудников со средним специальным образованием, 9% – с высшим². В аппарате областных правлений Российского союза потребительских обществ 40% сотрудников не имели специального образования, а среди председателей правлений

© Печурин О.А., 2011.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 42. Д. 9649. Л. 26, 27, 28.

² Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 27. Д. 2682. Л. 45.

райпотребсоюзов и сельских потребительских обществ этот показатель составил 59%¹.

Действующие в РСФСР 115 техникумов финансово-экономического профиля не справлялись с задачами увеличения выпуска бухгалтеров, товароведов, плановиков, статистиков, специалистов в области банковского и страхового дела, механизации учета и вычислительных работ. Более того, обозначилась тенденция уменьшения количества подготавливаемых кадров. Если в 1960 г. потребность в специалистах средней квалификации была удовлетворена на 71,7%, то в 1961 и 1962 гг. соответственно на 43,2% и 43,4%².

Другой проблемой являлось территориальное размещение средних специальных гуманитарных учебных заведений. Подготовка специалистов финансово-экономического профиля была сосредоточена в Москве, Ленинграде, районах Поволжья, а восточнее Уральского экономического региона, например, действовало всего пять техникумов Министерства финансов РСФСР, четыре учебных заведения Министерства торговли РСФСР и одно – ЦСУ РСФСР.

Таким образом, государственная политика в области развития средней специальной гуманитарной школы в новой социокультурной ситуации, в условиях перестройки системы образования, изменения демографической ситуации, роста потребностей в кадрах средней квалификации должна была решить ряд взаимосвязанных задач:

- упорядочить правовые акты по вопросам открытия, закрытия, преобразования и реорганизации средних специальных учебных заведений;
- расширить сеть техникумов и училищ гуманитарного профиля;
- обеспечить рациональное размещение средних специальных гуманитарных образовательных учреждений с учетом потребностей в кадрах материальной и непромышленной сфер, краев, областей, автономных образований;
- ликвидировать параллелизм в подготовке специалистов со средним специальным гуманитарным образованием.

При обсуждении проектов Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958 г.) и Программы КПСС, подготовке к XXII съезду партии в ЦК КПСС, Советы Министров СССР и РСФСР, Политбюро ЦК КПСС

по РСФСР от министерств, ведомств, местных партийных и государственных органов поступили предложения об увеличении количества финансово-экономических техникумов³.

Необходимость рационального размещения средних специальных учебных заведений подчеркивалась в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов» (май 1963 г.), постановлении Совета Министров СССР «О дальнейшем улучшении высшего и среднего специального заочного и вечернего образования» (апрель 1964 г.) и постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране» (сентябрь 1966 г.) В них предусматривалось установить прямую зависимость увеличения числа учебных заведений от потребности в кадрах отраслей материального производства и непромышленной сферы, расширить сеть филиалов и учебно-консультационных пунктов, создавать новые техникумы и училища в районах интенсивного развития производительных сил [1, 421-429; 2, 125-135].

На протяжении 1960-х гг. высшие партийно-государственные органы СССР и РСФСР приняли решения об увеличении количества финансовых, торговых, кооперативных, учетно-кредитных техникумов, техникумов механизации учета и вычислительных работ. К ним относятся постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» (август 1960 г.) [4], постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки и использования экономических кадров с высшим и средним специальным образованием в РСФСР» (октябрь 1962 г.), постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» (октябрь 1965 г.) [1, 551] и ряд других. На их основании открылось 50 средних специальных учебных заведений финансово-экономического профиля. Большинство из них появилось в системе Министерства торговли РСФСР (13) и Роспотребсоюза (18)⁴.

¹ ГАРФ. Ф. А-506. Оп. 2. Д. 1356. Л. 12, 14.

² ГАРФ. – Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 1668. Л. 4. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 5803. Л. 212.

³ ГАРФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 1668. Л. 4. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 5803. Л. 212.

⁴ Подсчитано автором: [7]

Характерной тенденцией 1960-х гг. стало увеличение количества отделений по подготовке специалистов со средним финансово-экономическим образованием в непрофильных техникумах. Для своих отраслей кадры бухгалтеров, плановиков, статистиков стали готовить большинство российских и союзных ведомств. Самое значительное количество подобных отделений создали в средних специальных учебных заведениях Министерства сельского хозяйства РСФСР. Так, в 1970 г. обучение специалистов экономического профиля осуществляли 69 сельскохозяйственных техникумов¹.

Значительно расширилась сеть вечернего и заочного обучения. В первой половине 1960-х гг. открылись 10 вечерних и заочных техникумов финансово-экономического профиля [8]. Расширилась сеть учебно-консультационных пунктов и филиалов. В 1964-1965 учебном году заочный техникум советской торговли на территории РСФСР имел 36 учебно-консультационных пунктов, всесоюзный заочный учетно-кредитный – 14, всесоюзный финансовый техникум – 13².

По-прежнему острой оставалась проблема рационального территориального размещения техникумов, особенно в восточных районах. Например, в 1970 г. на Дальнем Востоке и в Сибири действовало всего 6 из 37 техникумов Министерства торговли РСФСР³.

В 1970-е гг. развитие сети средних специальных учебных заведений характеризовалась противоречивыми тенденциями.

С одной стороны, тринадцать техникумов появились в системе Министерства торговли РСФСР. Четыре техникума механизации учета и вычислительных работ открыло ЦСУ РСФСР. Увеличилось число отделений для подготовки кадров по финансово-экономическим специальностям в непрофильных техникумах. В 1980 г. данных специалистов готовили 152 отделения средних специальных учебных заведений, подчиненных российским министерствам и ведомствам. На территории РСФСР их обучение также осуществляли 82 отделения техникумов, подведомственных министерствам СССР⁴.

Следует подчеркнуть, что на замедлении темпов роста средних специальных учебных заве-

дений в определенной мере сказалась реформа высшего и среднего специального образования 1987 г. Вывод о необоснованном выпуске кадров средней квалификации [3] относился в основном к среднему техническому образованию, где избыток специалистов ощущался уже в 1970-е годы. Но данное положение автоматически распространили и на другие виды среднего специального образования, воспрепятствовав тем самым совершенствованию его сети (кроме педагогических училищ).

Особая ситуация с состоянием сети техникумов складывается в 1990–1991 гг. Она была вызвана, с одной стороны, процессами демократизации общественной жизни, переходом к созданию новой российской государственности и основ рыночных отношений, а с другой, – нарастанием системного кризиса советского общества.

Одной из наиболее характерных тенденций становится формирование техникумов нового типа. Колледжи создаются, например, на базе московских планово-бухгалтерского и торгово-экономического техникумов. Причем анализ документов показывает, что первенство здесь принадлежало техникумам и училищам Москвы и Ленинграда, а периферийные средние специальные учебные заведения значительно отставали от них в плане реорганизации⁵.

В 1990–1991 гг. по причинам нарастания кризиса в экономической сфере и резкого сокращения бюджетных ассигнований на образование фактически прекращается открытие новых техникумов и училищ. На ситуацию с состоянием сети средних специальных учебных заведений также повлиял и ряд других факторов: разрушение прежней системы управления отраслями хозяйства, начало процесса формирования новых управленческих структур в РСФСР после принятия Декларации о государственном суверенитете, передача в ведение российских министерств и ведомств техникумов союзного подчинения.

После разделения функций с Государственным комитетом СССР по народному образованию в октябре 1990 г. Министерство образования РСФСР получило возможность самостоятельно планировать развитие сети учебных заведений. По его инициативе в ряде регионов на базе профессионально-технических училищ организуются коммерческие училища для подготовки коммерческих и финансовых работников: бух-

¹ Подсчитано автором: [5]

² Подсчитано автором: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2929. Л. 15-16, 31, 96-97.

³ Подсчитано автором: [6]

⁴ Подсчитано автором: [6]

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9661. Оп. 1. Д. 824. Л. 62-64, 79, 83-85, 88-90, 103-105.

галтеров – операторов ЭВМ, налоговых инспекторов, менеджеров среднего звена¹.

Таким образом, в 1960–1991 гг. в развитии сети средних специальных учебных заведений финансово-экономического профиля на территории РСФСР произошли существенные изменения. Количество техникумов возросло по сравнению с 1960–1961 учебным годом в 1,6 раза, и в 1990–1991 учебном году действовало 189 учебных заведений². На протяжении исследуемого периода в силу объективных и субъективных причин сеть данных учебных заведений испытывала серьезные трансформации. Своеобразный рывок был предпринят в 1960-е гг., когда открылось большинство техникумов – 50. В 1970-е – 1980-е гг. происходит замедление темпов роста самостоятельных учебных заведений. За двадцать лет их было создано только 24. Действующая сеть техникумов и училищ по подготовке специалистов гуманитарного профиля была в целом ориентирована на удовлетворение потребностей в кадрах собственных министерств и ведомств. Но даже ведомственные учебные заведения не решали полностью кадровые запросы своих отраслей. Поэтому приходилось организовывать дополнительную подготовку кадров в учебных комбинатах финансово-экономического профиля и т. д.

На протяжении рассматриваемого периода осталась нерешенной проблема рационального

территориального размещения средних специальных гуманитарных образовательных учреждений. Они были сконцентрированы преимущественно в центральных и западных районах РСФСР, тогда как восточные регионы не могли удовлетворить потребности в кадрах из-за недостаточного количества или отсутствия техникумов и училищ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (далее КПСС в резолюциях...) 8-е изд., доп. и испр. Т. 8. М., 1972.
2. КПСС в резолюциях... 8-е изд., доп. и испр. Т. 9. М., 1972.
3. Народное образование в СССР: сб. нормативных актов. М., 1987. 224 с.
4. Собрание постановлений правительства СССР 1964. № 6. С. 39.
5. Справочник для поступающих в средние специальные учебные заведения СССР (техникумы, училища, школы) в 1961 году. М., 1961. 347 с.
6. Справочник для поступающих в средние специальные учебные заведения СССР (техникумы, училища, школы) в 1971 году. М., 1971. 361 с.
7. Справочник для поступающих в средние специальные учебные заведения СССР (техникумы, училища, школы) в 1981 году. М., 1981. 285 с.
8. Среднее специальное образование в СССР: Стат. сб. М., 1962. 67 с.

¹ Центральный архив Министерства образования и науки Российской Федерации. Ф. ОАФ. Оп. 2. Д. 240. Л. 25.

² ГАРФ. Ф. Р. 9661. Оп. 1. Д. 708. Л. 104.

УДК 091

Чеботарев А.Н.

Московский педагогический государственный университет

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ: «ТЮРЬМА НАРОДОВ» ИЛИ «МОДЕЛЬ МИРА»?

A. Chebotarev

Moscow Pedagogical State University

MULTINATIONAL RUSSIA: "PRISON OF THE PEOPLES" OR "MODEL OF THE WORLD"?

Аннотация. Главная задача данной публикации – ответить на проблемный вопрос: почему многонациональность в стране из очевидного фактора силы превратилась в фактор слабости государства. Особое значение имеет переосмысление исторического опыта существования русской нации в рамках российской государственности. С начала имперского строительства историю русского народа сложно вычленишь из истории многонационального государства. Если народы, вошедшие в состав Российской империи, как правило, сохраняли свой язык и культуру, то процесс становления русского национального самосознания осложнялся вполне очевидной размытостью территориальных, языковых и социокультурных признаков русской нации. Преодолению данной тенденции может способствовать объективное изучение истории русского народа в контексте национальной политики России.

Ключевые слова: национальная политика, империя, «русский вопрос», национальная элита, этнические противоречия.

Abstract. this article a comprehensive analysis of the current model of national policies in Russia. The central purpose of the publication – answer a problematic issue: why diversity in the country of obvious factors force became a factor of weak States. Of particular importance is redefining the historical experience of the Russian nation as part of Russian statehood. Since the beginning of Imperial construction history of the Russian people is difficult to disentangle from history of the multi-ethnic State. If inorodtsy who were part of Russian Empire tended to retain their language and culture, the development of Russian national identity complicated by apparent vagueness of territorial, linguistic and sociocultural characteristics of the Russian nation. Overcoming this trend could lead to an objective examination of the history of the Russian people in the context of national policy.

Key words: national policy, Empire, "the Russian question", the national elite, ethnic strife.

Комплекс накопившихся противоречий в национальном развитии современной России представляет собой серьезную деструктивную силу, способную поставить под вопрос территориальную целостность страны. В большинстве случаев сепаратистские настроения основываются на предвзятых оценках исторического прошлого. Формирование тенденциозных представлений об исключительно и только насильственном присоединении национальных окраин к России имеет огромный разрушительный потенциал, который нельзя недооценивать. Конъюнктурные интерпретации национальной политики способствуют накоплению негативных знаний об историческом прошлом, создают миф об «имперских амбициях» России, формируют негативные стереотипы о русском национальном характере [19, 55].

Становление российской государственности на Евразийском континенте в общих чертах завершилось к концу XIX в. К этому времени Россия представляла собой самобытное централизованное государство, объединявшее десятки народностей, заселявших пространство от Восточной Европы до Дальнего Востока. Главная причина относительного успеха курса национальной политики России заключалась в гражданском приобщении иноэтнических сообществ, создании условий для их «слияния с остальными подданными...»¹, тогда как в других имперских объединениях (например, в Британской империи) практиковалась экономическая и политическая эксплуатация колониальных окраин [6, 35].

© Чеботарев А.Н., 2011.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 381. Оп. 47. Д. 42. Л. 667.

Уникальность российской имперской модели состоит в том, что присоединение новых территорий с иноэтничным населением происходило в стратегических интересах государства, а не русского народа, на долю которого выпадали основные тяготы имперского освоения пространства. Статус инородческих окраин в составе России по большинству параметров не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами, а установленные для них налоговые повинности не имели каких-либо различий по признакам этнической принадлежности [15, 29; 16, 31]. Более того, в ряде случаев, например, для калмыков, башкир, ногайцев, крымских татар, народов Северного Кавказа, «с учетом их нужды», они были существенно уменьшены особыми распоряжениями [27, 165; 8, 214]. Даже известный своими резкими оценками «имперского прошлого» России публицист А. Авторханов вынужден был признать, что «от внешних завоеваний русский народ не богател, как западные народы от их колониальных грабежей» [1, 199].

В полном соответствии с российской имперской традицией при введении русского управления в Дагестане в 1860 г. Главным штабом Кавказской армии было предусмотрено освобождение всех народов края от взноса податей на три года. [31, 75]. Как правило, такая мера распространялась на все земли, принимавшие подданство России. [30, 566]. Налоговые льготы инонациональным сообществам, которым могло позавидовать русское население центрального региона, являлись важной мерой сохранения территориальной целостности России. Например, армянские поселения на Северном Кавказе получили освобождение «... от государственных податей и службы на 10 лет, а от дачи рекрут и складочных на них денег вечно» [4, 44]. В 1897 г. в Западном крае был отменен особый налог с земледельцев польского происхождения, введенный в качестве репрессивной меры после восстания 1863 г. [20, 84]. Казахское население в Степном крае выплачивало повинности в 5,4 раза меньше сибирских казаков и более чем в 2 раза меньше – русских крестьян [23, 25]. Не случайно В.И. Вернадский подчеркивал, что «для нас Сибирь, Кавказ, Туркестан не бесправные колонии» [3, 8].

В колониальной зависимости от России никогда не находилась северо-западная периферия империи. И хотя центральные области России, особенно обе ее столицы, переживали стремительный хозяйственный, социальный и куль-

турный подъем, все же и Царство Польское, и Финляндия, и Прибалтийские провинции сохраняли явное преимущество в социально-экономическом и социально-культурном уровне развития. Эти регионы использовали для нужд своей экономики российский рынок сбыта и импорт сырья из России. По состоянию и уровню развития сельского хозяйства большинство регионов на западе и юге империи также отличались в лучшую сторону от русского центра и от областей на востоке страны.

В отечественной историографии широко утвердилось мнение о том, что по ряду основных показателей инонациональная периферия находилась в более привилегированном положении по сравнению с русским центром [25, 78]. На многие ее регионы в свое время не распространялось крепостное право, рекрутская повинность, соблюдалась нерушимость традиционных хозяйственных устоев [8, 214-215]. Как удалось установить С.В. Лурье при изучении отечественного имперского феномена, на российских окраинах «...все отрасли промышленности, ...экономика..., почти все командные должности гражданские и военные, юриспруденция, образование, печать – были в руках у местной элиты» [12, 127].

В процессе имперского строительства русская нация начинает рассматриваться не как самостоятельная национальная величина, а как ядро российской государственности, выполняющее отведенную социально-политическую, экономическую и ассимиляторскую роль. Не всегда эта роль отвечала истинным национальным интересам русских, что и обусловило собой возникновение так называемого «русского вопроса».

Различие целей русского народа и русского государства точно отметил В.Д. Соловей: «Государство питалось русской силой и беспощадно эксплуатировало ее: русские низы не имели никаких этнических преференций и несли основное государственное тягло. Тяжесть эксплуатации увеличивалась по мере успеха имперского (социалистического) строительства, роста внешнеполитического влияния и военной мощи страны, уменьшения доли русских в численности ее населения. Все это провоцировало недовольство, превращая русских из главной опоры империи в угрозу ее стабильности» [26, 277]. Не случайно еще в 1896 г. В.В. Розанов в одной из своих статей заметил: «Россия пользуется в самой России правами наименее благоприятствуемой державы» [21, 6-7]. В 1901 г. М.А. Миропиев, описывая по-

ложение инородцев в составе империи, пришел к выводу, что «политика предпочтения окраин центру ведет... к государственному разложению...» [18, 7].

Расширение Российской империи обеспечивало не только государственную безопасность, но и региональную (континентальную) стабильность [15, 29]. По мнению Н.А. Бердяева, «географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к созданию огромного государства. На русских равнинах неизбежно должен был сложиться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное целое» [2, 85].

Структура многонациональной Российской империи оставалась сложной и неоднозначной. Известный западный специалист А. Каппелер замечает: «Российская империя... не поддается определению с помощью таких ярлыков-штампов, как «российское унитарное государство», «православная империя» или «колониальная держава» [9, 119]. Некоторые окраины имели больше преференций (например, Великое княжество Финляндское), некоторые находились под особым, более жестким управлением (Кавказ, Средняя Азия). Управление окраинами во многом находилось в руках лояльных империи местных элит [29, 67; 17, 21].

Имперское освоение пространства чревато в итоге государственной деструкцией. Как отмечает В.В. Макаренко, «сутью имперской формы организации является неравномерность развития географического пространства при объективной взаимосвязанности и взаимозависимости его частей. Неравномерность развития приводит к тому, что прорывы на качественно новый уровень в области духа, вооружений или промышленности происходят локально, а затем стремительно распространяются вширь, сплывая окружающее пространство в империю. Но затем освоение периферией культурных и военно-политических новшеств готовит изживание имперской формы организации пространства» [13, 81].

Безусловно, империя изживает себя, когда провинции догоняют центр. Экономический аспект этой проблемы выступает как «противоречие между основной целью империи, состоящей в эксплуатации провинций в интересах господствующего народа, следовательно, в недопущении их самостоятельного развития сверх определенных границ, и реализацией этой цели, которая предполагает прогрессивное развитие произво-

дительных сил провинций, иначе неспособных быть экономическим и военным резервом империи» [10, 76]. Рано или поздно это развитие провинциальной экономики (и неизбежное при этом формирование новых групп интеллектуальной, культурной, профессиональной и экономической провинциальной элиты) приводит к гомогенизации экономического пространства империи, к исчезновению в нем структурных различий. Как отмечает О.В. Ситникова, «в результате выравнивания провинций и центра неэквивалентный обмен становится невозможен, части превращаются в соперников, империя распадается» [22, 77].

С.Ю. Витте отмечал: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX вв. вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, – их религию, их языки проч.»¹.

Возвращаясь к вынесенной в название статьи проблеме, необходимо отметить, что главной движущей силой истории являются не классы, социальные группы и партии, а народы, сохраняющие внутреннее единство, несмотря на комплекс объективно существующих противоречий. «Дух народа» у Гегеля превращает безликие массы в способные к коллективному волеизъявлению группы людей [5, 55]. Этничность не только онтологична, она более фундаментальный фактор истории, чем экономика, культура и политика [26, 307].

Во второй половине XIX в. с подачи К. Маркса в общественной мысли господствовали представления о том, что классовые противоречия выше национального самосознания. Национальности считались пережитком капитализма, а потому – явлением, доживающим свой век: «национальные объединения неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут... вследствие уничтожения их основы – частной собственности» [14, 360]. Такого мнения в национальном вопросе придерживались все наследники учения Маркса, от Л.Д. Троцкого, воскликнувшего: «Будь проклят

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 460. Л. 5.

патриотизм», до В.И. Ленина, наметившего полосу «самого резкого расхождения с патриотизмом» [11, 190]. Однако совершенно неожиданно XX век оказался веком неслыханно обострившегося национализма [28, 7]. В сборнике «Из-под глыб» А.И. Солженицын отметил: «Вперерез марксизму явил нам XX в. неистощимую силу и жизненность национальных чувств и склоняет нас глубже задуматься над загадкой: почему человечество так отчетливо квантуется нациями не в меньшей степени, чем личностями» [24, 19].

Исторический опыт свидетельствует об опасности и бесперспективности борьбы с национальным самосознанием. В высшей степени это характерно для многонациональной России. В советский период так и не увенчалась успехом политика формирования «новой исторической общности людей – советского народа». Об этом свидетельствует распад СССР и образование СНГ. Выступая своеобразным аналогом американской концепции «melting pot» («плавильного котла»), политика советского интернационализма ставила своей целью создание в СССР новой государственно-гражданской (цивилизационной) идентичности за счет ослабления и даже элиминирования идентичности этнической, причем основной удар наносился именно по этнической идентичности русских – ключевого народа советской империи. Следствием этой политической стратегии стала катастрофическая деградация русского национального сознания: к концу 1980-х гг. русские были наиболее денационализированным среди всех крупных советских этносов.

Учитывая уроки исторического прошлого, главным принципом национальной политики современной России должен стать не интернационализм либо «добровольно-принудительная» русификация, а этнокультурная полифония. Нельзя забывать, что интеграционная политика России всегда опиралась на широкие слои местных сообществ, ориентированных на углубление связей с русским центром, освоение русского языка и русской культуры. В итоге для многих народов Россия стала не только государственным образованием на полиэтнической основе, но и идеей объединения, Родины.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. 233 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. 188 с.
3. Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. С. 8-14.
4. Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796-1801 гг.). Армавир – Славянск-на-Кубани, 1999. 176 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения. Т. VIII. М.-Л., 1935. 382 с.
6. Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Панозна. М., 1848. Т. 1. 115 с.
7. Кабузан В.А. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав. М., 1990. 312 с.
8. Кабузан В.А. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. 267 с.
9. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. М., 2000. 311 с.
10. Кнабе Г.С. Империя изживает себя, когда окраины догоняют центр // Восток. 1991. № 4. С. 76-83.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. 451 с.
12. Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. Вып. 1. М., 1994. – С. 125-134.
13. Макаренко В.В. Неравномерность развития создает империю, изживание неравномерности ведет к кризису // Восток. 1991. № 4. С. 79-93.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. 593 с.
15. Матвеев В.А. Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Межнациональные отношения сегодня. (Сб. науч. тр.). Ростов н/Д; Донецк, 1994. 319 с.
16. Матвеев В.А. Отечество не только русских ... (Размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1. С. 28-34.
17. Матвеев О.В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия. Автореф. дисс. ... к.и.н. Краснодар, 1996. 24 с.
18. Меропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. 67 с.
19. Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.) / Под ред. В.Г. Игнатов. Ростов-на-Дону, 2000. 239 с.
20. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. 119 с.
21. Розанов В.В. Кто истинный виновник этого? (Перепечатка из журнала «Русское обозрение» 1896 г.) // Русь. 1991. № 1. С. 5-11.

22. Ситкикова О.В. При выравнивании провинций и центра неэквивалентный обмен невозможен, части превращаются в соперников, империя распадается // Восток. 1991. № 4. С. 71-86.
23. Смирнов А. «Свои» и «чужие» // Родина. 1995. № 7. С. 21-29.
24. Солженицын А.И. На возврате дыхания и сознания. Из-под глыб. Сб. ст. Париж. 1974. 329 с.
25. Соловей В. Русские против империи // Свободная мысль. 2002. № 12. С. 75-84.
26. Соловей В.Д. «Русский вопрос» и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику России (начало XVIII – начало XXI вв.). М., 2005. 348 с.
27. Цаголов Г. Край беспросветной нужды. (Заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912. 215 с.
28. Шафаревич И.Р. Сочинения: В 3 т. М.: «Феникс». 1994. Т. 2. 451 с.
29. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005. 355 с.
30. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. (Б/и: Екатеринодар, 1913). Краснодар, 1992. Т. 2. 671 с.
31. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом: В 2 т. Тифлис, 1907. Т. 2. 211 с.

РАЗДЕЛ IV. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

УДК 94(3)(340.152)

Никитина А.Д.

Московский институт экономических преобразований

ОБЫЧАИ И НОРМАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ДРЕВНЕВОСТОЧНОМ ПРАВЕ (КОНЦА III – КОНЦА II ТЫС. ДО Н.Э.)

A. Nikitina

Moscow Institute of Economic Reform

CUSTOMS AND REGULATIONS IN THE ANCIENT ORIENTAL LAW (C.2000-1000 B.C.)

Аннотация. В представленной статье рассматривается роль обычного права в правотворческой деятельности ряда древневосточных правителей и выявляется его соотношение с нормами публичного права, появившимися в результате законодательной деятельности правителя Лагаша Урунимгина (XXIV в. до н.э.), царя государства III династии Ура Ур-Намму (XXII – XXI вв. до н.э.), правителя государства I Династии Иссина Липит-Иштар (первая половина XX в. до н.э.) и царя Старовавилонской державы Хаммурапи (первая половина XVIII вв. до н.э.).

Ключевые слова: обычное право, нормы публичного права, судебный прецедент на древнем Востоке.

Abstract. The article considers the importance of customary law in law-making activities of a number of best known rulers of ancient East and investigates its correlation with public laws and regulations, appearing in legal documents in the time of Uruinimgina, king of Lagash (the 24th century BC), Lipit-Ishtar, ruler of the first dynasty of the Isin Kingdom (the first half of the 20th century BC) and Hammurapi, King of the Old-Babylonian state (the first half of 18th century BC).

Key words: Customary law, public laws and regulations, legal case in ancient East.

В последнее десятилетие мы можем наблюдать активное обращение к древневосточному юридическому наследию не только отечественных специалистов историков, но и профессиональных юристов, правоведов и даже студентов юридических специальностей. Однако часто в работах правоведов мы можем наблюдать излишнее модернизаторство, закономерно приводящее к необоснованным, а порой и ошибочным выводам.

В своей статье мы хотели бы восполнить имеющийся пробел, рассмотрев роль обычного права в правотворческой деятельности ряда древневосточных правителей и сопоставив последние с нормами публичного права, появившимися в результате законодательной правотворческой деятельности правителей.

Прежде всего обратимся к документам правовой практики в рамках частного права (т.н. *di-tilla* – шум. – «судебное решение»). Самые первые из подобных документов появляются в конце III тыс.

до н.э. в Лагаше, древнем городе-государстве в Шумере на территории современного Ирака. Большая часть указанных документов посвящена делам о наследстве, о нарушении брачных контрактов, бракоразводным процессам, обращению в рабство [23, 132-178; 7, 163-167].

При более простых случаях письменная форма не требовалась. При этом некоторые ученые пришли к выводу, что устная форма заключения договора была характерна для децентрализованного общественного устройства, а появление централизованной власти предполагает письменную фиксацию частноправовых документов [8, 127-155].

В Лагаше, как и в других городах-государствах, входящих в тот период в государство III Династии Ура, правовой юрисдикцией на местах обладал общинный суд, но, как указывает С.Н. Крамер, царь являлся у шумеров верховным судьёй [12, 13, 45].

В рассмотрении подобных дел, наряду с рядовыми общинниками, среди которых выбирались судьи-«дику» [23, 134-178], участвовали, как мы можем видеть из источников, главы совета старейшин (представлявшие как храм, так и общинную верхушку (к примеру – «аба-уру»)) жрецы, а также советники царя, связанные с храмовой администрацией, – «суккаль-махи» [2, 197-303].

Количество судей, как мы видим из источников, варьировалось от одного до семи, что могло быть связано со сложностью дела или с большой суммой денег или имущества, являвшейся предметом спора. Большое количество судей было необходимо и в том случае, если истец и ответчик не принадлежали к одной общине [23, 143-178].

Кроме того, в качестве председателей практически всегда упомянуты сменные чиновники «маш-кимы», которые, по нашему мнению, были представителями царя. Они контролировали деятельность местных административных органов и взимали в пользу царя пошлины и, по поручению правителя или «энси», могли заняться расследованием какого-либо дела, если это затрагивало интересы царских людей и лично царя. При рассмотрении дел наследования имущества царских воинов, кроме «маш-кима», всегда присутствует царский гонец и наместник царя «суккаль-мах».

Процесс, вполне вероятно, мог быть состязательным (диспозитивным, особенно если обе стороны находились в равном социальном положении), так как основная задача и истцов и ответчиков состояла в том, чтобы убедить наиболее

достойных их своих земляков в своей невиновности и вине своего контрагента. Если в рамках процесса в качестве истцов или ответчиков фигурировали царские люди или слуги наместника, дело значительно осложнялось. В этом случае судьи стояли перед нелёгким выбором: либо защитить интересы члена своей общины, возможно, пойдя на конфликт с представителем центральной или местной власти, либо встать на сторону последних и осудить своего соотечественника [23, 165-178].

Таким образом, говоря о частных юридических документах конца III тыс. до н.э., нужно отметить, что порядок оформления таких документов в целом сложился. Этому же мнению придерживается А.Н. Рифтин, который отмечает, что для документов III Династии Ура письменная запись не была обязательной и, соответственно, в оформлении документов не могло в этот период сложиться единообразие, кроме судебных протоколов [5, 12-27]. К концу III тыс. до н.э. в текстах не только начинает фиксироваться активное применение обычного права, но и выявляются новые юридические прецеденты.

Протокол судебного заседания приобрёл тот вид, который он будет иметь на протяжении нескольких тысячелетий (до VI в. до н.э.). В начале документа всегда описан юридический случай (причина возбуждения дела). Во второй части фиксируются претензии истца, характеризующие дело. Третья содержит клятвы сторон и свидетелей, которые также могли дать суду какие-либо показания или пояснения. Клялись, как видно из источников, в основном именем бога и, вероятнее всего, в храме. Клятвы именем царя появятся позже. По мнению французского исследователя Д. Шарпена, клятвы и различные ритуальные действия в присутствии свидетелей были основой заключения договора [9]. В последней, четвёртой части перечислялись имена судей, «маш-кима» и «энси» (советников царя – «суккаль-махов»). Теперь обратимся непосредственно к публичному праву, которое, на наш взгляд, является прямым отражением общественных процессов, зафиксированных в частноправовых документах.

Рассмотрим любопытный древневосточный источник, содержащий т. н. реформы правителя Лагаша Урунимгины (XXIV в. до н.э.) [6, 177-182].

В источнике, в статьях 11 второй части и 2, 3 и 5 – третьей части упомянуты рассмотренные нами выше «маш-кимы» (или «маш-ким-ди»),

которые, по мнению правителя, злоупотребляли своей властью, контролируя не только судебные сборы в пользу царской казны, но и налоговые поступления с различных категорий общинников. Для борьбы с такими злоупотреблениями, прежде всего, и был создан изучаемый нами источник.

К сожалению, мы не имеем возможности отнести исследуемый документ или его фрагменты к законам или нормам права (в их в современном понимании). Однако в тексте мы обнаруживаем зарождение некоторых элементов структуры правовой нормы, развитие которых будет отражено в Законах Хаммурапи (далее – ЗХ).

С большой долей уверенности мы можем констатировать начало процесса возникновения нормы права.

Особенностью такого типа документов также можно считать первые попытки объединить отдельные правовые аспекты по тематическим группам.

Следующий документ, который хронологически близок к частноправовым документам судебных решений, и поэтому особенно интересен для нас – т. н. законы Ур-Намму.

Перед нами первый дошедший свод законов, который был создан во времена правления основателя III династии Ура царя Ур-Намму (или его сына Шульги, XXII – XXI вв. до н.э.) [11, 23; 1, 61-74; 6, 178-192; 17]. Исследуя частично сохранившийся текст законов, мы можем отметить, что документ представляет собой сборник норм права (протонорм), которые охватывают вопросы семейного, уголовного, имущественного и других аспектов права.

Текст законов уже по традиции начинается с пролога, где, как и в предыдущем случае, восстанавливается «справедливость».

Если сопоставить рассмотренные выше частноправовые документы судебных протоколов со статьями законов, мы заметим любопытную закономерность.

Наибольший интерес для составителей законов (сохранившейся их части) представляют такие правовые аспекты, как семейно-брачные отношения, земельная и другие виды собственности, лжесвидетельство и клятвопреступление, а также – причинение вреда человеку (в том числе – убийство).

В частноправовых документах все подобные дела решаются с присутствием «энси» или «суккаль-махов». Для примера можно привести

текст № 48, где продажа раба была подтверждена «энси», или указанный текст № 41, где приговор об убийстве был подтверждён великим «суккаль-махом».

Особенно внимательно, как уже было указано выше, разбирались судебные дела царских людей, где присутствовали оба должностных лица (как в тексте № 143) [23, 165-178].

Рассмотрение других прецедентов, таких, как, к примеру, признание или не признание за человеком рабского статуса, не требовали присутствия упомянутых выше чиновников (документы № 30, 32, 33, 34, 45 и др.).

Кроме того, при внимательном рассмотрении некоторых документов мы увидим, что они как бы дополняют статьи законов.

Таким образом, мы можем отметить, что законы применялись судьями для принятия решения, фиксируя по разным юридическим случаям максимальное наказание для преступника и максимальное вознаграждение потерпевшим, но только по тем аспектам, которые интересовали верховную власть.

Цари III династии Ура, поставив себя во главе судебных инстанций, не только в качестве административного, но и духовного лидера, вероятно, начали процесс унификации и консолидации имевших место прецедентов.

При этом они выбирали из имевшихся прецедентов самые четкие, конкретные и жёсткие (с большими наказаниями и штрафами).

Подтверждением вышесказанному может служить то, что, как указывает отечественный исследователь А.Н. Рифтин, именно в это время запись любого частноправового документа, относящегося к изменению собственника, аренде, брачным контрактам и т. п. становится формально обязательной. Такие документы приобретают определённый казуальный состав [5, 28-116].

Следующей группой источников, которые мы рассмотрим в нашей работе, будут документы (ana ittišu – акк.) с образцами выражений и оборотов для нужд писцов (прецедентные материалы), сохранившаяся часть из которых была издана Дж. Драйвером и Дж. Майлзом. Такого же типа документы позже будут называться «хубулла» (hubullu – акк.) [13, 309-113; 2, 219-224].

В качестве нормативного материала наиболее научно оправданно, на наш взгляд, привлечь законы Липит-Иштара (первая половина XX в. до н.э.), царя I династии Иссины, а также т. н. шумерские законы, изданные А. Клейем. Текст законов

Липит-Иштара обнаружен в Ниппуре и состоит из 9 фрагментов глиняных табличек, содержащих различные списки оригинального текста [20, 159-167].

Вначале обратимся к законам Липит-Иштара. Законы, сохранившиеся лишь частично, затрагивают вопросы имущественного и семейного права, а также наследования.

Несмотря на плохую сохранность законов, этот документ (в отличие от предыдущих) можно довольно четко разделить на пять тем: наследование различных видов собственности, преступления против чужой собственности, правонарушения рабов и людей, находящихся в зависимом состоянии, семейное право и переход собственности внутри семьи, аренда скота.

Сравнивая же вышеуказанный нормативный источник с прецедентными документами, мы можем отметить ряд особенностей.

В законах Липит-Иштара рассматривается правовое положение убежавшего раба (статья 17 и 18). В тексте норм указывается, что если свободный человек задержал беглого раба в своём доме, то он должен вернуть его, возместить его стоимость (15 сиклей серебра) или отдать принадлежащего ему раба. В прецедентном документе (параграфы 7-11) любой арендатор раба (в том числе его новый владелец) при том или ином юридическом случае (смерть, бегство, болезнь и т. д.) должен заплатить половину оговорённой платы за каждый день его аренды зерном или серебром.

Также в материалах законов есть сохранившаяся не полностью 30 статья, отражающая деятельность общинных судов, где упоминается о деньгах, вероятно, принесённых супругой в дом мужа, которые после развода с ней должны были вернуться в дом отца женщины, или достаться её детям. Также об этом говорится в ст. 25 [2, 211-212].

В прецедентных же материалах чётко оговаривается санкция за развод с супругой – 1/2 мины серебра (параграф 6).

Таким образом, мы фиксируем процесс формализации нормативных источников права, что не было характерно для прецедентных документов. Норма права в начале становится, говоря современным языком, общезакрепительными, а затем теряют непосредственную связь с прецедентной юридической практикой, приближаясь по своему содержанию к торжественным надписям правителей, анналам и даже посвятительным текстам.

Прецедентное право в начале XX в. до н.э. продолжает не просто активно совершенствоваться, а достигает, на наш взгляд, максимальной точки развития, что подтверждается очень известным документом об убийстве храмового чиновника («нишакку») Лу-Инанна [11, 60-67]. Для нас наиболее интересным является тот факт, что царь Иссина Ур-Нинурта обратился в нем с просьбой разобраться в произошедшем к собранию жителей Ниппура (прежде всего, совета старейшин), для более юридически обоснованной квалификации вины соучастницы.

В заключение нашего исследования мы обратимся к таким нормативным источникам, как законы Хаммурапи, а также к прецедентным источникам – вавилонским частноправовым документам (конца XIX- начала XVIII вв. до н.э.).

Вавилонские источники по проведению судебных процессов, как частноправовые, так и административные, дошли до нас, прежде всего, из Сиппара, Ниппура, Ларсы и, частично, Ура.

Говоря о законах (или кодексе) царя Хаммурапи (далее ЗХ), нельзя не упомянуть, что он был подробнейшим образом рассмотрен как отечественными, так и иностранными специалистами [2, 223; 9; 13].

Как указывает И.М. Дьяконов, текст законов делится на девять глав: процессуальные нормы, нормы уголовной охраны собственности, нормы регулирования повинностных отношений на царской земле (ст. 26-41; 4) регулирование общих вопросов земельного права, деятельность торговцев и ростовщиков, нормы семейного права и семейного наследования, законы о наказаниях за побои и увечья, регулирование найма и оплаты труда, купля-продажа рабов [2, 246-307].

Теперь рассмотрим частноправовые и другие прецедентные документы указанного периода, посвященные проведению судебных процессов.

Учитывая проведение Хаммурапи знаменитой реформы по подчинению храмовых работников царской власти (т. е. переводение их в категорию царских работников), а также по усилению контроля за деятельностью советов общин (с помощью назначения царских ставленников – «рабианумов»), мы рассмотрим две группы источников. Первая, хронологически относящаяся к правлению отца Хаммурапи – Синмубаллита и царя Ларсы – Рим-Сина, предшествует указанной реформе. Вторая относится непосредственно ко времени правления Хаммурапи, т. е. учитывает возможные последствия его реформ [10, 55-56; 15, 24-25; 22, 354-411].

Подробно изучив первую из указанных групп источников, мы можем отметить активное развитие частноправовой судебной практики до указанной реформы Хаммурапи и создания законов. В некоторых случаях в документах указываются прецеденты, которые потом будут использованы Хаммурапи в своих законах [4, 58-59; 16, 134-158].

Судебные инстанции, как и в более ранний период, представляют собой или общинные суды городов и поселений, или, вероятнее всего, более компетентные храмовые суды, рассматривающие дела местных общин. Их деятельность контролировалась начальниками отдельных регионов – «шакканаку».

Теперь обратимся к документам времени правления Хаммурапи и его сына Самсуилуны.

Все материалы, освещающие протоколы судебных процессов, можно разделить на две неравные части. Первая (и меньшая из них) включает в себя иски различных категорий людей (прежде всего, царских работников), которые доходят непосредственно до рассмотрения царя. Вторая, большая группа состоит из частноправовых протоколов [19, 46-47; 18, 13-90].

Ни в одном из указанных документов мы не обнаруживаем, что сам царь пытается разобраться в прецеденте. Он поручает сделать это своим чиновникам. Ключевой фразой во всех документах является указание: «Разберись (разберитесь) в обстоятельствах дела их и оформи (оформите) это в виде царского указа» (*warkatam ruḡšma kima šimdatim dinam šuhuszunuti*) [25, 5-10]. В некоторых из частноправовых документов даже упоминается обязанность одного из судей принимать судебные иски (*dīnam šuhūzum*).

Таким образом, мы можем отметить, что 3X оказали очень незначительное влияние на повседневную (частноправовую) судебную практику, так как применялись в основном для рассмотрения дел, связанных с собственностью царя или царских служащих. В любом случае, такое утверждение будет справедливо для различных имущественных прецедентов в вопросах наследства, аренды, раздела собственности, финансовых вопросах внутри торговых сообществ.

К примеру, в упомянутом выше документе из Ниппура № 10 храмовая должность передаётся вместе с закреплённой за ней собственностью, а царь просит проследить, чтобы у подотчетного ему храма не возникло проблем с указанной собственностью (участком земли). Подобное решение полностью соответствует статье 40 3X, где

говорится, что собственность (поле, дом и т. д.) продается только в случае исполнения за неё надлежащих обязанностей [2, 246-307; 19, 46-47]. Процесс формализации нормы права, начатый ранее, в 3X доходит до своего логического конца. Сборник правовых норм становится атрибутом легитимности власти и показывает степень её максимальной централизации.

Похожие судебные прецеденты встречались уже в юридической практике царства Ларсы, поэтому, по нашему мнению, не было особой необходимости создавать какие-либо сборники для улучшения судопроизводства, которое имело достаточно высокий уровень развития. Именно судебные прецеденты становятся источниками публичных норм права, что, по нашему мнению, в значительной степени лишает последние законодательной основы.

3X явились частью указанной выше судебной реформы царя Хаммурапи, которая не только легитимизировала его власть, но и создавала довольно стройную судебно-правовую систему внутри страны.

Правитель, прописав основные правила исправления судопроизводства в 1,2,3,4 и 5 статьях 3X, оказывался своего рода верховным арбитром в подобных делах, т. к. именно он, а не какие-либо законодательные нормы, являлся носителем верховной власти над всеми людьми в стране.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьева В.К. Законы Ур-Намму // Вестник древней истории (ВДИ). 1960. № 1.
2. Дьяконов И.М., Дунаевская И.М., Магазинер Я.М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 3, 4.
3. Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
4. Козырева Н.В. Древняя Ларса. М., 1988.
5. Рифтин А.П. Старо-вавилонские документы в собраниях СССР. М., 1937.
6. Хрестоматия по истории древнего Востока / под ред. Струве В.В. и Редера Д.Г. М., 1963.
7. Хрестоматия по истории древнего Востока / под ред. Кузнецова В.И. М., 2002.
8. Шарпен Д. Чтение и письмо в Вавилонии. М., 2009.
9. Якобсон В.А. Законы Хаммурапи как источник по истории Старовавилонского периода. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук: М., 1987.
10. Chera E. Legal and administrative documents from Nippur, chiefly from dynasties Issin-Larsa. Philadelphia, 1914.

11. Cramer S.N. Ur-Nammu law code – Orientalia, nova seria. 1954. V. 23.
12. Cramer S.N. The Sumerians: their history, culture, character. Chicago, 1963.
13. Driver G.R., Miles J.C. The Babylonian laws. V. I-II. Ox., 1952-1955.
14. Ebeling E. Altbabylonische Briefe de Louvre-Sammlung aus Larsa. Leipzig, 1942.
15. Ebeling E. Altbabylonische Briefe amerikanischer Sammlungen aus Larsa. Leipzig, 1943.
16. Edzard D.O., «Zweite Zwischenzeit» Babylonians. Wiesbaden, 1957.
17. Finkelstein G.G. The laws of Ur-Nammu. Journal of cuneiform studies. 1969. XXII. № 3-4.
18. Kraus F.R. Briefe aus dem British museum. Leiden, 1964.
19. Poebel A. Babylonian legal and business document from the first dynasty of Babylon. Philadelphia, 1909.
20. Pritchard J.B. Ancien Near Eastern Text. Princeton, 1950.
21. Ranke H. Babylonian legal and business document from the first dynasty of Babylon. Philadelphia, 1906.
22. Schorr M. Urkunden des Altbabylonischen Zivil – und Prozessrechts. Leipzig, 1913.
23. Sollberger E., Falkenstein A. Die neusumerischen Gerichtsurkunden. V. I-III. München, 1956-1957.
24. Sollberger E. Business and Administrative Correspondence under the king of Ur. N.-Y., 1966.
25. Ungnad A. Babylonische Briefe. Leipzig, 1914.

УДК: 282, 291

Чан Тхи Ким Оань

*Институт социальных и гуманитарных наук
при Ханойском государственном университете*

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ БУДДИСТСКИХ ПАГОД ВО ВЬЕТНАМЕ

Chan Thi Kim Oan

*Institute for Social and Human Sciences
at the State University of Hanoi*

ARCHITECTURAL PECULIARITIES OF THE BUDDHIST PAGODA IN VIETNAM

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей буддийских пагод во Вьетнаме. Автор прослеживает смешение буддийских традиций с народными верованиями, что нашло отражение в архитектуре и изображениях буддийских святых. Смешение буддийской традиции и традиций народных верований в районе Бакбо проявляется чрезвычайно богато и разнообразно. Их сосуществование выражается не только в архитектуре пагод, но также и в убранстве изображений святых. Изображение духов и святых является отдельной сферой духовной культуры вьетнамцев, в которой отражено воображение создателей пагоды.

Ключевые слова: межрелигиозная коммуникация, буддизм, религиозное сознание, буддийская пагода, народные верования Вьетнама.

Abstract. The article analyzes some specific features of the Buddhist pagoda in Vietnam. The author investigates the influence of traditional Vietnamese beliefs on Buddhist traditions, which are reflected in architecture and images of the Buddhist saints. The fusion of Buddhist traditions and traditional Vietnamese beliefs is the most impressive and diverse in the area of Bakbo. We can see this confusion not only in the architecture of the pagoda but in the icons of saints. The icon tradition is a separate sphere of the spiritual culture of the Vietnamese which reflects the imagination of the founders of the pagoda.

Key words: interreligious communication, Buddhism, religious consciousness, Buddhist pagoda, traditional Vietnamese beliefs.

Пагоды во Вьетнаме, в том числе и в районе Бакбо на севере страны, в отличие от пагод в соседних странах (Таиланде, Лаосе, Камбодже) не отличаются ни большими размерами, ни монументальностью, ни роскошью. Эти особенности легко объяснить, принимая во внимание суровые погодно-климатические условия, высокую влажность, частые дожди, ураганы и наводнения [8]. Кроме того, для вьетнамской природы свойствен поиск гармонии во всём, поэтому сооружение пагод также подчиненно определенному стилю. Архитектура пагоды должна гармонично вписываться в окружающий ландшафт. На этот счет есть известная вьетнамская поговорка: «Королевские земли, деревенская пагода, сказочный пейзаж» [12].

Именно поэтому первый день начала строительства и день открытия пагоды всегда имели особенное значение в жизни вьетнамской деревни. В эти дни традиционно устраивались пышные празднества. Пагода являлась не просто ещё одним зданием в деревне, а всегда представляла собой особый архитектурный ансамбль, включавший в себя несколько строений, стоящих бок о бок или соединенных друг с другом. Согласно расположению зданий внутри пагоды разделяют множество стилей пагод. Традиционно названия этих стилей дают по названию китайских иероглифов, написание которых напоминает планировку пагоды [5].

Самый простой стиль – стиль иероглифа Динь (丁). В пагодах, построенных в таком стиле есть центральный зал, где располагается алтарь Будды, к которому под прямым углом с задней стороны прилегает основное храмовое помещение, которое также иногда называют сакральным помещением пагоды, так как здесь обычно находятся статуи, символизирующие добро и зло, стражи буддийского учения (Хо Фан).

Более распространена планировка пагоды, при которой центральный зал и храмовое помещение находятся параллельно друг другу и их соединяет помещение, где жгут ароматные палочки и совершают богослужение буддийские монахи. В некоторых местностях помещение, которое соединяет храмовое помещение с алтарем Будды, также называют «воронкой». Такая планировка пагоды похожа на иероглиф Конг (工).

В пагодах, построенных в стиле иероглифа Ни (二), две постройки располагаются параллельно друг другу. Некоторые пагоды строятся в виде иероглифа Там (三), где три постройки стоят па-

раллельно друг другу в соответствии с чертами иероглифа. Каждая из этих построек называется нижняя пагода, средняя пагода и верхняя пагода соответственно. По такому принципу были возведены такие пагоды, как пагода Ким Лиен и Тей Фыонг в Ханое.

Наименование стилей пагод опирается исключительно на взаиморасположение основных строений в пагоде. Кроме основных строений, существуют и более мелкие постройки, такие, как Дом предков, место поклонения Бодхидхарме и монахам, которые служат в этой пагоде (Запретный дом, Дом монахов), постройки, в которых живут монахи и другие сооружения (колокольня, башня, трехдверные ворота и т. д.) [7].

Трехдверные ворота располагаются на входе в пагоду и представляют собой сооружение с тремя арками для входа в пагоду. Обычно бывает двое таких ворот – снаружи и внутри пагоды.

На севере Вьетнама достаточно распространён ещё один архитектурный стиль: две длинные галереи соединяют храмовое помещение с передней стороны с задней стороной внутренних построек. Таким образом, помещения с курильницами, центральный зал и другие постройки как бы обрамлены прямоугольником из галерей и основных сооружений. Такая планировка сочетается в себе два стиля: расположение строений внутри пагоды напоминает иероглиф Конг (工), а внешнее устройство – иероглиф Куок (国) [1].

В действительности каждый из вышеприведенных стилей имеет много разновидностей, что особенно заметно в планировке современных пагод. Это также свидетельствует о том, что пагоды во Вьетнаме издавна имели тесную связь с жизнью деревенской общины. В некоторых пагодах за храмом Будды строится храм для отдельного Божества. Такой стиль пагод распространён в северных районах Вьетнама и обычно называется «Спереди Будда, сзади Божество». В некоторых пагодах колокольню строят перед основными помещениями, в некоторых – позади. Иногда колокольня располагается прямо на входных воротах или на Доме предков. В некоторых случаях прямо перед пагодами возводят высокую башню (как например, в пагоде Зау в провинции Бакнинь, в пагоде Фо Минь провинции Намдинь), располагают по одной башне с двух сторон пагоды или сооружают отдельный сад, где и располагаются такие строения.

Таким образом, можно утверждать, что архитектурные стили пагод во Вьетнаме достаточно

разнообразны, прежде всего, ввиду разнообразия окружающего ландшафта и региональных особенностей, а также из-за того, что раньше пагоды также являлись и местом обучения. Здесь не только происходила передача буддийских догм от одного поколения монахов к другому, но также и обучали деревенских детей основам грамоты. Именно монахи исполняли роль деревенских учителей, а бывало, что в пагоду даже приглашали дать несколько уроков конфуцианских учителей.

Кроме того, иногда пагоды несли на себе функцию местных лечебниц [6]. Согласно надписям XIV в., обнаруженным на скалах гор Нон Ныок в провинции Ниньбинь, при одной из ближайших пагод было «поле, где лечили болезни». Таким образом, отдельные уголья при пагоде были отведены под лечебницу для местного населения. В горах Иен Ты также сохранилось несколько старинных строений, в которых монахи практиковались в приготовлении лекарственных средств. Самым известным из них был монах Тюэ Тинь, автор книги о чудодейственности вьетнамской медицины, собравшей рецепты эффективных лекарственных средств, в состав которых входят местные травы. Во многих пагодах хранились дощечки с рецептами этого автора и отрывками из его книг. И сегодня во многих вьетнамских пагодах сооружают отдельные помещения в честь целителя Тюэ Тинь, где дают консультации и лечат местных жителей. Таким образом, и по сей день пагоды сохраняют особое значение для деревенской общины.

Ввиду эклектичного характера буддизма махаяны во многих вьетнамских пагодах, кроме традиционных статуй Будды, Бодхисаттвы, Архатов и других буддийских божеств, также можно встретить изваяния даосских божеств, таких, как Нефритового императора (Юй-ди), Высочайшего древнего властителя (Тай-цин), а также статуи, посвященные созвездию Южного Креста и Большой Медведицы.

Интересно, что во многих вьетнамских пагодах есть алтари, посвященные богине-Матери. Культ богини-Матери имеет народные истоки. Существует множество богинь-Матерей – Святые Матери Неба, Воды, Земли и т. д. У последователей этого культа в Северном Вьетнаме верховным божеством является божество Лиеу Хань – Святая Мать Неба (одна из Матерей четырех сфер). Святой Матери Неба посвящен ряд известных храмов, тем не менее ей поклоняются еще и в отдельных пагодах. Например, в пагоде Миа

в Ханое алтарь этого божества располагается в центральном зале.

Своеобразие взаимопроникновения буддизма и местных культов во Вьетнаме ярко проявляется в различных архитектурных стилях пагод. Выше уже упоминался так называемый стиль «Спереди Будда, сзади Божество». В пагодах такого стиле позади Храма Будды располагается алтарь, посвященный какому-либо местному божеству. В Храм Будды можно прийти в любое время, доступ к алтарю открыт только в дни особых праздников [3]. В некоторых больших пагодах, например, в пагоде Кео провинции Тхайбинь, место поклонения местному божеству даже находится в отдельном помещении.

Среди местных божеств встречаются также и «человеческие божества», то есть речь идет о реальных людях, которые посредством соблюдения строгого обета, самосовершенствования обрели способность к магическому превращению, свойственную духам и божествам. С помощью этих способностей они помогают людям и поэтому становятся объектом поклонения той или иной местности.

Кроме изваяний таких духов (или правильной будет называть их «полудухами») в некоторых пагодах Северного Вьетнама можно также встретить статуи реальных исторических персонажей. Это, прежде всего, чиновники, крупные деятели или военачальники, имевшие особые заслуги перед страной или отдельной местностью. Так, например, в пагоде Зоу в провинции Бакнинь поклоняются первому лауреату конкурсного экзамена эпохи династии Чан Мак Динь Чи (1271-1346), а в пагоде Чам Зян в Ханое почитают военачальника эпохи Тейшон Данг Тиен Донга и т. д. В этих пагодах традиционно можно найти изваяния почитаемых исторических персонажей.

Кроме того, иногда во Вьетнаме обожествляют и тех, кто вносит пожертвования средства или руководит процессом строительства или восстановления пагоды. Характерно, что во многих пагодах Северного Вьетнама центральным божеством являются женские персонажи. Обычно это императорские наложницы королей Ле, князей Чиней или супруг вельмож и аристократов. Так, в пагоде Бут Тхап в провинции Бакнинь есть особенные места поклонения со статуями, изображающими королевую-мать Чинь Тхи Нгок Чуп, принцессу Ле Тхи Нгок Зуен и принцессу Чинь Тхи Нгок Ко, которые внесли вклад в сооружение пагоды в конце XVII в. В ханойской пагоде цен-

тральным божеством является одна из придворных дам Чинь (под её статую отведено отдельное помещение слева от храма Будды) [9].

Ещё одним культом, распространенным в пагодах Северного Вьетнама, является «почитание потомков». Эта форма поклонения связана с традиционным культом предков, издавна существующим у вьетнамцев. Дети должны поклоняться предкам, потомки должны поклоняться умершим. Именно поэтому в сознании вьетнамцев одним из наибольших страданий и неудач для человека является бездетность, так как после смерти некому будет его почитать. Поэтому многие из тех, у кого нет детей, приходят в пагоды, преподносят некоторую сумму денег или передают часть земли в пользу пагоды, чтобы попросить местных служителей поминать их после смерти. Такая форма поклонения и носит название «почитание потомков». Земли, которые передаются в дар пагоде, также называются «земли потомков». Сегодня во многих пагодах есть такие алтари поклонения людям, у которых не было детей, чтобы вспоминать их после кончины (обычно они располагаются в галереях с курительницами, о которых было сказано выше). На каменные плиты нанесены имя, возраст, место рождения обоих супругов, а также упоминается сумма денег или площадь земли, которые они даровали пагоде и их просьба о том, чтобы их почитали в этом месте [2]. В некоторых пагодах особенно много таких плит. В пагоде Ко Ле провинции Нам Динь они прикреплены на стены галерей, окружающих центральный зал.

Таким образом, буддизм и народные культы, сохраняя свою самобытность, тесно переплелись во вьетнамской культуре. В одной пагоде могут присутствовать элементы буддизма, культа Богини-матери, поклонение разным духам и божествам. Различные верования проявляются не только в конкретных сооружениях внутри пагоды, но и в орнаменте, узоре, некоторые задумки при строительстве пагод имеют особое буддийское значение и одновременно могут таить в себе некоторую потайную философию местных верований и культов. Такое переплетение религиозных направлений создают индивидуальный облик каждой пагоды как в регионе Бакбо, так и в рамках всей страны. Эта особенность легко различима при изучении таких пагод, как пагода Мот Кот, пагода Зам и пагода Ли Чиеу Куок.

Сегодня пагода Мот Кот (пагода на одном столбе) в Ханое известна на весь мир, однако

раньше более известным был архитектурный ансамбль Лиен Хоа Дай, который включал в себя центральное помещение поклонения Триратне (трем драгоценностям буддийской доктрины – Будде, Дхарме и Сангхе), дом Предков, гостиницу и т. д. и который некогда именовался пагодой Зиен Хыу (изначальное название ансамбля Лиен Хоа Дай).

На памятнике Сунг Тхиен Зиен Линь (1122) в горах Лонг Дой провинции Ханам имеется надпись, которую перевел ученый Хоанг Суан Хан: «В запретном Западном саду возведена пагода Зиен Хыу. Согласно старому укладу, но с хитрыми приемами новой династии высечена на озере Линь Тиеу. Прямо в озере стоит каменный столб. На каменном столбе распустился лотос с тысячью лепестков. Поверх лотоса стоит храм. В храме статуя золотого Будды. Вокруг озера галереи с расписанными стенами. Галереи с четырех сторон окружает озеро Кханг Бить. От каждой из сторон проложен мост во двор. Во дворе у начала каждого моста стоят по две башни с черепичной крышей».

В Краткой истории Вьета (Вьет Шы Лыок) и Полном собрании исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы) говорится: «В 1049 году построена пагода Зиен Хыу, то есть пагода Мот Кот; королю Нгуен привиделась богиня Гуань Инь, восседающая на лотосе, и привела она короля на свой пьедестал. Пробудившись, король пересказал свой сон, придворные решили, что это было плохое предзнаменование. Монах Тхиен Туэ посоветовал соорудить пагоду на каменном столбе в центре озера, на пьедестал из лотоса поставить статую Гаунь Инь, как было в видении. Монах обошел пьедестал вокруг, прочитал молитву, чтобы попросить долголетия для короля».

В произведении «История в стихах о старинном Ханое» Чан Ба Лам пишет: «Пагода в общине Няч Чу, уезд Винь Тхуан. В старину это было заброшенное место без поселений. Когда Као Биен пришел устанавливать владычество над Аннамом, он повелел отдать эти земли под императорский двор, велел поставить здесь бронзовый столб, прорубить жилу дракона. С тех пор сложилось так, что соседние деревни называли это место община Мот Кот (община одного столба)... Когда император Ли Тхань Тонг был уже в преклонном возрасте, у него все ещё не было наследника, ночью пригрезилось ему, что пришел он в деревушку Мот Кот, увидел богиню Гуань

Инь, и она повелела императору: «Эта земля обладает магической силой, бронзовый столб уже давно повредил жилу дракона, нужно скорее его убрать, чтобы страна процветала ещё несколько поколений. Если не убрать, то вся история закончится!» Богиня кончила говорить, и маленький слуга вознес императора на золотой пьедестал. Пробудившись от сна, император повелел построить пагоду на западной стороне деревни в честь богини Гуань Инь, поменял девиз правления на Зиен Хыу. Отсюда и пошло название пагоды – пагода Зиен Хыу, «были сняты злые чары, в следующем году родился принц» [6].

Архитектурный ансамбль пагоды Зиен Хыу так же, как и многих других пагод в районе Бакбо, включает в себя: трехдверные ворота, храм богини-Матери, помещения монахов, храм Будды, дом потомков, башни.

Стоит особо обратить внимание на то, что пагода Мот Кот уникальна и изнутри и снаружи. Это маленькая красивая пагода, возведенная на массивном каменном столбе, неподвижно стоит посреди небольшого квадратного озера. Её крыша покрыта темно-красной черепицей, а её углы изогнуты, словно лепестки лотоса. Каменный столб возвышается над гладью озера, и с первого взгляда это сооружение напоминает распускающийся над водой цветок.

Если подойти поближе, то можно увидеть «массивный каменный столб, возвышающийся над поверхностью воды, величественный дворец, галереи с черепичной крышей, отражающиеся в маленьком озере, и этот домик на сваях с чертами индонезийского стиля, издавна известного в землях Донг Шон, провинции Бакнинь, навсегда остается в памяти. Так Ли Бат Де из деревни Динь Банг уезда Тиен Зу навсегда оставил свой след в истории народа.

Если смотреть на пагоду с дороги, то можно видеть величественный цветок лотоса, возвышающийся над гладью озера. Но при этом всегда заметен каменный столб, намертво вбитый в дно. Поэтому не случайно созерцающий эту картину вспомнит о священных символах древней Чампской культуры – Линга и Йони.

Достоверно известно, что в период правления династии Ли Вьетнам испытывал значительное влияние Чампской культуры. В Краткой истории Вьета говорится: «В год бинг-су (23 год 60-летнего цикла китайского календаря – авт.), третий год правления Тхиен Кам Тхань Ву (1046). Лето, пятый месяц, в уютном саду строится дворец Нган

Хан для размещения Чампской императрицы» [12].

Таким образом, концепция Инь-Ян в мировоззрении южан не носит конкретного характера, а абстрактно вписана в условия повседневной жизни.

Для вьетнамской архитектуры характерно заимствование символов и их отождествление с символом Инь-Ян для выражения вечного союза мужского и женского, небесного и земного. Так, были заимствованы некоторые изображения из Чампского храма, посвященного богине-Матери Понагар в Нячанге. В брахманском учении чамов наивысшая созидательная сила основывается на двух началах – женском и мужском и имеет конкретное выражение в символах Линга и Йони, которые обычно представляют собой каменный столб в центре такого же каменного основания. Это символическое изображение двух жизненных начал – духа Шивы (мужского) и духа Вишну (женского). Немецкий индолог Г. Циммер так трактовал значение Линги и Йони: «У древних греков выражениям женского (земного) и мужского (небесного) начала были Зевс и Гера, Уранос и Гайя; в китайской традиции это Инь и Ян» [11].

Кроме того, архитектурный стиль пагоды Мот Кот, в том числе постройка в виде лотоса, содержит в себе некоторые элементы народных верований эпохи Динь: Динь Бо Линь (император Динь Тиен Хоанг, 968-979) увидел у ворот храма духа гор несколько цветков лотоса, напоминавших иероглиф «император»; мать Ле Хоана (императора Ле Дай Хань) во время беременности увидела во сне, будто вместо ребенка носит она в себе цветы лотоса; в шестом месяце, на пятый год (1058) эры правления Лонг-хюи-тхай-бинь (1054-1058) император Ли Тхань Тонг (1054-1072) повелел построить храм Линь Куанг, по левую сторону от него возвести храм Киен Ле, а по правую – храм Шунг Нги, а перед ним – колокольню на одном столбе в форме лотоса.

Символ лотоса имеет чрезвычайно большое значение во вьетнамской культуре. Кроме того, что в традиции буддизма махаяны очень часто Будда восседает на лотосе, нельзя забывать и о Сутре Белого Лотоса Высшего Закона, одной из известнейших и почитаемых сутр в Восточной Азии. Таким образом, символ лотоса имеет сакральный символ и в махаяне.

Именно поэтому лотос часто ассоциируют с Буддой: этот цветок является своеобразным тро-

ном Будды. Кроме того, трио Святых Амитабха, Гуаньинь и Махастхамасрапты также часто ассоциируется с цветком лотоса в одном из направлений буддизма махаяны, так называемом буддизме чистой земли – амидаизме. Буддийский рай также представляет собой мир лотосов. Возможно, именно поэтому императору Ли Тхай Тонгу богиня Гуаньинь явилась именно на цветке лотоса. Эта символика была воплощена при строительстве пагоды Мот Кот, внутри которой находится статуя этой богини, также известной в буддизме, как бодхисатва авалокитешвара.

Таким образом, под крышей пагоды Мот Кот фактически собраны все вьетнамские верования той эпохи. Одновременно с этим пагода имеет особую смысл и для вьетнамского буддизма эпохи Ли. Для этого периода характерно было сочетание различных направлений дхьяны, ваджраяны, даосизма, конфуцианства, различных доктрин и народных верований, однако их главной целью было создание единого духа единства и независимости государства. Именно такое разнообразие течений послужило основой для создания уникального вьетнамского вероучения того периода – школы Тхао Дьонга. Все это свидетельствует о том, что синтез трех учений в эпоху Ли и Чан стал не просто слабым эклектичным направлением с малым количеством последователей, а превратился в отдельное духовное направление со значительным основой и духовным наполнением.

Этому учению свойствен всесторонний гуманизм, понимание того, что человек вступает в жизнь в определенных пространственных и временных условиях, приспосабливается к существованию и эволюционирует, а благодаря скрытым способностям, обладая силой души и беззаботным сознанием, имеет возможность перерождения вне времени и истории. Кроме того, одной из основополагающих установок этого учения является принцип того, что жизнь человека протекает в трех сферах: правды, добра и сферы прекрасного. Поэтому буддизм эпохи Ли и эпохи Чан и буддизм во Вьетнаме в целом представляет собой особенную квинтэссенцию духовных направлений, которым также свойственны элементы местных верований и культуры, элементы конфуцианства, даосизма, которые как бы обрамляют его, делают эту форму буддизма более гармоничной, отвечающей вьетнамской действительности [10].

Но и это ещё не всё, тяга к вечному, непрерывное желание к продолжению рода – все это глубоко проникло в сознание жителей Северного

Вьетнама. Во многом именно поэтому почти все пагоды имеют свои архитектурные особенности, которые и выражают это стремление. Буддийское учение гармонично смешалось с вьетнамским культом плодovitости. Именно поэтому во многих буддийских пагодах встречается фаллический символ – каменный столб, как например, в пагоде Зам в провинции Бакнинь.

Буддизм смог не только сочетаться с поклонением духам природы, но и с поклонением реальным людям (культ предков, поклонение духу-хранителю деревни, поклонение важным историческим личностям, целителям, помогавшим императору или народу и т. д.), что особенно ярко проявилось в архитектурном ансамбле пагоды Ли Чиеу Куок Шы.

Таким образом, смешение буддизма и народных вьетнамских верований проявляется в архитектуре пагод в районе Бакбо, для которых также действует принцип «Спереди Будда, позади дух или святой» или «Спереди Будда позади богиня-Мать». Поэтому храмы Будды в пагодах Северного Вьетнама обладают чрезвычайно умиротворяющей атмосферой: здесь есть и статуи Будды Гаутамы, Дхармапалы, других буддийских божеств, народных героев, общенародных исторических персонажей, почитаемых в этой конкретной местности или по всей стране. Помещение почитания Будды соседствует с помещениями, где поклоняются богине-Матери, где могут находиться алтари предков и т. д.

При изучении такого смешения различных учений и верований в архитектурном стиле пагод были выявлены следующие особенности: для буддийской традиции характерны статуи Будды Гаутамы, статуи Майтреи, Амитабхи, Ямы, Архаты и т. д.; для даосской – статуи Нефритового императора (Юй-ди), Южного Креста, Большого Ковша, бесконечное количество изображений на бумаге бога земли Туди, бога кухни Цао Чуня, покровителя земледелия и медицины Шень Нуна, царя драконов Лун Вана; для конфуцианской традиции характерно почитание знаков зодиака, Желтого императора и т. д. В народных вьетнамских верованиях почитают покровителя городов, бога земли и плодородия Туди, народных героев, богиню-Мать. Таким образом, во вьетнамской религиозной традиции произошел синтез трех основных философий: буддизма, даосизма, конфуцианства и местных народных верований, поклонений духам. Архитектурный ансамбль пагоды всегда строится по принципу «Спере-

ди Будда, позади дух или святой» или «Спереди Будда, позади богиня-Мать». Очевидно, что с такой системой верований, несмотря на смешение различных направлений, одной из центральных проблем мирознания остается буддийская проблема ничтожности человеческой души перед сверхъестественными силами.

Обычно при строительстве пагод Северного Вьетнама сооружают несколько групп деревянных колонн, которые обычно изготавливают из железного дерева, придают им идеальную цилиндрическую форму и покрывают лаком. Боковые стены располагают очень плотно, однако их можно раздвинуть с двух противоположных сторон для проветривания (таким образом, получается конструкция в виде иероглифа долголетия, что отвечает буддийской концепции бытия и небытия) [3].

Украшение деревянных элементов также чрезвычайно разнообразно, в том числе используются различные приемы резьбы по дереву, гравировка орнаментов и картинок. Этот вид промысла ввиду своей популярности постоянно усложнялся и совершенствовался.

Раньше, во времена Северной (Китайской) зависимости, архитектурный стиль северо-вьетнамских пагод подвергался влиянию китайских веяний, тем не менее сохраняя в себе элементы местных традиций и верований.

Смешение буддийской традиции и традиций народных верований в районе Бакбо проявляется чрезвычайно богато и разнообразно. Стоит отметить, что их сосуществование выражается не только в архитектуре пагод, но также и в убранстве изображений святых. Поэтому, придя в пагоду, нельзя не обратить внимание на статуи

почитаемых персонажей. Изображение духов и святых является отдельной сферой духовной культуры вьетнамцев, в которой отражено изображение создателей пагоды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Cadere L. Instructions pratiques pour des missionnaires, Anthropos. Nos Croyances et pratiques religieuses des Vietnamiens III. Paris, 1992. P. 65.
2. Культура и культурология двадцатого века. Ханой: Социальная наука. 2001. Т. 1. С. 132 (вьет. язык).
3. Нго Хуи Кунь. Познаем архитектуру Вьетнама. Ханой, 1986. С. 42 (вьет. язык).
4. Нгуен Ба Чи. Пагода на одном столбе. Ханой, 1949. С. 172 (вьет. язык).
5. Нгуен Ван Тиен. Наследие пагоды iTh, Aui. Дис. ... д-ра ист. наук по специальности «Археология». Ханой, 2001. С. 53 (вьет. язык).
6. Нгуен Куан – Фан Кам Тхыонг. Искусство вьетнамцев. Ханой, 1989. С. 287 (вьет. язык).
7. Нгуен Хыу Вуй. Проблема оценки роли религии во Вьетнаме // Философия. 1992. № 3, 60 (вьет. язык).
8. Нгуен Хыу Вуй. Религия и мораль – с точки зрения философии // Философия. 1993. № 4. С. 29 (вьет. язык).
9. Ха Ван Тан. Пагода Вьетнама. Ханой, 1993. С. 150 (вьет. язык).
10. Чан Лам Биен. Вьетнамские пагоды. Ханой: Культурная информация, 1996. С. 139 (вьет. язык).
11. Чу Куанг Чы. Религия и вера народного культурного наследия во Вьетнаме. Ханой: Искусство, 2001. С. 201 (вьет. язык).
12. Чу Куанг Чы. Ценности искусства древних буддистских пагод. Ханой, 2001. С. 71 (вьет. язык).

Новая и Новейшая история

УДК 94(410.1) «18»

Сидорова В.П.

Московский государственный областной университет

ТОВАРООБОРОТ МЕЖДУ ИРАНОМ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ В 30-40-е гг. XVIII в.

V. Sidorova

Moscow State Regional University

TRADE BETWEEN IRAN AND GREAT BRITAIN IN THE 1830s-1840s

Аннотация. Предметом исследования в данной статье явились торговые отношения между Великобританией и Ираном в 30-40-е гг. XVIII в. Европейское и азиатское государства оказались связанными транзитным торгом через территорию России. Экономически развитая Великобритания поставляла на иранский рынок готовые товары – ткани, предметы роскоши. Рынок Ирана – специфический и натуральный в своей продукции привлекал англичан. Шелк – основа иранского экспорта – главный интерес европейцев. На основе таможенных записей и записок участников торга можно ярче представить состав и количество товаров, курсировавших по Каспийскому морю.

Ключевые слова: Российская компания, шелк сырец, транзитная торговля, британский импорт, британский экспорт, шерстяное сукно.

Abstract. The subject matter of this article is the trade contacts between Great Britain and Iran in the 1830s and 1840s. The European and Asian countries were connected by the transit trade via Russia. More developed economically, Great Britain supplied the Iranian market with manufactured goods – woolen cloth, luxury. The Iranian market, offering specific and natural goods, attracted Europeans. They were especially interested in silk, Iran's major product for export. With the help of customs data and merchants' notes one can get a better idea of the type and quantity of goods transported via the Caspian Sea.

Key words: the Russia Company, raw silk, transit trade, British import, British export, woolen cloth.

История международных отношений – это не всегда войны и последующее заключение мирных трактатов, передел земель, это и многосторонние и основательные торгово-экономические отношения как часть всей системы. Нередко торговые отношения являются продолжением процесса сближения сторон или, напротив, их отчуждения. Но иногда нелишним бывает и рассмотрение системы торговли между двумя сторонами ради самих торговых отношений, мы имеем в виду состояние импорта и экспорта и товарооборота. Выбранный нами эпизод из череды торговых отношений между Россией и Великобританией в 30-40 гг. XVIII века – действие торгового трактата 1734 г., а именно торговля англичан с Ираном согласно 8 статье вышеупомянутого договора.

Постараемся подойти к рассмотрению данных отношений, минуя мировые внешнеполитические вопросы середины XVIII в. Сужая рамки исследования до экономических задач, мы намерены углубиться именно в торговые отношения двух сторон, Великобритании и Ирана. Достаточно изученным

© Сидорова В.П., 2011.

Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., Госконтракт №357 от 7 мая 2010 г.

представляется вопрос товарооборота между Россией и Великобританией указанного периода, а вот относительно иранских товаров, появлявшихся в Англии, известно мало, да и то в основном по архивным делам и сводным таблицам, составленным А.И. Юхтом на основе книг Астраханской таможни, где приводится богатый цифровой материал об участии различных категорий купцов – армян, русских, индийцев, англичан и др. – в Каспийском торге [10, 211-234]. Нас же интересует одна категория купечества, представленного на рынке Ирана, – это англичане. Поэтому ближе посмотрим на состав экспортируемых и импортируемых ими товаров, на состав самого купечества и его факторий, объем вывозимых и ввозимых товаров в денежном и количественном выражении, и на основе всего этого попытаемся сделать вывод о значении торга и причинах его закрытия в 1746 г.

Итак, 2 декабря 1734 г. был заключен торговый договор о дружбе и взаимной коммерции и навигации между Россией и Англией сроком на 15 лет [7, 62-90]. Английские купцы получили право наибольшего благоприятствования и значительные таможенные льготы при ввозе в Россию английского сукна. Согласно 8 статье договора англичанам разрешалось отправлять свои товары в Иран и оттуда транзитом через Россию с уплатой 3% пошлины; им была открыта возможность торговли иранским шелком. Также позволялось содержать свои торговые дворы в Петербурге, Москве и Архангельске, а русским купцам в Англии [11, 203-206; 4]. О выгоде или невыгоде этого договора для двух сторон существуют различные мнения. Дореволюционные историки (Остроухов П.А., Бильбасов В.А., Небольсин Г.) [9; 1; 8] говорят о выгоде для России торговли с англичанами, имея в виду дополнительные доходы от таможенных выплат, а также от найма судов для провоза товаров по Каспию.

Советские историки (Лебедев В.И., Юнусова Л.И., Куканова Н.Г.) [6; 12; 4] указывают на постоянный обман со стороны англичан, их желание нажиться и обойти русских купцов. Нередко историки данного периода указывают на колониальный характер отношений Англии и Ирана, отмечая, что последний использовался как сырьевой придаток для британской короны.

Современная историография к поставленному вопросу практически не обращалась. В связи с этим необходимо объективное изучение торговли английских купцов с Ираном по российскому

транзиту в 30-40-е гг. XVIII в. на основании существующих источников. Наиболее интересным представляется вопрос о составе перевозимых товаров в Иран и обратно. Источниками послужили фонды Архива внешней политики Российской империи (далее АВПРИ): «Сношения России с Англией», «Сношения России с Персией», а также фонды Российского государственного архива древних актов (далее РГАДА): Коммерц-коллегии, Астраханской таможни, Санкт-Петербургской таможни, Сената.

Англичане не сразу воспользовались правом ведения транзитной торговли. Известно, что лишь в 1737 г. англичане учредили в Гиляне свою торговую факторию. При этом англичане имели в виду свободное вхождение для себя во все порты Каспийского моря и ведение торговли в северо-восточных провинциях Ирана, а также торговлю со Средней Азией и другими странами через Иран. Вскоре и в Хорасане (провинция на востоке Ирана) была основана английская фактория. Отметим, что правитель Ирана Надир-шах относился со вниманием ко всем иностранным купцам и нередко защищал их интересы [4, 57].

Убедившись в выгоде англо-иранской торговли, в 1740 г. фактор Российской компании английских купцов, которая вела свою историю с 1555 г., Джон Эльтон выхлопотал у правителя Ирана – Реза Гули Мирзы (старшего сына Надир-шаха) жалованную грамоту для англичан. Согласно этой грамоте правитель принимал английских купцов, приезжавших в Иран из России, под свое милостивое покровительство. Они имели право выгружать свои товары в любом порту Каспийского моря и вывозить их оттуда на все рынки его владений для продажи, платя обычные, но отнюдь не высокие пошлины. Торговля разрешалась англичанам и вне их торговых помещений, контор и складов, причем иранские власти не могли им препятствовать под тем предлогом, будто продаваемые товары не подверглись таможенному досмотру. Правитель выражал при этом надежду, что английские купцы не будут продавать товаров, не оплаченных пошлиной. Во избежание порчи товаров таможенные чиновники не могли вскрывать принадлежащие англичанам товарные места, а должны были довольствоваться показаниями хозяев о содержании мест¹.

Шах мог брать у купцов товары, необходимые

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф.35. Оп.1 Д. 644. 1745. Л.36.

для его личного потребления, но при условии уплаты обычной цены и наличными деньгами. Если товары не находили спроса у шаха, тогда купцы имели право вывозить их из Ирана, нанимать, покупать и строить дома в Реште и других местах, нанимать или покупать суда для перевозки своих товаров и иметь приказчиков, хотя бы из христиан. Всем местным властям вменялось в обязанность относиться к англичанам уважительно, защищать их от притеснений, а их судебные дела решать без промедления и пристрастия.

Примерно с 1741 г. англичане стали регулярно вести транзитную торговлю с Ираном. Что же мешало началу их торговой деятельности в Иране ранее? Британские купцы долго ждали издания Парламентского акта, который бы отменял Навигационный акт 1660 г. относительно транспортировки товаров из порта в порт, т. е. товары необходимо было доставлять прямым путем из места их произрастания в Великобританию, транзит же товаров из Ирана через Россию противоречил этому положению. У Российской компании на пути стояли британские же Левантийская и Ост-Индская компании, которые распоряжались торговлей с Ближним Востоком и, в частности, транзитом иранского шелка через турецкие владения. Для этих компаний в свое время было сделано исключение, и на них не распространялся запрет Навигационного акта. Такую же уступку от британского парламента требовала и Российская компания. Несмотря на сильное сопротивление Левантийской и Ост-Индской компаний, не желавших появления конкурента в торговле иранским шелком, в 1741 г. Парламент издал акт, разрешавший Российской компании перевозить шелк из России на британских кораблях. Вероятно, решающую роль в данном случае сыграли следующие обстоятельства: транзит шелка через Россию, по подсчетам, был значительно дешевле, чем через турецкие владения [3, 38].

В переписке английских дипломатических деятелей начала 40-х гг. XVIII в. читаем следующее: «Наши купцы получили очень приятное известие от своих агентов по торговле с Персией. Они теперь проживают в городе Реште, провинции Гиляни, в милях пяти от Каспийского моря, и по отчетам, ими сообщенным, эта новая торговля обещает стать чрезвычайно выгодной для поданных его величества» [2, 460].

На основании книг Санкт-Петербургской и Астраханской таможен можно определить имена английских купцов, членов Русской компании, ко-

торые принимали участие в транзитной торговле с Ираном. Это – Франц Гарднер, Ральф Блеклинг, Дингли и Клинк, Вилим Вегер и Ко, Эрнст Бардевик, Тимерман и Шард, Ганвей, Нипер и Газенфелер, генерал-консул Яков Вульф (фактически он был во главе находившихся в России членов Российской компании), Вас, Эдвардс, Шифнер и Ко, Хью Аткинс, Ерги Тарсен, Томсен и Питерс, Джеймс Броун, Джим Мэу, Джон Чарнес, Крамонд, Меер, Томсен¹.

Строго определенных компаний или купеческих союзов не было, состав небольших фирм мог меняться, более того, не все члены компании действовали на территории России и Персии. Часть купечества оставалась в Лондоне, занимаясь делами компании, а другие в качестве агентов представляли интересы компании за пределами Великобритании. А.В. Демкин, например, в своей работе «Британское купечество в России XVIII в.» [3, 203] в качестве агентов Российской компании выделяет только 8 лиц – Э. Бардевик, Дж. Броун, В. Мироп, Вилдер, С. Голден, Дж. Томсен, Дж. Ханвей, Дж. Эльтон.

В фонде Коммерц-коллегии хранятся две ведомости, характеризующие ввоз шелка-сырца в Санкт-Петербург для вывоза за рубеж на Запад. Первая – с 1735 по 1746 гг. (время действия 8 статьи торгового договора с Англией о транзитной торговле с Ираном); вторая – за 1746 – 1751 гг. [4, 56].

За 1742-1745 гг., когда британцы активно пользовались правом транзитной торговли с Ираном через территорию России, они вывезли в Европу свыше 5 тыс. пудов шелка-сырца. Благодаря усилиям А.И. Юхта мы можем определить объем британской торговли с Персией через территорию России в 40-е гг. XVIII в.

Начав в 1739 г. с небольшой партии шелка, стоимостью в 887 руб. (0.5% от всей стоимости шелка, перевезенного из Ирана в Европу транзитом через Россию), британцы в 1742 г. подняли этот показатель до 13 тыс. руб. (18.2%) На 1743 г. приходится пиковое значение в этой торговле – 120 тыс. руб. (24.2%). В 1744-45 гг. по 60-70 тыс. руб. (11-19 %). Транзит европейских товаров в Иран через территорию России осваивался британцами

¹ Имена купцов приводятся в транскрипции упомянутых источников. Некоторые из них по написанию существенно отличаются от имен тех же купцов в работах других авторов. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА)Ф.19. Оп.1. Д.236. 1745, Л.83; Ф. 1361 Оп. 1 Д. 10. 1745, Л. 69.

с еще большим успехом. В 1742 г. стоимость этих товаров составила 17,5 тыс. руб. (4,3% от всей стоимости европейских товаров, привезенных в Иран через территорию России). В 1742 г. гигантский рост – до 230 тыс. руб. (45 %), в 1743-45 гг. показатели колебались в пределах 120-320 тыс. руб. (20-40%). Британцы в транзитной торговле выступили конкурентами армян и русских. Если армянскому купечеству в эти годы урон был нанесен сравнительно небольшой (оно продолжало занимать здесь ведущие позиции), то доля русского купечества весьма резко снизилась в транзите шелка (в 1743-1744 гг. до 3,6-7,2 % по сравнению с 18 % в 1740-41 гг. и даже 55% в 1742 г.) и заметно уменьшилась в транзите европейских товаров (в 1742 -45 гг. – 2,4-4,3% вместо 6,3 в 1741 г.) [13, 94].

По данным британского купца-путешественника Ханвея, ежегодное производство шелка в хорошее время составляло 30 тыс. кип, из которых 6 тыс. потреблялось в России, 4 тыс. отправлялось в Багдад, а остальное через Каспийское море [14, 289]. По свидетельству российского консула в Иране И. Бакунина, англичане «кроме шелка ничего не покупали»¹.

Другой купец Российской компании, Дж. Томсен сообщал, что российские купцы не готовы покупать иранский шелк по заявленной цене – «довольного капиталу не имеют, хотя данный шелк по качеству был весьма простым»². Как известно, в то время цена на шелк устанавливалась волей правителя Ирана. Очевидно, англичане имели достаточный капитал от проданных на иранском рынке товаров, чтобы расплатиться за шелк.

Провинция Ширван являлась основным производителем шелка. Это сырье доставлялось на рынок круглый год, но в основном в августе или сентябре. Выделялось несколько видов шелка – цербаф (пряденый шелк) – самый лучший шелк белого цвета, его производили в Реште и Кашане, нити его более тонкие, а другой вид шелка – желто-белый, арабский – покупаемый арабами и посылаемый в Турцию [14, 289].

Известно, что шелк-сырец из Ирана поступал двух сортов: лези – лучшего и ардаш – худшего качества. В таможене первый оценивался в 75 руб. пуд, а второй – 56 руб. Судя по таможенным книгам, англичане вывозили больше шелка лучшего качества [1, 116].

Гилян производила качественный шелк в большом количестве, далее следовали Ериван,

Мазандеран и Астрабад. Гилянский шелк посылался в Россию и Турцию, часть его обрабатывалась на иранских мануфактурах. Мазандеран и Астрабад редко экспортировали шелк. Из Ширвана шелк отправлялся в Турцию и Россию.

Нередко англичане тайно договаривались с крестьянами, выращивающими шелк, минуя цены, установленные правителем. Подтверждение этому мы находим в записке «О Каспийском торге», обнаруженной в фонде Комиссии о коммерции за 60-е гг. XVIII в. Она подписана фамилией Гмелин. Можно предположить, что это племянник известного немецкого ботаника И.Г. Гмелина – С.Г. Гмелин, принимавший участие в экспедиции в Иран в 50 – 60-е гг. XVIII в. По его словам, британские купцы покупали шелк от крестьян иногда через посредство собственных к тому определенных маклеров, иногда даже и без них, через что получали шелк за умеренную цену и в таком порядке, как они желали³. Земледельцы Гиляни поняли, что англичане заинтересованы в пряденом шелке и старались производить его надлежащего качества. Деревенские жители очень трепетно относились к установлению цены на шелк. Они продавали его малыми объемами, поэтому груз нельзя было быстро собрать [14, 290].

Такие действия англичан не могли не вызвать возмущений со стороны русских купцов, ставших свидетелями этого. По замечаниям С.Г. Гмелина, которые трудно подтвердить архивными данными – письмами и челобитными к правительству, русские жаловались на британских купцов не только в том, что они препятствовали им в распродаже их товаров, но и в том, что они получали большую и лучшую часть главного шелка. Англичане не только давали гилянским крестьянам наперед в задаток деньги за будущий шелк, более того, они брали себе самый лучший, а прочий оставляли персиянам, считая, что такой не стоит и труда вывозить для их мануфактур. Далее Гмелин говорит, что англичане имели для себя порядочных для шелка браковщиков, зная, «...сколь нужен их фабрикам шелк хорошей доброты и чрез то и отнимали у россиян великие выгоды»⁴.

Таким образом, гилянские крестьяне оказывались в зависимости у англичан. Действительно, англичане старались покупать лучший шелк, о чем свидетельствует и письмо Томсена от 1746 г. к Ниперу и Газенфелеру, где он указывает на доброту шелка, приобретаемого им в Иране. Об-

¹ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1 Д. 10. Ч. 1. 1744. Л. 109 об.

² АВПРИ. Ф. 35. Оп. 1 Д. 709. 1746, Л. 6 об.

³ РГАДА Ф. 397. Оп. 1. Д. 25. 1741. Л. 91 об.

⁴ Там же. Л. 92.

ращаясь к своим адресатам в Лондоне, он заявляет «о доброте того шелку, который мне для вас купить случится, попечение иметь не премину, я же при том должен признать себя недостаточным из бракованию шелку»¹.

По мнению Гмелина, русские и армянские купцы не могли бы охватить всю торговлю гиланским шелком, только англичане сумели «Россию учинить каналом, которым гиланский шелк в Европу предпосылаем»², да и само правительство Анны Иоанновны понимало выгодность провоза англичанами шелка через Россию, потому и привилегии предоставило. С провозом товаров в казну приходили новые пошленные сборы, также переправка товаров предполагалась на казенных судах, что гарантировало бы занятость простого русского люда. «Англичане начали сие дело в Персии с успехом, но им надлежало преодолеть весьма великие препятствия», – и этим Гмелин указывает на конкуренцию со стороны армянского и русского купечества, но сам далее замечает, что этого англичане не боялись.

Экспорт в Иран, согласно данным Санкт-Петербургской таможни³, составляли: сукно шерстяное, бобры, олово, выдры, краски, золото, позумент, стамед, кошениль, бархат, парус, сахар. Все эти товары шли в Иран. Основной спрос после голландских сукон в Иране был на изделия британских суконщиков – бегрест, глочестерские и йоркширские шерстяные ткани, английский бархат, также пользовались спросом индиго, золотые и серебряные кружева, вельвет и другие дорогие ткани. Ханвей, достаточно ярко описавший привычки и нравы азиатского народа, отмечал большую любовь иранцев к шерстяным изделиям – чулкам, легкой верхней одежде [14, 228].

По словам современника данного транзитного торгового и непосредственного его участника, английского купца Генри Норриса, замечаем, с какой гордостью он отзывался о своих соотечественниках: «английские купцы никакой нации не уступают, они люди благодарные, и, имея богатство и природную склонность к коммерции чрез пристойное обозрение предают весьма знатный торг чрез Россию производят»⁴. Здесь автор подразумевает большое число товаров, которые в Иран отправлены.

Транзит европейских товаров в Персию через

территорию России осваивался британцами с еще большим успехом. Британцы в 1740 г. отправили транзитом в Персию 1300 аршин различных сукон, оцененных в 1,5 тыс. руб., а также 4700 аршин солдатских сукон, 3400 аршин сукон «кострожей» и 1500 аршин «ординарных» и «средних». Так в 1740 г. товаров в Персию англичане отпустили на 8392 руб. 90 коп. Обратно – на 887 руб. 50 коп., однако «уповаемо, что англо-персидский чрез Россию торг время от времени более умножится»⁵.

Свобода, дозволенная англичанам отвозить шерстяные свои товары через Россию в Иран и оттуда привозить в Россию шелк, была для российских купцов препятствием в собственных их предприятиях. «Подло и неосмотрительно торговать несвойственно характеру и благоразумию англичан»⁶, – так, еще в 1741 г. англичане предвидели пользу будущего торгового с Ираном, потому что он основан был на вывозе шерстяных товаров и в привозе сырого шелка, провоз которого по воде и суше через Россию дешевый.

Итак, иранские ярмарки наполнялись шерстяными товарами, которые были хорошей работы и цены «сносной», потому их и покупали. «Англичане, зная искусство в коммерции, яко купцы, умели оное и употреблять себе с выгодой. Их поведение, знание политических дел и искусство, как обратить себе в пользу слабость персиян, в чем подкрепляли их деньги, все сия обстоятельства доставляли им пред всеми купцами некоторое почтение, а потому и отличное преимущество, которое поспешествовало их торгу»⁷. Гмелин, продолжая анализировать торг англичан с Ираном, укоряет за неосторожные поступки агента Российской компании купца Эльтона, который начал в 1743 г. строить для иранского шаха флот на Каспии, что и повлекло за собой закрытие торгового в ноябре 1746 г.

И вновь возвращаясь к объему обращающихся между Англией и Ираном товаров, обратимся к свидетелю Каспийского торгового – к запискам британского купца Джонаса Ханвея. Если экспорт западных товаров в Иран в 1742 г. взять за точку отсчета, то есть за 100 %, то в 1743 г. по отношению к избранному уровню он составлял 85,2 %, в 1744 г. – 60,3 %, в 1745 г. – 48,7 % и в 1746 г. – 11,7 % [14, 350]. Как видно из данных цифр, ввоз товаров англичанами в Иран с 1742 г. стал необрати-

¹ АВПРИ. Ф. 35. Оп. 1 Д. 709. 1746, Л. 5.

² РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 25. 174, Л. 92.

³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 236. 1745, Л. 83.

⁴ АВПРИ. Ф. 35. Оп. 1 Д. 695. 1745, Л. 265.

⁵ АВПРИ. Ф. 35. Оп. 1 Д. 656. 1741, Л. 33.

⁶ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 25. 174, Л. 93.

⁷ Там же. Л. 90.

мо уменьшаться. Но данные Ханвея противостоят сводным ведомостям Астраханской таможни, которые были обработаны А.И. Юхтом. Если, следуя методу Ханвея, 1742 г. взять за 100%, то в 1743 г. экспорт составил 53 % по отношению к исходному уровню, а в 1744 г. – 144%. [10, 211-234]. Сведения Юхта А.И. точнее, они отражают ежегодные циклические колебания.

Если установить соотношение экспорта и импорта, то очевидно, что ввоз в Иран превышал вывоз товаров на 589458 руб. (за 1739-1747 гг.) в 3 раза [12, 106]. Это объяснялось повышенным спросом на недорогие английские товары в Иране, которые составляли конкуренцию товарам армян и русских. А англичанам удавалось поддерживать положительный торговый баланс, что не могло не вызвать зависти со стороны русского купечества и позже двора.

Советский исследователь М.В. Кумок отмечает, что, конечно, развитие англо-иранской торговли оказало определенное влияние на ход русско-английских отношений. Развивалась торговля усилиями, прежде всего, британского предпринимателя Джона Эльтона, и его же чрезмерная активность, переросшая в некорректность по отношению к России, стала одной из основных причин срыва торговли. Однако анализ цифрового материала показывает, что доля и значение англо-иранской торговли на Каспии были невелики по сравнению с товарооборотом армян [5, 14].

В целом, английский торг с Ираном был невелик по размерам, но достаточно ярок и динамичен, как по составу товаров, так и способу его ведения. Нам удалось выяснить основные составляющие экспортируемых товаров из Ирана – различные виды шелка и их ценовые различия, сравнить сведения купцов-современников торгова со статистическими данными таможенных книг. Торг действительно был взаимовыгодный и интересный как в географическом отношении, так и в национальном – встреча Запада и Востока, достаточно широким был и состав товаров. Даже при превышении экспортируемых товаров из Европы над импортом, в любом случае, обе стороны получали желаемое. Иран – готовое сукно, а Великобритания – сырой шелк по выгодным це-

нам. Неверно утверждать, что Англия пыталась превратить Иран в свою колонию путем торговой экспансии. Ввозили англичане в Иран не промышленные товары, а шерстяные ткани, которые пользовались спросом у местного населения. Вывоз шелка для купцов Российской компании не был самоцелью, так как крупного шелкового производства в Англии не имелось.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бильбасов В.А. Россия и Англия в XVIII в. // Русская старина. 1983. Т. 80. С. 58-64.
2. Вейч К. Лорду Картерету // Сборник Русского исторического императорского общества. СПб., 1894. Т. 91. № 110. С. 459-460.
3. Демкин А.В. Британское купечество в России в XVIII в. М., 1998. 249 с.
4. Куканова Н.Г. Торгово-экономические отношения Ирана и России в период позднего феодализма. Саранск, 1993. 167 с.
5. Кумок В.М. Русско-английские отношения в 30-40-х гг. XVIII в. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1987. 260 с.
6. Лебедев В.И. Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Ученые записки МГУ. Вып. 167. М., 1954. С. 127-134.
7. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. 9. СПб., 1892. 357 с.
8. Небольсин Г. Статистические записки о внешней торговле России. Ч. 2. СПб., 1835. 148 с.
9. Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914. 204 с.
10. Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965. 656 с.
11. Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле. СПб., 1859. Ч.1. 305 с.
12. Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. Баку, 1988. 158 с.
13. Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России. М., 1994. 261 с.
14. Hanway J. An Historical Account of the British trade over the Caspian Sea with the Author's Journal of Travel from England through Russia into Persia, Germany and Holland. To which are added the Revolutions of Persia during the Present Century, with the Particular History of the Great Usurper Nadir Kouli. London, 1754. 460 p.

УДК 94(456.31)«20»

Свящ. Крысов А.Г.

**ВЕРХОВНАЯ СВЯЩЕННАЯ КОНГРЕГАЦИЯ СЯТОЙ
СЛУЖБЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ КАРДИНАЛА
Р. МЕРРИ-ДЕЛЬ-ВАЛЯ В 1922-1930 гг.**

Priest A. Kryssov

**THE SUPREME SACRED CONGREGATION OF THE HOLY OFFICE UNDER
THE LEADERSHIP OF CARDINAL R. MERRY-DEL-VAL IN 1922-1930**

Аннотация: На основе документов 1922-1930 гг. конгрегации Святой Службы впервые рассматривается деятельность её фактического руководителя кардинала Р. Мерри-дель-Валья. Не будучи публичной, эта деятельность ускользнула от внимания биографов кардинала, хотя именно благодаря данному посту в курии он имел возможность развивать установленные Пием X стратегические направления, закрепляя тем самым результаты его Понтификата, определившего развитие Католической Церкви в XX веке. Впервые предпринимается попытка анализа индивидуальных мотивов деятельности кардинала, сочетавшего верность своим убеждениям с курсом правящего Папы.

Ключевые слова: кардинал, Папа, Понтификат, Пий X, Пий XI, Мерри-дель-Валь, модернизм.

Abstract. On the basis of the documents relating to 1922-1930 of the Congregation of the Holy Office, the article presents the first attempt to analyse the activity of its de facto head – Cardinal R. Merry del Val. Not being public, this activity escaped the attention of biographers of the cardinal, although it was due to his position in the Curia that he was able to develop the strategic directions adopted by Pius X, securing thereby the results of his Pontificate, which determined the development of the Catholic Church in the 20th century. This article is the first attempt at analyzing the individual motives of the cardinal, who was faithful both to his beliefs and to the policy of the reigning Pope.

Key words: cardinal, Pope, Pontificate, Pius X, Pius XI, Merry-del-Val, modernism.

В соответствии с нормами канонического права, 22 января 1922 г., сразу после смерти Папы Бенедикта XV, кардинал Рафаэль Мерри-дель-Валь сложил с себя полномочия секретаря Верховной Священной конгрегации Святой службы (ВСКСС - в дальнейшем).

В период Понтификата Папы Бенедикта XV, ставшим непростым периодом для ближайшего окружения Папы Пия X, к которому относился и Р. Мерри-дель-Валь, кардинал, занимая пост секретаря ВСКСС, смог обеспечить продолжение линии на ограждение католического вероучения и богослужбной практики от модернизма, т. е. закрепить сделанные в Понтификат Пия X преобразования, направленные к этой цели [2]. Теперь кардиналу предстояло принять участие в конклаве по выборам нового Папы и направлять всю свою дальнейшую деятельность в зависимости от их результата.

Конклав начался в Ватикане 2 февраля 1922 г., и первый же тур голосования показал, насколько эффективна и значима для Церкви была деятельность кардинала Р. Мерри-дель-Валья на протяжении предыдущего Понтификата. В первом туре голосования кардинал стал лидером, набрав 12 голосов, что, конечно, было недостаточным для избрания на Папский престол. Дальнейшие туры не добавили, однако, Р. Мерри-дель-Валью голосов, и 6 февраля 1922 г. новым Папой стал кардинал Акилле Амброзио Дамиано Ратти.

Успех кардинала Р. Мерри-дель-Валья в первом туре голосования и дальнейшее сокращение подаваемых за него голосов свидетельствовали как о признании заслуг кардинала Священной коллегией, так и об опасении многих кардиналов, среди которых уже было много назначенных Бенедиктом XV и бывших сторонником его политики, видеть на Папском престоле решительного продолжателя линии Пия X, которым, несомненно, стал бы кардинал Р. Мерри-дель-Валь. Но и явные противники этой линии не могли провести своего кандидата и вынуждены были считаться с влиянием Р. Мерри-дель-Валья и его сторонников. Поэтому выбор был остановлен на фигуре кардинала А. Ратти, казавшейся

© Свящ. Крысов А.Г., 2011.

компромиссной: в период Понтификата Пия X он был только священником, а при Бенедикте XV находился вдали от Римской курии – сначала на дипломатической службе, а затем во главе Миланского архидиоцеза.

Тем не менее, первые же мгновения после избрания нового Папы воодушевили как кардинала Р. Мерри-дель-Валя, так и сторонников жёсткой линии Пия X. Новый Папа взял себе имя Пий XI, что, по традиционному принятому в Ватикане этикету, означало готовность проводить ту же линию, что и предыдущий Папа с таким же именем.

Новый Папа своим избранием был во многом обязан кардиналу Государственному секретарю Пьетро Гаспарри, который как раз и увидел в нём компромиссную фигуру, способную собрать необходимое количество голосов. Отдавая должное кардиналу П. Гаспарри и сохранив за ним пост Государственного секретаря (вместо того, чтобы предложить его кардиналу Р. Мерри-дель-Валю), Пий XI подчёркивал преемственность внешнеполитической линии Папы Бенедикта XV, заручался тем самым поддержкой кардиналов, назначенных Бенедиктом XV, и, таким образом, получал гораздо больше уверенности в проведении внутрицерковной политики в соответствии с пожеланиями Пия X, в память о котором и принял имя Пия XI.

Неудивительно, что сразу же после своего избрания Папа Пий XI утвердил кардинала Р. Мерри-дель-Валя снова в должности секретаря ВСКСС, подчёркивая тем самым, что не только желает видеть одним из своих ближайших помощников кардинала, вдохновлявшего начинания Папы Пия X, но и признавая эффективность работы кардинала на должности секретаря ВСКСС в предыдущие годы правления Бенедикта XV. Кроме того, Папа Пий XI испытывал к кардиналу Р. Мерри-дель-Валю глубокое уважение не только потому, что тот был ближайшим помощником Пия X, но и в силу личного опыта: дело в том, что А. Ратти с сентября 1914 г. был некоторое время каноником собора св. Петра в Риме, и все эти годы кардинал Р. Мерри-дель-Валь был его непосредственным начальником, так как с января 1914 г. находился в должности архипресвитера этой базилики. Даже после избрания на Папский престол А. Ратти (Пий XI) продолжал иногда называть его «Мой архипресвитер» [20, 208].

Как уже отмечалось [2], ВСКСС была в то время (до реформ конца XX в.) одной из трёх (наряду со Священной Консисториальной конгрегацией

и, с 1917г., Священной конгрегацией Восточной Церкви) Римских дикастерий, префектом которой формально являлся сам Папа. Именно поэтому пост секретаря этой конгрегации всегда занимался только кардиналом, который и представлял собой фактического организатора деятельности этой дикастерии и её фактического руководителя. Статус же конгрегации, отвечавшей за контроль над соблюдением чистоты вероучительных основ всей Церкви, был самым высоким в Римской куриальной системе управления. Таким образом, перед Р. Мерри-дель-Валем была перспектива максимально способствовать расширению на все стороны церковной жизни тех доктринальных положений, что были введены Пием X и что соответствовало его убеждениям как человека и иерарха, разрабатывавшего и претворявшего в жизнь эти нормы вместе с бывшим Папой.

Должность секретаря ВСКСС – совершенно не публичная, издаваемые конгрегацией циркуляры и определения рассчитаны тоже только на довольно узкий круг адресатов внутри Церкви. Но, тем не менее, именно эта конгрегация определяла и контролировала вероучительную составляющую католичества, что, в конечном счёте, определяло и всё состояние Церкви. Но деятельность этой конгрегации и её руководителя, не будучи публичной, решительно ускользала от внимания церковных историков. В имеющихся не очень многочисленных, но добротных биографиях кардинала Рафаэля Мерри-дель-Валя, выходявших на итальянском, английском, французском, немецком и испанском языках [20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 37; 38; 39], есть лишь упоминание, что он занимал этот пост, как если бы таковой был только почётной придворной должностью Папского двора. Куда больше внимания отводилось деятельности кардинала в качестве архипресвитера собора св. Петра, которым он был в это же время (с января 1914 г.), также, как и секретарём конгрегации, до самой смерти. Но должность архипресвитера заключалась лишь в ответственности за состояние собора св. Петра и проведение там богослужений. Поэтому представляется крайне интересным рассмотреть деятельность кардинала Мерри-дель-Валя именно как секретаря ВСКСС, проанализировав те документы, которые издавались этой дикастерией под его руководством в рассматриваемые годы, то есть документы, которые определяли состояние католического вероучения и до настоящего

момента никем из биографов кардинала и историков Церкви данного периода не привлекались и не учитывались в своих исследованиях.

Получив снова назначение на должность секретаря ВСКСС, кардинал Р. Мерри-дель-Валь получил уникальную возможность, следуя своим убеждениям, оказывать максимальное содействие стараниям Папы Пия XI в ограждении католичества от проникновения тех тенденций, противостоянию которым так много времени и сил отдавал Пий X, на опасность которых он указал в энциклике «*Pascendi Dominici gregis*» (1907 г.), и меры по противодействию которым были предусмотрены декретом «*Lamentabili*» (1907 г.) на доктринальном уровне и *motu proprio* «*Sacrorum Antistitum*» (1910 г.) на практике [1; 4; 36].

Как покажут все дальнейшие годы служения кардинала Р. Мерри-дель-Валя на посту секретаря ВСКСС, теперь его работа будет проходить в совершенно других условиях, чем при Бенедикте XV, и речь будет идти не об отстаивании начинаний Пия X, а об их развитии.

Борьба с доктринальным модернизмом, активно начатая Папой Пием X, была теперь продолжена. В самом начале своего Понтификата Папа Пий XI обсуждал на тайной консистории 23 мая 1923 г. с рядом кардиналов вопрос, который неоднократно возникал в Церкви в последние годы – о целесообразности созыва Вселенского Собора. Присутствовавшие на консистории кардиналы из числа сторонников жёсткой линии Пия X высказались в присутствии нового Папы очень откровенно, что свидетельствовало, как минимум, о возобновлении внутрицерковной дискуссии об угрозе модернизма. Кардинал Т.П. Боджиани указал, что «некоторые священники и епископы не чужды модернистских теорий, и эти воззрения могут склонить отцов возможного Собора к преобразованиям, к введению методов, несовместимых с католическими традициями» [3, 226]. Ещё более откровенно высказался кардинал Л. Бийо, бывший одним из главных составителей энциклики «*Pascendi*» [4]: «Надо признать, что внутри самого епископата имеют место глубокие разногласия, угрожающие вызвать дискуссии на возможном Соборе, которые будут длиться бесконечно. Собор окажется управляемым злейшими врагами Церкви – модернистами, которые, судя по некоторым признакам, уже готовят революцию в Церкви, новый 1789 год» [3, 226]. Разумеется, при констатировании таких внутренних угроз вопрос о созыве Собора не мог

далее рассматриваться, и, что тоже, разумеется, борьбу со всеми этими негативными проявлениями необходимо было активизировать и именно возглавляемой кардиналом Р. Мерри-дель-Валем ВСКСС. Разумеется также, что кардинал Р. Мерри-дель-Валь был участником данной тайной консистории не только как руководитель ВСКСС, но и один из главных вдохновителей борьбы с доктринальным модернизмом, на активизацию которой он теперь получил высочайшее одобрение.

Первым вопросом, связанным с ограждением целостности католичества, который пришлось решать ВСКСС под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя в самом начале Понтификата Пия XI, была проблема, связанная с деятельностью «Союза чехословацкого духовенства - Единство (*Jednota*)». Вслед за развалом Австро-Венгерской империи и обретения различными её частями суверенитета, предпринимались попытки организации национальных церковных движений, направленных если не на создание независимых национальных Церквей, то, по крайней мере, к утверждению максимально возможной автономии от Рима. Это представляло серьёзную опасность для единства Церкви и требовало безотлагательных и жёстких мер. Декретом «*Quam certis auctoribus*» [7, 319-321] от 14 июня 1922 г. ВСКСС предписал входящим в «Единство» чехословацким священникам в течение 15 дней с момента принятия декрета подчиниться всем указаниям законной церковной власти и прекратить свою раскольническую деятельность. Если такое предписание не будет выполнено в указанный период, то все, продолжающие своё участие в «Единстве», автоматически (*ipso facto*) подпадают под отлучение. Кроме этого, декрет накладывал отлучение на 4-х священников, образующих Совет данной организации. Также данный декрет предавал осуждению издаваемую «Единством» газету с одноименным названием и накладывал отлучение на всех, кто станет издавать, поддерживать любым способом или просто хранить у себя данную периодику. Опасаясь, в результате принятых ВСКСС мер, потерять всех своих сторонников, руководители «Единства» объявили о роспуске своей организации и обратились с просьбой к Папе о снятии с них всех прещений. Тем не менее, это оказалось лишь тактическим ходом, так как вместо «Единства» была создана «Федерация священников и последователей св. Кирилла и Мефодия». Когда же вышел первый номер их

новой газеты «Obrod» (Возрождение), то стало очевидно, что Федерация взяла в свою программу все осуждённые схизматические положения «Единства». Реакция возглавляемой кардиналом Р. Мерри-дель-Валем ВСКСС была незамедлительной: декрет от 8 ноября 1922 г. предусмотрел в отношении Федерации и её адептов меры, аналогичные тем, что были приняты в отношении «Единства» [11, 749]. Благодаря решительным, быстрым и жёстким мерам Католическая Церковь в обретшей независимость Чехословакии была ограждена от раскола.

В 1923 г. кардиналу Р. Мерри-дель-Валю, как секретарю ВСКСС вновь пришлось заниматься чешскими делами. К нему обратился с посланием епископ Градец-Кралове (Кёнигграцкий) Карел Кашпар, сообщив, что среди чешского клира получил распространение документ, бывший, по мнению некоторых, энцикликой Папы Льва XIII от 10 июля 1898 г., которая, в виде исключения, допускала женатый клир в Бразилии, что, естественно, вызывало среди чехословацкого клира многочисленные вопросы. 26 февраля 1926 г. Р. Мерри-дель-Валь официально уведомил епископа Кашпера, что никогда данный документ не принимался Папой Львом XIII и является фальшивкой, очевидно, имеющей целью посеять соблазн среди духовенства Чехословакии [12, 759-760].

Одним из важнейших решений ВСКСС было послание «In generali consessu habito» [8, 173-176] от 1 декабря 1924 г., оформленное как официальный ответ-разъяснение кардинала Р. Мерри-дель-Валя Кемперскому епископу Адольфу-Иву-Мари Дюпарку (*5.02.1857 г. - +8.05.1946 г., епископ Кемперский с 1908 г.). Данный документ, к сожалению, остался без внимания историков Церкви, хотя он, несомненно, должен рассматриваться в обязательном порядке наряду со знаменитым Силлабусом Папы Пия IX (1864 г.) и декретом «Lamentabili», о котором говорилось выше. Если «Lamentabili» справедливо назвали Силлабусом Папы Пия X или Силлабусом XX века, то и указанное послание кардинала Р. Мерри-дель-Валя можно справедливо назвать третьим Силлабусом Католической Церкви. Как, в своё время, декрет «Lamentabili» дополнил Силлабус Пия IX и был составлен в такой же точно форме, чтобы стать его продолжением, точно так же Послание Мерри-дель-Валя было выдержано в определённой Силлабусом и «Lamentabili» форме и, рассматривая 12 положений, относящихся к сфере

философии, апологетики и теологии, осудило данные в этих положениях заблуждения, став, после Силлабуса и «Lamentabili», третьей составляющей частью единого традиционного учения Католической Церкви. И, несомненно, заслуга в этом кардинала Р. Мерри-дель-Валя, который смог использовать благоприятное время Понтификата Пия XI, чтобы самым непосредственным образом продолжить линию Пия X на борьбу с доктринальным модернизмом [14, 806].

Наряду с теоретическим осуждением модернизма, ВСКСС под руководством Р. Мерри-дель-Валя продолжила и практическую борьбу с его вдохновителями, как то было в Понтификат Папы Пия X. 26 марта 1924 г. был принят и 28 марта опубликован декрет ВСКСС, которым священник Эрнесто Буонаюти, названный в Папском ежегоднике 1925 г. [13] «одним из корифеев модернизма», был подвергнут церковным прещениям. Ему было запрещено совершать богослужения, все без исключения его книги и любые иные сочинения были запрещены и объявлены внесёнными в Индекс, было запрещено публиковать новые сочинения, выступать с лекциями и преподавать что бы то ни было, имеющее отношение к вопросам религии. Так как ожидания раскаяния Э. Буонаюти оказались напрасными, и он, несмотря на декрет ВСКСС, продолжил направленную против католического вероучения деятельность, 30 января 1925 г. был принят новый декрет ВСКСС, который повторил все прежние прещения против Э. Буонаюти, а также, в соответствии со статьёй 2300 Кодекса канонического права, запретил ему отныне носить сутану. Этот же декрет запретил все грядущие сочинения данного священника, равно как и руководимый им журнал «Ricerche religiosi» (Религиозные исследования) [14, 806]. Но и этот декрет не возымел действия, и в марте 1925 г. священник Э. Буонаюти в своём журнале опубликовал заявление, в котором изложил категорический отказ подчиниться декретам ВСКСС. 25 января 1926 г. ВСКСС приняла декрет, предававший Э. Буонаюти отлучению, согласно канону 2267 Кодекса канонического права. Данный документ повторил содержание декретов от 26 марта 1924 г. и 30 января 1925 г. и указал на вышеупомянутое заявление Э. Буонаюти, а также на то, что никакие призывы и предупреждения не повлияли на восставшего против Учительства Церкви священника [15].

Если Понтификат Пия X стал переломным моментом в плане осознания и осуждения до-

ктринального модернизма, так как именно в тот момент требовались безотлагательные меры в этом направлении, то к Понтификату Пия XI большое значение приобрело активно развивающееся с начала XX в. так называемое экуменическое движение. Оно вовлекало в себя всё большее число католиков, в том числе и представителей клира. Направляемое не католическими деятелями, это движение всё больше под прикрытием религиозной веротерпимости проводило идеи религиозного индифферентизма, внедряя их в различные круги Католической Церкви и размывая, тем самым, основы традиционного католического вероучения. К 1920-м гг. ситуация стала угрожающей и требовала безотлагательных мер. Как, в своё время, кардинал Р. Мерри-дель-Валь стал ближайшим помощником Пия X в борьбе с модернизмом, так и теперь он, как секретарь ВСКСС, принял самое деятельное участие в формировании традиционного католического отношения к вопросам экуменизма, став самым близким помощником Пия XI в этом деле – и как фактический руководитель ВСКСС, и в силу личных убеждений.

11 апреля 1927 г. ВСКСС под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя выпустила циркуляр, предупреждающей епископов Католической Церкви, а также всех верующих, в особенности в Германии, об опасности, исходящей от пропаганды различными не католическими сообществами идей так называемого «союза трёх основных христианских конфессий», подразумевающих католиков, протестантов и православных [18, 818].

8 июля 1927 г. ВСКСС приняла решение «*Oscasione conventus*» [10, 197-198] в отношении всевозможных собраний, именуемых Конгрессами по единению всех христиан (*de Conventibus quos dicunt ad procurandam omnium christianorum unitatem*). Руководимая кардиналом Р. Мерри-дель-Валем ВСКСС указала всем католикам на недопустимость участия в подобных конгрессах, конференциях, ассамблеях и обществах, напомнив актуальность предыдущих решений по данному вопросу [16, 803].

Как, в своё время, за антимодернистским декретом ВСКСС «*Lamentabili*» [36] последовала Папская антимодернистская энциклика «*Pascendi*» [4], так и сейчас ситуация повторилась в отношении экуменизма. 6 января 1928 г. Папа Пий XI направил всей Католической Церкви Окружное послание (энциклику) «*Mortalium animos*» [5], где чётко указал, что никто из отделившихся от

Церкви не должен рассчитывать, что ради единства с ними «Церковь пожертвует целостностью веры и станет терпеть их заблуждения» [5, 26]; вдохновлённый кардиналом Р. Мерри-дель-Валем Папа указал в отношении всякого рода экуменических мероприятий, что «католикам не позволено поддерживать подобные предприятия и участвовать в них» [5, 22]. Пий XI указал, что «католики никоим образом не могут одобрить усилия, основанные на ложном мнении, будто все религии являются более или менее хорошими, ибо одинаковым образом, хотя и в разной форме, раскрывают и выражают наше природное чувство, влекущее нас к Богу» [5, 18].

Вслед за энцикликой «*Mortalium animos*» появился декрет ВСКСС «*Cum Supremae*» [10, 200-201] от 25 марта 1928 г. Данным декретом ВСКСС распустила и запретила организацию «Друзья Израиля» (*Opus sacerdotale Amici Israel*). Данная организация была основана в Риме 24 февраля 1926 г. и ставила своей изначальной задачей молитву за евреев. К концу первого года своего существования она объединяла уже несколько кардиналов, несколько десятков епископов и сотни священников. Однако очень быстро в этой ассоциации возобладал присущий экуменическому движению дух. Так, её члены подчёркивали, что евреи по-прежнему являются богоизбранным народом. Затем начались и действия: ассоциация инициировала дискуссию о введении литургических изменений в службу Страстной Пятницы, с целью ликвидировать молитву о «коварных иудеях». Кардинал Р. Мерри-дель-Валь выступил инициатором роспуска этой ассоциации и провёл соответствующее решение ВСКСС, несмотря на противостояние таких влиятельных фигур, как аббат А.И. Шустер (будущий кардинал и архиепископ Милана). На заседании ВСКСС 21 марта 1928 г. было принято решение о роспуске, 22 марта это решение ассессор ВСКСС доложил Папе Пию XI и получил его одобрение, после чего оно было оформлено упомянутым выше декретом. Принятый ВСКСС декрет не только распускал данную организацию, но и запрещал книги и газеты, где отстаивались бы цели, преследуемые запрещённой отныне ассоциацией [17, 812].

Резонансным явлением в жизни Католической Церкви, начиная с 1920-х гг. XX столетия, была деятельность итальянского священника-капуцина – падре Пио из Петрельчины (в миру Франческо Форджоне), служившего в монастыре Сан-Джованни-Ротондо и получившего широ-

кую известность благодаря наличию у него с 1918 г. стигматов, а также особого дара исповедника. Церковь, прежде чем признавать подобного рода явления, относилась к ним с предельной осторожностью, чтобы не допустить ни малейшего соблазна. Именно поэтому с 1923 г. по 1933 г. падре Пио был практически изолирован от публичного служения. 31 мая 1923 г. ВСКСС под руководством Р. Мерри-дель-Валя особой декларацией констатировала, что факты, связанные с падре Пио, не подтверждают, согласно предпринятому расследованию, своего сверхъестественного характера [12, 760]. 24 июля 1924 г. ВСКСС обнародовала официальное увещание для всех верующих, в котором напомнила о предыдущей декларации по этому вопросу и призвала воздержаться не только от посещений этого священника-капуцина, но и вообще от любых контактов с ним, включая эпистолярные [13]. Менее двух лет спустя, 23 апреля 1926 г., ВСКСС выступила с официальным заявлением, где было указано, что опубликованный под названием «Падре Пио из Петрельчины» труд является запрещённым *ipso iure*, так как, не получив *imprimatur*, повествует о так называемых чудесах и прочих сверхъестественных фактах. В этом же заявлении ВСКСС напомнила о содержании декларации от 31 мая 1923 г. и увещания от 24 июля 1924 г. [15]. 11 июля 1926 г. ВСКСС должна была выступить с аналогичным заявлением в отношении ещё одной брошюры, посвящённой этому же сюжету [15].

Много внимания и сил ВСКСС уделяла ограждению внутренней жизни Церкви от проникновения в неё чуждых католическим традициям практик. Так, в марте 1922 г. ВСКСС под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя категорически запретила клиру каким бы то ни было образом участвовать в погребениях, связанных с кремацией [11, 749]. Данная тема была чуть позже подробно рассмотрена в инструкции «*Cadaverum cremationis*» [9, 305-309] от 19 июня 1926г., направленной, за подписью кардинала Р. Мерри-дель-Валя, всем диоцезиальным ординариям Католической Церкви. Данная инструкция вооружила защитников католической традиции правильным пониманием проблемы, показав, что кремация (за редчайшим исключением) является собой порочную и достойную сурового осуждения практику [15], что пропаганда кремации имеет в своей глубинной основе «постепенное изменение христианского восприятия смерти, разрушение надежды на воскресение тела и рас-

чищение, таким образом, дороги материализму» [9, 306]. Естественно, что, при такой оценке, запрещалось церковное погребение всех, следующих данной практике и выразивших пожелание быть кремированными после смерти [15].

Внимание ВСКСС в рассматриваемый период было привлечено и к некоторым аспектам литургической жизни Церкви. В связи с серьёзными изменениями в приходской жизни, вызванными радикальными социальными переменами в мире, значительно увеличилась нагрузка на приходской клир и, в связи с этим, стало практически невозможным буквальное исполнение всех предписаний в отношении литургического служения. В частности, это касалось серьёзной проблемы евхаристического поста для священников, вынужденных служить в различных приходах и более одной Литургии в день. Дабы оградить клир от проблемы выбора между благом верующих и исполнением своего священнического долга, и тем самым оградить от соблазна, которым непременно воспользовались бы противники традиции, ВСКСС направила всем диоцезиальным ординариям Церкви послание «*Optime novit*» [7, 324-326] от 22 марта 1923 г., за подписью кардинала Р. Мерри-дель-Валя, в котором было чётко предписано, кто и каким образом может на законных основаниях нарушить евхаристический пост, оставаясь верным традиции Церкви, и при каких обстоятельствах местные ординарии могут выдавать подобные диспенсации [12, 760]. 16 ноября 1923 г. данное послание было дополнено декретом ВСКСС «*Supremae Congregationi*» [7, 330], разъяснявшим ситуацию с некоторыми нормами евхаристического поста со служением двух Месс в день [12, 760].

К ограждению литургической жизни Церкви от десаκραлизации, опасность которой не исключается позитивными намерениями при нововведениях, связанных с использованием достижений технического прогресса, был направлен официальный ответ ВСКСС от 22 марта 1928 г. на полученный из Праги запрос о допустимости передачи с помощью радио литургических песнопений Мессы или иных богослужений, за исключением произносимого священником и министрантами. Ответ был – *non expedire* – не подобает, и далее было указано, что если таковая практика где-либо в католическом мире и осуществляется, то данное явление следует считать злоупотреблением, не имеющим дозволения со стороны Церкви [18, 818].

Занимаясь ограждением традиционной морали от проникновения чуждых христианскому благочестию форм, ВСКСС под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя рассмотрела инициированный Гарлемским епископом А.Ж. Кальером вопрос о практике *copula dimidiata*, затрагивающей нормы супружеской жизни, и решением от 1 декабря 1922 г. запретила всем исповедникам, опирающимся на некоторые благосклонные этой практике богословские мнения, признавать *copula dimidiata* допустимой [12, 759]. Вообще ВСКСС приходилось неоднократно в эти годы выступать с официальными заявлениями, касающимися норм совершения таинства брака. В связи с многочисленными миграциями населения возникали коллизии, решение которых находилось только в компетенции Святого Престола, и ВСКСС должна была на примере конкретных случаев определять соответствие ситуации традиционным основам католического морального богословия. Так, например, 1 апреля 1922 г. ВСКСС определила, что брак, заключённый без соответствующей диспенсации, между человеком, крещённым при родах врачом-католиком, и некрещённым человеком, недействителен [15]. Такие же сложные вопросы разбирались ВСКСС в официальных ответах от 10 июля 1924 г., 24 декабря 1924 г., 8 апреля 1925 г., 1 мая 1925 г. [15], 27 января 1927 г. [17, 812]. Защите традиционной христианской морали служило и разъяснение ВСКСС от 27 июля 1929 г., запрещающее любое проявление завершённых форм человеческой сексуальности для иных, нежели супружеских, целей, в том числе и медицинских [18, 818].

ВСКСС под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя уделяла в рассматриваемый период внимание католическому образованию как мирян, так и кандидатов в клир. 23 апреля 1924 г. было направлено послание епископату Италии, где подчёркивались исключительная позитивность факта возобновления преподавания катехизиса в школах и суровая необходимость такого преподавания. Тем не менее данное послание указало, что, несмотря на сам позитивный факт возобновления преподавания, само оно носит ещё неполный и недостаточный характер. ВСКСС данным посланием обязала настоятелей приходов обеспечить необходимое дополнение данной катехизации. Епископату Италии вменялось информирование клира об этой обязанности, а также предписывалось раз в три года предоставлять отчёт в ВСКСС о проделанной в этом плане рабо-

те [13]. Ограждая паству от недоброкачественной катехитической литературы, которая могла лишь посеять сомнения в душах детей, 21 ноября 1925 г. ВСКСС обнародовала официальное заявление, которым признало «богохульной пародией» на католический катехизис книгу П. дель Франко «*Il catechismo del Balilla et dell'avanguardia fascista*», и предупредила родителей об опасности данного издания для их детей [15].

15 декабря 1923 г. ВСКСС под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя осудила и внесла в Индекс запрещённых книг 12-е, 13-е, 14-е и 15-е издания «Курса Священного Писания для семинарий», составленного сьюлпицианами. 22 декабря этого же года Р. Мерри-дель-Валь лично информировал генерального настоятеля сьюлпициан Анри Гарриге о причинах наложенного запрета. Результат быстро возымел действие, и уже 12 марта 1924 г. ВСКСС издала декларацию, которой информировала всех заинтересованных лиц, что авторы данного учебника полностью подчинились всем указаниям Верховной конгрегации, и проблема, таким образом, была снята, а семинаристы ограждены от проникновения в учебный процесс противоречащих католическому учению взглядов [13].

Во время служения на посту Государственного секретаря в Понтификат Пия X кардинал Р. Мерри-дель-Валь был вдохновителем всей внешнецерковной политики Святого Престола, и одной из основных его забот была тогда проблема взаимоотношений с Францией, где отделение Церкви от государства создало новую историческую реальность в деятельности Католической Церкви и привело к созданию многочисленных затруднений, в решении которых св. Папа всецело полагался на своего Государственного секретаря. Уже в самом конце Понтификата Пия X возник вопрос об отношении Святого Престола к деятельности французской правой организации «*Action Française*». Папа Пий X всецело одобрил подготовленное тогда осуждение данной организации, но из-за событий начинавшейся Первой мировой войны было решено отложить публикацию данного осуждения на более благоприятный для этого момент [16, 803].

14 августа 1915 г. новый Папа – Бенедикт XV – заслушал доклад кардинала Р. Мерри-дель-Валя, бывшего на тот момент уже секретарём ВСКСС, посвящённый трудам лидера «*Action Française*» Шарля Морраса и публикациям одноименной с названием организации ежедневной газеты. Р.

Мерри-дель-Валь довёл до сведения Бенедикта XV и мнение Пия X. Полностью согласившись с мнением своего предшественника, Бенедикт XV, как и Пий X, посчитал, что подходящий момент ещё не настал, так как война не закончилась и бушующие политические страсти не позволят адекватно воспринять решение Святого Престола по данному вопросу [16, 803].

Нормализация политической жизни во Франции по окончании Первой мировой войны и восстановление дипломатических отношений между Францией и Святым Престолом, а также непрекращающиеся публикации Ш. Морраса и Леона Доде, которые можно было расценить не иначе, как направленными против Святого Престола и лично Папы, позволили определить, что время, о котором говорил Пий X, настало. 29 декабря 1926 г. декретом ВСКСС ряд трудов Шарля Морраса и ежедневная газета «Action Française» были осуждены и внесены в Индекс [16, 803]. 19 сентября 1927 г. декретом ВСКСС была внесена в Индекс «Жёлтая книга», рассказывающая о взаимоотношениях «Action Française» и Ватикана и сопровождаемая предисловиями Ш. Морраса и Л. Доде [16, 803]. 16 декабря 1927 г. ВСКСС под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя издала декрет об осуждении и внесении в Индекс книги Л. Доде «Путешествие Шекспира» [16, 803]. 13 января 1928 г. декретом ВСКСС в Индекс были внесены книги: «Политика Ватикана» с предисловием Л. Доде и эпилогом Ш. Морраса; «Сплочение "Action Française"» (Mermeix); «Шарль Моррас и национализм Action Française» маркиза де Ру [17, 812]. Декретом ВСКСС от 3 февраля 1928 г. была осуждена и внесена в Индекс книга Поля Куркура «Мнимая опасность «Action Française» – ответ Маритену» [17, 812]. Таким образом, как и при Пие X, кардинал Р. Мерри-дель-Валь, теперь в должности секретаря ВСКСС, стал не только ближайшим помощником, но и проводником политики Папы во французских делах, и, как при Пие X, он, в силу занимаемой должности и в силу личных убеждений, отстаивал интересы Католической Церкви в её крайне непростом положении во Французской Республике, отстаивал чистоту католического вероучения.

ВСКСС под руководством Мерри-дель-Валя отслеживала проявления модернизма в церковном изобразительном искусстве. Так, решение «Propositio» [10, 199], принятое 16 марта 1928 г., категорически запретило изображение Святого Духа в формах человеческого тела, как отдельно,

так и наряду с изображениями Бога-Отца и Бога-Сына, укрепив тем самым традиционную практику и отвергнув неприемлемые с точки зрения традиционного богословия изобразительные формы [17, 812].

Самым активным образом продолжил кардинал Р. Мерри-дель-Валь работу по защите Католической Церкви от проникновения идей модернизма через печатное слово, имея в рамках ВСКСС особую структуру, увеличению эффективности работы которой он сам способствовал, будучи Государственным секретарём, и которая оказалась с 1917 г. подчинена ему непосредственно, как секретарю ВСКСС, о чём говорилось в публикации, посвящённой его деятельности в Понтификат Бенедикта XV [2].

15 марта 1923 г. Р. Мерри-дель-Валь подписал monitum (предписание) «Accidit non infrequenter» [7, 322-323], направленное всем диоцезиальным ординариям Католической Церкви и обязывающее их единолично или при содействии введённых Папой Пием X Советов бдительности [4 (VI)], принять все необходимые меры по недопущению каких бы то ни было публикаций в периодической печати (издаваемой клиром или просто католиками), в которых позитивно оцениваются книги и произведения искусства, не соответствующие нормам католического вероучения и христианской морали, а порой и прямо осуждённые ВСКСС. Данная мера должна была быть направлена, в первую очередь, против позволяющих себе такие публикации представителей епархиального клира и монашествующих, и имела целью оградить верующих от провоцируемого такими публикациями соблазна [12, 760].

Помимо общих указаний, ВСКСС под руководством Р. Мерри-дель-Валя продолжила самую активную работу по выявлению литературы, представляющей угрозу католическому вероучению и христианской морали. Одним из первых декретов ВСКСС в Понтификат Пия XI стал «In generali consensu» [7, 317-318] от 31 мая 1922 г., были подвергнуты осуждению и внесению в Индекс все без исключения труды Анатоля Франса в соответствии с нормами, предусмотренными § 2, 3, 6, 8, 9 канона 1399 Кодекса канонического права. Декретом от 17 марта 1922 г. были осуждены положения, отстаиваемые каноником Легюё в книге, посвящённой мистическим видениям сестры Гертруды-Марии из конгрегации св. Карла в Анже [11, 749]. Декретом от 17 мая 1922 г. была запрещена книга цистерцианца Ниварда Шлогля

«Писания Ветхого Завета» [11, 749]. 15 декабря 1922 г. в Индекс были внесены книги Санса Бороната «Элементы логики», «Элементы психологии», «Элементы научной этики» [12, 759]. 4 мая 1923 г. декретом «In generali consessu» [7, 327-328] в Индекс были помещены две книги: испанского священника Мигеля Мира, посвящённая истории Общества Иисуса, и её переиздание на французском языке [12, 760]. 10 мая того же года декрет ВСКСС «In generali consessu» [7, 327-329] не только внёс в Индекс новую книгу о Ла Салетских явлениях, но и предписал изъять у верующих все экземпляры данного произведения [12, 760]. Запрет этой книги был прямым воплощением уже принимавшегося ВСКСС под руководством Р. Мерри-дель-Валя декрета «Ad supremae» [2, 117], посвящённого интерпретациям «Ла Салетского секрета» [4, 214-215] и строжайше запрещавшего своевольные толкования и дискуссии на эту тему под страхом церковных прещений, как в отношении клира, так и мирян, что ограждало католический мир от втягивания в неконтролируемое обсуждение данной проблемы. Возможность оценить своевременность принятия этих мер появилась лишь спустя более чем четыре десятилетия, когда перед Церковью со всей очевидностью стала необходимость интерпретации «Ла Салетского секрета», а в 1915 г. и 1923 г. стараниями кардинала Мерри-дель-Валя Церковь оказалась избавленной от соблазна неправильных и несвоевременных толкований. 1 августа 1924 г. ВСКСС осудила и внесла в Индекс изданную в Италии книгу «Этический опыт Нового Завета». 10 июля 1925 г. ВСКСС вписала в Индекс два труда профессора Вюрцбургского Университета доктора Йоганнеса Гена: «Библейская и вавилонская идея Бога» и «Путь к монотеизму». После выхода декрета профессор признал свои заблуждения и подчинился решению конгрегации, о чём 10 декабря 1925 г. ВСКСС выпустила соответствующую декларацию [14, 806]. 30 июля 1925 г. запрещению со стороны ВСКСС подверглись пять произведений профессора церковной истории, патрологии и христианской археологии Университета в Бреслау доктора о. Йозефа Виттига: «Herrgottswissen von Wegrain und Straße», «Leben Jesu in Palästina, Schlesien und anderswo» и др. [14, 806]. 27 июля 1927 г. ВСКСС осудила и внесла в Индекс изданную в Копенгагене книгу датчанина Дитлефа Нельсена «Исторический Иисус» (Den historiske Jesus), а равно как и её перевод на немецкий язык [18, 818]. 11 ноября декретом ВСКСС в Индекс

был внесён труд Эрнста Мишеля «Политика веры» (Politik aus dem Glauben) [18, 818].

Забываясь о чистоте печатного дела в католических странах, ВСКСС под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя 2 апреля 1925 г. выпустила напоминание, что, согласно канону 1399 (§1), любые переводы Священного Писания, сделанные или опубликованные не католиками, рассматриваются как незаконные *ipso iure*. Данное напоминание было вызвано публикацией на итальянском языке перевода Библии, сделанного протестантским пастором Джованни Луцци, отстаивавшим еретическую максиму, что все без исключения секты, считающие себя исповедующими Христа, должны рассматриваться как ветви истиной Церкви. Декларация ВСКСС от 2 июня 1927 г. касалась некоторых аспектов изучения Первого Послания св. ап. Иоанна и позволяла исследователям-католикам высказываться на темы, предусмотренные декретом от 13 июня 1897 г., изначально подчиняясь при этом суждению Церкви [17, 812].

Одним из принципиально важных решений ВСКСС стала инструкция «Inter mala» [10, 189-196] от 3 мая 1927 г., которая была направлена для обязательного исполнения всеми ординариями диоцезов Католической Церкви. Данная инструкция, направленная за подписью кардинала Р. Мерри-дель-Валя, рассматривала широко распространённый в литературе и драматургии практически всех стран чувственный и мистическо-чувственный жанр, отмечая, что данное сочетание чувственных страстей со сладострастным мистицизмом представляет собой одно из зловещих и вредоносных явлений современности. Кардинал указал, что, не переходя опасных границ осторожности, романы, новеллы, драмы и комедии должны способствовать лишь улучшению христианского нравственности. Но многие авторы увлеклись живописанием бесстыдных сцен в самых ярких красках и непристойно детальным описанием наиболее отвратительных чувственных пороков. Более того, некоторые авторы перемешали бесстыдство с некой разновидностью благочестия и мистицизма, безусловно фальшивого, так как вера не может сочетаться с аморализмом. Р. Мерри-дель-Валь указал, что в связи с широким распространением подобных произведений ВСКСС просто физически не имеет возможности рассматривать каждое из них в отдельности, но что любое подобное произведение, противоречащее целостности христианской

морали, должно рассматриваться как запрещённое Церковью, а его чтение – как смертный грех. Указывая на опасность такой литературы для всех, и в особенности для молодёжи, кардинал предписал ординариям диоцезов принять все необходимые меры для ограждения своей паствы от данного зла и, в зависимости от конкретной ситуации, самим принимать решения о запрещении произведений данного жанра на вверенных им территориях [16, 803].

В качестве практического применения этой инструкции 30 июня 1928 г. ВСКСС во главе с кардиналом Р. Мерри-дель-Валем обнародовала официальный ответ на запрос об отношении к трагедиям, комедиям, мистериям, романам, новеллам и поэтическим произведениям Габриэля д'Аннунцио, вышедшими после декрета 8 мая 1911 г., осудившего все изданные на тот момент произведения этого автора. ВСКСС распорядилась считать все вышедшие и после указанного декрета труды Г. д'Аннунцио осуждёнными и внесёнными в Индекс, как противоречащие католическому вероучению и христианской морали [17, 812].

В ноябре 1929 г. по распоряжению Папы Пия XI вышло очередное полное пересмотренное издание Индекса запрещённых книг, подводившее итог работы ВСКСС в этом плане за последние годы. Том объёмом в 594 страницы содержал наименования около 15 тысяч запрещённых произведений и сопровождался указанием, что данные запрещения относятся ко всем католикам, вне зависимости от обряда. Предисловие к этому изданию было подписано 7 июня 1929 г. секретарём ВСКСС кардиналом Р. Мерри-дель-Валем [18, 818].

Однако и после выхода нового издания Индекса активная работа ВСКСС под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя в плане выявления литературы, представляющей опасность для католической читательской аудитории, была продолжена. 25 января 1930 г. вышел декрет ВСКСС «*Delati ad hanc*» [6, 24] осуждающий и вносящий в Индекс две книги: «Религиозная политика Муссолини» (*Date a Cesare: la politica religiosa di Mussolini con documenti inediti*) и «Фашистское государство, Церковь и школа» (*Stato Fascista, Chiesa e Scuola*) Игнотуса. Данное запрещение было наложено, так как эти книги «были преисполнены грубейших заблуждений в отношении католического вероучения, а именно, в отношении Божественных прав Церкви, верховной влас-

ти Римского Первосвященника и её осуществления» [19, 826].

Принятое ВСКСС 25 января 1930 г. решение стало последним вкладом кардинала Р. Мерри-дель-Валя в защиту традиционного католического вероучения. Ровно месяц спустя, 26 февраля 1930 г. кардинал скончался в своей резиденции в Ватикане.

Таким образом, в период Понтификата Папы Пия XI кардинал Рафаэль Мерри-дель-Валь смог не только обеспечить продолжение линии на ограждение католического вероучения, морали и богослужебной практики от модернизма, как это он осуществлял при предыдущем Папе Бенедикте XV [2], но и максимально способствовать расширению сделанных в Понтификат Пия X преобразований, направленных к этой цели, расширяя их на самые разные сферы жизни Католической Церкви. Впервые предпринятый анализ документов Верховной Священной конгрегации Святой Службы за рассматриваемый период позволяет сделать вывод, что это стало возможным во многом благодаря именно деятельности кардинала Р. Мерри-дель-Валя на посту секретаря данной организации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антимодернистская присяга // Покров: Альманах Российских католиков. М.: Stella Aeterna, 1999. Вып. № 3. С. 14-16.
2. Крысов А.Г. Верховная Священная конгрегация Святой службы под руководством кардинала Р. Мерри-дель-Валя в 1914-1922 гг. // Вестник МГОУ, серия: История и политические науки. № 1. М.: изд-во МГОУ, 2011. С. 114-121.
3. Лефевр Марсель, архиепископ. Они предали Его. СПб.: изд-во «Владимир Даль». 2007.
4. Пий X. Энциклика «*Pascendi Dominici gregis*» // Покров: Альманах Российских католиков. М.: Stella Aeterna. 1999. № 4. С. 5-41; 2000. № 5. С. 11-14.
5. Пий XI. Энциклика «*Mortalium animas*» // Покров, Альманах Российских католиков. М.: Stella Aeterna, 2000. № 5. С. 17-26.
6. *Acta Apostolicae Sedes; commentarium officiale* // Annus XXII. Volumen XXII. Romae, Typis Poligraphicis Vaticanis, MDCCCXXX.
7. *Actes de S.S. Pie XI : t. I* // *Suprema S. Congregatio Sancti Officii*. Paris, 1927.
8. *Actes de S.S. Pie XI: t. II* // *Suprema S. Congregatio Sancti Officii*. Paris, 1931.
9. *Actes de S.S. Pie XI: t. III* // *Suprema S. Congregatio Sancti Officii*. Paris, 1932.

10. Actes de S.S. Pie XI: t. IV // Suprema S. Congregatio Sancti Officii. Paris, 1932.
11. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1923.
12. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1924.
13. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1925.
14. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1926.
15. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1927.
16. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1928.
17. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1929.
18. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1930.
19. Annuaire Pontifical Catholique. Paris: Maison de la Bonne Presse, 1931.
20. Buehrle M.C. Rafael Cardinal Merry del Val. L., Sands and Co., 1957.
21. Cenci mons. prof. P. Il Cardinale Raffaele Merry Del Val /Con prefazione di S. Em. Il Card. Eugenio Pacelli/. Rome, Berruti, 1933.
22. Chimenton mgr. Au cinquieme anniversaire de la mort du Cardinal Merry del Val. Treviso, 1935.
23. Dal Gal R. P. Le cardinal Merry del Val. Paris, Nouvelles Editions Latines, 1955.
24. Dal-Gal rev. J. The Spiritual Life of Cardinal Merry Del Val. Cork, The Mercier Press, 1959.
25. Dalla Torre G. Le Cardinal Merry del Val. Milan, 1930.
26. Dalphiaz V. Cardinal Merry del Val. Burns Oates & Washbourne, 1937.
27. Figueroa Ortega. Una gloria de la Iglesia: El cardenal Rafael Merry del Val. México, Puebla de los Angeles, 1937.
28. Flores de Lemus I. El fulgor de una púrpura - El cardenal Rafael Merry del Val. Madrid, Editorial El Perpetuo Socorro, 1956.
29. Forbes F.A. Rafael Cardinal Merry Del Val: A Character Sketch. Longmans, Green & Co, 1932.
30. Giacchi O. Le Cardinal Merry del Val. Milan, 1933.
31. González Chaves A.J. Rafael Merry del Val. Madrid, Ediciones San Pablo, 2004.
32. Hettlingen S.P.M. von V. Raphael Kardinal Merry del Val, Ein Lebensbild – mit einem Vorwort seiner Eminenz des Kardinalstaatssekretärs Eugenio Pacelli. Benziger, Einsiedel, 1937.
33. Jacobini prof. P. Un Prince de l'Eglise, educateur, le Cardinal Merry del Val. Rieti, 1931.
34. Jasoni mgr. Comment j'ai vu le Cardinal Merry del Val. Rome, 1930.
35. Javierre J. M. Merry del Val. Barcelona, Edit. Juan Flors, 1961.
36. «Lamentabili» // Покров, Альманах Российских католиков. М.: Stella Aeterna, 1999. Вып. № 3. С. 7-13.
37. Mitchell H. Le Cardinal R. Merry del Val, secrétaire d'Etat de Saint Pie X. Paris, Paris-Livres, 1956.
38. Quinn sister Bernetta M. Give Me Souls: A Life of Raphael Cardinal Merry del Val. Westminster, MD, 1958.
39. Viñayo Fray Cándido de. Senda luminosa. Vida del Cardenal Merry del Val. Madrid, Ediciones Paulinas, 1959.

УДК 94

Горшков Ю.Е.

Московский государственный областной университет

ФИЛОСОФИЯ НИЦШЕ В ИДЕОЛОГИИ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

Y. Gorschkov

Moscow State Regional University

THE PHILOSOPHY OF NIETZSCHE IN THE IDEOLOGY OF GERMAN FASCISM

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ основных аспектов идеологии фашизма и философии Фридриха Ницше, его взглядов. Выявляется влияние, оказанное ницшеанством на фашистское мировоззрение, рассматриваются основные положения фашистской идеологии и отношение фашизма к ряду морально-нравственных, социальных, политических вопросов, которые поднимал Фридрих Ницше. Прослеживаются нравственные, этические, политические, социальные совпадения между взглядами философа, изложенными в его трудах и фашизмом. Показано одинаково положительное отношение к войне как у Ницше, так и в фашизме, чёткое стремление придать войне облагораживающий, сакральный смысл.

Ключевые слова: Ницше, фашизм, Гитлер, Муссолини, идеология, война.

Abstract. The article gives a comparative analysis of the basic aspects of the ideology of fascism and Friedrich Nietzsche's philosophy and views. Showing the influence of Nietzsche on fascist outlook the author considers key points of fascist ideology and the view of fascism on a number moral, social, political questions raised by Friedrich Nietzsche. The author reveals similarities of the moral, ethical, political, social views of the philosopher, presented in his works, and fascist ideology. The article points out their common positive attitude to war, a tendency to view war as an ennobling, sacral phenomenon.

Key words: Nietzsche, fascism, Hitler, Mussolini, ideology, war.

Работы, анализирующие фашизм, и то влияние, какое оказал на него Фридрих Ницше, ведутся с момента самого его возникновения. Первые труды по данной проблеме были написаны ещё в 20-х годах XX в. Из советских историков – это Н.В. Устрялов «Итальянский фашизм»[22], «Германский национал-социализм»[21], написавший свои работы ещё в 1924 и 1934 годах соответственно. А.С. Бланк в работе «Из истории раннего фашизма в Германии»[3] приходит к выводу, что идеи Ницше, в подправленном и приспособленном виде, были взяты на вооружение фашизмом. Однако при добросовестном и непредвзятом прочтении его трудов, пишет Бланк, становится ясно, что некоторые положения из его наследия несовместимы с фашизмом. Например, Ницше высоко оценивал интеллектуальные качества евреев, в отличие от фашистов. А.А. Галкин в работе: «Германский фашизм»[4], не считая Ницше выразителем стремлений фашизма, указывает на такие стороны философии Ницше, как антидемократизм, презрение к слабым, восхваление войны, и заключает, что Ницше способствовал формированию атмосферы, благоприятной для фашизма. П.Ю. Рахмиров в работе «Происхождение фашизма»[18] пишет о Ницше как о «глашатае войны», воспевающего ценность войны, как создающей «элиту», которую Ницше противопоставляет «массе». П.Ю. Рахмиров считает, что Ницше не принадлежит первенство в этих вопросах, так как «теории, противопоставляющие элиту толпе, имеют древнее происхождение», обосновывая его кажущееся первенство в данных вопросах лишь «литературным блеском» его работ. С.Ф. Одуев в работе «Тропами Заратустры»[16] пишет о Ницше как о философе, оказавшем мощнейшее влияние на духовную и политическую жизнь Германии, начиная с 1890-х гг., отразившем в своих трудах «кризис буржуазного духа», чьей философией умело воспользовался фашизм. Б.М. Бернадина в работе «Философия Ницше и фашизм»[2] указывает на совпадение философии Ницше с идеологией фашизма по нескольким пунктам: расовые вопросы, государственное устройство, культ войны и милитаризма, отношение к христианству, приходя к выводу о тождестве их конечных целей. Из западных историков – Й. Фест в работе «Адольф Гитлер»[23] пи-

© Горшков Ю.Е., 2011.

шет, что Гитлер буквально не расставался с произведениями Ницше и мог цитировать большие отрывки из его произведений. Отсюда Фест делает вывод о несомненном влиянии идей Ницше на духовный мир фюрера германского фашизма. Вернер Мазер в работе «Адольф Гитлер» [9], напротив, приходит к выводу о поверхностном знакомстве фашистских лидеров с философией Ницше, слишком произвольном её толковании фашистами и фальсификации. Э. Нольте в труде «Фашизм в его эпоху» считает, что Ницше первоначально трактовал своего «сверхчеловека» не как биологический вид, а как творца новой культуры, создающего новые ценности, но затем философ сознательно пришёл к «белокурой бестии» и расовому превосходству. Автор делает, на наш взгляд, правильный вывод, что «Ницше первый выразил ту духовную сущность, к которой должен притягиваться любой фашизм» [15, 452].

Различия в трактовке некоторых сторон фашизма выражаются в разноплановости рассмотрения данного феномена, его структурных компонентов и также нечёткости теоретических конструкций. Об этом упоминают Муссолини: «Фашизм не был во власти заранее за столом выработанной доктрины» [10, 3] и Кодряну: «Другой характеристикой нашего начинания, помимо прочего, явилось отсутствие программы» [8, 214]. Отсутствие чёткой программы говорит о том, что фашизм не был выработан за столом, как политическая конъюнктура, ответ на требование сиюминутной политической обстановки, а появился ранее, созданный развитием философской мысли второй половины XIX в. Что же касается германского фашизма, то его программа была слишком неопределённой и размыта, к тому же она была построена лишь на отрицании современной ему реальности, отрицании Версальского мира, отрицании установленных границ, отрицании либерально-демократических государственных институтов, антисемитизме и расизме. Подобная программа сама по себе не могла стать двигателем, способным перестроить немецкое общество, и позже в самой партии были попытки внести в программу значительные изменения [25, 90-101]. Также фашизм включал в себя элементы национализма и традиционализма, свойственные каждому конкретному государству, соответственно, имея схожесть в общих чертах, он обладал набором исключительных, национальных качеств, имеющихся у одних и не присущих другим. Не просто выявить и степень влияния ницшеанс-

тва на фашизм, на отношение фашизма к целому комплексу морально-нравственных, социальных, религиозных, политических вопросов, которые поднимал Ницше в своих работах, так как многие его высказывания зачастую изложены в повествовательно-притчевой форме эпоса.

Фашистская идеология состояла из элементов реакционной, консервативной мысли предшествующих времён. Враждебное отношение части европейской интеллигенции к демократическим институтам являлось результатом разочарования в деятельности прогрессивных сил, связанное с их структурными проблемами. Вторая половина XIX в. отмечена тенденцией появления идей, которые в будущем будут питать фашизм. Х.С. Чемберлен в «Die Grundlagen Des XIX Jahrhunderts» [27] прямо указывает на европейца как на создателя высшей культуры, призванного повелевать. Те же мысли можно найти и у Ю. Лангбена, «Rembrandt als Erzieher» [29]. У П. де'Лагарда в его «Deutsche Schriften» [28] уже встречается термин «раса господ». Ж.А. Гобино в своём «Опыт о неравенстве человеческих рас» [5] указывает на превосходство «белой расы» над другими, здесь же звучит и прямой запрет на расовое смешение. Т. Карлейль в «Герои, почитание героев и героическое в истории» [7] пишет о «новой аристократии», о вождях, способных повелевать, указывает на демократические принципы как на самое худшее: «Никто из нас не мог бы сказать, какая организация была бы самой лучшей. Но если вы спросите, какая самая худшая, то я отвечу: та, которую мы имеем теперь, вот эта поистине самая худшая» [7, 169]. Труд Г. Лебона «La psychologie des foules» [30] – *прямое пособие вождю по управлению толпой*. Ж. Сорель в «Размышления о насилии» [19] прославляет войну и насилие как «подлинную энергию жизни». Таким образом, самой философской мыслью второй половины XIX в., всем ходом развития реакционной общественно-политической мысли в конце XIX – начале XX вв. была подготовлена теоретическая база фашистского мировоззрения, а также отказ от общечеловеческих прав и свобод в пользу тоталитарной тенденции переустройства общества.

Фридрих Ницше как философ новых ценностей провозглашает мораль, основанную на силе, свободную от христианского Бога, подчиняя всё созданию завтрашнего «сверхчеловека» как фактору, всё оправдывающему. Процесс назревающих перемен, в которых Ницше видит потерю правящей буржуазией своего господствующего

положения в государстве, Ницше характеризует, как вырождение и измельчание человечества, напрямую связывая его с выбранным путём развития общества: «Прогресс есть лишь современная идея, иначе говоря, фальшивая идея» [14, 271]. Общемировые процессы установления либерально-демократических институтов и всеобщего равенства определены Ницше как упадочные (*decadence*), он утверждает, «что все ценности, к которым в настоящее время человечество стремится, как к наивысшим, – суть ценности *decadence*» [14, 272]. Подобный регресс человечества Ницше связывает с формами государства, по его мнению, не способными создать условия для величия духа господ и появлению из их среды «сверхчеловека», способного захватить господство в государстве и удержать его силой. Один из идеологов фашизма А. Боймлер пишет, что: «Ключом к пониманию всех конкретных требований и целей Ницше является его представление о государстве» [26, 88]. Свой общеизвестный антидемократизм Ницше основывает на представлении о демократии как о неизменном спутнике духовного обнищания и измельчания человека: «Мы – люди другой веры, для которых демократическое движение не только форма упадка политической организации, но и симптом измельчания человека, понижения его ценности. Куда же нам обратить наши надежды?» [13, 137]. Свои надежды Ницше уже обратил на Греческое государство как идеал государственного устройства общества, считая его эталоном организации общества и необходимым условием для появления «сверхчеловека», и на греческую культуру как подлинную культуру жизни, противопоставляя её демократическим ценностям как ценностям умирающих, потерявших жизненную энергию народов. Действительно, рабовладельческое общество античных греческих полисов, освобождая часть граждан от физического труда, обеспечивало высокий уровень культуры и искусств. А. Боймлер пишет: «Идеалом Ницше были греческие государства. На примере греческих государств мы должны учиться тому, чем должно быть государство. Оно не должно быть самоцелью. Против последнего всегда выступал Ницше. Греческие государства были для нас образцом потому, что их главная цель состояла в создании отдельных высших людей, для них существовала и была направлена вся жизнь того общества» [26, 88]. Фашизм, обращаясь к идеальному государству, считает таковым Спарту, военное, строго

иерархическое государство Древней Греции, основой которого служит военный союз мужчин. М. Баррес писал: «Вот одна из точек земного шара (имеется в виду Спарта), где попытались сконструировать высшее человечество» [20, 178]. Ницше считает, что греческая культура – культура лишь немногих привилегированных, опирающихся на массы рабов. «По самому своему существу триумфальное шествие культуры полезно лишь невероятно незначительному меньшинству счастливых, наоборот, рабство большей части есть необходимость. Раз культура действительно должна развиваться до истинной радости зарождения искусства» [13, 148]. Здесь и осуждение принципа равенства, и гимн эксплуатации слабого сильным. «И если должно быть правильно, что греки погибли благодаря существовавшему у них рабству, то другое ещё более верно, мы погибнем от недостатка рабства» [13, 153]. Рабство видится Ницше цементирующим элементом всякой истинной культуры, а идея равенства и одинаковых прав для всех должна вести к разрушению подлинной культуры. По Ницше, к появлению демократических институтов в обществе приводит рабская мораль и отсутствие сильных личностей. Прямолинейность Ницше зачастую просто шокирует: «Мы подозреваем, что твёрдость, жестокость, рабство, опасность на улице и в сердце, скрытность, стоицизм, искусство искушения и дьяволизма всякого рода, что всё злое, ужасное, тираническое и змеиное в человеке так же успешно ведёт к возникновению вида «человек» как и его противоположность» [13, 65]. Ницше поднимает вопрос на страницах своих произведений: «Новая проблема: нельзя ли воспитать часть человечества и создать из неё высшую расу, ценой другой части» [13, 121]. Отсюда понятно и раздражение, с которым Ницше набрасывался на буржуазию: «Как может стать когда-нибудь чистой кровь того, чья душа была всегда денежным мешком, чьё счастье составляли грязные бумаги?» [13, 345]. Надо понимать здесь, что свои нападки Ницше направляет не на буржуазию в целом, а лишь на среднюю её часть, на её неспособность выработать из своей среды сильных людей, способных силой оружия, удержать власть, или, лучше сказать, господство, обеспечив себе привилегированное, доминирующее положение в государстве. Для Ницше мелкий буржуа является собой точно такой же низший, предназначенный для повиновения тип, как и любой рабочий. Ницше обращается лишь к так называемым «аку-

лам» буржуазии, тем, кто может превзойти уже выработанную буржуазией собственную мораль. Учение Ницше о государстве усваивает фашизм как государственное устройство, полностью основывающееся на эксплуатации заключённых концентрационных лагерей, принудительном труде как военнопленных, так и политических противников режима.

Ницше определяет цель и смысл человеческой жизни как самую важную задачу, которую необходимо решить. «Самая важная задача человечества заключается в том, чтобы измерить ценность жизни и определить смысл её» [13, 13]. Предвидя приход нигилизма, Ницше формулирует его в тезисе: «Бог – умер», тем самым допуская возможность новой переоценки существующих ценностей, что должно положить начало «сверхчеловеку», который займёт место Бога. Поэтому Ницше относится к кризису даже положительно, он приветствует его, считая, что кризис призван сыграть свою положительную роль, приведя к «нулевой точке», пройдя которую, можно создать новые духовные ценности. Ницше выводит, с его точки зрения, моральный идеал человека, этот идеал шире, чем просто обоснование биологического превосходства, так как Ницше разрабатывает не расовую теорию, а философскую систему. «Сверхчеловек» – это обозначение наивысшего культурного, этического и морального идеала, дающего смысл и цену жизни, но с примесью биологии. Но не только; что более важно, Ницше определяет также средства, необходимые для его достижения и принцип его оценки. То есть здесь мы подходим к главному – поиску средств избавления от подобного недуга, для этого нужно ответить на вопрос, при каких условиях возможно обновление? Ницше видит в милитаризме, то есть в войне – «средство лечения» или, правильнее было бы сказать, «средство создания» нового человека [11, 47]. Он пишет: «Прежде всего, война. Война была всегда великим благоразумием слишком ушедших в себя, ставших слишком глубокими умов; даже полученная рана включает в себе целебную силу» [12, 751]. Фашизм, видя в войне основу своей внутренней сути, подчёркивает своё положительное к ней отношение: «Фашизм не верит ни в возможность, ни в пользу вечно-го мира. Поэтому он отвергает пацифизм, отказ от борьбы – ничтожество перед лицом жертвенности. Только война ведёт к максимуму напряжения всей человеческой энергии и даёт печать благородства народам, которые имели доблесть

смело смотреть ей в глаза. Все другие испытания, которые не ставят человека перед самим собой в альтернативе жизни и смерти, стоят ниже. В силу этого всякое учение, исходящее из предварительного постулирования мира, чуждо фашизму» [2, 103]. Фашизм полностью и без каких-либо оговорок принимает учение Ницше о войне: «Фашисты считают необходимым выработать у человека те качества, которые, прежде всего, необходимы воину. Вся этика фашизма проникнута этим солдатским духом, стремлением создать из людей храбрых, самоотверженных, а главное не рассуждающих воинов, готовых исполнить любое приказание. В этом отношении фашисты также обращаются к Ницше, ища у него основание для «нового» этического учения» [2, 108]. Для многих немцев новая Германия видится, прежде всего, в военной мощи армии и флота и в установлении жёсткой, централизованной власти. Вот как оценивают сложившуюся ситуацию офицеры рейхсвера: «Правительство, привязанное к нынешней конституции и парламенту, не может осуществить мероприятия, ставшие необходимыми для нашего спасения. Это может сделать лишь диктатура...» [24, 194]. Обнаруживаются тенденции вновь возродить культурные и духовные ценности народа, которые основывались бы на милитаризме, войне, и принципе силы.

Философия ценностей у Ницше сочетается с биологическим натурализмом «сверхчеловека» и видения смысла жизни в воле к могуществу. Также она отражает социальные процессы, происходившие в то время в европейском обществе, где промышленный кризис начала века, разорив массу слабых предприятий, ускорил процесс концентрации промышленного производства. С.Ф. Одуев в работе «Тропами Заратустры» приходит к подобному выводу, исходя из оценки общефилософских тенденций: «Если определение философии как совести эпохи не метафора, не крылатое изречение, то можно, не греша против истины, сказать, что ницшеанство, сложившееся на переходном рубеже развития капитализма как идейное отражение прогрессирующего кризиса буржуазной культуры и духа, действительно является совестью этой переходной эпохи...» [16, 141].

Духовные, политические и идеологические совпадения между Ницше и фашизмом, одинаковый подход к устройству общества, политической жизни, ненависть к одним и тем же социальным процессам, отвращение к парламентаризму, жес-

токость к противнику, одинаково положительная оценка войны как духовно облагораживающего действия, позволяют фашизму с поразительной лёгкостью принять философию Ницше почти полностью. Ницшеанского «Заратустру» называют первым «сверхчеловеком» и первым фашистом. Отражая характерные черты философии Ницше, фашизм, конечно же, смог выработать свой собственный подход к пониманию человека, но ницшеанство становится официальной государственной философией в Третьем Рейхе. «Воля к власти» Фридриха Ницше призывает к действию и осуществлению устремлений любой ценой, поэтому она получает отчётливый и ясный отклик в фашизме как вере в действие. Ницше указывает на индивида, способного к максимальному действию, представителя человеческой элиты, хозяина, на этом и основывается фашизм: вождь и группа, окружающая вождя. Военная концепция жизни должна будет привести к новому осмыслению социальной и политической солидарности, должна будет выстроить общество в «боевой клин», осуществив на практике принцип фюрерства. Мы можем сделать вывод, что Ницше, заложивший краеугольный камень германского фашизма, его духовный отец, проницательный философ, чувствуя назревающие перемены, предвидел приход фашизма и пытался подготовить к нему общество.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авксентьев Н.Д. Сверхчеловек. СПб., 1906. 370 с.
2. Бернадинер Б.М. Философия Ницше и фашизм. М., 1934. 141 с.
3. Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. М., 1978. 208 с.
4. Галкин А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. 352 с.
5. Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. Т. 1-4. М., 2006. 730 с.
6. Зомбарт В. Собрание сочинений / Торгаши и герои. Т. 2. СПб., 2005. 601 с.
7. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2008. 861 с.
8. Кодряну К.З. Моим легионерам. Тамбов, 2008. 348 с.
9. Мазер В. Адольф Гитлер. Минск, 2004. 495 с.
10. Муссолини Б. Доктрина фашизма. Триась, 1995. 17 с.
11. Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. 878 с.
12. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 2010. 846 с.
13. Ницше Ф. Собрание сочинений. М., 1903. 430 с.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Антихрист. М., 2004. 360 с.
15. Нольте Э. Фашизм в его эпоху. Новосибирск, 2001. 554 с.
16. Одуев С.Ф. Тропами Заратустры. М., 1971. 435 с.
17. Опиц Р. Фашизм и неофашизм. М., 1988. 280 с.
18. Рахшмир П.Ю. Происхождение фашизма. М., 1981. 181 с.
19. Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907. 163 с.
20. Тагиефф П.А. Цвет и кровь: французские теории расизма. М., 2009. 234 с.
21. Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. М., 2004. 140 с.
22. Устрялов Н.В. Итальянский фашизм. М., 1999. 130 с.
23. Фест Й. Гитлер. Биография. Т. 1-2. М., 2009. 638 с.
24. Филатов Г.С. История фашизма в Западной Европе. М., 1978. 605 с.
25. Штраппер О. Гитлер и я. М., 1999. 384 с.
26. Beumler A. Nietzsche der Philosoph und Politiker. Leipzig, 1931. 237 с.
27. Chamberlain H.S. Die Grundlagen Des XIX Jahrhunderts. Munchen, 1899. 1200 S.
28. Lagarde P.A. Deutsche Schriften., Leipzig., 1905. 450 S.
29. Langbehn A.J. Rembrandt als Erzieher., Leipzig., 1890. 330 S.
30. Lebon G. La psychologie des foules., Paris., 1895. 311 S.

УДК 94 (410:47) "1985/1991"

Леонтьева Л.Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет

**СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И «НОВОЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» М.С. ГОРБАЧЕВА
В ДИСКУРСЕ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ 1985-1991 гг.**

L. Leontyeva

Saint Petersburg State University

**SOVIET-BRITISH RELATIONS AND THE GORBACHEV'S "NEW POLITICAL
THINKING" IN THE DISCOURSE OF THE SOVIET PRESS OF 1985-1991 YEARS**

Аннотация. Статья посвящена анализу советско-британских отношений с 1985 по 1991 год. Особое внимание уделено отражению контактов двух стран в советской прессе, которая в противоречивый период «перестройки» и «гласности» начинает по-новому анализировать как внутри-, так и внешнеполитические процессы. Исследование периодической печати как исторического источника (газет «Правда», «Советская Россия», «Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Независимая газета», «Коммерсант») проводится на основе анализа медиадискурса, содержащего ключевые концепты дискурса политического – «власть», «друг/враг».

Ключевые слова: советско-британские отношения, дискурс, медиадискурс, советская пресса, концепт «друг/враг», концепт «власть».

Abstract. The article deals with the Soviet-British relations from 1985 to 1991. Particular attention is paid to the relations between these two countries in the periodical press of the USSR, which at the time of "perestroika" and "glasnost" began to analyse both internal and international processes in a new way. Investigation of the periodical press as a historical source ("Pravda", "Soviet Russia", "Izvestia", "Komsomolskaya Pravda", "Arguments and Facts", "Nezavisimaya Gazeta", "Kommersant") is based on the analysis of media discourse that contains the key concepts of political discourse – the "power", "friend/foe".

Key words: Soviet-British relations, discourse, media discourse, Soviet press, concept "friend/foe", concept "power".

Международное взаимодействие СССР и Великобритании в течение послевоенного периода строилось с учетом советско-американских отношений, поскольку и Советский Союз, и Соединенные Штаты воспринимали Англию одним из ключевых союзников США по НАТО и, соответственно, сторонником всех решений и мер лидера Североатлантического союза, в том числе в вопросах разоружения. Однако после 1987 г. оформилась внешнеполитическая концепция «нового политического мышления», которая, по словам Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, есть «прямое и непосредственное выражение философии, программы и практики перестройки» [6, 134], предлагающее свежий, «революционный», «гуманизирующий» подход к разрешению международных противоречий, а именно: отказ от ядерной войны как принципа достижения политических, экономических, идеологических и других целей, а также признание приоритета так называемых «общечеловеческих ценностей» [26, 89]. Европа в рамках этой концепции мыслится «общим домом» для государств, «принадлежащих к разным социальным системам и входящих в противоположные военно-политические союзы» [6, 204]. И Великобритания, оставаясь членом лагеря-противника и имея собственный ядерный потенциал, по теории М.С. Горбачева, получает в «европейском доме» особое место – отдельную «квартиру» с собственными «евроракетами» в шкафу [6, 205].

До советской и мировой общественности свою концепцию взаимозависимости и взаимообусловленности всех частей мира М.С. Горбачев донес на страницах книги «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» [6], вышедшей впоследствии миллионными тиражами по всему миру. Кроме того, одним из основных средств пропаганды его идей, конечно, была советская периодическая печать, которая до конца 1980-х гг. оставалась одним из структурных элементов од-

нопартийной государственной системы СССР. Например, газеты «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» до начала 1990-х гг. сохраняли приверженность коммунистической партии [15]. Однако после отмены 6 статьи Конституции СССР, принятия закона «О печати» [10] и закона «Об общественных объединениях» [9] на медиапространстве Советского Союза появляются крупные демократические издания, такие, как «Независимая газета» и «Коммерсант», предлагающие альтернативную интерпретацию концепции нового политического мышления и допускающие вполне аргументированную критику внешней политики советского руководства. Свое особое место в текстах о международных отношениях как в материалах прогосударственной, так и в демократической прессе занимала опять же Великобритания, поскольку в печати устоялось понимание того, что, во-первых, Англия всегда была основным союзником США по НАТО, а, во-вторых, М. Тэтчер и М.С. Горбачева связывает длительный «конструктивный диалог» и взаимное приятие.

Рассмотрим, как и в каких исторических условиях эволюционировали тексты советских газет, посвященные взаимоотношениям СССР и Великобритании на протяжении перестроечных 1985-1991 гг.

Период, предшествующий перестройке, считается одним из наиболее напряженных в «холодной войне». До избрания Горбачева генсеком ЦК КПСС по большому счету отношения Востока и Запада достигли апогея взаимного недоверия [18, 489]. Президент США Р. Рейган призвал к походу против «империи зла», объявил о программе СОИ (Стратегической оборонной инициативы), а впоследствии НАТО в 1983 г. начало установку ракет средней дальности («Першинг-2») на территории Западной Европы, в том числе на британской земле. СССР предпринял ответные шаги, о чем официально заявил Генеральный секретарь Ю.В. Андропов на страницах «Правды» [12]. Кроме того, идеологическое противостояние обострилось в том же 1983-ем, когда силы ПВО СССР сбили южнокорейский Боинг над территорией острова Сахалин [13].

В условиях этого нарастающего противостояния к концу 1983 г. советское правительство получило сведения, что «английская сторона намерена изменить отношение к СССР к лучшему», как писал тогдашний посол СССР в Великобритании

В.И. Попов [20, 140]. Британское правительство обеспокоилось тем, что прерваны женевские переговоры о разоружении между СССР и США, ибо наращивание вооружений крайне невыгодно восстанавливающей экономику Англии и в принципе не способствует разрядке.

В конце 1984 г. делегация Верховного Совета СССР во главе с М.С. Горбачевым посещает Лондон с официальным визитом и становится ясно, что это человек, с которым, по словам британского премьер-министра М. Тэтчер, «можно иметь дело» [30]. Несмотря на кардинальное «различие социальных систем», как советская, так и британская пресса сообщала о возможности наладить «конструктивный диалог», продолжить «взаимопользную практику межпарламентских обменов между СССР и Англией» [3], пресечь «продолжающуюся напряженность в Европе и в мире в целом», связанную с процессом наращивания вооружений и милитаризацией космоса [21]. Советско-английское обсуждение проблем разоружения, естественно, велось с учетом взаимоотношений Англии и США, и поэтому рядом с материалами о визите делегации СССР в Соединенное Королевство на полосах советских партийных газет соседствовала информация о несамостоятельности стран Западной Европы, входящих в НАТО, в вопросах контроля над вооружениями [4].

Впоследствии Горбачев, став Генеральным секретарем, как видно из записей бесед, текстов выступлений и интервью [19], стремится продолжить диалог с британским премьер-министром М. Тэтчер все в том же духе сотрудничества, подразумевая, что отношения двух стран в первую очередь должны определяться ситуацией в сфере «устранения угрозы ядерной войны» и «предотвращения гонки вооружений в космосе и прекращения ее на Земле» [2], хотя и принадлежат их государства к противостоящим идеологическим лагерям.

Отражение диалога двух лидеров и, соответственно, нового витка в отношениях СССР и Великобритании, по традиции дает советская партийная пресса, которая преобладала в стране вплоть до 1990 г. До этого момента в стране в принципе не существовало независимой прессы [11], а место и роль средств массовой информации и пропаганды в процессе демократизации общества определил Генеральный секретарь. В докладе на Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. М.С. Горбачев заявил о необходимости позаботиться

о том, «чтобы обеспечивалась гласность, чтобы работали все каналы связи с массами» [7, 204]. В речи на XXVII съезде Коммунистической партии он принял решение «сделать гласность безотказно действующей системой» [17, 60]: «Говорить с людьми языком правды» должны и средства массовой информации, призванные «убеждать своей содержательностью, оперативностью и информационной насыщенностью» [7, 205].

На первом этапе, по мнению многих исследователей, гласность строго ограничивала рамки допустимой откровенности – она была лишь утилитарным способом управления обществом, с помощью которого режим стремился преодолеть нежелательные для него социальные процессы [14, 136]. Советская пресса в это время – с 1985 по 1987 год – оставалась подконтрольной партийному аппарату. Таким образом, и отношения Союза с Англией очерчивались на страницах отечественной печати в традициях, зародившихся в годы «холодной войны». Противостояние двух систем – основа анализа всех взаимоотношений. Соответственно, дискурс советской прессы этого периода может быть охарактеризован как ориентированный на базовую оппозицию политической идеологии «друг/враг», выработанную немецким мыслителем К. Шмиттом [28]. В коммуникации эта оппозиция реализуется через концепты «свой-чужой». Как известно, концепт – важная составляющая политического дискурса, представляющая из себя, по определению Ю.С. Степанова, «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [25, 43]. Е.И. Шейгал концептом называет «ментальную репрезентацию культурно значимого феномена в массовом сознании», которая фиксируется в лексикографических толкованиях имени концепта [27]. Дифференциация по шкале «свой-чужой» в советской прессе, описывающей советско-британские отношения, происходит не только через прямую номинацию, через имя концепта (например, «переиграть» *другую* сторону и диктовать ей *свои* условия» - Известия. 1985. 12 марта), но и косвенно – с помощью контекстуальных синонимов («западные союзники»/«страны Варшавского договора»).

Актуализации идеологического противостояния на текстовом уровне способствовали не столько наработанные штампы, сколько новые конфликты. Взаимные отношения в политике СССР и Великобритании проводились по прежним сценариям: например, в сентябре 1985 г.

правительство Соединенного Королевства обвинило советских дипломатов в шпионской деятельности и выслало 25 советских представителей из страны. Советский союз предпринял равнозначные меры – выслал 25 английских официальных лиц. Реакцию советской прессы нетрудно предсказать. На страницах всесоюзной печати – «Правды», «Советской России», «Известий», «Комсомольской правды», «Аргументов и фактов» - образ Англии в этом случае рисуется как «вражеский», если мыслить его сквозь призму понятия «политического» по К. Шмитту [28]. Сущность Англии как «чужого» раскрывается через такие характеристики конфликтующего противника, как «антисоветский», «провокационный», «злонамеренный», «неоправданный», «создающий искусственные препятствия».

В середине 1986 г., после катастрофы на Чернобыльской АЭС, когда со всей очевидностью стала ясна «ущербность прежнего партийного контроля над информацией» [22, 358], происходит переосмысление понятия «гласность». К анализу явлений советской действительности активно и с энтузиазмом подключается интеллигенция. Более того, в таких изданиях, как «Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» заменены главные редакторы. Гласность начинает пониматься как «важнейший рычаг демократизации», пусть и все еще в «дирижируемом» варианте [1, 74]. В материалах о внутренней политике укоренились такие концепты, как «ускорение», «перестройка», «новое мышление», «гласность», «демократизация», которые, изначально появившись в докладах на Пленуме ЦК 1985 г., на XXVII съезде партии, к 1987 г. уже активно тиражировались газетами. М.С. Горбачев, объяснивший западной аудитории эти понятия в книге «Перестройка и новое политическое мышление», указывает, как в СССР «постепенно, как бы размораживаясь, включают все новые темы наши газеты» [6, 74]. Смелее журналисты становятся, в частности, при освещении международных тем. На фоне описания картины советского мира терминами перестройки и гласности международные отношения, в том числе с Великобританией, также анализируются посредством этих новых понятий, со временем ставших универсальными концептами в политической коммуникации и вошедших даже в западный политический лексикон. «Перестройка... позволяет больше и лучше знать о намерениях и делах друг друга и мир от этого остается спокойным», – ци-

тирует «Комсомольская правда» М. Тэтчер на пресс-конференции в Брайз-Нортоне, где Горбачев остановился по «политическим соображениям», следуя в Вашингтон для подписания Договора о сокращении РСМД [5]. «Теория доставит больше радости, когда мы сможем увидеть конкретные признаки того, что новое мышление на деле превращает Советский Союз в более удобного соседа», – заявляет министр иностранных дел Дж. Хау на советско-британских переговорах в Москве [24].

Доселе недвусмысленное разбиение на «своих» и «чужих» теперь, начиная с 1987 г., трансформируется. «Чужой» (враг) в текстах о Великобритании и советско-британских отношениях приобретает характеристики, окрашенные положительными коннотациями – «конструктивный», «позитивный» даже «дружественный», которые соседствуют в текстах прессы рядом с сущностными свойствами «врага» – с «варварским оружием» и неприемлемыми средствами «ядерного сдерживания». Такая неестественная близость противоположностей – следствие стремления руководства страны подвести как себя, так и западные страны под общий знаменатель, именуемый «общечеловеческими ценностями» (в рамках нового политического мышления). Это «смешение с абстракциями», по выражению К. Шмитта, есть «замутнение категории „друг/враг“» [28]. Действительно, как замечают многие исследователи, несмотря на серьезную пропагандистскую поддержку, идеологические нововведения М.С. Горбачева, будучи лаконичными и броскими, так и остались абстракциями, ибо не несли за собой четкой программы и структурированности реформ, о которых заявляли [1, 14, 22]. Таким образом, «напряженность» онтологической оппозиции политической коммуникации «друг/враг» нивелируется со стороны руководства государства, который «тем самым в силу положения дел ставит себя на сторону врагов и помогает им, но различие друга и врага тем самым отнюдь не устранено» [28]. Иными словами, при фактическом сохранении противостояния военных блоков дискурс М.С. Горбачева, ориентированный во внешней политике на атлантизм, а вслед за ним и дискурс всей прогосударственной прессы, по большому счету, дезориентирует аудиторию. Британия в текстах СМИ, оставаясь членом лагеря-противника, предстает еще и как «дружественный» носитель новых для СССР ценностей (экономических и демократических).

К 1989 г., в котором состоялись выборы народных депутатов РСФСР, отношения в советской политике приобретают соревновательный характер. В 1990 г. Верховный Совет СССР принял закон «О печати» [10] и закон «Об общественных объединениях» [9]. Пресса, будучи активным участником политических процессов в стране, живо реагирует на все эти нововведения: в стране разрастается блок печатных изданий новообразованных партий и общественных групп. Период 1990-1991 гг. исследователь Б. Макнейр называет «золотым веком» российской печати, потому что начинают свое стремительно развитие демократические газеты, к которым растет интерес со стороны активно политизирующихся масс [11]. В свет выходят представители СМИ этого нового типа – «Независимая газета» и «Коммерсант», которые представляют свое истолкование международных событий. В частности, на страницах этих газет, а вслед за ними и в «Комсомольской правде», переставшей быть органом ЦК ВЛКСМ, видение переговоров с «большой семеркой» по поводу займов для Советского Союза отличается от того, как они преподносятся в ортодоксальных «Правде», «Советской России» или сдержанных «Известиях». В дискурсе демократической прессы преобладают скептические суждения о возможности хотя бы малейшего успеха М.С. Горбачева и его посланников (Е. Примакова и Г. Явлинского) в переговорном процессе со странами «большой семерки» по поводу финансовой помощи нашей стране и «перестройке». На фоне этих событий Президент СССР в материалах прессы предстает теряющим свой властный потенциал. «Власть» – это базовый концепт политической коммуникации [27, 288]. В материалах демократической прессы того времени наиболее частотно истолкование власти как объекта утраты советским руководством, нежели господства или доминирования. Например, «Коммерсант» прямо формулирует, что представители стран G7 не считают М.С. Горбачева безусловным лидером: «в Лондоне Горбачева готовы воспринимать всерьез лишь в том случае, если он представит целостную концепцию экономической реформы от лица единого государства», «переговоры с лидерами G7 сохраняют какие-то шансы на успех лишь в том случае, если их будет вести один президент, легитимность полномочий которого подтверждена оставшимися девятью» [23]. «Независимая газета» перечеркивает властный статус Президента СССР не только на текстовом уров-

не, но и при помощи визуального ряда, публикуя вместо крупного плана лица М.С. Горбачева наравне с портретами лидеров «семерки» фотографию очереди в продуктовый магазин [8].

Таким образом, СССР со своим Президентом во главе предстает на страницах демократической прессы слабым и униженным просителем, который излагает свои мысли в «оправдательном тоне» и воспринимается «младшим партнером» Запада [16]. И если в «консервативных» «Правде» и «Советской России» пересмотр взаимоотношений с западными странами выглядит как поиск точек соприкосновения в диалоге противников, как уход от жесткой позиции в отношении Запада и Британии в частности, то для «Коммерсанта» и «Независимой газеты» – это полный отказ от оппозиционного восприятия, который стимулирует недоверие аудитории к государству, долженствующему обеспечивать безопасность (по Шмитту). Более того, общая тенденция снятия противостояния «свой-чужой» как в прогосударственной (в «мягком» виде), так и в новой, демократической, советской прессе лишь подкрепляла тот скепсис, с которым интеллигенция воспринимала ориентацию М.С. Горбачева на Запад и высмеивала на страницах печати вручение ему Нобелевской премии.

Статус Великобритании, превращающейся на страницах советских газет из противника-наговца в партнера (в партийной прессе) или даже консультанта в экономических преобразованиях (в прессе демократической), подтверждает общую тенденцию к трансформации дискурса печатных СМИ, в которых меняется употребление базовых концептов политического дискурса – «свой-чужой» и «власть» (power). Перестройка, гласность, новое политическое мышление, суть которых была разъяснена в книге «Перестройка и новое мышление», стали элементами международного общения в виде неких метафор, или концептов, и способствовали радикальному изменению политического (а за ним и медийного) дискурса в невыгодную для руководства страны сторону, потому что на фоне этих терминологических нововведений базовые концепты «свой-чужой» и «власть» начали реализовываться через компоненты, характеризующие ущербность и слабость советской стороны. Иными словами, глава СССР внедрил в политический дискурс множество концептов, вывел их на международный уровень, но они способствовали разрушению его властного статуса сначала на дискурсивном уровне, а потом и в реальности [29]. А

дискурс советской прессы, касающийся советско-британских отношений, по мере привнесения в него новых концептов, отражающих демократизацию общества, являл Советский Союз слабым партнером в общении с Британией, как и с другими крупными западными державами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю 1985-1991 гг.: Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 2002. 367 с.
2. Беседа М.С. Горбачева с М. Тэтчер // Правда. 1985. 14 марта.
3. Визит делегации Верховного Совета СССР в Великобританию // Правда. 1984. 16 дек.
4. Вояж Дж. Шульца // Правда. 1984. 17 дек.
5. Встреча М.С. Горбачева и М. Тэтчер // Комсомольская правда. 1987. 8 дек.
6. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. 271 с.
7. Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 2. Март 1984 – октябрь 1985/Горбачев-Фонд. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 616 с.
8. Диалог «7 плюс 1» в Лондоне // Независимая газета 1991.18 июля.
9. Закон СССР от 09.10.1990 «Об общественных объединениях» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 42. С. 839.
10. Закон СССР от 12.06.1990 «О печати и других средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 26. С. 492.
11. Засурский И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в России девяностых // Русский Журнал. 14.12.2000. URL: <http://www.russ.ru/politics/20001114.html/> (дата обращения: 5.04.2005).
12. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю.В. Андропова // Правда. 1983. 25 нояб.
13. Заявление ТАСС // Правда. 1983. 3 сент.
14. Земцов И. Крах эпохи: В 2-х кн. Книга вторая. Горбачев: бросок через пропасть. М.: Наука. 1999. 286 с.
15. Кучкина О. Власть и пресса в России. Взгляд изнутри. М., 2006. 311 с.
16. Мартынов О. СССР и G7: вместо плана Маршалла шесть пунктов Мейджора // Коммерсант. 1991. 22 июля.
17. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. 352 с.

18. Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 511 с.
19. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-Фонд. М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. 944 с.
20. Попов В.И. Меняется страна традиций (Заметки посла и ученого о Британии 80-х). М.: Международные отношения, 1991. 336 с.
21. Пребывание делегации Верховного Совета СССР // Правда. 1984. 18 дек.
22. Ратьковский И.С., Ходяков М.В. История Советской России. СПб.: Издательство «Лань», 2001. 416 с.
23. Росев К. «Девятка» – Горбачеву: дорог не подарок, дорого внимание // Коммерсант. 1991. 15 июля.
24. Советско-английские переговоры // Известия. 1988. 17 февр.
25. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
26. Черняев А. Был ли у России шанс? Он – последний. М., 2003. 306 с.
27. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
28. Шмитт К. Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. № 1. С. 33-41.
29. Anderson R.D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics// URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/metdicdem.pdf> (дата обращения: 15.01.2011).
30. Margaret Thatcher [сайт] //URL: <http://www.margaretthatcher.org/> (дата обращения: 15.10.2010).

УДК 338. 43. 02 (09) (510)

Кожевникова Л.М.

*Российский государственный социальный университет
(филиал в г. Красноярске)*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КИТАЯ

L. Kozhevnikova

Russian State Social University (Krasnoyarsk branch)

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF EXCHANGE RELATION INTRODUCTION INTO THE AGRICULTURE OF CHINA

Аннотация. Опыт внедрения рыночных отношений в сельское хозяйство Китая рассматривается на фоне особенностей эволюции китайской цивилизации. Показано, что методы тактики реформирования заключаются в соединении рыночной экономики с принципами планового регулирования хозяйства. Преобразования отношений собственности проводились путем разграничения прав собственности на землю и прав владения ею. Были созданы условия для формирования рыночной инфраструктуры в аграрной сфере, а система управления адекватно реагировала на неизбежно возникающие в ходе модернизации проблемы. При оценке реформ в Китае автор указывает на их теоретическое значение и считает, что в российских условиях важно извлечь из китайского опыта мировоззренческие и методологические подходы к разработке всего комплекса проблем переходного периода.

Ключевые слова: аграрная сфера, духовно-нравственные ценности, азиатский способ производства, система управления, рыночные отношения, семейный подряд, рыночная инфраструктура.

Abstract. This article analyses the image of Germany on the pages of the Russian press during the Russian-German "newspaper war" in March 1914. The basic source for this article is the Russian periodical press of various political orientations - from the Black Hundreds to liberals. The author concludes that the "newspaper war" intensified the Anti-German moods in Russia. In the spring of 1914 the Russian press was unanimous in condemnation of the German foreign policy, its goals and its methods. The heat of the anti-German rhetoric in the Russian press testifies to the fact that the "newspaper war" became an important stage in the psychological preparation of Russian society to the world's armed conflict of 1914-1918. It has contributed to the consolidation of various socio-political forces in Russia in the face of the external enemy.

Key words: Russian-German "newspaper war" in March 1914, Russian press, image of Germany, image of enemy, eve of the First World War.

Экономическая деятельность человека берет начало в аграрной сфере. Во все времена все без исключения государства искали эффективные методы управления сельским хозяйством. За многовековую историю цивилизации накоплен богатый опыт поиска управленческих механизмов, который важен для нашей страны в переломный период ее эволюции. Историческим феноменом конца XX столетия является переход традиционной экономики Китая к новому качеству. Модернизация представляет часть общемирового процесса рыночной трансформации и имеет теоретическое значение для изучения особенностей переходного периода в отдельных странах на современном этапе. Не случайно с конца 1990-х гг. в отечественной литературе значительно вырос интерес к преобразованиям в КНР. К числу современных российских ученых, которые углубили и расширили познание процессов, происходящих в этой стране, следует отнести Я.М. Бергера [2], А.П. Бутенко [4], Л.С. Васильева [5; 6], Л.П. Делюсина [7; 8], Б.Н. Кызыка [11], В.Я. Портякова [17], М.Л. Титаренко [11]. Опираясь на результаты их исследований, можно определить основные закономерности перехода аграрной сферы Китая к рыночным отношениям с целью извлечения опыта. Чтобы объяснить логику происходящих в настоящее время в стране процессов, необходимо обратиться к истокам ее хозяйственной системы управления.

Китайская цивилизация зародилась в середине IV тыс. до н.э. в на огромном пространстве Азиатского континента. Характерные географические, природно-климатические и исторические особенности государства способствовали формированию уникальной социокультурной системы, основу которой составляли своеобразные духовно-нравственные ценности и азиатский способ производства. Менталитет народа сложился из религиозно-философских идей конфуцианства, которое ориентировало на необходимость заботы государства о народе, уважение старших, сохранение и передачу последующим поколениям древних традиций. Учение проповедовало поклонение верховному правителю, нравственное достоинство человека, самосовершенствование личности и призывало к социальной гармонии. Азиатский способ производства стал основой экономики китайской цивилизации: деспотия и покорность верховной власти, слияние власти и собственности, коллективизм, первичность духовного по отношению к материальному. На его базе сложились особенности эволюции сельского хозяйства. В аграрной экономике превалировала государственная собственность на землю. Производство и распределение произведенного продукта сосредоточились в центральной системе управления. Общественные работы и коллективный труд стали основой земледелия в национальных масштабах. Непосредственные производители трудились в рамках общины и являлись подданными государства.

Данный тип развития имел свои плюсы и свои минусы. Типы их сочетания можно разделить на две группы: государство и общество, государство и личность. В первом типе государство осуществляло верховную власть и тотально контролировало всю жизнедеятельность общества. Но именно в этой роли оно защищало свой народ от стихийных и иных бедствий, и именно в условиях восточной деспотии зародился патернализм. В рамках азиатского способа производства уже в древности на базе конфуцианства сложилась уникальная система управления сельскохозяйственным производством, которая достойна изучения в наше время. Кандидаты на государственные должности должны были освоить древние заветы, философские и исторические науки, изучить основы аграрного дела. В практической деятельности представители аппарата регулярно выезжали на места: проверяли наличие запасов воды и состояние оросительных систем, накоп-

ление зерна, разрешали земельные споры. В условиях Древнего Китая назначением этой системы являлось исполнение воли центра. Но нельзя не признать, что уникальность ее заключается в обучении науке разумного управления экономикой и обществом.

Второй тип сочетания касается роли отдельного индивида в обществе. Коллектив защищал человека в хозяйственной жизни, но препятствовал проявлению индивидуальной самореализации. Духовные ценности народа исключали стремление к накопительству и формировали идеологию разумного достатка, но отвлекали человека от активной творческой деятельности. Наиболее негативное влияние оказал восточный тип цивилизации на инициативу деятельности в сфере товарно-денежных отношений. Особенно наглядно это прослеживается французским историком Ф. Бродемом. Описывая историю зарождения и эволюции сферы обращения, он отметил, что Китае, как и в других странах Востока, были развиты торговля и товарно-денежные отношения, появились основы банковской деятельности [3, 88, 101]. С древности славился разнообразием своих товаров Великий китайский шелковый путь. Однако государство жестко контролировало и регламентировало торговую деятельность купечества и всю сферу обращения в целом. По описаниям Ф. Бродема, многие китайские мандарины вкладывали деньги в дела купцов, которые охотно покупали их благосклонность. Престиж мандаринов нередко толкал зажиточные купеческие семьи на то, чтобы продвигать своих сыновей на эти блестящие и возбуждавшие зависть посты [3, 607]. Отмеченная французским историком тенденция означала стремление богатых владельцев капитала купить престижное звание чиновника. В итоге происходило «омертвление» капитала, накопленного в торговле, что тормозило процесс расслоения крестьянства, перевод его хозяйства на денежную ренту и препятствовало началу промышленной революции. Таковы силы традиционного общества с азиатским способом производства. С такой сложившейся системой в условиях консервативной стабильности Китай просуществовал до 40-х гг. XIX в. После опиумной войны, навязанной стране Англией, и подписания в 1842 г. Нанкинского договора, который ущемлял суверенные права государства, Китай фактически стал полуколонией, открытой для иностранной торговли на очень льготных условиях.

Путь, избранный после обретения подлинной независимости и провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г., усугубил кризис полукOLONиальной зависимости и не привел страну к экономическому прогрессу. Культурная революция, провозглашенная Мао Цзедунем и проводимая в Китае в 1966-1976 гг., слишком дорого обошлась китайскому народу. Около трети населения страны оказалось на грани выживания. Индустрия находилась на самом низком уровне. Социальная сфера во многих провинциях была в запущенном состоянии. В стране насчитывалось 170 млн. неграмотных китайцев [15, 5]. Вопрос о путях развития встал на повестку дня после смерти вождя культурной революции Мао Цзедуня в 1976 г. В этот период на политический олимп вернулся опальный Дэн Сяопин – «знаковая» фигура современного Китая, которого поддерживали отдельные лидеры коммунистической партии (КПК). Новое руководство избрало позицию прагматизма: реалистически оценило предшествующий опыт, положение в мире на современном этапе и выдвинуло стратегию перехода к рыночным отношениям с применением на китайской земле прогрессивного опыта других цивилизаций. Причем особо следует подчеркнуть, что Дэн Сяопин акцентировал внимание на необходимости оптимального сочетания национального и международного опыта [9, 155]. Методы тактики реформирования сложились на основе возрождения конфуцианских традиций к достижению социальной гармонии – компромисс, постепенность и социальная стабильность. Их цель заключалась в соединении рыночной экономики с принципами планового регулирования хозяйства. Главная роль в претворении этой идеи в жизнь отводилась прежней политической системе – КПК и государственным органам. В перераспределении системы управления в направлении поощрения и внедрения рыночных отношений в экономику прагматик Дэн Сяопин также придерживался позиции не допустить крайности и подчеркивал, что партия не против коммерции, но против равнения во всем на звонкую монету [9, 43]. Именно поэтому и считал, что в ходе кардинальных для китайской цивилизации изменений важно придерживаться национальной идеи и сохранить политическую стабильность, для чего выдвинул идею «социализм с китайской спецификой» и необходимость при переходе к рынку «... твердо придерживаться идей Мао Цзедуня» [9, 36, 71].

Сегодня можно по-разному интерпретировать его теоретические взгляды и условия для реформ. Для Л.С. Васильева, например, идея «социализма с китайской спецификой» – не более, чем камуфляж. Смысл лозунга в том, чтобы выиграть время и предотвратить взрывчатый процесс...» [6, 387]. Так или иначе, но нельзя не признать, что цель единства была достигнута. В 1980 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло решение об изъятии из Конституции статьи о «широком высказывании мнений, ... широкой дискуссии...» [9, 188]. Эти установки и определили степень радикализма в реформировании системы управления. После перерегистрации и омоложения кадров в высших партийных органах КПК осталась руководящей силой в обществе. Но постепенно произошел переход управления от партийных органов к хозяйственным, к сочетанию плановых начал с механизмом рыночного регулирования. В русле общей тактики модернизации проводились реформы отношений собственности. В этом процессе правительство действовало особенно осторожно и широко применяло метод эксперимента. Поэтому преобразования с самого начала ориентированы не на введение частной собственности, а на поиск конкретных форм разграничения прав собственности и прав владения. Начались они с сельского хозяйства.

Отправным этапом стал III Пленум ЦК КПК в декабре 1978 г. Он положил начало перестройке форм и методов организации сельскохозяйственного производства и расширению хозяйственной самостоятельности. По инициативе сельских тружеников была ликвидирована система «народных коммун», созданная в период «большого скачка». Земельные участки из коллективного фонда стали передаваться крестьянским дворам в долгосрочную аренду на правах семейного подряда. Таким образом, государство сохранило за собой собственность на землю, но обеспечило самостоятельность хозяйствования на земле. Раскрепощение инициативы способствовало возрождению традиций совмещения крестьянского труда с ремеслом и подсобными промыслами. В деревнях появились волостные и поселковые предприятия, которые обеспечили развитие деревенской промышленности и аккумулировали высвобождающиеся трудовые ресурсы. Параллельно проводились меры по возрождению товарно-денежных отношений на селе. Реформа системы государственных заготовок и закупок

сельхозпродукции установила двухуровневую систему цен. Фермеры продавали государству установленный объем по фиксированной цене, а всю продукцию сверх этого объема могли реализовывать по рыночным ценам. Причем доля продажи на рынке постоянно увеличивалась. Эти меры позволили сельским товаропроизводителям иметь на первом этапе гарантированный рынок сбыта, но и одновременно устанавливали новые выгодные экономические связи вполне безболезненно для хозяйства.

Успеху реформ в сельском хозяйстве сопутствовали общеэкономические преобразования. Идеология китайских реформ исключила методологию «шокового варианта модернизации», так как цель реформ – не допустить крайней поляризации общества. Преобразования отношений собственности предприятий, обслуживающих аграрный сектор, проводились путем расширения самостоятельности и повышения ответственности директоров путем хозяйственного договора. Поэтому не произошло разрыва сложившихся хозяйственных связей и взаимных платежей. Более того, государство поощряло саморазвитие частного сектора. Он оказался особенно эффективен в переработке сельхозпродукции, производстве продуктов питания и технических средств малой механизации для индивидуального крестьянского сектора, что позволило расширить рынок сбыта и рынок услуг для аграрной сферы. Центр также поощрял развитие рынка услуг непосредственно на селе. Законом 1996 г. были предоставлены налоговые льготы волостным и поселковым предприятиям, занимающимся хранением, переработкой и транспортировкой зерна и риса, мяса и кормов. Законодательно закреплена их обязанность выделять часть средств на производственные нужды и социальные программы села. Кардинально изменилась система финансового обеспечения. Она включала: Банк Китая и иностранные инвестиции. Как и рассчитывал Дэн Сяопин при провозглашении открытости государства, от 75 до 80 % инвестиций в экономику осуществлены этническими китайцами, проживающими за рубежом [17, 16]. Внутри государства главным в финансовой политике являлось сдерживание либерализации цен, особенно в начальный период. На постоянном уровне сохранялось три вида цен: директивные, индикативные и свободные рыночные. Эта политика, а также контроль за ценами на энергоресурсы, позволили избежать

диспаритета между промышленностью и сельским хозяйством.

Комплексный характер демонтажа старого и складывания нового хозяйственного механизма способствовал относительно быстрой адаптации населения к товарно-денежным отношениям и позволил КНР не допустить массового разочарования общества в рыночных принципах. Экономическая реформа в Китае в общем и в целом обеспечила начало относительно безболезненного перехода к рыночным отношениям и на этой основе содействовала развитию производительных сил и повышению уровня жизни народа. С 1979 по 1984 г. валовой сбор зерновых увеличился с 304,8 до 407,3 млн. тонн, и проблема насыщения минимальных потребностей в продовольствии была решена [16, 617]. За 1978-2003 гг. ВВП Китая возрос почти в семь раз. По темпам экономического роста (около 9% в среднем за год) Китай обогнал все остальные страны мира [1, 86]. Приведенные данные поразительны, но логика реформирования в любом случае, в том числе и в китайском варианте, предполагает как успехи, так и недостатки. Не касаясь всех возникающих в ходе модернизации проблем, следует обозначить издержки переходного периода непосредственно в сельском хозяйстве. Повсеместный переход к индивидуальному хозяйству привел к преимуществу мелкотоварного уклада в аграрной сфере, который не мог обеспечить постоянное участие крестьян в поддержании системы бассейнового орошения. Но даже эта вековая необходимость не инициировала у крестьян стремление к объединению. Так велика оказалась тяга китайских сельских тружеников к индивидуальному хозяйству, а перспективы кооперирования в сельском хозяйстве после печального опыта народных коммун не внушали большинству оптимизма. На первоначальном этапе, когда доход фермера достигал уровня выше прожиточного минимума, начиналось «проедание» накоплений. Крестьяне, долго терпевшие нужду, начинали приобретать домашнюю технику, мотоциклы и автомобили, строить кирпичные дома. Эта тенденция вела к повышению благосостояния и обеспечению зажиточности, что, казалось бы, привело к реализации поставленных реформой задач. Но постепенно становилось все более очевидным, что тяготеющее к универсальности и самообеспечению мелкокрестьянское хозяйство с низким уровнем товарности является тормозом на пути включения китайской деревни в систему рынка.

К 2005 г. всего 9,8 % общего количества крестьянских дворов страны было охвачено производственной кооперацией [18]. Уровень механизации сельского хозяйства составлял 36,5% [12]. В результате уже к началу 1990-х гг. замедлились темпы роста сельскохозяйственного производства. Возник парадокс: модернизация началась с аграрной сферы, которая сама и оказалась в худшем положении по сравнению с другими отраслями и, прежде всего, по уровню механизации труда. В 2006 г. Министерство сельского хозяйства Китая приняло «Программу развития сельского хозяйства и экономики села КНР на 11-е пятилетие (2006-2010 гг.)», в которой поставлены задачи: паевое кооперативное хозяйствование с сохранением базы для семейного подряда [13]. Государство инициирует создание в деревнях коллективных хозяйств по обработке земли, мелиорации, обеспечению мелких фермеров техникой. В 2006 г., впервые за многовековую китайскую историю, полностью отменен сельхозналог. В 2008 г. ЦК КПК принял программу индустриализации аграрного сектора [2, 304-305]. Важнейшим направлением в настоящее время является работа по совершенствованию управления земельными ресурсами, которая направлена на становление рынка земли. Однако сдерживающими факторами перехода к рыночной экономике и повышения жизненного уровня являются: большая численность населения и нехватка земель сельскохозяйственного назначения. Поэтому правительство и КПК ставило и ставит перед собой реальные задачи: к концу первой половины XXI в. выйти в число экономически средне-развитых стран [9, 214]. Но ясно одно: в Китае продолжается новая полоса масштабных преобразований, а система управления, имеющая древние традиции, адекватно реагирует на неизбежно возникающие в ходе модернизации проблемы и издержки переходного периода.

Оценивая китайский опыт, безусловно, можно извлечь полезные уроки, но особенно важно подчеркнуть их теоретическое значение. Методологическая концепция патриарха модернизации Дэн Сяопина: план не эквивалентен социализму, как и рынок – капитализму, ибо в том и в другом случае существуют план и рынок, внесла новое содержание в понятие рыночной экономики. Отвечая на вопрос: в какой мере совместима рыночная экономика с разными формами собственности, А.П. Бутенко утверждает, что «... в принципе рынок совместим с разными формами собствен-

ности, хотя бы потому, что рыночные отношения были и при разложении первобытно-общинных отношений, при рабстве, при феодализме и в тех обществах, которые называли себя социалистическими, не говоря уже о капитализме – этой наиболее развитой рыночной экономике» [4, 18]. Применительно к экономике современного Китая академик В.В. Милосердов справедливо, по мнению автора, утверждает: «Китайские экономисты план и рынок не связывают с определенными системами (социализмом или капитализмом). Они считают, что, являясь лишь формой или методом управления экономикой, план и рынок никогда не существовали в чистом виде, а их соотношение менялось в разные периоды в разных странах. История человечества – это, прежде всего, история развития товарного хозяйства» [14, 2]. Выводы ученых имеют историческую основу и объяснение. Любой историк или экономист знаком с генезисом мировой экономики и знает, что рыночные отношения зародились из обмена, который своими корнями уходит в первобытное общество, и имел место во всех типах цивилизаций. Из обмена выросли торговля, товарное производство и товарно-денежные отношения. И, как уже отмечалось ранее, их развитие в Китае сдерживалось восточной деспотией. Переориентация системы управления в сторону их эволюции и определяет теоретическое значение идеологии Дэн Сяопина и его преемников в мировой истории.

Значимость реформ повышается также и тем, что Китай продемонстрировал всему миру возможность осуществления рыночных преобразований без радикализма в политической системе и в отношениях собственности, без масштабных социальных потрясений. КПК смогла выступить инициатором и организатором обновления, не допустила идеологического вакуума и тем самым способствовала сохранению китайским народом национальной идеи и собственной системы ценностных ориентаций. Что касается наличия элементов деспотии, которые сдерживают в определенной степени активное развитие рыночной инфраструктуры, то в этом вопросе следует согласиться с мнением Л.С. Васильева, что страна медленно и плавно идет к демократическим принципам управления [6, 387-388]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, при всей самодостаточности, Китай успешно входит в общечивилизационную закономерность перехода к модели регулируемого рыночного хозяйствования и

становлению смешанной экономики. По поводу применения китайского опыта в условиях российской действительности с самого начала проведения реформ существуют противоположные точки зрения. В 1994 г. академик В.В. Милосердов писал: «В условиях отсутствия своей модели реформ нам следовало бы позаимствовать опыт Китая, как наиболее приемлемый». Свою позицию он обосновал тем, что обе страны имеют огромную территорию с одинаковыми почвенно-климатическими, экономическими условиями и сходными (социалистическими) производственными отношениями [14, 1]. В.Я. Портяков считает, что в условиях экономической ситуации СССР в годы перестройки необходим был «... долгосрочный структурный маневр в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности ... повторение в общих чертах китайского «урегулирования» [17, 152-153]. Но лидеры политических партий, как, например, Г.А. Явлинский [10] и официальное руководство периода 1990-х годов, по мнению В.Я. Портякова, идеологизировали происходящие в Китае события по причине «... сохранения в Китае социалистической ориентации общественного развития» [17, 174]. Поэтому он придерживается позиции, что впечатление от официальных визитов в КНР в 1994 г. В.С. Черномырдина и в 1996 г. Е.М. Примакова «... не вылилось в реальные поручения изучать и тем более использовать в российской практике хотя бы селективно опыт экономических преобразований в КНР» [17, 173].

Автор считает, что необходимость обращения к мировому опыту, как и к опыту отдельно взятой страны, исходит из логики исторического развития. Каждая цивилизация уникальна сама по себе, но все они возникли на одной Планете и постоянно взаимодействуют, чем взаимно влияют друг на друга. Китайские реформаторы учли опыт Японии в становлении смешанной экономики, опыт успешной модернизации стран классического Востока – Тайваня, Южной Кореи, Гонконга, Сингапура и в какой-то степени при обеспечении политической стабильности для проведения экономических реформ опирались на идею «просвещенного авторитаризма», выдвинутую основателем современного Сингапура Ли Куан Ю. Российские реформы проводились скорее «по западным образцам», форсированным путем в условиях политической нестабильности и методами «шоковой терапии», чем по своим социальным последствиям кардинально отлича-

ются от китайских. Поэтому можно согласиться с мнением Я.М. Бергера о необходимости в настоящий период извлечь из реформ в Китае общие мировоззренческие и методологические подходы для успешного проведения стабилизационных мер в России при переходе к рыночной экономике [2, 496]. Это касается, прежде всего, важности разработки системного подхода ко всему комплексу проблем аграрной сферы, учета национальных особенностей российской цивилизации, формирования основной составляющей модели регулируемого рыночного хозяйства – активной роли государства, планомерного внедрения рыночных отношений в сельское хозяйство с целью использования аграрной сферы для экономического прогресса в стране в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бельчук А. Вновь об оценке реформ в Китае // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 86-93.
2. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «Форум», 2009. 560 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / 2-е изд.; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. М.: Издательство «Весь мир», 2007. 672 с.
4. Бутенко А.П. Перемены в России и Китае: сходство и различие (научный доклад). М: АЗОТ «Эпикон», 1998. 99 с.
5. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 1: Учеб. по спец. «История». М.: Высш. шк., 1993. 495 с: ил.
6. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 2: Учеб. по спец. «История». М.: Высш. шк., 1998. 495 с.
7. Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М.: Муравей, 2003. 208 с.
8. Делюсин Л.П. Китай в поисках путей развития. М.: Муравей, 2004. 448 с.
9. Дэн Сяопин Основные вопросы современного Китая: Пер. с кит. М.: Политиздат, 1988. 256 с.
10. Крушинский А. Причины «экономического чуда», не замеченные в Китае лидером «Яблоко». Правда. 1995. 20 мая.
11. Кызык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: Стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с.
12. Механизация сельского хозяйства в Китае // Женьминь жибао [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn>. (дата обращения: 12.08. 2006).
13. Минсельхоз КНР поставил три важные задачи развития сельского хозяйства на 11-е пятиле-

- тие // Женьминь жибао [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn>. (дата обращения: 12.08. 2006)
14. Милосердов В.В. Аграрные реформы России и Китая: их различия // [Официальный сайт академика РАСХН Милосердова В.В.] / Статьи. URL: <http://vladimir.miloserdov.name/> (дата обращения: 18.07. 2006).
15. Мировая экономика: Учебник / Под ред. проф. А.С. Булатова. М.: Юристъ, 2002. 734 с. (Серия: Homo faber).
16. Овчинников В. Взлет Китая: чем поучительна формула успеха? // Российская газета. № 65. 15 апреля 2009. С. 1-8.
17. Портяков В.Я. Экономические реформы в Китае (1979-1999 гг.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. 178 с.
18. Специализированные сельхозкооперации ведут китайских крестьян к обогащению // Женьминь жибао [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn>. (дата обращения: 18.07. 2006).

УДК 94 "1949/2005"

Качан Г.Г.

Дальневосточное высшее военное командное училище (г. Благовещенск)

К ВОПРОСУ О МОТИВАХ ПРИНЯТИЯ РУКОВОДСТВОМ КНР РЕШЕНИЯ О СОЗДАНИИ СОБСТВЕННОГО ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

G. Kachan

Far East Military Command School, Blagoveshchensk

ON THE MOTIVES BEHIND THE CHINESE LEADERSHIP'S DECISION TO PURSUE A NUCLEAR PROGRAMME

Аннотация. Решение китайского руководства о развертывании работ по созданию ядерной программы в 1995 г. было принято на фоне важных международных событий и ситуации внутри страны, причем система мотивов, проистекающих из внутренних факторов, имела сравнительно большее значение для политической элиты КНР. Отмечается, что запуск ядерной программы отнюдь не способствовал укреплению безопасности Китая на раннем этапе, а, напротив, ставил его под угрозу. Социо-культурные факторы, такие, как стремление коммунистического государства к формированию национальной идентичности, и психологические факторы, такие, как националистический настрой военно-политической элиты, стремившейся изжить комплекс неполноценности, оказали наибольшее влияние при принятии данного решения.

Ключевые слова: ядерная программа Китая, ядерная безопасность, ядерный клуб, национальная идентичность.

Abstract. The article considers China's nuclear problem tracing it back to the time when it was launched in 1955. The author questions the common sense assumption that China's nuclear ambitions were primarily aimed at providing military security as the launch of the programme seemingly jeopardized the newly formed communist state. The article presents evidence that the Chinese military and political elite did not want China to be seen as a third-rate country and was motivated by the desire to form a national identity and make up for the grievances of the past.

Key words: the Chinese nuclear programme, nuclear security, the nuclear club, the history of the Chinese nuclear programme, Chinese national identity.

События, последовавшие непосредственно за окончанием Второй мировой войны, опровергли надежды мирового сообщества на достижение длительного мира. Реалии послевоенного мироустройства располагали к взаимному недоверию государств-антагонистов и стремлению дать симметричный или несимметричный ответ на ядерное доминирование США. В число стран, наиболее озабоченных обеспечением собственного выживания, вошла и созданная в 1949 г. Китайская Народная Респуб-

лика. Реальные угрозы существованию страны, наличие векового комплекса угнетенного народа заставили руководство молодого коммунистического государства принять непростое решение о реализации собственной ядерной программы.

Принятие решения о создании ядерного оружия китайским руководством в январе 1955 г. уже помимо воли принявших его руководителей определило пути развития и судьбу государства на многие десятилетия вперед. На основе анализа доступных материалов в статье анализируется комплекс мотивов, побудивших китайское руководство к принятию решения о создании ядерного оружия в порядке их значимости и важности.

Перед тем, как перейти к собственно анализу мотивов, отметим, что хотя обеспечение национальной безопасности является одной из главных причин для обретения ядерного оружия любой страной, не это заставило руководство КНР начать разработку ядерной программы в первую очередь. Напротив, работа над ядерным проектом, по крайней мере, до его успешного завершения, не повышала, а ослабляла безопасность Китая.

Фактическое прекращение военного сотрудничества между СССР и КНР произошло в конце пятидесятых годов прошлого века, т. е. более чем за пять лет до демонстративного взрыва первого ядерного зарядного устройства Китаем. То есть отсутствие собственного ядерного оружия не помешало КНР принять такое решение, которое отменяло гарантии ее безопасности в виде советского «ядерного зонта», как и не помешало разорвать отношения с таким могущественным союзником, каким в то время являлся СССР.

Кроме того, стремление страны, находящейся в международной изоляции, создать собственную атомную бомбу напрямую затрагивало интересы национальной безопасности не только ее ближайших соседей, но и главного «ядерного игрока» того времени – США, и могло спровоцировать нанесение им упреждающего удара. Так, мы видим, политическое решение о развертывании работ по созданию ядерного оружия носило комплексный характер. Оно было продиктовано психологическими факторами, политическим, стратегическим, геополитическим и экономическим анализом и было тесно связано с утверждением национально-культурной идентичности Поднебесной.

Рассмотрим главные мотивы этого решения поэлементно.

1. Национальная гордость и самоутверждение. Обладание ядерным оружием объективно

поднимает престиж любого государства. Для Китая, пережившего более чем вековой период унижительной полуколониальной зависимости, этот фактор имел определяющее значение. «В нынешнем мире мы не можем обойтись без этой штуки (атомной бомбы - *Прим. авт.*), если мы хотим, чтобы нас не обижали, - говорил Мао Цзэдун, - Запад с пренебрежением относится к Китаю, потому, что у него нет атомной бомбы, а есть только ручные гранаты» [12]. «Поторопитесь с запуском межконтинентальной ракеты, - говорил китайским ракетостроителям в начале 1960-х гг. министр иностранных дел КНР Чэнь И, - чтобы я, китайский дипломат, мог гордо и прямо смотреть в лицо иностранцам» [4]. Те же националистические мотивы прозвучали и в речи премьера Чжоу Эньлая через два месяца после первого ядерного взрыва в Китае: «Разве мы не взорвали атомную бомбу? Разве мы не сорвали с себя ярлык “убогого Востока”, приклеенного нам Западом?» [3].

Отношение военно-политической элиты КНР к ядерной программе носило ярко выраженный эмоциональный характер, и их ликование по поводу успехов Китая, достигнутых в этом направлении, проявлялось в крайне ярких и откровенных формах.

14 сентября 1954 г. на Тоцком полигоне в СССР было проведено общевойсковое учение с применением атомной бомбы, на котором присутствовали заместитель Председателя КНР Чжу Дэ, министр обороны Пэн Дэхуай и другие высокопоставленные китайские военачальники [1]. И когда Китай провел собственные испытания, как вспоминал один из главных «отцов» китайской ядерной бомбы маршал Не Жунчжень, многие из ветеранов «Великого похода» и всех гражданских войн не удержались от слез, узнав об успешном испытании в Китае ядерного оружия [9, 15]. В эксклюзивном сообщении, сделанном для участников праздничного концерта на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) за несколько часов до официального объявления о первом успешном испытании ядерного заряда, премьер-министр Чжоу Эньлай сказал: «Теперь радуйтесь, сколько хотите, смотрите только, чтобы к утру в этом зале остался целым пол» [7, 96]. По свидетельству очевидцев, обычно сдержанный и владеющий собой Чжоу Эньлай на досуге, как ребенок, вновь и вновь пересматривал кино- и фотоматериалы о первом ядерном испытании [8, 106].

Через три недели после первого успешного морского испытательного старта ракеты с БРПЛ в

октябре 1982 г. армейская газета Цзефанцзюнь бао, вспоминая уничтожение японцами в 1894-1895 гг. китайского флота, писала: «Волны, поднятые нашими ракетами, смыли исторический позор, которому когда-то подверглась великая нация» [5].

2. Утверждение суверенитета во внешней политике и формирование национальной идентичности.

Известно, что развитие ядерной программы каким-либо государством может быть подчинено мотиву освобождения от опеки более сильного игрока. Например, основным мотивом создания ядерного оружия во Франции было не столько обеспечение безопасности, сколько стремление занять более самостоятельную позицию по отношению к Вашингтону и получить новый рычаг давления в процессе достижения внешнеполитических целей [2, 95]. Те же цели преследовал и Пекин, находившийся в то время в сильной зависимости от СССР. По мнению ряда зарубежных ученых, ядерная программа «стала для Мао одним из символов национальной независимости» [10, 139]. Официальные средства массовой информации и пропагандистские издания КНР тиражировали подобные заявления. В 1963 г. ими было, например, сделано два заявления, касавшихся отношения Пекина к ядерному доминированию СССР и США: «Ядерное оружие в руках социалистических государств означает защиту от ядерного шантажа и ядерной войны», и «Абсолютно недопустимо, чтобы две или три ядерные державы поставили все другие страны на колени и повелевали ими, как неядерными. Времена силовой политики уходят в прошлое, мировые державы не могут единолично решать мировые вопросы» [11, 22; 85].

Эти и другие высказывания китайских руководителей позволили американским специалистам в области стратегических исследований сделать вывод о том, что «мотивом создания Китаем ядерного оружия стали его особые цели и интересы, которые не могли быть одобрены и поддержаны странами социалистического лагеря» [11, 164-165]. Стремление к независимости и способность проводить самостоятельную внешнеполитическую линию, отличную от политики «Большого брата», продолжало оставаться одним из главных мотивов увеличения и совершенствования ядерного потенциала страны и после смерти Мао.

3. Стремление к росту глобального влияния.

Вольно или невольно, с приобретением ядерного оружия Китай объективно увеличил свое

влияние на международной арене, обеспечил поддержку национальных интересов. Идеологически обладание атомной бомбой страной, во главе которой стоял радикальный маоистский режим, увеличивало ее престиж среди стран «третьего мира» и служило психологическим стимулом для ряда революций и переворотов в 1960-1970 гг.

Психологический фактор, созданный наличием небольшого ядерного потенциала у Китая, внес определенный вклад в поражение США во Вьетнаме. В сфере международных отношений статус Китая как ядерной державы повысил его вес в переговорных процессах. Вхождение страны в «ядерный клуб» в 1964 г. в немалой степени способствовало ее вступлению в ООН в 1972 г. Системное рассмотрение данного вопроса позволяет прийти к выводу о том, что создание ядерного оружия поколебало двухполюсную структуру мира и изменило ее в пользу Китая. Несмотря на неопределенность в оценке роли и значения данного фактора, стремление к увеличению глобального влияния, безусловно, явилось важным мотивом при принятии решения о развертывании ядерной программы.

4. Стремление к региональному лидерству.

Наряду с повышением глобального статуса, обладание ядерным оружием само по себе дало Китаю статус региональной азиатской державы. С одной стороны, геополитический вес Китая, сильно увеличенный обладанием ядерного оружия, заставлял ближайших соседей, в т. ч. Японию в большей степени считаться с ним. С другой стороны, опасения соседей, особенно южных, сильно возросли от того соображения, что обладание ядерным оружием, помноженное на потенциал массовой армии, спровоцирует Китай к силовой дипломатии. Эти опасения постоянно подпитывались многочисленными приграничными конфликтами, которые Китай регулярно развязывал в 1950-е – 1960-е гг. по всему периметру своих границ.

Вместе с тем следует отметить, что в ходе всех этих внешнеполитических акций Китай никогда не прибегал к ядерному шантажу. Более того, осуществляя на рубеже столетий модернизацию собственной экономики, Китай проявлял все меньшую склонность к угрозам в адрес своих соседей. Тем не менее растущий силовой потенциал Китая не мог не приниматься в расчет его ближайшими соседями и партнерами.

5. Внутриполитические мотивы.

Обретение ядерного оружия, во-первых, не могло не повысить популярность руководства страны

в глазах народа. Во-вторых, подчинение ядерных сил непосредственно Мао Цзэду и его заместителю по Центральному военному совету КПК Дэн Сяопину обеспечивало им полный контроль над военным механизмом страны. Кроме того, доступ к «ядерной кнопке» объективно повышал авторитет лиц внутри правящей элиты, державших над ней пальцы. Неоднократно в ходе социальных потрясений и внутренних столкновений шестидесятых годов ядерный фактор успешно работал в тех случаях, когда возникала необходимость переключить внимание общества с событий внутри страны на какие-то позитивные достижения.

6. Экономическая выгода.

Задача обеспечения ядерной безопасности имела для Китая ярко выраженный экономический аспект. Техническое отставание вооруженных сил Китая требовало их экстренной модернизации, которую экономика Китая в то время была не в силах обеспечить. Ядерный проект на этапе его реализации был крайне дорогостоящим. Однако после создания и развертывания ядерных сил страна могла успешно компенсировать недостаточную боевую мощь обычных компонентов вооруженных сил, сделав ненужной их форсированную модернизацию для поддержания текущего статуса обороноспособности страны.

7. Стремление ускорить экономическое развитие страны.

Общеизвестно, что крупные стратегические военные проекты не могут не являться локомотивом, тянущим за собой всю индустрию страны. Как вспоминал Хе Жунчжень, «ядерная и ракетная программа страны вобрала в себя все новейшие достижения науки и техники, она придала импульс многим другим научным и технологическим программам» [9, 24]. Четвертого ноября 1985 г. вице-премьер Китая Ли Пэн заявил, что «национальная ядерная промышленность, созданная за предыдущие 30 лет, начала служить развитию таких отраслей, как медицина, сельское хозяйство, геодезия, машиностроение, металлургия, химическая промышленность и строительство. Реализация лозунга «ядерная стратегия ведет, другие проекты идут следом», начал приносить практические результаты [13].

Таким образом, анализ мотивов, непосредственно повлиявших на решение китайского руководства о создании собственного ядерного оружия, позволяет прийти к выводу о том, что данное историческое решение, вопреки бытующим представлениям, было продиктовано дале-

ко не только соображениями безопасности. Руководство страны брало в расчет весь комплекс внешних и, главное, внутренних факторов. Комплексная оценка всех этих мотивов подводит исследователя к выводу о том, что главным из них являлось стремление китайского руководства изжить комплекс национальной неполноценности, сформированный полукOLONIALНЫМ прошлым. Дополнительным стимулом явилось осознание того, что укрепляющаяся национальная независимость могла быть в любой момент подорвана ядерным шантажом мировых держав. Данный мотив не исчерпал себя и в течение длительного времени после создания Китаем собственного ядерного потенциала. Даже более чем через 20 лет после первого ядерного испытания, в 1987 г., об этом мотиве, как об одном из главных, вспоминал министр обороны КНР Чжан Айпин [6].

Несмотря на преобладание внутренних факторов в формировании ядерного потенциала Поднебесной нельзя отрицать и важности упомянутых внешних событий. Последние, с одной стороны, стимулировали ее стремление обеспечить собственную безопасность при помощи ядерного оружия, а с другой, стали источником материальной, технической и научной помощи в реализации ядерного проекта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоус В. Ракетно-ядерные программы Китая // Ядерная безопасность. 1999. № 27-28.
2. Зинченко А.В. Ядерная политика Франции. М.: УРСС, 2004. 240 с.
3. Guangming ribao. 1964. 27 декабря.
4. Huaqiao ribao. 1985. 16 ноября.
5. Jiefangjun bao. 1982. 29 октября.
6. Jiefangjun bao. 1987. 2 октября.
7. Lewis, John Wilson, Xue Litai. China Builds a Bomb. Strandford (Calif): Strandford University Press, 1988. XVIII. P. 329.
8. Lin Chong-Ping. China's Nuclear Weapons Strategy: Tradition within Evolution. Lexington (Mass): Toronto; Heath, 1988. P. 288.
9. Nie Rongzhen. Nie Rongzhen Huiyilu (He Жунчжень. Воспоминания Хе Жунчжэня). Beijing: Jiefangjun Chubanshe, 1984. P. 736.
10. O'Keefe, Bernard. Nuclear Hostages. Boston, Mass., 1983. P. 251.
11. People of the World, Unite for the Complete, Thorough, Total and Resolute Prohibition and Destruction of Nuclear Weapons! Beijing, 1963. P. 208.
12. Renmin ribao. 1956. 26 апреля.
13. Renmin ribao. 1985. 5 ноября.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329.013

Шапошникова Е.А.

Московский государственный областной университет

СИСТЕМА ВЫБОРОВ ПО ПАРТИЙНЫМ СПИСКАМ: К ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ПОНЯТИЯ

E. Shaposhnikova

Moscow State Regional University

PARTY LIST ELECTORAL SYSTEM: ON THE THEORETICAL BASIS OF THE NOTION

Аннотация. Статья посвящена исследованию выборов по партийным спискам в качестве наиболее популярного вида пропорциональной избирательной системы. Автор изучает исторические аспекты возникновения данного понятия, определяет цели и задачи пропорциональных выборов, исследует различные подсистемы выборов по партийным спискам, способы пропорционального распределения мандатов, а также положительные и отрицательные стороны партийных выборов. Проведенное автором исследование позволяет назвать систему выборов по партийным спискам основой пропорциональной избирательной системы.

Ключевые слова: выборы, политические партии, пропорциональная избирательная система, выборы по партийным спискам.

Abstract. The article analyses the party list electoral system as one of the most popular kinds of the proportional electoral system. The author studies the historical aspects of this notion, defines the aims of the proportional electoral system, investigates the various subsystems of the party list electoral system, the ways of proportional mandate distribution, and the advantages and disadvantages of party elections. The author proves that the party list electoral system is the basis of proportional elections.

Key words: elections, political parties, proportional election system, party list elections.

В начале XX в. известный российский государственный деятель и политолог В.М. Гессен, исследуя избирательные системы, выделил две группы пропорциональных выборов – систему партийных списков и систему индивидуальных кандидатур [6].

В настоящее время основой пропорциональной избирательной системы исследователи называют систему выборов по партийным спискам, в то время как систему индивидуальных кандидатур вообще не относят к пропорциональной. Причина этого состоит в том, что пропорциональные выборы – это представительство именно организованных политических партий, как при системе партийных списков, в то время как при системе индивидуальных кандидатур избиратель голосует за намечаемых им кандидатов, а институт официально регистрируемых партийных списков отсутствует [17, 525]. Поэтому исследование пропорциональной избирательной системы всегда необходимо начинать с изучения именно системы выборов по партийным спискам – основы пропорциональной избирательной системы.

При пропорциональной системе голосование проводится по многомандатным избирательным округам. В них соперничают списки кандидатов, выдвинутые политическими партиями и движениями. А места в представительном органе распределяются между партиями в пропорциональной зависимости от числа голосов избирателей, поданных за каждую из них [2, 3].

Задача пропорциональной системы – дать возможность каждой политической партии быть представленной в законодательном органе в полном соответствии с количеством полученных голосов [13, 256; 7; 18, 274]. Исходя из этого, *цель пропорциональной системы* – пропорциональное представительство всех политических партий, существующих в стране, и, следовательно, предоставление как можно большему количеству избирателей возможности получить своих представителей во власти [6; 2, 3].

В настоящее время пропорциональную избирательную систему используют более чем в 60 развитых демократических государствах. Это Бельгия, Дания, Финляндия, Германия, Греция, Ирландия, Италия, Испания, Швеция, Швейцария и др. Однако все чаще государства, в целях объединения преимуществ голосования по партийным спискам и мажоритарной избирательной системы, используют смешанную избирательную систему. Например, как на выборах в бундестаг ФРГ.

В.М. Гессен в своем исследовании пропорциональной системы отмечает, что идее пропорционального представительства предшествует *идея представительства меньшинства*. В настоящее время наиболее популярными являются две системы представительства меньшинства – *система ограниченного вотума* и *система собирательного, или кумулятивного вотума* [6].

Система ограниченного вотума заключается в том, что при избрании от округа нескольких представителей каждый избиратель участвует в избрании только некоторой их части. Например, если от округа требуется избрать четырех депутатов, каждый избиратель подает свой голос только за трех; если семь – за пятерых и т. д. [15, 34].

При *системе кумулятивного, или собирательного вотума* избиратель имеет столько голосов, сколько следует избрать депутатов, но может разделить их между несколькими кандидатами или отдать все голоса одному лицу: на избирательном бюллетене или пишется несколько фамилий или одна и та же фамилия несколько раз. В последнем

случае кандидат считается получившим с одного этого бюллетеня столько голосов, сколько раз написана его фамилия [15, 36].

Систему ограниченного вотума и систему кумулятивного вотума современные политологи относят к полупропорциональным избирательным системам (или к усложненным пропорциональным системам) [11, 111]. К ним же относят *панаширование, систему единственного передаваемого голоса и преференциальное голосование*.

При *панашировании* избиратель может голосовать за кандидатов из разных партийных списков. Поданные им голоса засчитываются сначала как голоса за соответствующие партии, а после распределения мандатов между партиями, как голоса за соответствующих кандидатов [16, 108-110].

Таким образом, избирателю предоставляется большая свобода выбора, которая не ограничивается кандидатами только одного списка [10, 157]. Но пропорциональная система в этом случае искажается, т. к. избиратель выбирает желательных для себя депутатов часто независимо от их политической ориентации, и даже можно проголосовать за кандидатов, стоящих на противоположных политических позициях [13, 208].

Система единственного передаваемого голоса применяется только в многомандатных избирательных округах. Избиратель, имея один голос, может вместе с тем указать несколько преференций: против фамилии наиболее желательного кандидата избиратель ставит цифру 1, против фамилии другого желательного кандидата – 2 и т. д. При подсчете голосов бюллетени раскладываются по кандидатам в соответствии с указанными на бюллетенях первыми преференциями. Теперь определяется избирательная квота. Те кандидаты, у которых число первых преференций составило квоту или превысило ее, считаются избранными. Все остальные голоса, которые были собраны избранными кандидатами, но оказались лишними, передаются кандидату, который получил наибольшее после победителя количество преференций.

Затем процедура при необходимости может быть продолжена в отношении третьего кандидата и т. д. Из этого мы видим, что голоса избирателей не пропадают, а передаются как бы «по цепочке» от одного кандидата к другому [13, 208].

Преференциальное голосование, при котором избиратель может не только проголосовать за список кандидатов определенной партии, но и

внутри этого списка указать желательных для него кандидатов, проставив цифрами против их фамилий свои предпочтения (1, 2, 3, 4 и т. д.). Т. е. предпочтение – это предпочтение: избиратель указывает, кого бы хотелось видеть избранным, если его кандидат не получит достаточного для избрания количества голосов. Благодаря предпочтениям избиратель может содействовать избранию кандидата, помещенного в середине или даже в конце списка.

Различных подсистем выборов по партийным спискам достаточно большое количество. Однако, если объединить мнения большинства исследователей, все их следует подразделять на 3 группы [6].

1. Система «связанных» списков – определенная группа избирателей предлагает свой список кандидатов в порядке их убывающей желательности. Голосование происходит не за определенных кандидатов, а за тот или иной список. Избирательный метр определяется делением числа голосующих избирателей на число депутатских полномочий; на каждый список причитается столько депутатов, сколько раз избирательный метр содержится в числе поданных за него голосов [6].

2. Система свободного указания кандидатур в пределах партийного списка – избиратель голосует за партию и еще внутри списка этой партии – отдельно за конкретного кандидата.

3. «Панаширование», о чем уже говорилось автором выше.

Необходимо отметить, что сами партийные списки делятся на:

1. жесткий (закрытый) список, при котором избиратель не может вносить изменения в составленный партией список кандидатов – можно или проголосовать за него целиком, или нет [19, 157]. Депутатские мандаты в этом случае распределяются между кандидатами в соответствии с порядком их размещения в списке (очередность размещения кандидатов в партийном списке определяется партией);

2. при системе гибкого (полужесткого) списка избиратель не оказывает влияния на формирование партийного списка, но может повлиять на него в ходе голосования: в одних разновидностях данной системы можно проголосовать за одного кандидата, в других – за нескольких, а в некоторых можно даже полностью переструктурировать список [19, 157];

3. свободные (открытые) списки, при которых избиратели выбирают отдельных кандидатов из

партийного списка. Голоса учитываются при подсчете общего числа голосов, отданных за партию (для определения пропорционального распределения мест партии). Но в первую очередь они подсчитываются при определении порядка, в котором кандидаты партии получают каждое место, полагающееся партии. Так избиратели контролируют, какие кандидаты «продвигаются вверх по списку» для получения мест. Таким образом, повышается активность и заинтересованность кандидатов, включенных в партийный список, в работе с избирателями (кандидаты агитируют не только за политическую партию, но и за свою кандидатуру). А у избирателей повышается заинтересованность в избирательном процессе из-за возможности повлиять на распределение мандатов внутри партийного списка путем голосования за конкретного кандидата.

Достаточно распространенной разновидностью пропорциональной системы в электоральной практике зарубежных стран (например, во Франции) является *блокирование*, при котором до начала голосования списки ряда партий объединяются в избирательный блок. Если партии не вступают в блок, происходит классический пропорциональный подсчет голосов. Если при блокировании ряда партий, блок не получает абсолютного большинства голосов, голоса на основе пропорциональности делятся между заблокировавшимися партиями и блоком. Но если заблокированные партии завоюют абсолютное большинство, все места в представительном органе переходят этому блоку [19, 158].

В целях получения депутатских мандатов каждая партия в лице выставленных ею кандидатов должна получить минимум голосов, необходимый для избрания одного кандидата – *избирательную квоту*. На квоту делится число голосов, собранных каждой из допущенных к распределению мандатов партий. Полученные от деления целые числа показывают число мандатов, полагающихся этой партии. Но на практике не всегда получается распределить места в парламенте строго пропорционально количеству набранных голосов. Поэтому были созданы *правила распределения мандатов* [2, 4].

Наиболее часто используются следующие способы пропорционального распределения мандатов – это **метод избирательной квоты** и **метод делителей**.

Метод избирательной квоты, который определяется несколькими способами. Во-первых,

квота Хэйра, при которой общее число поданных голосов делится на число подлежащих распределению мандатов: $X : Y$ (x – число голосов, y – число мандатов) [2, 5].

Квота Друпа: $[X : (Y + 1)] + 1$ и квота Гогенбах-Бишофа: $X : (Y + 1)$. Они позволяют распределить значительно больше мандатов, чем при использовании квоты Хэра [9, 57].

Одна из сложнейших задач при определении результатов голосования по пропорциональной избирательной системе – неиспользованные голоса и нераспределенные мандаты. Для ее решения применяются следующие правила.

1. *Правило наибольшего остатка* – нераспределенные мандаты переходят к партиям, у которых остаток голосов самый большой.

2. *Правило наибольшей средней* – число полученных партией голосов делится на число полученных ею мандатов + 1, нераспределенные мандаты передаются партиям с наибольшими средними числами.

Следующий способ пропорционального распределения мандатов – *метод делителей*, в соответствии с которым число голосов, полученное каждой партией, делится на ряд возрастающих чисел, после чего полученные частные располагаются по убывающей. Он позволяет сразу распределить все мандаты в избирательном округе или по всему государству в целом. Частное, которое соответствует числу мандатов, приходящихся на данный избирательный округ – избирательная квота, а число равных ей или превышающих ее частных, которые имеет партия, – это число мандатов, которое она получает [3, 120].

Могут применяться следующие методы делителей:

1) метод делителей, когда число голосов, полученное каждой партией, делится на последовательный ряд целых чисел, начиная с единицы: на 1, 2, 3...; после этого полученные частные располагаются по убывающей [14, 253];

2) метод делителей, когда число голосов партии делится на такой же ряд чисел, но начиная с двойки [14, 254];

3) метод А. Сент-Лагюе, при котором число голосов партии делится на нечетные числа: 1, 3, 5, 7..., и модифицированный метод Сент-Лагюе, при котором первый делитель – 1,4, а последующие – 3, 5, 7 и дальнейшие нечетные целые числа;

4) датский метод, когда каждый последующий делитель больше предыдущего на три единицы:

1, 4, 7, 10...; после деления мандаты передаются партиям, у которых полученные частные больше.

Несомненное достоинство системы выборов по партийным спискам – это то, что она фактически исключает потерю голосов избирателей: все голоса, поданные гражданами на выборах, засчитываются при формировании представительных органов власти [7]. Различные политические партии представлены в парламенте рационально, что становится мощным катализатором становления и развития многопартийности. А кроме этого, пропорциональная система не только обеспечивает представительство небольшим партиям, но и позволяет организовываться новым партиям и быстро выходить на политическую сцену. Поэтому политические силы в обществе расставлены более точно, а полученные на выборах голоса в довольно близком соответствии с предоставляемым числом мест в законодательном органе [7].

Однако только идеальная теоретическая модель системы выборов по партийным спискам может обладать одними достоинствами. На практике же всевозможные исторические, экономические, политические и др. факторы выявляют достаточное количество недостатков и довольно спорных моментов, характерных для системы выборов по партийным спискам. Так, если в государстве отсутствует устоявшаяся многопартийность, эта система может привести к частой смене правительств, сделать неэффективным процесс разработки и принятия рациональных для страны или соответствующего регионального сообщества решений [1, 158].

Выборы по партийным спискам обезличенные, т. к. избиратель, голосуя за партийный список, знает только его лидеров, а не остальных членов [3, 112]. Поэтому такая система удобна именно партийным лидерам. Но, как уже отмечалось автором, существуют способы преодоления обезличивания партийных списков при голосовании – это преференциальное голосование, панаширование, система полужестких списков и правило свободных списков [4, 143].

Так как голосование осуществляется не за конкретных кандидатов, а за партии, связь между депутатом и избирателями слаба, ведь депутаты чувствуют свою ответственность скорее не перед своими избирателями, а перед партиями.

Возможно, пропорциональная избирательная система менее понятна населению и технически более сложна, нежели мажоритарная. А это мо-

жет привести к ошибкам при подсчете голосов или даже допустить сознательную фальсификацию выборов. Однако в настоящее время люди достаточно развиты политически, чтобы понять основной принцип пропорциональной избирательной системы, а в понимании каких-либо технических подробностей населению особой надобности нет [7].

Еще одним недостатком пропорциональной системы является тот факт, что зачастую в результате выборов не получается сформировать в парламенте устойчивое большинство, и пропорциональность искажается в пользу крупных партий. А, с другой стороны, в странах, где крупные партии или партийные блоки в течение долгого времени регулярно получают на выборах большинство мест в парламенте для обеспечения адекватного представительства разнообразных политических сил, наоборот, наблюдается искажение пропорциональности в пользу мелких партий.

Поэтому, чтобы ограничить пропорциональность представительства в пользу крупных и средних партий, а также для стабилизации парламента и устранения конфликтов между мелкими группировками, вводится *заградительный барьер* – тот минимальный процент голосов, который партийный список кандидатов должен собрать для участия в пропорциональном распределении мандатов.

Высота заградительного барьера в государствах различна: в Израиле – всего 1,5%; в Италии и Болгарии – 4%; в Шри-Ланке – 12,5 %, а, например, Конституция Португалии в ч. 2 ст. 155 вообще запрещает вводить заградительный пункт [14, 248]. Споры о наиболее оптимальной величине заградительного барьера ведутся множество, однако международная практика проведения выборов по пропорциональной избирательной системе отмечает, что 5% наиболее оптимальная величина [12, 25].

Но существует мнение, что заградительный пункт довольно сильно искажает пропорциональную систему, ведь он скорее выгоден крупным, хорошо организованным партиям и фактически ущемляет интересы молодых партий и избирательных объединений [5, 209; 8, 87].

В государствах, где партийная система уже сформировалась, ущерб от заградительного пункта незначителен. А там, где четкой партийной системы еще нет, можно упустить значительную часть голосов избирателей. Так, например, в Рос-

сии на выборах в Государственную думу 1995 г. пропало из-за 5%-го барьера около половины голосов [3, 116].

Таким образом, исследование выборов по партийным спискам позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, партийные выборы являются основой пропорциональной избирательной системы и наиболее популярной разновидностью системы пропорционального представительства. Во-вторых, при пропорциональной избирательной системе голосование происходит за список той или иной партии, а депутатские мандаты распределяются в соответствии с количеством голосов, поданных за список кандидатов. Следовательно, пропорциональная система выполняет свою основную задачу: она предоставляет возможность любой политической партии быть представленной в законодательном органе, а избирателям – получить своих представителей во власти. А благодаря своим достоинствам и, несмотря на имеющиеся недостатки, данная система приобретает все большую популярность и распространенность в мировой политической практике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Автономов А.С. Сравнительное избирательное право / А.С. Автономов, Ю.А. Веденеев, В.В. Луговой. Учебное пособие. М.: Норма, 2003. 208 с.
2. Алескеров Ф.Т. Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. / Ф.Т. Алескеров, В.В. Платонов. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
3. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. В 3-х ч. СПб.: БГТУ, 2004. Ч. 1. 124 с. Ч. 2. 183 с. Ч. 3. 167 с.
4. Веденеев Ю.А., Васильев А.В. Сравнительный анализ избирательных систем России и Германии // Журнал о выборах. 2001. № 4. С. 22-26.
5. Воробьев Н.И. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / Н.И. Воробьев, В.В. Никулин. Изд. Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 104 с.
6. Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг.: «Право», 1918 [Электронный ресурс] / Сайт Конституции Российской Федерации. URL: [http:// constitution.garant.ru](http://constitution.garant.ru) (дата обращения: 04.10.2010).
7. Далл Р. Сравнительный обзор избирательных систем. М., 1997 [Электронный ресурс] / Демократия.ру: [сайт]. URL: <http://www.democracy.ru/> (дата обращения: 11.08.2010).

8. Енгибарян Р.В. Конституционное право / Р.В. Енгибарян, Э.В. Тадевосян. Учебник. М.: Юрист, 2000. 492 с.
9. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: Учебник для вузов / Отв. ред. к.ю.н. А.А. Вешняков. М.: Издательство Норма, 2003. 816 с.
10. Избирательное право: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. К.К. Гасанова, А.С. Прудникова. 2-е изд., пер. и дополн. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. 415 с.
11. Избирательное право субъектов Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование: Монография / Д. Б. Сергеев; науч. ред. С. Д. Князев; Министерство образования Российской Федерации. Дальневосточный госуд. университет. Филиал в г. Петропавловск-Камчатский. Петропавловск-Камчатский: Издательство Дальневосточного университета, 2003. 160 с.
12. Конституционное право зарубежных стран / О.В. Афанасьева, Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова и др.; под общ. ред. А. В. Малько. М.: Норма, 2004. 416 с.
13. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004. 832 с.
14. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 2-х тт. Общая часть: [учебник для студентов юридических вузов и факультетов] / Отв. ред. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 2000. 778 с.
15. Коркунов Н.М. Пропорциональные выборы. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. 95 с.
16. Лейкман Э., Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем / Э.Лейкман, Д.Д. Ламберт. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
17. Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть: [учеб. для студентов юрид. вузов и фак.]. М.: Волтерс Клувер, 2006. 896 с.
18. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб: Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 2.
19. Сухов А.Н., Трыканова С.А. Выборы: теория и практика: Учебное пособие для вузов. М.: Московский психолого-социальный институт, НПО МОДЭК, 2006. 254 с.

УДК 323.28+34.03:004.73(100)

Базаркина Д.Ю.

Московский городской педагогический университет

**КОММУНИКАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МИРОВОМУ ТЕРРОРИЗМУ**

D. Bazarkina

Moscow City Pedagogical University

**COMMUNICATION MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL
SECURITY: ON EXAMPLE OF WORLD WAR ON TERROR**

Аннотация. Автор настоящей статьи делает попытку проанализировать репутационные риски, которым подвергается мировая политическая система, бизнес и система международной безопасности в целом под влиянием коммуникационного эффекта террористической деятельности. На основе широкого круга литературы рассматриваются имеющиеся концепции предотвращения терроризма путем использования коммуникационных средств и формулируются меры по обеспечению национальной коммуникационной безопасности на международной арене. Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы Министерства образования Российской Федерации.

Ключевые слова: терроризм, международная безопасность, коммуникации, коммуникационный менеджмент.

Abstract. The author of the article analyzes the reputation risks to which the world political system, business and international security system are exposed as a result of the effect (impact) of terrorist activity on communications. Reviewing a wide span of literature the author summarizes the existing ideas of terrorism prevention and formulates international communication security measures. The article was prepared within the bounds of the Federal Target Programme "Scientific & Pedagogic Personnel of Innovative Russia" in 2009 – 2013.

Key words: terrorism, international security, communications, communication management.

Коммуникационный аспект международной безопасности сегодня в большей мере исследован зарубежной наукой, нежели отечественной. Однако как отечественные, так и зарубежные исследователи все чаще признают необходимость разработки управленческих решений в области безопасности, алгоритмов с предсказуемым результатом [10; 18]. Актуальность поиска новых решений в борьбе с терроризмом показывает как осмысление механизмов и последствий террористических атак в московском метро 29 марта 2010 г., так и периодическое обращение к теме терроризма в прессе. В связи с этим анализ коммуникационных стратегий развитых стран мира и обобщение материалов по коммуникационному аспекту террористической и контртеррористической деятельности представляется своевременным и важным.

Уже неоднократно поднимался вопрос о сотрудничестве бизнеса и государства в выработке коммуникационных средств противодействия терроризму. Террористические акты становятся причиной колоссального ущерба как для государств, так и для бизнеса. Одновременно с этим, часто манипулятивный характер построения имиджа и репутации бизнеса, ориентированного на краткосрочные прибыли и не задумывающегося о долгосрочной перспективе, становится препятствием для такого конструктивного сотрудничества. В данной статье мы попытаемся вкратце показать, как террористическая деятельность отражается на мировых политических и бизнес-процессах.

Среди видных отечественных исследовательских центров, внесших вклад в изучение коммуникационной безопасности, можно назвать, в частности, кафедру информационной политики Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, специалисты кото-

рой подготовили ряд монографий и справочное издание по проблемам несилового разрешения современных конфликтов и противостояния информационно-психологическим атакам, направленным на государственную систему.

Безопасность определяется специалистами РАГС как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [4, 25]. Из этого определения выведены более частные определения информационно-психологической, психофизической безопасности государства, а также определения информационной и психологической безопасности. Так, информационно-психологическая безопасность государства определяется как «состояние защищенности национальных интересов, связанных с сохранением психического здоровья граждан и общества, а также информационных структур, информационных ресурсов и процессов циркуляции информации в информационно-психологической сфере, обеспечивающих нормальное функционирование и жизнедеятельность государства, общества и граждан» [4, 27].

Психофизическая безопасность государства определяется как «защищенность психики, сознания, органов и систем, обеспечивающих жизнедеятельность как отдельных индивидуумов, так и социальных групп, общественных объединений от информационного и/или энергетического воздействия, представляющих угрозу их стабильному существованию и развитию» [4, 27].

Исходя из этих определений, а также из определения коммуникационной безопасности, данного Е. Н. Пашенцевым [см. подробнее о системе коммуникационной безопасности: 10, 23]¹, можно сформулировать определение международной коммуникационной безопасности. *Международная коммуникационная безопасность – защищенность национальных интересов государств и их граждан в процессе установления и развития отношений с другими странами и регионами, а также информационных структур, информационных ресурсов и процессов коммуникации, обеспечивающих нормальное развитие международного сотрудничества. При этом общественные коммуникации, направленные как на рядовых граждан, так и на государственные институты и бизнес-структуры, участвующие в международном со-*

трудничестве, должны осуществляться в целях защиты вышеназванных структур и граждан от негативного воздействия. Оптимальными средствами управления международными коммуникациями представляются инструменты коммуникационного менеджмента (профессиональное управление людьми и капиталами посредством коммуникаций), применение которых позволяет как избежать возникновения репутационных рисков, так и минимизировать последствия коммуникационных атак на репутацию государств и бизнес-структур.

Необходимо также разграничивать понятия информационной и коммуникационной безопасности. Понятие информационной безопасности (состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства [4, 29]²) связано более с информацией как объектом, в то время как коммуникационная безопасность означает, прежде всего, защищенность процессов обмена информацией в обществе.

Чтобы проиллюстрировать важность системного коммуникационного менеджмента на уровне государств и транснациональных корпораций, особенно в период террористических атак, рассмотрим пример из практики международного бизнеса. Специалист по репутационному менеджменту А. Заман пишет: «После событий 11 сентября 2001 г. стало ясно, что обычного анализа политического риска, связанного с той или иной страной, недостаточно». Последствия террористической атаки 11 сентября 2001 г. чреватые, в частности, опасностью манипулирования культурными ценностями реальных и потенциальных клиентов американских компаний на международном рынке. Так, теракты 11 сентября стали причиной изменения настроений молодежи в Саудовской Аравии. Эта страна находится

¹ Коммуникационная безопасность – система мер по использованию общественных коммуникаций в целях защиты [населения] от негативного воздействия.

² Е. Н. Пашенцев, ссылаясь на ряд исследований, приводит другое определение: Информационная безопасность – обеспечение защиты как сведений, составляющих коммерческую тайну, так и информационных массивов, жизненно важных для бесперебойного функционирования предприятия. Под информационной безопасностью обычно подразумевают организационно-режимные меры по работе с конфиденциальной информацией во всех ее формах, противодействие частным техническим разведкам, полный комплекс обеспечения безопасности локальных компьютеров и внутренних компьютерных сетей, обеспечение безопасной работы в сети Интернет, безопасности каналов связи и т. д. См: 7. С. 12.

в стратегически важном для мирового рынка энергии Ближневосточном регионе, поэтому исследования лояльности целевых аудиторий западного бизнеса в Саудовской Аравии крайне важны. Ошибки при формировании коммуникационной стратегии США в регионе, игнорирование культурного контекста, в котором саудовцы восприняли кампанию США в Ираке, привели к ощутимым трудностям в развитии контактов двух стран:

«...В процессе исследования динамики ситуации в регионе и в мире в целом (например, возможных результатов напряженности в отношениях между США и Саудовской Аравией, возникшей после событий 11 сентября 2001 г., для американских компаний или как никогда смелых критических заявлений мусульманских деятелей искусства, политиков и комментаторов в адрес некоторых религиозных лидеров Саудовской Аравии и других стран исламского мира) аналитики зачастую упускают из виду ожидания и опасения саудовцев.

... Необходимо сосредоточиться, прежде всего, на взглядах, ожиданиях и волнениях молодого поколения... Произошли заметные изменения в ранее существовавшем — довольно искреннем и спокойном — отношении к США. Очень сильное ощущение морального упадка, испытываемое современной молодежью, часто сопровождается критикой взаимоотношений Саудовской Аравии с западными державами, особенно США. Иногда это отношение выражается в терминах культурных ценностей и опасений, связанных с утратой культурной идентичности...» [5, 314].

Исходя из данной ситуации, можно отметить необходимость для западных государств и бизнес-структур трансляции таких сообщений, которые помогли бы в том, как минимизировать эффект исламистской риторики¹, так и представить за-

падные страны в качестве актора, действующего в интересах наиболее прогрессивной части населения. Ряд исследователей, таких, как французский философ Бернар-Анри Леви, а вслед за ним и специалисты ИНИОН РАН, отмечают, что именно прогрессивная риторика в рамках ислама способна победить воинствующий фундаментализм: «... речь не идет о войне Запада против ислама. Настоящая война цивилизаций происходит внутри исламского мира. На карту поставлена возможность расширения эпохи Просвещения»; «авторитетные деятели исламской религии поставлены перед необходимостью основательно проанализировать причины всплеск фундаментализма на исламской почве ... По большому счету, современному исламу в сегодняшнем мире нужен не бен Ладен с его разрушительной, человеконенавистнической установкой, а свой исламский Лютер, освобождающий эту религию от архаичных норм, не позволяющих идти в ногу со временем» [9; 15, 209-210]. Однако эти заключения говорят о необходимости трансляции «прогрессивных» сообщений не столько через открытые каналы коммуникации, сколько посредством работы с лидерами мнений в самом исламском мире. О полезности такой работы в целях предотвращения вербовки новых террористов из религиозных общин заявил, в частности, Е.Н. Пашенцев в докладе, сделанном на международном семинаре в ОБСЕ в Вене 28 апреля 2010 г. [16].

Таким образом, коммуникационная стратегия в борьбе с исламским фундаментализмом и за налаживание отношений с исламскими странами должна удовлетворять двум требованиям:

- сообщение должно не вступать в противоречие с объективными интересами целевой аудитории – граждан исламских стран;
- в трансляции сообщения должны принимать участие признанные лидеры мнений целевой аудитории.

В противном случае это чревато последствиями, как для западных политиков, так и для бизнеса, схожими с кризисной ситуацией, заставившей третью по величине британскую сеть супермаркетов Sainsbury's уйти с египетского рынка. С сентября 1999 до весны 2001 г. Sainsbury's открыла сто магазинов в Каире и его окрестностях. «В то время, – замечает А. Заман, – этот шаг был воспринят широкой общественностью как экспорт массового розничного потребления одной из ведущих компаний Великобритании в самый центр совершенно отличной культуры. Через два года

¹ В настоящее время в исламе наблюдается исламский фундаментализм – идеология, декларирующая необходимость возвращения мусульман к строгому соблюдению требований Корана и других священных в данной религии книг, а также освобождения мусульманских земель от колонизаторов. В данном исследовании мы понимаем под исламизмом, радикальным исламизмом идеологию, содержащую призывы к террористической деятельности на территории стран Запада, которую лидеры террористических групп объясняют, манипулируя нормами и положениями исламской религии. При этом необходимо понимать, что террористическая деятельность и пропаганда имеют универсальные мотивы, лежащие вне религиозных норм.

Sainsbury's продала свою долю в размере 81,1% местным партнерам, потеряв около 100-150 млн. ф. ст.». При этом топ-менеджеры компании говорили о враждебности представителей розничной торговли Египта к британской сети. По свидетельствам специалистов, «агрессивная ценовая политика, первоначально проводившаяся супермаркетами, вызвала негодование владельцев небольших магазинов», и интересы египетского мелкого и среднего бизнеса совпали с интересами исламского фундаментализма. «Мелкие торговцы использовали помощь местных мечетей в сражении с транснациональным гигантом. В проповедях покупки в Sainsbury's приравнивались к прелюбодеянию и торговле наркотиками...» [5, 320]. Таким образом, создалась латентная коммуникационная цепочка от бизнеса к потребителю. Активно распространялась информация о связях сети супермаркетов с Израилем, что привело к нападениям на магазины Sainsbury's агрессивно настроенных египтян [17].

Однако здесь также можно говорить и о попытке воспользоваться, прежде всего, **агрессивной стратегией западного бренда** со стороны наиболее реакционных кругов Египта, чьи интересы совпали с интересами национального мелкого и среднего бизнеса. Не следует забывать, что британская торговая сеть в своей экономической экспансии в не меньшей мере ответственна за сложившуюся ситуацию.

Исследователи репутационных рисков справедливо отмечают, что в условиях возникновения новых угроз, обусловленных деятельностью террористических организаций, для компаний, выходящих на международный рынок, стало недостаточно использовать прежние методы обеспечения безопасности, такие, как простое увеличение инвестиций в нее. С точки зрения А. Замана, «наиболее эффективными будут решения, позволяющие сделать эти меры [меры по обеспечению безопасности] частью общей культуры и поведения сотрудников компании» [5, 314]. Еще более эффективной признана координация усилий различных компаний одной или нескольких отраслей при обеспечении безопасности всего атакованного направления международного бизнеса. В связи с этим специалист предлагает усилить принципы корпоративной социальной ответственности в компаниях по отношению к работникам и клиентам в странах, где расположены филиалы фирм. Также в системе репутационного менеджмента компаний пред-

лагается регулярно проводить идентификацию рисков на рабочих совещаниях или с помощью опросов сотрудников, составлять карту риска (перечня проблем на пути к достижению коммерческих целей) и карту заинтересованных сторон. При этом подчеркивается необходимость проведения **политологического и социального анализа** ситуации в той или иной стране.

Одним из значимых аспектов науки об управлении с помощью коммуникаций является вопрос об использовании в системе коммуникационного менеджмента открытых и закрытых коммуникаций.

В психологии общения «всесторонне описаны характеристики коммуникатора, способствующие повышению эффективности его речи, в частности выявлены типы его позиции во время коммуникативного процесса. Таких позиций может быть три: открытая – коммуникатор открыто объявляет себя сторонником излагаемой точки зрения, оценивает различные факты в подтверждение этой точки зрения; отстраненная – коммуникатор держится подчеркнуто нейтрально, сопоставляет противоречивые точки зрения, не исключая ориентации на одну из них, но не заявленную открыто; закрытая – коммуникатор умалчивает о своей точке зрения, даже прибегает иногда к специальным мерам, чтобы скрыть ее» [2]. Так, в закрытой позиции могут периодически выступать, например, различные политические силы, выпускающие «пробные шары» [11, 335], т. е. организующие специальные, санкционированные утечки информации, представляющие собой конфиденциальные сообщения одному или нескольким журналистам. Подобные сообщения информируют о планах государственного органа предпринять действие, которое общественность (электорат) может воспринять неоднозначно. Таким образом, источник информации оценивает возможные последствия своих действий. Применительно к террористической деятельности можно привести пример «Фракции Красной армии», которая своими терактами ставила цель «выманить фашизм наружу», то есть продемонстрировать общественности элементы латентного фашизма в ФРГ, которые, как считали теоретики ультралевого терроризма, сохранились по причине сворачивания политики «денацификации» [см. подробнее: 3]. Поначалу эта цель не провозглашалась террористами в СМИ, хотя по мере формирования организации она вошла в опубликованные программные документы РАФ.

С классификацией позиций коммуникатора связано и определение закрытых коммуникаций, данное О.В. Карбасовой: «Под закрытыми коммуникациями, как правило, понимается вид непубличных коммуникаций, использующих сложные системы, включающие латентные цепочки воздействия на целевые аудитории с целью достижения результатов в материальной сфере, выгодных для коммуникатора. К непубличным коммуникациям, наряду с закрытыми, относятся приватные, секретные, специальные и другие виды коммуникаций. Для закрытых коммуникаций характерно использование коммуникационных технологий, широко применяемых в деятельности спецслужб и частично в практике лоббирования, таких, как: технологии дезинформации, антипереговорные стратегии, нейролингвистическое программирование, коммуникационно-психологические аспекты вербовки и работы с ключевыми лицами принятия решений и др.» [6, 5]. Таким образом, под закрытыми коммуникациями можно понимать *процесс передачи закрытой информации, неочевидный или абсолютно неосознаваемый управляемой аудиторией*. При этом закрытой информацией условно можно считать информацию, доступ к которой ограничен для широкого круга лиц, главным образом, для внешних целевых аудиторий. Создание латентных коммуникационных цепочек управления, впервые описанных Е. Н. Пашенцевым, невозможно без комбинирования открытых и закрытых коммуникаций. Отчасти это показывает пример практики египетских предпринимателей по вытеснению с рынка своего британского конкурента.

Помимо бизнес-аспекта международной коммуникационной безопасности, существует аспект политический, в котором террористическая деятельность имеет более заметный эффект. Существует ряд исследований, в которых убедительно доказывается, что в системе либеральной демократии одна из главных целей террористов – получение паблсити¹. Поэтому средства коммуникационного менеджмента, интегрированные в менеджмент политический, могут стать действенным средством антитеррористической борьбы.

¹ Паблсити – известность, популярность, публичная оценка чьей-либо деятельности; сила воздействия на потребителей и бизнес-партнеров с помощью рекламных материалов, публикаций в газетах и журналах, теле-, радиопередач, презентаций и корпоративных мероприятий. См. также: 13; 21; 14; 19.

Рассмотрим сначала возможности применения коммуникационного менеджмента в сфере международной безопасности государства. Средства КМ, в том числе и коммуникации, осуществляемые через лидеров мнений, могут быть актуальны в условиях неэффективности административного ресурса (запреты, прямые директивы и т. п.) или в условиях негативного отношения к административным мерам. Примером подобных условий можно считать последствия запрета на ношение паранджи, бурки, никаба и прочих фасонов одежды, скрывающих лицо, который был введен в Бельгии в мае 2010 г. Пакистанская пресса отреагировала на действия бельгийского правительства заявлением: «Европа законом закрепила свой страх перед мусульманами», а представители движения «Талибан» выступили с угрозами терактов против Бельгии [8]. Примером того, как осторожно следует относиться к коммуникациям посредством лидеров общественного мнения, может служить кризисная ситуация, сложившаяся после неосторожного заявления папы Бенедикта XVI, который 12 сентября 2006 г. в речи в Регенсбурге процитировал слова одного из византийских императоров о том, что пророк Мухаммед «принес миру лишь зло и бесчеловечность». В ответ «мусульманские лидеры потребовали извинений, прокатилась волна протестов». «В Палестине закидали «коктейлями Молотова» пять церквей, в Сомали убили 65-летнюю монахиню, «Армия моджахедов» Ирака пригрозила Ватикану терактами» [1], вследствие чего папа дважды выступил с речами, в которых выразил сожаление по поводу своего заявления.

Сами террористические атаки напрямую угрожают репутации правительств, требуют избрания в короткие сроки определенных коммуникационных стратегий и выработки соответствующей риторики. Существует устоявшееся представление о том, что современные политические лидеры должны формулировать и транслировать убедительные объяснения, обоснования своих представлений [о реальности], требований и целей. Кроме того, правительственная коммуникация ориентирует общество, определяя его цели и проблемы в соответствии с транслируемыми установками. Чтобы достичь этих целей, считают исследователи, правительства должны создавать и поддерживать:

- имидж «кредитоспособности» [trustworthiness];
- репутацию компетентных организаторов;

– последовательную и отчетливую риторику, способную упорядочить восприятие политических процессов общественностью [20, 451].

Доверие, компетентность и последовательность названы тремя измерениями в пространстве функционирования правительственной коммуникации. Однако они, по мнению авторов, также являются тремя потенциально уязвимыми местами, которые проявляются в ситуации кризиса: общественность начинает сомневаться в компетентности и состоятельности лидера. Попытки сохранить с помощью соответствующей риторики веру целевых аудиторий в «кредитоспособность» и компетентность могут привести к изменениям в правительственной коммуникации, нарушив последовательность и отчетливость обращений лидера к общественности.

Обращения к теории ситуативной кризисной коммуникации, выдвинутой экспертом по кризисному управлению Т. Кумбсом, полезны при анализе кризисных коммуникаций в связи с террористическими атаками. Используя предположения о том, что репутация организации зависит от признания ответственности, Т. Кумбс прослеживает, как начальная ответственность за кризис формирует угрозу репутации. В первой фазе кризиса выделяются три кризисных группы, основанные на атрибуции ответственности за кризис. Первая, группа жертв имеет очень слабую атрибуцию ответственности за кризис, организация рассматривается как жертва случая; эта стратегия используется, например, при стихийном бедствии. Во-вторых, группа второстепенной ответственности: она берет минимальную ответственность за кризис, который считают неумышленным или не поддающимся контролю со стороны организации, например, несчастный случай вследствие технической ошибки. Третья группа – «группа намерений»: это группа с высокой склонностью к атрибуции ответственности, которая полагает общественность, и планирует, провоцирует кризисную ситуацию, как в случае с тщательно организованными преступлениями.

Тип кризиса, по теории Т. Кумбса, целиком зависит от того, как он преподносится различными акторами. Различные схемы преподнесения кризиса общественности используются политическими стейкхолдерами¹ при попытках интерпре-

тировать ситуацию. В этом случае правительства должны создать ответы на кризисные ситуации, формулируя определенные риторические конструкции, составляющие ключевое сообщение организации. Часто теоретики кризисной коммуникации обращаются к понятию и теории «конструирования» (framing), чтобы проанализировать коммуникационную стратегию организации.

Помимо данных концепций, для разработки планов по обеспечению коммуникационной международной безопасности государства возможно использовать предложения по сбору и обработке информации о возможных кризисных коммуникациях. По мнению А.А. Чертополоха, «модель информационного обеспечения военной политики государства в условиях глобализации может включать в себя следующие элементы и функции:

- всесторонний учет и анализ основных факторов военной политики: экономические и политические интересы, военные возможности государства, степень реальных угроз, внешние и внутренние условия обеспечения его военной безопасности и т. д.;

- оценка, диагностика и прогнозирование динамики военно-политической обстановки, военно-политических процессов и отношений на международной арене;

- информационная поддержка процессов определения военно-политических интересов, целей и задач (целепологание);

- информационное обеспечение идеологической и научной базы военной политики государства;

- информационное сопровождение процессов выработки и принятия военно-политических решений высшим военно-политическим руководством страны;

- обеспечение информационного взаимодействия между субъектами, компонентами военной политики и военной организацией государства;

- удовлетворение информационных потребностей субъектов и объектов военной политики государства в процессах военно-стратегического планирования, военно-политической деятельности, строительства и руководства Вооруженными силами, регулирования военно-политических отношений во внешней политике, проведение военно-политических акций как внутри страны, так и за рубежом» [12, 50-51].

ее деятельности.

¹ Зачастую под термином «стейкхолдеры» подразумевают группы влияния, существующие внутри или вне компании, которые надо учитывать при осуществлении

Исходя из этого, можно сформулировать меры по обеспечению национальной коммуникационной безопасности на международной арене следующим образом:

– учет и анализ рисков при разработке системы коммуникационного обеспечения международной политики государства;

– оценка, диагностика и прогнозирование динамики формирования и развития коммуникационных стратегий возможных партнеров и противников государства на международной арене;

– своевременное, согласованное содействие разработке и внедрению адекватной требованиям времени коммуникационной стратегии государства со стороны всех важнейших государственных институтов, в том числе силовых структур;

– удовлетворение информационных и коммуникационных потребностей субъектов и объектов международной политики государства, действующих как внутри, так и вне его (включая неправительственные организации национального уровня, международные организации).

Для обеспечения международной коммуникационной безопасности следует учитывать также социальный аспект безопасности, то есть меры по ее обеспечению не должны вступать в противоречие с объективными интересами гражданского общества и его институтов.

На основе проанализированного материала можно сделать предварительный вывод, что средства, инструментарий коммуникационного менеджмента нуждаются пока в дальнейшей разработке. Однако как современная экономическая и политическая ситуация, так и диапазон существующих сегодня точек зрения на проблему международной безопасности свидетельствуют о своевременности разработок в данной области.

ЛИТЕРАТУРА:

1. 10 спор неверных с исламом // Огонек. № 19. 17.05.2010.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1994 // Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры // URL:psylib.org.ua/books/andrg01/txt05.htm // Дата посещения 20.01.2011.
3. Базаркина Д. Ю. Ультралевый терроризм в ФРГ: Основные направления деятельности «Фракции Красной армии» (РАФ) и ее коммуникационное сопровождение (1971 – 1992 гг.). М., МЦСПИК – БФРГТЗ «Слово», 2010. – 276 с.
4. Вепринцев В. Б., Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Операции информационно-психологической войны. Краткий энциклопедический словарь-справочник. М., «Горячая линия – Телеком», 2005. – 495 с.
5. Заман А. Репутационный риск. М., ЗАО «Олимп – Бизнес», 2008. – 416 с.
6. Карбасова О. В. Коммуникационный менеджмент во внешней политике Франции в конце XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: МЦСПИК – БФРГТЗ «Слово», 2010. 266 с.
7. Коммуникационный менеджмент как новый фактор международных отношений. М.: МГИМО-Университет, 2007. 136 с.
8. Лицевой счет. // Огонек. № 19. 17.05.2010.
9. Орлов Б.С. Политическая культура и фундаментализм // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. № 3. //URL:www.inion.ru/product/eurosec/st4v3.htm // Дата посещения 20.01.2011.
10. Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент: стратегия успеха в современном бизнесе // Коммуникационный менеджмент в мировой политике и бизнесе. Под ред. Е.Н. Пашенцева. М.: МЦСПИК – ЦКМ АНХ при Правительстве РФ – БФРГТЗ «Слово», 2007. В 2-х тт. Т. I. 362 с.
11. Уайт Т. Производство эфирных новостей. М., ГИТР, 2007. 479 с.
12. Чертополох А.А. Вызовы глобализации: информационное обеспечение военной политики государства // Коммуникационный менеджмент в мировой политике и бизнесе. Под ред. Е.Н. Пашенцева. В двух томах. М.: МЦСПИК – ЦКМ АНХ при Правительстве РФ – БФРГТЗ «Слово», 2007. Т. I. 362 с.
13. Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: «Аспект пресс» – Институт гуманитарного образования, 2006. 318 с.
14. Hoskins A., O'Loughlin B. Television and Terror. Conflicting Times and the Crisis of News Discourse. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 218 p.
15. Levi B.-H. Ein Krieg um die Aufklärung // Der Spiegel. 2001. № 49.
16. Pashentsev E. N. Management through communications: Terrorist activities and the antiterrorist reaction of the State and Media in Russia. Paper for the seminar "Communication mechanisms in anti-terrorist struggle" at Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE). Vienna. 28th April 2010.
17. Sainsbury's pulls out of Egypt // BBC News // URL: news.bbc.co.uk/2/hi/business/1268099.stm // Дата посещения 20.01.2011.
18. The Rising Role of Communication Management in World Politics and Business. Ed. By E. Pashentsev and G. Simons. Moscow, ICSPSC, 2009. 508 p.
19. Seib Ph., Janbek D. M. Global Terrorism and New

- Media. The Post-Al Qaeda Generation. Abingdon, Routledge, 2010. 140 p.
20. The Handbook of Crisis Communication. Edited by W. Timothy Coombs and Sherry J. Holladay. South-ern Gate, UK, Wiley-Blackwell, 2010. 737 p.
21. Watson J., Hill A. Dictionary of Media and Communication Studies. 7th Edition. London, Hodder Education, 2006. 337 p.

УДК 32:316

Степанищенко О.В.

Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

O. Stepanischnko

Kuban State Technological University, Krasnodar

POLITICAL VALUES IN THE GENERAL SYSTEM VALUES

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия «политические ценности», истории его изучения в мировой и отечественной политологии, его эволюции в современной политологической науке. Проанализирована сущность, особенности и уровни формирования политических ценностей. Рассмотрены политические ценности граждан и социальных групп, формируемые на микроуровнях социальной стратификации общества и социально-политические ценности, формируемые на макроуровне, т. е. на уровне государства. Дана оценка роли и функций политических ценностей в современном социуме.

Ключевые слова: ценности, социально-политические установки, политические ценности, ценностный подход, идеология.

Abstract. This article analyses the concept of "political values", provides an overview of the history of its study in the world and domestic political science and traces its evolution in contemporary political science. It analyses the nature, characteristics and levels of formation of political values. The author considers the political values of citizens and social groups formed at the micro level of social stratification and socio-political values generated at its macro level – the state level. The article assesses the role and functions of political values in the contemporary society.

Key words: values, social and political attitudes, political values, value approach, ideology.

В системе ценностей, формируемых на макроуровне социальной и общественной жизни, особое место занимают «политические ценности». Как особый класс в общей системе ценностей, они стали исследоваться сравнительно недавно, хотя некоторые «конкретные» ценности, впоследствии отнесенные к классу политических, упоминались еще античными философами.

Одним из первых сформулировал идею демократических ценностей А. де Токвиль, понимавший демократию как движение общества к равенству, которое сметало все привилегии, особенно в области политики, уравнивало все стороны жизни общества, устанавливало республиканскую форму правления и вводило всеобщее избирательное право.

Идею социалистических ценностей разрабатывали Ш. Фурье, Р. Оуэн, а позже К. Маркс, В.И. Ленин и др. Социалистическая ценностная парадигма основывалась на идеях примата общественных ценностей.

В первой половине XX в. проблема политических ценностей исследовалась преимущественно в рамках социальной психологии. В сферу исследовательского интереса представителей политической науки она попала только в 50-60-е гг. XX столетия в связи с разработкой общей концепции политической культуры. Рассматривая политическую культуру как психологический феномен, Г. Алмонд и

© Степанищенко О.В., 2011.

С. Верба отметили, что ее центральным компонентом (наравне с чувствами и знаниями) выступают политические ценности, которые обуславливают predisposition субъектов к определенным типам поведения в рамках существующей политической системы [17]. Это позволило выделить три типа политических ценностей, соответствующих трем типам политической культуры: традиционные, подданические и либерально-демократические. Дальнейшие исследования в этой области привели к установлению взаимозависимости типов политического процесса и политических ценностей [12, 66-67], при этом автор данной концепции Л. Пай выделял два базовых политических процесса – западный и незападный, каждому из которых соответствовали определенные ценности, демократические и коллективистские.

Значительный вклад в разработку теории политических ценностей внесли представители культурологического направления: Р. Инглхарт, Л. Халман, Ш. Шварц, Р. Эриксон. Их работы были посвящены выявлению механизмов формирования и трансформации политических ценностей, разработке типологии политических ценностей, определению степени влияния политических ценностей на политическое поведение субъектов.

Достаточно активно ценностная проблематика исследовалась и российскими учеными. Прежде всего, отметим, что задолго до появления работ О. Шпенглера, А. Тойнби, Г. Алмонда, С. Вербы исследованием различий в ценностном мировоззрении представителей различных типов социумов занимался Н.Я. Данилевский. В монографии «Россия и Европа», написанной еще в 1875-1878 гг., он впервые обратил внимание на различие «социокультурных типов», которые впоследствии были названы «локальными цивилизациями».

Значительный вклад в исследование психологических аспектов формирования политических ценностей внесли труды отечественных ученых В.Н. Мясищева, Д.Н. Узнадзе. Так, с точки зрения Д.Н. Узнадзе, факторы, формирующие социально-политические установки и ценности, это, с одной стороны, социальные потребности, связанные с включением индивида в первичные и другие контактные группы, а с другой – соответствующие социальные ситуации. При этом и установки, и ценности оказывают непосредственное воздействие на поведение личности, «превращая

поведенческий акт в предмет осмысления» [14, 128].

Дальнейшее изучение этих вопросов в российской науке связано с именами В.П. Тугаринова, Г.И. Саганенко, В.А. Ядова, Г.Г. Дилигенского.

В.П. Тугаринов стал одним из первых российских ученых, введших в обиход понятие «политические ценности». Опираясь на исследования предшественников, он сформулировал общее понятие ценностей: «Ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны членам определенного общества или класса или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [13, 261]. В классификацию ценностей, основывающуюся на структуре общественных явлений, В.П. Тугаринов, наряду с материальными и духовными, включил социально-политические: общественный порядок, мир, безопасность, свободу, равенство, справедливость, человечность [13, 277].

Позиция Г.Г. Дилигенского принципиально отличается от В.П. Тугаринова. С одной стороны, он рассматривает социально-политические установки как один из важнейших механизмов приобщения личности к культуре общества или социальной группы, «...ибо те ценности, верования, идеи, в которых запечатлены исторически сложившиеся типы общественно-политического сознания, органически входят в национальные, региональные и социально-групповые культуры» [4, 184]. С другой стороны, политические ценности формируются как результат потребностно-мотивационной сферы личности: «...требования свободы и равенства в конечном счете восходят к потребности в индивидуальной автономии, однако, такую ценностно-мотивационную форму эта потребность приобретает в определенных исторических условиях... Политическая свобода и демократия имеют для человека, как бы он ни дорожил ими, инструментальное значение – они суть внешние условия для выявления и утверждения индивидуальности за пределами социально-политической сферы» [5, 79].

В «Психологической энциклопедии» дается следующее определение политических ценностей – «ценности, имеющие отношение к поведению или целевым состояниям, которые связаны с политической деятельностью отдельного человека или с политической системой в целом, чьи предпочтения могут также быть политическими по своему характеру» [9].

Политические ценности входят как составная часть в набор социальных ценностей, выражая осмысление политического опыта. Они входят также в структуру ментальности, или общественной психологии. Так, одни и те же политические явления в зависимости от ментальности и сложившейся системы ценностей будут пониматься и интерпретироваться различным образом. В качестве субъекта политических ценностей может выступать любой гражданин, а также различные социальные группы.

Можно констатировать, что в мировой политической культуре и на практике сложился ряд парадигмальных наборов ценностей. К ним можно отнести: консервативные, либеральные, коммунистические, социалистические, национально-этнические, пацифистские и иные виды ценностей.

Ценности тесно связаны со структурой общества, наличным разделением труда в нем. В этой системе они приобретают общегосударственный, классовый или корпоративный характер.

Формирование и статуйрование систем ценностей происходит в зависимости от материального положения, способа социализации, половозрастных особенностей, уровня развития индивида, его включенности по мере личностного и социального развития в те или иные социальные группы и т. д.

В зависимости от уровня продуцирования политических ценностей можно дифференцировать политические ценности граждан и социальных групп, формируемые на микроуровнях социальной стратификации общества, и определенную категорию социально-политических ценностей, формируемую и развивающуюся на макроуровне, т. е. на уровне государства. Этот «комплекс» политических ценностей часто называют идеологией.

Несмотря на то, что понятие «идеология» является одной из концептуальных основ общественнознания, дискуссии вокруг него не утихают вот уже несколько десятилетий. В дословном переводе идеология (греч. *ιδεολογία*, от греч. *ιδέα* прообраз, идея; и *λογος* слово, разум, учение) означает учение об идеях. В античную эпоху под идеологией действительно понимали раздел философии, в рамках которого давалось объяснение различным понятиям. В конце XVIII в., благодаря работам французского философа и экономиста Антуана Дестюга де Траси, понятие «идеология» стало употребляться для обозна-

чения науки, предметом которой должны стать всеобщие законы образования идей. Так, в «Элементах идеологии» (А.Д. де Траси, 1801) утверждалось, что «идеология» – есть учение об идеях, которое, исследуя всеобщие принципы и законы возникновения идей, позволяет тем самым устанавливать твёрдые основы для политики, этики, воспитания.

В наполеоновской Франции идеологами стали называть людей, которые подходили к общественной жизни с точки зрения абстрактных принципов и ничего не понимали в практических вопросах реальной политики, таким образом, термин «идеология» приобрел некоторый пренебрежительный оттенок.

Новое смысловое звучание идеология обретает в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Так, в «Немецкой идеологии» (1845-46) и более поздних работах они объясняли идеологию как: 1) идеалистическую концепцию, согласно которой мир представляет собой воплощение идей, мыслей, принципов («идеология ... считает, что идеи господствуют над миром, идеи и понятия она считает определяющими принципами, определённые мысли – таинством материального мира...» [10, 12]; 2) соответствующий этой концепции тип мыслительного процесса, когда его субъекты – идеологи, не создавая связи своих построений с материальными интересами определённых классов и, следовательно, объективных побудительных сил своей деятельности, постоянно воспроизводят иллюзию абсолютной самостоятельности общественных идей [15, 83]. Ф. Энгельс, критикуя немецкого философа Е. Дюринга, писал, что «...философия действительности оказывается и здесь чистой идеологией, выводением действительности не из нее самой, а из представления» [16, 97].

К. Маркс и Ф. Энгельс не применяли термин «идеология» к собственной системе воззрений, марксизм они характеризовали как научную теорию социализма, органически связанную с освободительной классовой борьбой пролетариата. Позже В.И. Ленин ввел понятие некоей «научной идеологии» (социалистической), отличной от идеологии ненаучной (буржуазной). Не вдаваясь в размышления по поводу тавтологичности данных определений, отметим только тот факт, что «идеология» все-таки бывает разной, что вплоть до середины XX в. было общепризнанным.

Интересно проследить «эволюцию» толкований данного термина в российской науке. В сло-

варе иностранных слов А.Д. Михельсона, изданном в 1865 г., идеология определяется как «учение о человеческих понятиях» [11]. В словаре М. Попова 1907 г. – как «1) часть метафизики, учение об идеях, понятиях; 2) совершенно непригодные для практической цели отвлеченные идеальные соображения». В Большой Советской Энциклопедии – как «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [2]. Наконец, в Новейшем философском словаре (2009), как «понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций; не являясь религиозной по сути, идеология исходит из определенным образом познанной или «сконструированной» реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание» [7].

Трудно найти еще хоть один термин, научный по своей онтологической сути, но побывавший в течение каких-то двухсот лет в столь разных, порой взаимоисключающих «образах». Идеологическая проблематика активнее всего разрабатывалась именно в рамках марксистской теории, что в известной степени ее «дискредитировало». Не случайно в середине XX в. в западноевропейской общественно-политической мысли некоторые политологи и социологи, в частности, Р. Арон (1905–1983), Д. Белл, К. Поппер и др. выступили с идеей утверждения в науке объективности и беспристрастности, которая получила название деидеологизации общественной мысли.

Одновременно с этим усиленно начинает культивироваться идея о конце идеологии, замене идеологических догм научными представлениями. Так, Р. Арон в работе «Опиум интеллектуалов» (1955) рассматривает идеологии как комплекс описательных и оценочных взглядов, характерных для определенных общественных групп и классов, с помощью которых они интерпретируют социальную действительность.

Такой идеологический подход к анализу общественной жизни заканчивается, и на смену ему приходит прагматическая истина и социальная инженерия, опирающаяся на научную интер-

претацию общественной жизни. Существование идеологии относится к разряду мифотворческих и характерно для несовершенных обществ – доиндустриальных и вступивших в начальный период индустриализации. В развитом индустриальном и постиндустриальном обществе они неприемлемы.

По мнению Ф. Бенетона, «идеология – это обещание спасения и доктрина борьбы; считающееся непогрешимым и неоспоримым обещание спасения в этом мире, спасения, которое предстоит обрести в текущей истории при помощи революционного действия» [1, 182–183].

Д. Белл в сборнике статей «Конец идеологии» (1969) в качестве причин исчезновения или утраты влияния идеологии на жизнь общества называет следующие: 1) практику XX в., принесшую человечеству фашистскую идеологию и концентрационные лагеря; 2) глубокие изменения в капиталистическом обществе на этапе его «постиндустриального» развития; 3) признание значительной частью интеллектуальной элиты Запада таких социальных и политических ценностей, как социальная политика, смешанная экономика, политический плюрализм, децентрализация власти.

Действительно, отрицание идеологии как одной из форм политических доктрин базировалось, в первую очередь, на анализе фашистского и советского тоталитарных режимов. Но концепции деидеологизации просуществовали недолго. Уже в 1970-е гг. на Западе стала развиваться идея реидеологизации, основным аргумент которой сводился к тому, что для сохранения и развития капиталистического строя обязательно нужна идеология, но обновленная и учитывающая присущие ему изменения.

Отсутствие идеологии ведет к тому, что «идеологический вакуум» заполняется враждебными капитализму учениями, которые его подрывают. В качестве панацеи предлагалось идеологически обновить капитализм, а в качестве рецептов – сосредоточить основное внимание не столько на теоретическом осмыслении различных сторон жизни общества, сколько на разработке социальной инженерии, технике манипулирования сознанием и поведением людей при помощи средств массовой информации и социальной психологии.

Путь, который проходит сегодня российская общественно-политическая мысль, в известной степени повторяет ситуацию 60–70-х гг. XX в. в

западной политологии. Отвержение идей социалистического развития в их советском варианте автоматически привело и к отрицанию идеологии, как важного элемента функционирования крупных социальных систем. Совершенно естественным представляется в этой связи и возвращение представлений о необходимости идеологии как определенной скрепляющей первооснове крупных социальных систем. Причиной реидеологизации, признания идеологии как важной компоненты общественного развития является, по мнению автора, их ценностная природа.

Многие исследователи отмечают тот факт, что основой идеологии является определенный ценностный комплекс. Так, Т. Парсонс утверждает, что идеологии есть системы ценностей данного общества, К. Ленк, – что идеология – это такая система ценностей, которая легитимирует существующий в данном обществе порядок господства, У. Матц, что идеологии – это системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и потому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии. Таким образом, идеология выполняет исключительно важную функцию формирования целей и ориентиров для политических действий, конституирования и сохранения устойчивости социальной системы.

Несмотря на то, что в последнее время идеологическое сознание все чаще трактуется как сознание ценностное, представления об особенностях такого типа сознания существенно рознятся. Так, одни авторы считают, что идеологическому сознанию присущи такие качества, как спекулятивность, догматичность, апологетичность, авторитарность, другие утверждают, что идеология представляет собой средство духовного сплочения и руководства, которое направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует волю, стремление к политическому действию, мобилизует их активность, способствует социальной интеграции групп, вовлеченных в политическое действие.

По нашему мнению, исходя из ценностного подхода к определению идеологии, последнюю можно трактовать как важнейший конструкт, интегрирующий общественные представления о социально-политических основах конкретного социума, выполняющий функции объединения, целеполагания, поддержания целостности, обес-

печения его безопасного и устойчивого развития. Иначе говоря, идеология есть объективная характеристика практически любой социальной системы. Утверждать, что идеология в принципе «не есть хорошо» – так же наивно, как и отрицать политику, государственное устройство и другие фундаментальные конструкты.

Качественное содержание идеологии представляется проблемой совершенно иного порядка, и возникновение таких идеологических систем, как фашистская или коммунистическая отнюдь не является причиной для отрицания идеологий, как таковых, так же, как периодическое появление государств-агрессоров не является основанием для отрицания государственного мироустройства.

В современной политологии идеологию и идеологическое сознание рассматривают на трех уровнях. Первый, самый высокий, – концептуально-теоретический, или уровень социальной философии, или суперидеологии. Это уровень, на котором создаются политико-идеологические теории, разрабатываются новые системы ценностей, способные регулировать поведение людей.

Второй – программно-политический, собственно идеологии. На этом уровне система идей, ценностей, идеалов переходит в цели, переводится на язык партийно-политических программ, требований, уставов, норм, предполагает выработку стратегии и тактики действий. Иными словами, вместе с целями движения разрабатывается вопрос о методах и средствах их достижения с выработкой соответствующих нормативных правил.

Третий – актуализированный уровень массового сознания (идеологии-чувства). Он характеризует степень усвоения массовым сознанием идей, целей, идеалов и ценностей соответствующей идеологии.

В отечественной литературе до последнего времени можно было встретить противопоставление идеологии как теоретического уровня общественного сознания массовому сознанию, которое сводилось к массовой психологии. Но нельзя отнимать у идеологических убеждений граждан рациональный элемент, без которого нет ни идеологии, ни ценностного отношения к действительности. Идеологические взгляды, формируемые в результате целенаправленных пропагандистских усилий государства или каких-либо оппозиционных структур, представляют довольно отчетливый срез идеологического сознания, а

идеологические установки на этом уровне, в отличие от массового повседневного сознания, отличаются высокой степенью устойчивости.

Сегодня широкую известность получила медиология – новое направление в изучении идеологии и ценностного сознания. Ее разрабатывает французский ученый Р. Дебре, бывший в начале 1980-х гг. советником президента Ф. Миттерана. Мир материального производства, считает Дебре, все знают достаточно хорошо: товары, услуги, продукты. Но очень плохо известен мир обращения ценностей, идей и представлений, тогда как именно этот мир становится все более определяющим [3].

Показательным представляется тот факт, что именно Р. Дебре один из первых на Западе предсказал распад Советского Союза. Такой вывод он сделал на основании утраты способности СССР, в отличие от первых десятилетий, производить символы, формировать воображение людей с помощью фильмов, музыки, песен, звезд кино и т. д.

В целом анализ сущности понятия «политическая ценность», его эволюции, структуры и функций позволил автору сформулировать следующее определение данного понятия: «политические ценности» представляют собой сложный конструкт, который целесообразно рассматривать, по крайней мере, на двух уровнях формирования: микросоциума и макросоциума. На уровне микросоциума политические ценности представляют собой одну из подсистем социальных ценностей – комплекса целей, установок, идеалов в сфере общественных и социально-политических отношений, отражающих интересы и потребности конкретной социальной группы (партии, класса, общественной группы и т. п.). Переходя на более высокий уровень – уровень макросоциума, в первую очередь государства, система политических ценностей трансформируется в систему идеологическую. Идеологии присущи всем без исключения макросоциумам, что подтверждает их объективную природу. Более того, именно на этом уровне наиболее отчетливо проявляются функции политических ценностей – конституирующая, ориентирующая, нормативная, объединяющая, обеспечивающая сохранение и устойчивость данной социальной системы.

Попытки деидеологизации и столь «сложное» восприятие идеологии как таковой в современной отечественной политологии являются следствием доминирования на протяжении длительного времени определенной «советской идеологии». Ре-

зультатом такого восприятия идеологии стало и появление в Конституции РФ нормы, согласно которой «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13, п. 1, 2) [8]. Вполне примечательным в этой связи представляется тот факт, что подобных норм нет ни в одной из конституций развитых стран. Признание многопартийности (п. 3 ст. 13 Конституции РФ) и запрета создания и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (п. 4 ст. 13 Конституции РФ) являются вполне достаточной гарантией, исключающей появление тоталитарных форм, в том числе и идеологического господства.

В то же время массовая деидеологизация в России привела к тому, что «с водой выплеснули ребенка», сформировался так называемый идеологический вакуум, социальная и политическая аномия, что представляет серьезную угрозу для самого существования российского государства.

Непродуктивность полного отрицания идеологии достаточно широко признана, в том числе и западной политологией. В России, в том числе и на самом высоком уровне, также все отчетливее становятся представления о необходимости формирования некоей объединяющей системы ценностей.

Автор глубоко убежден, что неотъемлемым элементом государственной политики должна быть и вербализация определенной системы ценностных предпочтений в социально-политической сфере, разделяемых большинством граждан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М., 2002. 352 с.
2. Большая Советская Энциклопедия. Т. 11. М. 1974. URL: <http://slovari.yandex.ru> (Дата обращения: 10.12.2010).
3. Дебре Р. Введение в медиологию. М., 2009. 368 с.
4. Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. М., 2003. 271 с.
5. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 2005. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/diligenskiy_soc (Дата обращения 15.12.2010).

6. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Ин-т «Открытое общество». М.: Наука, 1994. 304 с.
7. Идеология // Новейший философский словарь. М., 2003. 1280 с.
8. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4. Ст. 445.
9. Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия: URL: <http://vocabulary.ru/dictionary> (Дата обращения 10.12.2010).
10. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. 1845–1846 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. Т. 3. М., 1956.
11. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, со значением их корней. М., 1865. URL: <http://www.enc-dic.com/fwords/Anzac-3021.html> (Дата обращения 05.12.2010).
12. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 3. С. 66-87.
13. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Изд-во ЛГУ, 1988. 261 с.
14. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Психологические исследования. М., 1966. 451 с.
15. Энгельс – Францу Мерингу в Берлин. Лондон, 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения; 2-е изд. Т. 39. М., 1956.
16. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Сентябрь 1876 – июнь 1878 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1956. Т. 20.
17. Almond G.A. Verba S. The civil culture: Political attitudes and Democracy in five nations. Princeton (N.Y.): Princeton univ. press, 1963. 281 p.

УДК 323.2

Никонова Н.А.

Читинский государственный университет

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЧИЛИ И РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ ЧИЛИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

N. Nikonova

Chita State University

THE HISTORY OF CIVIL SOCIETY FORMATION AND THE ROLE OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN DEMOCRACY IMPLEMENTATION IN CHILE

Аннотация. Статья посвящена процессу становления гражданского общества в Чили. Автор рассматривает его исторические предпосылки и исследует современное состояние развития гражданского общества в контексте политических и социально-экономических реалий. Особое внимание в статье уделяется роли общественных организаций в процессе демократизации чилийского общества. Автор анализирует проблемы и вызовы на пути к становлению гражданского общества, с которыми сталкивается государство Чили и его граждане.

Ключевые слова: демократический транзит, гражданское общество, общественные организации, неправительственные организации, Чили.

Abstract. This article focuses on the process of civil society formation in Chile. The author considers its historical prerequisites and studies the present day condition of civil society development within the context of both political and socio-economic realities. Special attention is paid to the role of public organizations in the process of democratization of the Chilean society. The author analyses the problems and challenges Chilean citizens are faced with on the way to civil society formation.

Key words: democratic transition, civil society, public organizations, non-governmental organizations, Chile.

В зарубежной литературе концепция гражданского общества в основном сводится к понятию некоего промежуточного пространства между государством и рынком, которое принято называть «третьим сектором», обладающим следующими характеристиками: независимость от аппарата власти; неприбыльность; направленность на решение социальных проблем. Клаудия Серрано выделяет три группы, которые так или иначе связаны с элементами гражданского общества: неправительственные организации (НПО) и волонтерские движения; общественные коммуникационные механизмы; университеты и научные центры [6]. По мнению Франциско Пилотти, во многих латиноамериканских странах НПО представляют собой некую альтернативную социальную политику, которая проводится параллельно с официальной, часто сглаживая шероховатости и дефекты последней [5].

Гражданское общество в Чили прошло долгий путь развития, оказавшись в результате не мертвой калькой западноевропейских образцов, а специфическим вариантом живых социальных связей, выполняющих огромную общественную нагрузку [1, 157]. Как и в большинстве стран региона, гражданское общество в Чили сегодня развивается неоднородно и включает в себя различные компоненты. Так, в разных регионах страны работают организации, и те вопросы, которые они решают, определяют их сущность и манеру выполнения задач. Чилийские общественные организации имеют давнюю историю. Со второй половины XIX в. они позиционировали себя как защитники интересов групп населения с низким и средним доходом. К ним относились самые различные организации – от Sociedad de la Igualdad (Общество Равных), основанного в 1850 г., и Union de Tipografos (Типографский Союз, 1853 г.) до шахтерских профсоюзов и популярных в 1880-х гг. городских сообществ. Первые общественные организации были известны как «сообщества взаимопомощи» и существовали исключительно благодаря внутреннему капиталу. Все доступные средства они вложили в создание пенсионных фондов и фондов здравоохранения. Они также основали собственные школы, театры,

танцевальные залы, культурные центры и даже средства массовой информации. В то же время представители более богатых слоев населения через католическую церковь охотно жертвовали деньги в пользу бедных и обездоленных (в больницы, детские дома и приюты). Таким образом, в XIX в., когда государство переживало всплеск ультралиберализма и практически бездействовало на социальной арене, появились две движущие силы: одна вышла из общественного сектора и отличалась особой сплоченностью, а вторая, представляющая интересы самых бедных слоев населения, управлялась непосредственно католической церковью и существовала на пожертвования обеспеченных граждан. Позднее стал повышаться авторитет профсоюзов, которые в то время считались нелегитимными. В 1920-х гг. появились общественные организации, состоящие из представителей среднего класса и общественных профессий (к примеру, учителей и преподавателей). В Вальпараисо появились первые союзы арендаторов. С начала XX в. католическая церковь развернула деятельность по продвижению городских профсоюзов в противовес социалистическим движениям. Имея широкое распространение и поддержку в сельской местности, она сильно повлияла на установление традиционных порядков, а позже – на развитие прогрессивных движений в 1950 гг. и на аграрную реформу 1960 гг. Эти организации достигли высокого уровня социально-политического развития.

Волонтерские организации берут начало из благотворительных движений, организованных католической и евангелистской церквями, а также из светских инициатив начала XX в. Ассоциация женщин против туберкулеза (1901), Армия Спасения (Ejercito de Salvacion, 1911), Чилийская женская организация Красного креста (la Cruz Roja de las Mujeres de Chile, 1914), Национальная лига за Родину (Liga Nacional Pro Patria, 1926) были среди первых сообществ, которые расширили сферу влияния и послужили базой для создания новых союзов. В начале 1950 гг. появились строительные кооперативы, которые положили начало движению жителей бедных районов, расширив тем самым сферу участия народных масс в жизни государства.

Особым образом стоит отметить еще три движущие силы общественной жизни в Чили. Первая сила – это организации женщин, которые представляли собой объединения различных социальных слоев во главе с работающими

женщинами, которые отстаивали право голоса на выборах. Наиболее активная деятельность этих объединений пришлась на период с 1916 г. (создание Club de Senoras) до 1952 г. (первые президентские выборы, в которых участвовали женщины). Вторая сила – это студенческое движение. Оно прошло долгий путь развития, достигнув пика своей деятельности в конце 1960-х гг. и во время реформы университетского образования. Сообщества малых народов, объединенных семейными и территориальными узами, представляют третью, самую давнюю движущую силу. Эти сообщества были сформированы еще до создания государства Чили, и процесс их укрепления проходил независимо и параллельно с процессом становления государства по меньшей мере до 1979 г. Эти организации все еще действуют и до сих пор решают общественные вопросы. Главным образом, сюда можно отнести общественные организации народов аймара на севере, мапуче на юге и рапа нуи на острове Пасхи.

Развитие гражданского общества было тесно связано с политической динамикой (особенно с 1920-х гг.). Так как социально-экономические процессы также имели существенное влияние на его развитие, сейчас гражданское общество четко отображает социальное неравенство в стране. Переворот 1973 г. и военное правительство, которое пришло к власти на 17 последующих лет, тоже оставило свой след в развитии гражданского общества. Оно осуществило провальные политические и социальные реформы, которые свели на нет положительную динамику развития за все предыдущие 40 лет. Этот курс затронул все социальные слои. Военный режим принес с собой ограничение личных свобод и права на объединение в организации, запрет на политическую активность. Это существенно подорвало общественную деятельность и все условия для развития гражданского общества.

Во время военного режима и в жестких условиях подавления демократических конституционных прав общественные организации не исчезли, но потеряли свою автономию, так как отныне их лидеров не выбирали, а назначали сверху. Кроме того, закон, который регулировал их деятельность, претерпел изменения, согласно которым организации потеряли часть своих полномочий. То же самое случилось с союзами и гильдиями. А вот количество волонтерских организаций возросло – благодаря созданию многочисленных фондов и корпораций, которыми

заведовали жены военных, служащих в национальной армии и спецслужбах.

Восстановление демократии в 1990 г. стало важной вехой в развитии гражданского общества благодаря политическим условиям, созданным в переходный период, а также социально-экономическим реформам 1980-х гг., которые проводились в ускоренном темпе в течение десятилетия. Это стало толчком для институциональной редемократизации, но его оказалось недостаточно для возобновления всех связей между государством и обществом.

Сегодня общественные организации в Чили – это организации, созданные ради общей цели объединения людей, ни один из которых не заинтересован в личной выгоде и прибыли. Они отображают неоднородность чилийского общества, которое характеризуется сегментацией и сегрегацией. Сегодняшний уровень социальной активности позволяет создавать союзы, гильдии, предпринимательские и благотворительные объединения, культурные и образовательные организации, спортивные и рекреационные клубы, студенческие советы, различные общины (объединенные по территориальному или функциональному признакам, христианские, католические, евангелистские общества и т. д.), этнические, гомосексуальные, феминистские, экологические неправительственные организации, которые призваны решать широкий круг вопросов. Некоторые из этих союзов объединяются под эгидой так называемых зонтичных организаций и различных объединений на местном, региональном и национальном уровнях. Их принадлежность к гражданскому обществу в последнее время стала довольно размытой, так как эти зонтичные организации часто поддерживают фонды, созданные частными компаниями и академическими научными центрами. Данные организации и их филиалы представляют различные социальные интересы, иногда даже диаметрально противоположные.

В соответствии с законами у общественных организаций в Чили есть все доступные механизмы для развития и соответствия демократической практике. Большинство таких организаций владеют способами установления внутренней демократии, контроля над принятием решений и способами проведения свободных, честных выборов своих лидеров. Большинство внутренних выборов в этих организациях придерживаются системы регулируемых выборных процедур, которая предусматривает создание комиссий и законодательное регулирование хода голосования.

Примечательно, что не существует исследований, которые бы изучали практику установления демократии внутри организаций по вопросам гражданского общества. Но даже при этом можно утверждать, что уставы и императивы данных организаций распределяют власть внутри структуры путем четкого разграничения полномочий избранного лидера и его подчиненных. И, наконец, что касается принятия решений, следует сказать, что большинство членов организаций по вопросам гражданского общества участвуют во внутренних выборных процедурах. Однако они не всегда могут контролировать механизмы их деятельности (за исключением тех организаций, которые декларируют своей главной ценностью такое участие и общую демократию – к примеру, студенческих сообществ, в которых важные решения принимаются путем общего обсуждения и голосования). Большинство же организаций все еще не разработали отлаженную систему контроля принятия решений участниками.

Попытки общественных организаций содействовать развитию демократии были очень важны во время перехода Чили к демократическому режиму. Эта каталитическая миссия завершилась через несколько лет, и декларируемые ценности пришли в политические партии – из исполнительной власти через законодательную. Продвижение демократии постепенно привязывалось к законодательству и международным правовым принципам (плюрализму, свободе слова и ассоциаций, свободным и соревновательным выборам), а также затрагивало вопросы качества демократии и роли в ней групп населения. К примеру, женщины отстаивали равные гендерные права на работу; коренные жители-индейцы подняли вопрос о своем институциональном признании в государстве Чили. Развивать культурную демократию было предложено путем массовых акций против нетерпимости и дискриминации по идейному, расовому, религиозному, гендерному, этническому и национальному признаку.

С точки зрения демократии в точном ее понимании, организации по вопросам гражданского общества сделали довольно мало. Среди заметных проектов можно выделить план “Mas Voces, por el fortalecimiento de la democracia”, который воплотили в жизнь шесть общественных организаций Чили. Данный проект был реализован в рамках глобального процесса “Сообщество демократий”, который стартовал на Всемирном демократическом форуме в Варшаве (июнь 2000 г.).

Среди предпринятых действий можно назвать следующие: историческое исследование роли неправительственных организаций в развитии государства; контроль исполнения демократических обязательств на международных форумах и в процессе принятия внешнеполитических решений; проведение опроса населения с целью определить общий характер чилийского общества в шести регионах страны; публикация работ по проблемам гражданского общества и демократии [4].

В целом можно утверждать, что свою роль в установлении демократического режима в Чили сыграли и общественные организации, хотя они не являются достаточно публичными для того, чтобы иметь существенное влияние.

До диктатуры Пиночета в Чили гражданское общество едва ли можно было назвать развивающимся или даже зарождающимся. Однако после военного переворота основы демократии были уничтожены. Это «наследие» диктатуры заметно до сих пор, и его нужно преодолевать.

Катастрофа 27 февраля 2010 г., землетрясение в центральной части Чили, явно продемонстрировала, как рынок, государство и общество могут работать вместе при существенной поддержке общественных организаций [2, 25].

В данный момент можно утверждать, что Чили прошла переходную стадию демократического развития и укрепила механизмы выборов и финансового контроля. В общих чертах – это организованное государство с все еще развитой, но контролируемой коррупцией. Несмотря на свою слабость (как остаточное явление после переворота и диктатуры), гражданское общество добилося относительного успеха в процессе своей ассоциативной реконструкции. Новые организации, многие из которых основываются на информационных и коммуникативных технологиях, открыли новые возможности для участия граждан [2, 64]. Однако, внутренняя асимметрия чилийского гражданского общества – это один из самых серьезных вызовов консолидации, установлению и развитию демократии. Гражданское общество ищет свое место в обществе человеческом, создавая механизмы объединения с рынком и государством, стараясь не потерять свою автономность, свой голос и свое влияние. Здоровая демократия не должна мириться с безвольным гражданским обществом, но при этом обязана продуктивно сотрудничать со всеми участниками социальной жизни. Дальнейшие попытки найти равные условия для развития гражданского общества отно-

сительно других сфер жизни (и наладить для этого эффективные финансовые механизмы) нужны для того, чтобы противостоять внешней и внутренней неоднородности. Гражданское общество сейчас сталкивается с растущими требованиями и трансформацией структур, которые эти изменения порождают. Внутренние общественные различия должны быть истолкованы как неоднородность, необходимая для плюрализма и укрепления демократии, но не как неравенство или ограниченный доступ к ресурсам.

С уверенностью можно сказать, что Чили достигла успехов в демократизации [3, 165]. Это подразумевает выход за пределы формальной демократии в рамках официальных структур, движение к концепции гражданского общества и участия граждан в принятии важных политических решений. Культурные изменения в концепции демократии нужны для качественно новой ступени развития, когда социально-экономические права внедряются в идею демократического общества. Без этих концептуальных элементов общественной культуры тяжело построить активное и влиятельное гражданское общество, к которому так стремится сейчас Чили.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х ч. Ч. 2. / Под ред. М.Л. Чумаковой. М.: ИЛА РАН, 2009. 440 с.
2. Deepening democracy: civil society in Chile. Analytical country report 2009-2011. Civicus. 74 p.
3. Khanna P. The second world. London: Penguin Books, 2008. 466 p.
4. Participación social y ciudadana, VOL. XVI, №135, mayo de 2005. Instituto Libertad [Электронный ресурс] // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile [сайт]. [2005]. URL: http://www.bcn.cl/carpetas/temas/temas_portada.2005-10-25.4785762907/folder.2005-10-25.3074147462/29%20ie_135_part_sociud.pdf (дата обращения: 10.04.2011).
5. Pilotti F. Crisis y perspectivas del sistema de bienestar infantil en America Latina [Электронный ресурс] // MetaBase Bibliografía en red [сайт]. [1997]. URL: <http://www.metabase.net/docs/upn/18640.html> (дата обращения: 10.04.2011).
6. Serrano C. Participacion social y ciudadania. Un debate del Chile contemporaneo [Электронный ресурс] // Asesorias para el Desarrollo [сайт]. [1998]. URL: <http://www.asesoriasparaeldesarrollo.cl/docs/528639170.pdf> (дата обращения: 14.04.2011).

УДК 323.2

Растимешина Т.В.

*Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

T. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology

PUBLIC CONSERVATION OF CULTURAL HERITAGE AS A CONDITION FOR MAINTENANCE OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

Аннотация. В статье рассматривается кризис культурной идентичности, вызванный глобализацией и усугубившийся социально-политическими трансформациями российского общества. В статье показана тесная диалектическая взаимосвязь общенационального, «локального» и личностного уровней культурной идентичности. Проанализировав основные подходы к ее решению, автор пришел к заключению, что проблема должна рассматриваться, прежде всего, в гуманистическом измерении. Анализ показал, что сохранение национального культурного наследия является одним из основных направлений решения проблемы культурной идентичности.

Ключевые слова: культурное наследие, культурная идентичность, глобализация, этнонационализм, мультикультурализм, локальная культура.

Abstract. The article focuses on the national identity crisis caused by globalization and aggravated by the social and political transformations taking place in Russia. It investigates the specific dialectical interdependence of national, local and individual levels of cultural identity and analyses the major approaches to the solution of the problem. The author comes to the conclusion that the humanistic dimension of the problem is of prior importance. The analysis confirms that the conservation of cultural heritage is one of the main steps towards the solution of the problem of cultural identity.

Key words: cultural heritage, cultural identity, globalization, ethnic nationalism, multiculturalism, local culture.

В рамках масштабной дискуссии о глобализации проблема социокультурной идентичности человека и общества рефлексировалась учеными как одна из самых острых и злободневных. В самых общих чертах, ее можно обозначить так: глобализация строится на идеях открытости, космополитизма, стирания барьеров информационных, экономических, культурных коммуникаций, создавая тем самым угрозу социокультурной идентичности людей и их сообществ. *Социокультурная идентичность* – это совокупность представлений субъекта о себе и своем положении в обществе, а также связанных с этими представлениями чувств, оценок и намерений, которые формируются на основании отождествления себя с определенными культурными моделями и ролевыми функциями, с социальными институтами и отношениями. Проблема сохранения социокультурной идентичности существует и на уровне личности, и на уровне общества, и на уровне государства [10, 423]. Индивиды, этнические группы, нации, государства подвергаются «натиску» глобализации, пытаются «удержать» в потоке глобализации «самость», протранслировать «коды идентичности» следующим поколениям, параллельно примиряясь с неизбежной утратой некоторой их части.

В поисках теоретического решения этой проблемы интегрируются достижения социологии и культурологии, объединяются усилия ученых всего мира. Отказ от дисциплинарных границ позволяет отказаться от любого из линейных методов исследования, сегодня практически исчерпавших себя в контексте глобальных процессов. Кроме того, с каждым днем растет потребность в синтезе теоретических выводов с социальной и политической практикой.

В социально-политической практике сосуществование двух объективных тенденций: противопоставление культурных ценностей остальному миру (столкновение культур) или тотальная уни-

фикация, выражаются в конфликте между мультикультурализмом и этнонационализмом как противоположными подходами к решению проблемы национальной культурной идентичности. Для государства один из этих подходов может определять и общее направление, и содержание культурной политики, в том числе основные задачи, средства и методы сохранения национальной культурной идентичности в условиях глобализации.

Этнонационализм сегодня, по объективным причинам, потерял значительную часть своих сторонников и приверженцев во многих странах, поскольку даже политикам радикального толка представляется все менее вероятным сохранение этнокультурного своеобразия и самобытности каждой из сосуществующих элементов всемирной культурной мозаики, «перетасованной» процессом глобализации, все менее воплощаемой видится задача «консервации» наций в пространстве локальных культур.

Мультикультурализм, базирующийся на догмате культурного разнообразия как постоянного (сущностного) и ценного качества демократических политических сообществ, нацелен на поддержание единства этнически неоднородного глобального общества. Однако и мультикультурализм не стал универсальным ответом на вызовы глобализации для каждого из государств [6; 51]. Методология мультикультурализма в каждой конкретной ситуации является слишком обобщенной и идеалистичной, и она пока не стала универсальным рецептом сохранения идентичности в глобальных процессах. Более того, сегодня она теряет своих сторонников: от политики мультикультурализма отказываются и общества, и государства. Так, в новой модели политики Нидерландов «ценности голландского народа» выдвигаются в качестве неоспоримого приоритета [7, 3], поскольку государство разделяет «социальное недовольство, которое существует относительно мультикультурного общества» [7, 3]. Первые лица Нидерландов признали, что эта перемена – «шаг в сторону от мультикультурализма» [7, 3]. Об исчерпанности политик мультикультурализма в своих странах в 2010-2011 гг. заявляли президент Франции Николя Саркози, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон и канцлер Германии Ангела Меркель.

В настоящее время российское государство и социокультурная ячейка внутри него разрабатывает свои способы и свой ритм вхождения

в глобальные процессы, с учетом «проб и ошибок» этнонационализма и мультикультурализма и ориентируясь на задачу сохранения как общенационального, так и специфически локального культурного своеобразия.

Поиск вектора государственной политики сохранения культурной идентичности осложняется рядом проблем «переходного периода», которые связаны с процессами экономической и политической модернизации российского общества. К их числу, в частности, относятся:

- социальное расслоение российского общества на элиту – «хозяев жизни» и маргиналов;
- существование очагов потенциальных межэтнических и межконфессиональных конфликтов;
- несформированность культуры толерантности в российском обществе;
- отождествление национальных интересов с государственными при их фактическом несовпадении;
- усиление процессов атомизации, поиска отдельными индивидами и социальными группами альтернативных, порой маргинальных, социокультурных ориентиров, ценностей, жизненных моделей;
- проникновение ценностей массовой культуры в пространство социализации детей и юношества при вытеснении локальных культурных ценностей [3, 111; 4, 193; 12, 590].

Следует также отметить, что задача формирования политики сохранения национальной культурной идентичности для России решается «потерянным поколением», социализация которого осуществлялась в момент социокультурного излома. Для представителей этого поколения кризис идентичности и ценностный вакуум уже во многом является своего рода нормой жизни [4, 195]. В столь сложной ситуации проблема культурной идентичности российского общества встает особенно остро. Поэтому вполне объяснимо, что политика государства по выработке модели сохранения идентичности в открытом мире сегодня не является сформированной и определенной. В то же время российское общество и государство не в полной мере отдают себе отчет в необходимости формирования такого рода модели.

При существовании проблемы социокультурной идентичности на общенациональном уровне, при необходимости разработки единых государственных подходов к ее решению, каждый из

социокультурных субъектов процесса глобализации вынужден сам разрабатывать стратегию ответов на социокультурные вызовы, продумывать модели сохранения культурной идентичности, одновременно формируя навыки глобального диалога [9, 160].

Так, для современного российского гражданина проблема трансляции социокультурной идентичности детям имеет абсолютно конкретные повседневные выражения. Репертуар российских кинотеатров на три четверти состоит из продукции американской киноиндустрии, телевидение все в большей степени является инструментом трансляции универсальных ценностей глобализма и космополитизма, а иностранные языки, знание которых стало необходимым условием социализации в глобальном мире, преподаются в детских дошкольных образовательных учреждениях.

В идеале, человек в глобальном мире, отличительной чертой которого являются динамизм и неустойчивость, должен стремиться к открытости личностного пространства для диалога. С другой стороны, поскольку границы личностного пространства непрерывно нарушаются разного рода коммуникациями: маркетинговыми, межличностными, сетевыми, он вынужден защищать свою самость от любых посягательств извне. Однако в реальном мире граждане, вовлеченные в навязанный им диалог, принужденные государством или работодателем к изучению иностранного языка, лишены возможности воспитывать детей в том социокультурном контексте, в котором воспитывались сами, – либо ассимилируются в предлагаемый – глобальный (порой – виртуальный) социокультурный контекст, либо обособливаются. В первом случае получает распространение глобальный космополитизм, основным проводником которого является сеть Интернет, во втором – глобальная маргинализация, при которой, будучи оторванными волной глобализации от культурных корней, граждане «смещаются» на периферию социальной группы и государства как сообщества граждан и социокультурного образования.

Таким образом, проблема культурной идентичности, имея общенациональное измерение и понимаемая чаще всего как проблема сохранения культурных границ наций, этносов и государств в социокультурном контексте глобализации, наиболее остро проявляется не на национальном, а на личностном, человеческом уровне. Однако

ощутимая помощь человеку в ее разрешении может быть оказана именно государством, определяющим параметры соответствующей политики.

Причем на уровне государства проблема национальной идентичности должна рассматриваться, прежде всего, в гуманистическом измерении, с ориентацией на осознание того, с какими ценностями и моделями поведения самоидентифицироваться, как некомфортно чувствует себя личность в глобальном неустойчивом мире, в пространстве ценностного вакуума, в состоянии навязываемого масс-медиа выбора. И именно это – гуманистическое – измерение должно определять пути формирования пространства культурной политики, а также постановку смежных проблем. Например, в качестве смежной и вторичной будет выступать проблема того, какие модели будут избраны российским гражданином в качестве образца действия, в том числе действия политического в глобальном мире? Если на первом плане окажется проблема национально-государственной идентичности, то государственная культурная политика будет иметь крен в сторону национал-патриотизма или даже национал-шовинизма.

Следует также понимать следующее. Если для общества проблема идентичности – это часто проблема единовременного выбора, осуществляемого в так называемые «переломные моменты развития», для государства – этап подготовки к парламентским или президентским выборам, то личность, особенно в динамичном глобализирующемся мире, находится в непрерывном процессе самоидентификации, в ходе которого человек узнает себя, конструирует и меняет жизненные смыслы, переоценивает ценности, приспосабливает их к внешнему многоликому миру. Человек практически непрерывно на уровне повседневного опыта вынужден делать экзистенциальный выбор, и результат этого выбора порой является итогом его самоидентификации.

Исходя из вышеизложенного, «ощутимая помощь человеку» в процессах, осложненных глобализацией социокультурной идентификации и социализации, может и должна состоять в активизации той части культурной политики государства, которая нацелена на охрану культурного наследия.

В глобальном мире такие ключевые факторы, как система ценностей общества, представления об «идеальном» и «нормальном для этого общества» человеке, о его роли в обществе, природ-

но-культурная среда, в которой живет человек, в которой формируется его личность, – в своем единстве и взаимосвязи оказывают влияние на характер и степень культурной идентификации личности. Особенно велика роль первичных элементов идентификации, т. е. тех устойчивых элементов культурных моделей, которые обычно называются традиционалистскими. Причем все эти компоненты заложены в объектах культурного наследия. Пребывание в «унаследованной» от предков культурной среде обеспечивает «приобщение к истокам», декодификацию заложенных в памятниках культуры историко-этнических, культурных, этических, эстетических смыслов и символов, усвоение местных, локальных традиций и культурных особенностей. Все это выступает в качестве совокупности ключевых условий индивидуальной и групповой идентификации, формирования неприкосновенных границ устойчивости индивида и группы в пространстве глобальных коммуникаций. Напротив, как справедливо отмечает Д.К. Танатова, «человек, который утратил свои культурные корни, «теряется» в социокультурном пространстве, не может сформулировать внутренние правила, которые регулируют и упорядочивают его стремления, жизненные стратегии, целевые установки» [9, 154].

На наш взгляд, государство должно полностью отказаться от так называемого «памятникового подхода» к объектам культурного наследия, в рамках которого они понимаются как переходящее от поколения к поколению *имущество*, обладающее определенной ценностью. Культурное наследие следует понимать прежде всего как среду, «пространство бытия», насыщенное символическим, историческим, эстетическим, этическим содержанием, в активном взаимодействии с которой субъект обретает модели и коды самоидентификации. При таком понимании «пространство жизни», насыщенное культурным наследием, образует для человека ту картину мира, систему координат, которые определяют для него систему представлений о мире, о себе, своих действиях. Их формирование является условием самоидентификации человека в пространстве культуры, его самоотождествление с определенной социокультурной нишей.

При таком подходе снимается оппозиция «памятник-подлинник» и памятник-символ», поскольку «и памятник-подлинник, и памятник-символ в равной степени являются хотя и разными, но символами, или знаками. Памятник-под-

линник – это знак мнемонический, знак и символ прошлого события в истории. При этом связь между знаком и предметом – мнемоническая, пространственно-временная. Памятник-подлинник соотносится с реальным историческим событием как часть с целым, это осколок исторического события во времени и пространстве. Рукотворный памятник – знак метафорический. Между таким памятником и историческим событием устанавливается метафорическая связь, создается образ реального исторического события, которому этот памятник посвящен» [2, 185].

Очевидно, что на уровне личности причастность к корням очень важна еще и потому, что соразмерна масштабам индивида. Только будучи уверенным в том, что он пребывает на борту локальной культуры, человек чувствует себя достаточно комфортно в глобальном океане мультикультурности и проявляет готовность к открытому диалогу с субъектами других культур и пребыванию в ином социокультурном пространстве [5, 211].

Таким образом, противоречия глобального мира концентрируются вокруг проблемы существования человека в условиях неустойчивого социокультурного пространства. При этом особенно важным в процессе самоидентификации человека становится приобщение к пространству локальной культуры, которая сохраняет свою продуктивную силу в процессе культурной идентификации индивида. Посредством адаптационных ресурсов культурного наследия устраняется излишняя «нестабильность» человека в новых условиях, создаются условия для освоения им иных культурных практик и поведенческих моделей. Как справедливо отмечает Холкина М.М., «если в культурном сознании наличествует представление (от интуитивного до эмпирического уровня) о мире как системе, то все, что связано с культурным самоопределением личности, процессами разновременных и разнонаправленных идентификационных фиксаций, будет оформляться в социокультурно-деятельностную самоидентификацию, определяющую для личности, поддержание какой части системы она может обеспечивать» [11].

С точки зрения рассматриваемой проблемы, важным является также следующее обстоятельство. Для каждого из субъектов, которые вовлечены в процесс глобализации (индивидов, религиозных общин, этнических групп и т. д.) существуют вполне определенные границы культу-

ры, которые значительно уже общенациональных границ. Для большинства россиян пространство социокультурной идентификации ограничено городом, республикой, а поиски «глобального компромисса» осуществляются в локальном, не общенациональном пространстве. Так, Э. Брандман указывает, что «с миром в целом или континентом отождествляют себя около 10% населения планеты, в то же время со страной – около 30%, большинство же людей «привязывает» свою идентичность к городу, району, в западных странах – провинции. То есть, являясь частицей глобального мира, человек живет в привычном для человеческого сознания локальном измерении» [1, 120]. В рамках этих локальных процессов граждане сами определяют и защищают границы своей социокультурной самости и самостоятельно учатся культуре толерантности. Иными словами, границы взаимопроникновения и взаимодействия определяются носителями идентичности, и государство может навязать их извне и, тем более, сверху. Однако оно может обеспечить сохранение локальных пространств, насыщенных значимыми для индивидов культурными кодами, смыслами и символами.

Эта задача становится вполне конкретной еще и в свете того, что объекты культурного наследия по своей природе не глобальны и изначально являются ценностями локальных культур. Нельзя найти повесть или картину, которую можно было бы определить как живописное полотно, созданное в пространстве «глобальной культуры»: каждая из них неизбежно «маркируется» какой-либо локальной культурой, так как написана человеком определенной этнической принадлежности в определенном социокультурном контексте. Соответственно, локальные ориентиры, в первую очередь, задают координаты позиционирования индивида в глобальном мире. Соответственно, поддержание и развитие культурного своеобразия и многообразия «локальных пространств» является необходимым условием сохранения и личностной, и национальной идентичности в контексте глобализации.

Более того, информатизация, модернизация, глобализация актуализируют, «подогревают интерес» самих граждан к ценностям локальных культур. Для многих людей вызовы глобализации становятся предпосылками для стремления к сохранению собственной социокультурной идентичности. Эта закономерность объясняет, почему эскалация глобальных ценностей в не-

которых случаях сопровождается возрождением локальных культур и стилей жизни. В глобализации социокультурного пространства диалектическая взаимосвязь стремления к единству при сохранении и даже развитии своеобразия подтверждается и авторами Всемирного доклада по культуре. Они называют «одним из парадоксов глобализации тот факт, что и местные особенности сегодня подчеркиваются более, чем когда-либо», а «культурные взаимопроникновения вызывают многочисленные трансформации и рост новых «местных культур» [8, 254].

Таким образом, существуют и глобальные объективные предпосылки для выработки целостно-системных государственных подходов к политике охраны культурного наследия в России. С ее помощью общество сможет оказать каждому гражданину помощь в осуществлении культурной самоидентификации, а российское общество в целом будет ближе к осуществлению максимальной свободы в творении своей неповторимой культуры в глобальном социокультурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брандман Э.М. Глобализация: социокультурное измерение образовательного пространства. М.: Изд-во ГПИБ России, 2005. 165 с.
2. Галкова О.В. Понятие «Памятник культуры»: современные подходы в интерпретации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. N 2. С. 182-187.
3. Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 100-114.
4. Заславская, Т.И. Проблемы развития социальной структуры российского общества // Безопасность Евразии. 2004. № 3. С. 184-202.
5. Лескова И.В. Социокультурная идентичность: теоретические и прикладные аспекты // Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 203-213.
6. Малахов В.С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002. С. 48-60.
7. Нидерланды решили отказаться от мультикультурализма // Взгляд. Деловая газета. 2011. 17 июня
8. Стай А. Общественное мнение и всеобщая этика: описательное исследование данных обследований. Всемирный доклад по культуре 1998. Культура, творчество и рынок. М., 2001. С.252-277.

9. Танатова Д.К. Антропологический подход в социологии. М.: Дашков и К, 2004. 210 с.
10. Толстых В. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Горбачев М. С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М., 2003. 592 с.
11. Холкина М.М. Несколько заметок по вопросу социокультурной идентичности [Электронный ресурс] // Институт системных исследований и координации социальных процессов [сайт]. [2008]. URL: http://www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html (дата обращения: 23.08.2011).
12. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Психология самосознания. Хрестоматия. Самара: СГУ, 2003. С. 586-604.
13. Radtke F.-O. Multikulturalismus - Regression in die Moderne? - Fluchtpunkt Europa. Migration und Multikultur. Hrsg. von Martina Fischer. Fr.a.M., 1998, S.138-157.

УДК 32.001

Связцова А.В.

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ “НОВЫХ МИГРАНТОВ” НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

A. Sviyazova

Samara State University of Architecture and Civil Engineering

POLITICAL AND LEGAL REGULATION OF THE PROCESS OF SOCIAL ADAPTATION OF “NEW MIGRANTS” AT THE REGIONAL LEVEL

Аннотация. Статья посвящена изучению политического и правового регулирования процесса социальной адаптации “новых мигрантов” на территории Самарской области. Автор изучает три системы, деятельность которых способствует социальной адаптации “новых мигрантов” в местном сообществе: нормативно-правовую, систему трудоустройства и систему социальной защиты. Именно эти механизмы обеспечивают (социальная защита – должна обеспечивать) базовые, основные потребности “новых мигрантов” в социальной адаптации, поэтому их можно квалифицировать как основные механизмы социальной адаптации.

Ключевые слова: “новые мигранты”, социальная адаптация, структурная модель, нормативно-правовая система, система трудоустройства, система социальной защиты.

Abstract. The article focuses on the political and legal regulations of the process of social adaptation of “new migrants” on the territory of the Samara region. The author examines three systems which promote social adaptation of “new migrants” in the local community: the standard-legal system and the systems of employment and social protection. These mechanisms provide (social protection – should provide) for the basic needs of social adaptation of “new migrants”, therefore it is possible to qualify them as basic mechanisms of social adaptation.

Key words: “new migrants”, social adaptation, structural model, standard-legal system, employment system, social protection system.

В современном российском обществе отмечаются социальное напряжение и мигрантофобия, обусловленные устойчивым ростом внешней, инокультурной миграции. В связи с этим все более актуальной политической и научной проблемой становится социальная адаптация культурно отличимых мигрантов. Эту группу мигрантов мы предлагаем обозначать термином “новые мигранты”. В

нее включаются представители народов российского Северного Кавказа, государств Закавказья и Средней Азии, осваивающих территорию Поволжского региона два последних десятилетия. В правовом плане «новые мигранты» это и временные трудовые мигранты (граждане РФ и граждане других государств), и иммигранты [6, 8].

Под механизмом адаптации мигрантов понимаем взаимодействие социальных структур, норм, институтов, образцов поведения и т. д., посредством которых обеспечивается функционирование социальной системы.

Структурная модель социальной адаптации «новых мигрантов» в самом общем виде представляется социальной институцией, которая обладает следующими качествами: причастностью к процессу социальной адаптации, доступностью для «новых мигрантов», влиянием на жизнь этнонациональной общины, является каналом коммуникации между этой общиной и местным сообществом, сохранением этнической идентичности и родного языка.

Цель статьи – определить эффективность таких механизмов социальной адаптации «новых мигрантов», как нормативно-правовая система, система трудоустройства, система социальной защиты.

Российская Федерация в постперестроечное время активно включилась в международное сотрудничество как в сфере законотворчества, так и в реализации международных соглашений, связанных с процессами миграции населения.

На рубеже XX и XXI вв. в связи с развитием миграционных процессов Россия вынуждена была целенаправленно развивать внутреннее законодательство, обеспечивающее реализацию миграционного процесса. Сформировался блок документов, обеспечивающих реализацию пункта 3 статьи 63 Конституции РФ – права и обязанности иностранцев в России¹.

¹ ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (25 июля 2002 года); «Об утверждении правил подачи работодателем или заказчиком работ (услуг) уведомления о привлечении и использовании для осуществления трудовой деятельности иностранных граждан и (или) лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, и имеющих разрешение на работу» (Постановление Правительства РФ от 18 марта 2008 г. N 183); Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2009 г. N 463 «Об утверждении федеральных государственных требований по русскому языку как иностранному языку») и др.

Мигранты, выполняющие процедуры и правила, зафиксированные в указанных документах, делают первый шаг к социальной адаптации в России, так как их пребывание в стране становится легальным.

Деятельность по реализации в общественной жизни международного и российского законодательства проводит Федеральная миграционная служба Российской Федерации (далее – ФМС). Приоритетными направлениями в деятельности ФМС являются: совершенствование нормативной правовой базы, создание государственной информационной системы миграционного учета, создание системы организованного набора квалифицированных трудовых мигрантов с одновременным осуществлением комплекса мер по противодействию нелегальной миграции и повышению эффективности иммиграционного контроля.

Мировой финансово-экономический кризис поставил перед ФМС и ее территориальными управлениями совершенно новые задачи. Прежде всего – не допустить, чтобы миграционная составляющая на рынке труда превратилась в дестабилизирующий фактор. Осознана необходимость планомерной работы государства по социальной адаптации мигрантов в местное сообщество и их организованному привлечению, для чего создано специальное подразделение ФМС – Управление содействия интеграции [9].

В массовых масштабах внешняя миграция в Самарскую область, как и во многие экономически развитые регионы России, началась в 1990-х гг. Миграционный пик в Самарской области приходится на 1995 год – 88299 человек [4]. На рубеже веков миграционный поток несколько спал, однако в разы увеличился после 2005 г.: с 85959 человек в 2005 г. до 230641 человек в 2008 г. [4].

Наибольшее количество иностранных граждан по-прежнему прибывают из стран СНГ (2010 г.): Узбекистана – 61,3 тыс. человек (32%), Таджикистана – 41,6 тыс. человек (22%), Азербайджана – 16,8 тыс. человек (9%), Казахстана – 14,7 (8%), Кыргызстана – 12,9 тыс. человек (7%), Армении – 10,7 (6%), Украины – 7,8 (4%) [5].

В контексте нашего исследования Федеральная миграционная служба – одна из основных институций нормативно-правовой системы, выполняющая функцию по легализации пребывания иммигрантов на новом месте жизни. Деятельность ФМС рассматривается нами как механизм социальной адаптации «новых мигрантов» по следующим основаниям:

- причастна к социальной адаптации «новых мигрантов», так как дает возможность легального пребывания иностранцев в стране,

- доступна «новым мигрантам», если они сами не уклоняются от исполнения российского миграционного законодательства,

- опосредованно влияет на жизнь этнонациональной общины, формируя легальную и нелегальную части общины мигрантов; от соотношения этих частей во многом зависит положение этой общины в принимающем сообществе, т. е. механизм легализации пребывания «новых мигрантов» в стране является каналом коммуникации между этнонациональной общиной и местным сообществом.

В соответствии с Конституцией РФ [2, статья 37] каждый имеет право на труд. Конституция РФ запрещает любые формы ограничения прав граждан на труд по признакам национальности, расы, религии, пола, возраста и другим признакам, не имеющим отношения к деловым качествам работника.

Нормы Трудового кодекса при наличии оформленного письменным трудовым договором отношений работника и работодателя действуют в отношении всех трудящихся. Статья 11 Трудового Кодекса разъясняет: «На территории РФ правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащие нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения с участием иностранных граждан, лиц без гражданства» [12, ст. 11].

Около 20% мигрантов не имеют никакой работы, а более четверти трудятся не по специальности. По имеющейся профессии работают меньше половины квалифицированных работников финансово-экономической сферы, образования, здравоохранения, инженерных кадров [12, 3]. Конкуренция на рынке труда среди мигрантов довольно большая: приблизительно 15 человек на одно рабочее место, при среднем показателе 1,4 человек. Каждый третий безработный – мигрант, который недавно приехал в Самарскую область для трудоустройства, но не может найти работу [3, 6].

Департамент труда и занятости населения Самарской области и его территориальные подразделения осуществляют консультирование по привлечению и использованию иностранной рабочей силы как работодателей, так и претендентов на рабочие места, организовали работу телефонов «горячей линии» в центральном офи-

се и 31 муниципалитетах области. Для снижения напряженности на рынке труда в Самарской области осуществляется система мероприятий, в частности предоставляются следующие государственные услуги: организация ярмарок вакансий и учебных рабочих мест; организация оплачиваемых общественных работ и др.

В кризисное время количество выданных иностранцам разрешений на работу сократилось в 2010 г. на 29%. Выдавались они только тем хозяйствующим субъектам, которые участвовали в заявочной кампании по квотам. А самим мигрантам – сроком до года и только при наличии проектов трудовых договоров с работодателями. Таким образом, в последнее время произошла реальная переориентация иностранной рабочей силы от хаотичного поиска работы к заранее намеченным местам. По оценке ФМС России, теперь до 60% мигрантов едут в страну, зная, где и у кого они будут трудиться [1, 8]. Тем не менее, по материалам ФМС было возбуждено свыше 360 уголовных дел по фактам незаконной миграции и 2300 дел – за использование поддельных документов [1, 9].

Новым способом получения работы для «новых мигрантов» является приобретение в ФМС патента на трудовую деятельность, наличие которого позволяет им трудоустроиться самостоятельно в сфере частных услуг.

Еще один важный способ социальной адаптации мигрантов в трудовой сфере – это предпринимательская деятельность. Примерно 30% «новых мигрантов» ориентирована на предпринимательскую деятельность, однако реально занимаются такой деятельностью 3-7%. Они консолидируют вокруг себя других мигрантов, как правило, земляков, и тем самым формируют устойчивый миграционный конгломерат в регионе [3, 14]. Возникающие социальные сети «трудовых мигрантов», с одной стороны, облегчают получение работы, с другой стороны, создают преграды социальной адаптации в местном сообществе.

Такие институции системы трудоустройства, обеспечивающие легальную трудовую деятельность «новым мигрантам», как служба занятости, ФМС, налоговые и регистрационные службы являются механизмами социальной адаптации «новых мигрантов» по следующим основаниям:

- причастности к социальной адаптации «новых мигрантов», так как только наличие трудового договора или патента на трудовую деятельность дает им возможность защищать свои трудовые и социальные права; отсутствие оформленного

права на труд уводит «нового мигранта» в теневую экономику без какой-либо гарантии соблюдения прав,

- доступности «новым мигрантам» легальной трудовой деятельности, которая довольно часто ограничена, с одной стороны, стремлением работодателей к экономии фонда заработной платы, с другой стороны, неумением мигрантов защитить свои права,

- влиянию на жизнь этнонациональной общины: легальная трудовая деятельность нормирует труд и отдых, создавая возможность для общения; нелегальный труд, как правило, ограничивает общение «новых мигрантов» внутри трудового коллектива и не способствует расширению социальных связей как внутри национальной общины, так и в местном социуме,

- функции канала коммуникации между этнической общиной и местным сообществом при условии работы в смешанном трудовом коллективе, где, кроме «новых мигрантов» представлено местное население, или при найме по патенту к местным жителям.

По Конституции Россия является социальным государством, которое гарантирует каждому «социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей» [2, ст. 39]. Главными направлениями защиты социальных прав являются: доступное здравоохранение, трудовые и социальные пенсии, пособия на детей, доступное образование. Легальное положение мигранта в России дает ему и его семье возможность получить социальную защиту государства и таким образом адаптироваться в социальной сфере.

В соответствии с Конституцией и международными конвенциями материнство и детство находятся под особой защитой государства.

Изменения в Федеральных законах «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и «О гражданстве Российской Федерации» (июнь 2009 г.) дают шанс на воссоединение многим семьям. Новый закон направлен на защиту детских прав и интересов: выдача разрешения на временное проживание (РВП) происходит без учета утвержденной правительством РФ квоты иностранному гражданину или лицу без гражданства, если у последнего имеется ребенок – гражданин России. Не станет препятствием квотирование и в том случае, если имеющие российское гражданство сын или дочь уже вышли из детского возраста (старше 18 лет), но

признаны недееспособными либо ограниченными в дееспособности.

С 2006 г. введены в действие родовые сертификаты. Право на родовой сертификат на территории России получили все женщины, имеющие вид на жительство или разрешение на временное проживание, независимо от их гражданства.

Всего в России существует семь видов «детских» пособий для женщин-мигранток – по беременности и родам, единовременное женщинам, вставшим на учет в ранние сроки беременности, при рождении ребенка, при передаче ребенка на воспитание в семью, по уходу за ребенком, беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, и ей же, но уже после рождения ребенка [13].

Кроме того, Министерством здравоохранения и социального развития Самарской области оказывается государственная услуга «Предоставление доплаты к ежемесячному пособию на ребенка из многодетной семьи», в составе которой трое и более детей в возрасте до 18 лет. Получателем услуги является постоянно проживающий на территории Самарской области один из родителей (усыновителей), опекун (попечитель) детей из многодетной семьи.

Все пособия положены лицам, подлежащим обязательному социальному страхованию [15]. Застрахованными лицами могут быть граждане России, иностранцы, работающие по трудовому договору; индивидуальные предприниматели и другие, предусмотренные законодательством, категории лиц.

В соответствии со статьей 18 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» [7] иностранным гражданам, находящимся на территории РФ, гарантируется право на охрану здоровья в соответствии с международными договорами. Неотложная, скорая медицинская помощь должна оказываться всем нуждающимся. Отсутствие медицинской страховки у работника, независимо от его гражданства, нарушает нормы российского законодательства. По оценкам экспертов, меньше 30% работников-мигрантов имеют полисы медицинского страхования. Трудящиеся в России, как граждане, так и мигранты, только начинают учиться отстаивать свои законные права, создавать независимые профсоюзы, обращаться в суд с исками о привлечении к ответственности виновных в нарушение законов.

Развитая система медицинских учреждений в Самарской области позволяет «новым мигран-

там» получать бесплатную (при наличии полиса медицинского страхования) или платную медицинскую помощь.

В соответствии со статьей 7 Федерального закона об обязательном пенсионном страховании в РФ (2001 г.) застрахованными лицами являются граждане РФ, а также постоянно или временно проживающие на территории РФ иностранные граждане и лица без гражданства.

Таким образом, юридические основания для получения социальной защиты «новыми мигрантами» от принимающего государства провозглашаются, однако на практике получение такого рода помощи в процессе социальной адаптации затруднительно.

Официальная статистика не отражает получение «новыми мигрантами» социальной помощи от государства [8]. Попытка автора получить информацию об оказании социальной помощи «новым мигрантам» в учреждениях здравоохранения (женская консультация) и социальной защиты (центр «Семья») не дали результата.

В 2010 г. на базе Самарской региональной общественной организации «Лига азербайджанцев Самарской области» был открыт Пункт помощи женщинам-мигранткам «Фемина». Опрос, проведенный автором исследования в рамках деятельности пункта «Фемина», свидетельствует, что «новые мигранты» не знают своих прав по социальной защите со стороны государства. Видимо, по этим причинам автору не удалось найти достоверных свидетельств распространения преимуществ системы социальной защиты на «новых мигрантов».

Система социальной защиты (Министерство здравоохранения и социальной защиты, Фонд обязательного медицинского страхования, Пенсионный фонд) является потенциальным механизмом социальной адаптации мигрантов, однако в условиях Самарской области этот механизм задействован явно недостаточно.

Таким образом, в статье представлены три системы, деятельность которых способствует социальной адаптации «новых мигрантов» в местном сообществе: нормативно-правовая, система трудоустройства и система социальной защиты. Именно эти механизмы обеспечивают (социальная защита – должна обеспечивать) базовые, основные потребности «новых мигрантов» в социальной адаптации, поэтому их можно квалифицировать как основные механизмы социальной адаптации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Березнева Е. По нам судят о государстве // Земляки. 2010. № 3. С. 8-11.
2. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. М.: Издательство «Юридическая литература», 2009. 64 с.
3. Мазурмович М.А. Особенности социально-экономического поведения мигрантов на региональном рынке труда (на примере Самарской области): Автореферат дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 16 с.
4. Миграционный прирост населения [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области: [сайт]. URL: http://www.samarastat.ru/digital/region1/DocLib/04_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%BB.htm (дата обращения 1.06.2011).
5. Мигрантам въезд запрещен [Электронный ресурс] // 63.ru [сайт]. URL: <http://63.ru/news/258230.html> (дата обращения 1.06.2011).
6. Мухаметшина Н.С. Региональная этнонациональная политика: опыт Самарской области. Самара: СГАСУ, 2008. 170 с.
7. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовой портал [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/10104616/> (дата обращения 1.06.2011).
8. Отчет о результатах деятельности Правительства Самарской области и Губернатора Самарской области В.В. Артякова в 2010 году. [Электронный ресурс] // Правительство Самарской области [сайт]. URL: http://www.samregion.ru/obchestvo/obchestvo_zdravohran/31511/ (дата обращения 1.06.2011).
9. Положение об Управлении содействия интеграции [Электронный ресурс] // Федеральная миграционная служба [сайт]. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/structure/management/integr/> (дата обращения 1.06.2011).
10. Постановление Правительства РФ от 18 марта 2008 г. N 183 «Об утверждении правил подачи работодателем или заказчиком работ (услуг) уведомления о привлечении и использовании для осуществления трудовой деятельности иностранных граждан и (или) лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, и имеющих разрешение на работу» [Электронный ресурс] // Гарант [сайт]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/173174/> (дата обращения 1.06.2011).
11. Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2009 г. N 463 «Об утверждении федеральных государственных требований

- по русскому языку как иностранному языку» [Электронный ресурс] // Гарант [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/196953/> (дата обращения 1.06.2011).
12. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант плюс [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/tkrf/> http://wiki.klerk.ru/index.php/TK/Glava_1/Article_11/ (дата обращения 1.06.2011).
13. ФЗ от 19.05.95 N 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [Электронный ресурс] // Референт [сайт]. URL: <http://www.referent.ru/1/146077> (дата обращения 1.06.2011).
14. ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Legis.ru [сайт]. URL: <http://www.legis.ru/misc/doc/3387> (дата обращения 1.06.2011).
15. ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» от 16 июля 1999 года № 165-ФЗ [Электронный ресурс] // Legis.ru [сайт]. URL: <http://www.legis.ru/misc/doc/1285/> (дата обращения 1.06.2011).

НАШИ АВТОРЫ

Алаев Леонид Борисович, доктор исторических наук, профессор института Востоковедения РАН; e-mail: inf@ivran.ru

Базаркина Дарья Юрьевна, кандидат исторических наук, докторант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета; e-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru

Безобразова Олеся Станиславовна, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, учитель истории СОШ №11 г. Балашиха (МО); e-mail: bezobrazovao@mail.ru

Белов Алексей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник группы исторической географии Центра изучения истории территории и населения России Института Российской истории РАН; e-mail: belovavhist@mail.ru

Воронин Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов; e-mail: 6771443@mail.ru

Горлов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov-55@mail.ru

Горшков Юрий Евгеньевич, аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: wertpaket@gmail.com

Горюшкина Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса Юго-Западного государственного университета (г. Курск); e-mail: gor046@narod.ru

Кадырова Лариса Абдуловна, аспирант кафедры истории факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета; e-mail: chebotarew.mpgu@mail.ru

Качан Георгий Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Дальневосточного высшего военного командного училища (г. Благовещенск); e-mail: g_kachan@mail.ru

Кожевникова Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Российского государственного социального университета (г. Красноярск); e-mail: lyudmila.kozhevnikova@mail.ru

Колесникова Мария Александровна, аспирант кафедры истории, политологии и права Московского государственного областного университета, учитель истории Пушкинской средней школы № 9 (М.О.); e-mail: Kolesnucova_14@mail.ru

Котов Борис Сергеевич, аспирант отдела новой истории Института всеобщей истории РАН, ведущий специалист Центра по разработке и реализации документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории; e-mail: bs.kotov@mail.ru

Крысов Александр Георгиевич, соискатель кафедры новой и новейшей истории стран Запада и Востока Московского государственного педагогического университета, священник Римско-Католической Церкви, приор оратория св. Пия V прихода св. Людовика (г. Москва); e-mail: ludas@zmail.ru

Кузищин Василий Иванович, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: faculty@hist.msu.ru

Лазарева Любовь Николаевна, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; т. 8-916-778-66-72

Леонтьева Любовь Юрьевна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: lyubov.leonteva@gmail.com

Лиджеева Клара Федоровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета (г. Элиста); e-mail: lkf1957@mail.ru

Майборода Денис Вадимович, аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: maiborodad@mail.ru

Малютин Георгий Александрович, аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: malyutingeorgii@mail.ru

Мельникова Ксения Геннадьевна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета; e-mail: melnikova-kseniya@rambler.ru

Никитина Анна Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Московского института экономических преобразований; e-mail: mindliny@mail.ru

Могилянский Борис Георгиевич, доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета; e-mail: dlida@iph.tsu.ru

Никонова Наталия Андреевна, аспирант Читинского государственного университета; e-mail: mind-liny@mail.ru

Овсянников Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: owaler@yandex.ru

Осипов Дмитрий Олегович, кандидат исторических наук, соискатель кафедры археологии Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник археологического отдела Музеев Московского Кремля; e-mail dmitriyosipov@mail.ru

Петров Михаил Иванович, соискатель кафедры археологии Московского государственного университета им М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Центра археологических исследований Новгородского музея-заповедника; e-mail: m_i_petrov@mail.ru

Печурин Олег Александрович, соискатель кафедры истории Отечества Курского государственного университета; e-mail: glilin@yandex.ru

Пинаев Сергей Михайлович, соискатель кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; старший преподаватель кафедры философии Рязанского института – филиала Московского государственного открытого университета, e-mail: dir@rimsou.ryazan.ru

Растимешина Татьяна Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Московский институт электронной техники); e-mail: vl-bit@yandex.ru

Ренев Евгений Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Ижевского государственного технического университета; e-mail: egr@idz.ru

Родригес Александр Мануэльевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного педагогического университета; e-mail: histfac@mpgu.edu

Связова Анастасия Владимировна, соискатель кафедры политологии, социологии и права Самарского государственного архитектурно-строительного университета; e-mail: nanacha@mail.ru

Сидорова Вера Павловна, аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: vero1984@yandex.ru

Смоленский Николай Иванович, доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета; e-mail: facul-ipp@mgou.ru

Степанищенко Ольга Викторовна, кандидат политологических наук, доцент кафедры политологии и права Кубанского государственного технологического университета; e-mail: stpnshnk@mail.ru

Ткалич Алексей Иванович, кандидат педагогических наук, доцент Московского городского психолого-педагогического университета; e-mail: tkalichai@mail.ru

Чан Тхи Ким Оань, кандидат философских наук, преподаватель кафедры религии философского факультета Института социальных и гуманитарных наук при Ханойском государственном университете; e-mail: oanhtgh@yahoo.com

Чеботарев Алексей Николаевич, докторант кафедры истории факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета; e-mail: chebotarew.mpgu@mail.ru

Шавлаева Тамара Магамедовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Чеченского государственного университета; e-mail: tamara-shavlaeva@yandex.ru

Шапошникова Евгения Александровна, соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, ассистент кафедры теории, истории государства и права и политологии факультета юриспруденции и политологии Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; e-mail: Shaposhnikova-EA@yandex.ru

Шевцова Анна Александровна, докторант отдела археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск), старший научный сотрудник Центра международных образовательных программ Московского института открытого образования; e-mail: ash@inbox.ru

Юдин Михаил Вячеславович, кандидат исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: yudinm@yandex.ru

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБ- ЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*
литературный редактор *Т.О. Волобуева*
переводчик *Д.К. Каримова*
корректор *Н.Л. Борисова*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 20,25, усл. п.л. 16.

Подписано в печать 10.10.2011. Заказ № 477.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а